

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗЦА.

(Изъ записокъ конкера).

ГОДЪ НА КАЗАЧЬЕМЪ ПОСТУ.

I.

Движеніе казачьей сотни въ Абхазію:—Остановки на рѣкѣ Амчишъ.—Досты.—Переходъ на рѣку Хюнету.—Оборона луны.—Плѣнный солдатъ и его рассказы.—Походъ въ укрѣпленіи Вомборы.—Визиты абазинцовъ и важныя рекомендаціи.—Походъ подъ горы.

На прибрежьи сѣверо-западнаго Кавказа, хребетъ горъ, упирался въ берегъ Чернаго Моря, иногда отвѣсными скалами, образуетъ для сообщеній только узкую песчаную, или покрытую мелкимъ щебнемъ, полосу земли, отъ Новоросійска до украинъ Гагръ. Во многихъ мѣстахъ, между этими пунктами, горы, постепенно понижаясь, спускаются къ морю пологими скатами или терасами, окаймляя долины при устьяхъ рѣкъ, которыя становятся шире по мѣрѣ выхода русла изъ горъ и приближеніи къ морскому берегу. Отъ Гагръ скаты абхазскаго хребта начинаютъ понижаться. Здѣсь между рѣками Бзыбью (*) и Гализгой, горныя вѣтви отходитъ иногда отъ берега верстъ на шесть и болѣе, оставляя широкія возвышенности, пересѣченныя неглубокими ущельями, а мѣстами приподнимаютъ скалистые отроги къ набережной полосѣ, стѣсниваютъ ее, и даже выдаются своими обломками въ самое море. Разстояніе въ промежуткѣ устій названныхъ рѣкъ, на протяженіи 160 верстъ, было населено абазинскимъ племенемъ, составившимъ Абхазское владѣніе. За рѣкой Кодоромъ границы Абхазіи

(*) Между Гаграми и Бзыбью, близъ рѣки Жеуадзо, вскоре послѣ войны 1853—1856 годовъ, поселились два джигетскихъ князя съ своими крестьянами, изъявившіе желаніе принять подданство Россіи. Они бросили свои аулы, находившіеся въ этомъ непокорномъ обществѣ за мысомъ Адлеръ.

удалиются отъ моря вверхъ по рѣкамъ Охури и Галнагѣ, отдѣляющихъ ее отъ Самурзакани; далѣе съ сѣвера она граничитъ малопроходимыми ущельями и горными кряжами съ Даломъ и съ Цебельдой.

Вслѣдъ за покореніемъ восточнаго Кавказа, начато было постепенное передвиженіе оттуда частей войскъ на западныя окраины его. По распоряженію кутаисскаго генералъ-губернатора, 3-я сотня донскаго казачьяго полка, расположеннаго въ Кутаисской губерніи, была направлена въ Абхазію, куда и выступила въ іюнѣ 1859 года подъ командой сотника С. Н. Апостолова. Маршрутъ отъ Кутаиса ей данъ на Зугдиды (въ Мингреліи), Анаккію (древняя Гераклея), находящуюся надъ моремъ, при устьѣ рѣки Ингура; здѣсь мы перенравились черезъ рѣчку на лодкахъ, пустивъ лошадей влავъ. Отъ этого послѣдняго пункта до города Сухумъ-Кале сотня слѣдовала по берегу моря, поросшему мѣстами крупнымъ камышомъ, вышиной до девяти аршинъ, гдѣ, какъ и по болотистому прибрежью Мингреліи, приходилось идти близъ самой воды по мелкому, круглому щебню, нанесенному горными рѣчками, что чрезвычайно утомило людей и лошадей. По прибытіи въ Сухумъ (въ то время военное поселеніе, носившее названіе города, и мѣсто сосредоточенія войскъ въ краѣ), мы получили назначеніе слѣдовать далѣе къ бывшему укрѣпленію Бомборы и остановиться тамъ, гдѣ будетъ найдено удобнымъ, по указанію начальника Бзыбскаго округа.

Былъ знойный іюньскій день, когда мы отъ Сухума потянулись берегомъ по грядамъ раскаливагося на солнцѣ щебня; тихій, но душливый южный вѣтеръ съ моря дѣлалъ жаръ невыносимымъ. Здѣсь дорога по берегу считалась также одной изъ удобнѣйшихъ, въ обходъ которой существовали только тропинки, проложенныя по лѣсной и гористой мѣстности, нерѣдко перерѣзываемой непроходимыми болотами. Въ этотъ день намъ пришлось пройти около пятидесяти перестъ до рѣки Амчишъ. Здѣсь сотня расположилась на узкой долигѣ, тлупувшейся по-падъ русломъ рѣки и примыкавшей другой стороной къ отлогостямъ возвышенности, покрытой густымъ лѣсомъ мелкаго орѣшника; на правой сторонѣ Амчиша, на такомъ же возвышеніи, разбросана абхазская деревня между садами винограда, каштановъ, черешней, грецкихъ орѣховъ и проч. Хотя, повидимому, мы и удобно помѣстились, но положеніе сотни было далеко незавидное: удаленная отъ Сухума на пятьдесятъ верстъ и отъ укрѣпленія Инцуды на тридцать, въ краѣ почти непризнававшемъ русской власти и окруженномъ обществами непокорныхъ горцевъ, часто пробиравшихся сюда небольшими партіями на разбой и грабежъ, сотня могла подвергнуться

первой случайной опасности, при малѣйшемъ поводѣ къ безпорядкамъ въ Абхазіи. Цѣль расположить сотни въ Бзыбскомъ округѣ, какъ кажется, состояла въ томъ, чтобы устранить затрудненіе по продовольствію лошадей, ибо, по случаю дороговизны сѣна въ окрестностяхъ Сухума, оно перѣдко доставлялось на судахъ изъ Таврической губерніи. Впрочемъ, близъ Соуксу и Бомборъ травъ могло найдтись въ достаточномъ количествѣ, для заготовленія фуража сотнѣ.

Не смотря на поздній приходъ къ указанному мѣсту, насъ встрѣтила цѣлая толпа жителей сосѣдней деревни, которые несли на продажу сыръ, куръ и лица, причѣмъ отдавали десенокъ лицъ за полнуруша (2½ коп.), и старую курицу не дорожю двухъ курушъ (10 коп.). На насъ тутъ смотрѣли какъ на рѣдкое явленіе, потому что съ оставленіемъ Бомборъ, въ 1854 году, до нашего прихода, русскіе почти не появлялись въ здѣшнихъ мѣстахъ, кромѣ пунктовъ занятыхъ послѣ войны: Сухума, Пицундъ и Гагръ. Но эти укрѣпленія были на такомъ разстояніи, что малыя команды паходили небезопаснымъ посылать за чѣмъ-либо въ этотъ округъ; а между собой пункты эти сообщались посредствомъ паровыхъ судовъ сухумской морской станицы и азовскихъ казачьихъ барказовъ. До самой ночи абазинцы окружали насъ; при этомъ, они не считали за неприличіе, при первой встрѣчѣ съ русскими, подойти и осмотрѣть изъ какого сукна сдѣланъ нашъ сюртукъ, дотронуться до цѣпочки на часахъ, или какой-нибудь бездѣлки и даже спрашивали позволенія подробно осмотрѣть вещь, что и дѣлали съ дѣтскимъ любопытствомъ.

На слѣдующій день, посѣтителей явилось больше вчерашняго; тутъ были и жители другихъ деревень; нѣкоторые изъ нихъ приходили по дѣлу, т. е. для продажи чего-либо, а остальные такъ себѣ, посмотрѣть на «*урруса*», тѣмъ болѣе, что мы для абазинцовъ были большой диковинкой. Но, вмѣстѣ съ любопытствомъ, выказывалось и неудовольствіе по поводу нашего прибытія. Особенно дворянскій классъ мѣстнаго населенія, какъ вообще предаанный интересамъ турокъ, считалъ наше появленіе недобрымъ знакомъ и относился къ намъ какъ-то несочувственно. Посѣтителями бивуака, конечно, были одни мужички; жепицы же если и проходили мимо насъ въ мѣстечко Гудаута на базаръ, то всегда подъ прикрытіемъ конвола изъ одного или изъ двухъ абазинцовъ.

При всемъ недовѣріи къ намъ дворянъ, они сначала хотя и рѣдко, однако бывали въ лагерь и постепенно становились сообщительнѣе. За то между крестьянами и такъ называемыми вольными

людьми Абхазіи у казаковъ скоро завязались знакомства и дружба; черезъ недѣлю послѣ прихода на мѣсто, почти каждый казакъ имѣлъ одного или нѣсколькихъ *достовъ* (*). Дружба эта основывалась на взаимныхъ подаркахъ: такъ, за изношенные и погодные ни для какой починки сапоги, или за казакини и прочіи принадлежности платья, а также за какую-нибудь пустую металлическую бездѣлку, досты одаривали своихъ пріятелей курами, яйцами, приносили имъ сыръ, молоко въ бурдюкахъ и проч. Если случалось, что абазинъ не заставалъ своего доста въ лагерѣ, то съ терпѣніемъ ожидать по нѣскольку часовъ его возвращенія и не продавалъ принесеннаго ему подарка; въ награду за это онъ получалъ отъ казака стаканъ спирту, до котораго абазинъ вообще охотники и который, кажется, для многихъ изъ нихъ былъ одной изъ главныхъ причинъ побуждавшихъ сводить дружбу съ станичниками. Знакомства эти начинались самымъ оригинальнымъ образомъ: абазинъ проходилъ по лагерю, раскланивался съ какимъ-нибудь встрѣчнымъ казакомъ; затѣмъ слѣдовало нѣсколько паптомимныхъ объясненій, причѣмъ горечь старался узнать: имѣется-ли уже у перваго достъ, а въ заключеніе разговора объявлялъ: *сара-вара достъ* (**), и на слѣдующій день являлся уже съ подаркомъ. Многие изъ жителей знали по нѣскольку русскихъ словъ и съ помощью ихъ могли объясняться. Въ рѣкѣ Амчишъ оказалось много лососей, форели и усачей, съ которыми казаки также въ скоромъ времени успѣли свести знакомство, приготовивъ удочки изъ своихъ проволоочныхъ крючковъ, застегивающихъ борты казакнина.

Мѣстность, которую мы занимали, лежитъ въ котловинѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ лѣсными возвышенностями, куда почти не могъ проникать охлаждающій зной горный вѣтеръ; она показалась намъ нездоровою для людей по причинѣ сильныхъ жаровъ, и, дѣйствительно стали появляться лихорадки. Кромѣ того встрѣтилось другое важное неудобство: на другой же день по приходѣ нашемъ, у лошадей сотни открылась сильная течь слюны изо рта съ пѣной, такъ что чрезъ нѣсколько дней онѣ стали замѣтно худѣть, и хотя затѣмъ меньше показывалось слюнотеченія, но все таки не унималось. Когда мы стали спрашивать у жителей о причинѣ этого, они не могли намъ дать никакого объясненія, потому вѣроятно, что скотъ

(*) *Достъ*—слово татарское—значитъ „знакомый“.

(**) „Сара“, въ точности, я, «вара» ты. Фразу „сара-вара достъ“, приблизительно можно перевести такъ: „теперь ты и я будемъ пріятелями“. Слѣдуетъ замѣтить, что языкъ абазиновъ очень бѣденъ оборотами рѣчи.

ихъ, привыкшіи къ мѣстнымъ травамъ, не болѣли отъ нихъ. При осмотрѣ луга, отведеннаго для конасовъ вверхъ по теченію рѣки отъ пашего лагеря, найдено между травой большое количество холодной мяты, разводимой во внутреннихъ губерніяхъ Россіи въ садахъ и огородахъ. При испытаніи оказалось, что отъ нея именно и происходила болѣзнь у лошадей. Почему тогда же командиръ сотни обратился къ пачальству съ просьбой о переводѣ въ другое мѣсто; но разрѣшеніе на это послѣдовало только педѣли черезъ три, такъ что мы простояли на Амчишѣ всего около мѣсяца. Переходъ на новую стоянку сдѣланъ былъ нами назадъ, по дорогѣ къ деревнѣ Соуксу, причемъ переправились черезъ рѣку Хюпсту (*) верстахъ въ трехъ отъ первой, гдѣ и остановились.

Новый лагерь расположили недалеко отъ рѣчки, на лѣвомъ берегу ея, на небольшой возвышенности съ растлавшейся впереди лощиной, противоположной скатъ которой, подымавшійся на такое же возвышеніе, былъ покрытъ густымъ лѣсомъ самшита (**) и другихъ породъ. Это была лицевая, открытая сторона бивуака. Съ остальныхъ же трехъ сторонъ росъ густой, молодой лѣсъ, до того спутанный вьющимися растеніями, представлявшими что-то въ родѣ кавказскихъ лѣпъ, что для человѣка онъ былъ совершенно непроходимъ. Только одна пѣшеходная тропинка черезъ него вела къ рѣкѣ, по которой, впрочемъ, съ трудомъ можно было проѣхать и всадику; другая перерѣзывала его по направленію къ деревнѣ Соуксу, вверхъ по теченію Хюпсты, по которой и пѣшему можно было пробираться только съ большимъ трудомъ. Лѣса, окружавшіе лагерь и тянувшіеся впереди его до Бомборъ, между этимъ укрѣпленіемъ, моремъ и рѣкой, были стройны (кромѣ самшита) и густы; они составляли, въ то время, собственность владѣтеля, почему въ нихъ никакихъ порубокъ не допускалось. Исключеніе было сдѣлано только для насъ, именно: разрѣшено рубить для хозяйственныхъ построекъ и балагановъ хворостъ и колья. Отъ Соуксу мимо насъ по лощинѣ и затѣмъ чрезъ лѣсъ, внизъ по Хюпстѣ, шла колесная дорога къ морю, которая выходила на берегъ, почти при устьѣ этой рѣчки, на разстояніи одной версты отъ бивуака.

Въ лѣсу водилось множество дикихъ кабановъ, но охотиться тамъ никто не имѣлъ права. Охота производилась только во время пріѣздовъ владѣтеля, который и убивалъ свиней, или позволялъ

(*) По абазинскъ *Хыбсто*—„холодная вода“.

(**) Кавказская пальма.

своимъ приближеннымъ и приглашеннымъ гостямъ стрѣлять по тѣмъ изъ нихъ, на какихъ онъ указывалъ. Абазины даже съ ружьемъ боялись проходить и проѣзжать по этому урочищу; такого же рода предупрежденіе было сдѣлано и намъ. Жители могли бить старыхъ и ловить молодыхъ свиней, только на правой сторонѣ Хюп-сты, куда они переправлялись чрезъ рѣку на попасы, при созрѣваніи кукурузы. За убитаго же каба на въ заповѣдномъ лѣсу они подвергались, по ихъ рассказамъ, большимъ штрафамъ и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, виновные въ нарушеніи этого запрещенія были продаваемы туркамъ. Можетъ быть, намъ рассказывали подобныя вещи въ видахъ предупрежденія, но что жителямъ не позволялось въ тѣхъ мѣстахъ охотиться, мы сами убѣдились въ томъ. Нерѣдко случилось, что табуны кабановъ и свиней, вмѣстѣ съ молодыми, среди дня преспокойно выходили изъ лѣсу, спускаясь въ котловинку мимо лагеря, шли къ рѣкѣ, не стѣсняясь нисколько нашимъ присутствіемъ. Поросята, которые отличаются отъ сѣрого цвѣта старыхъ рядами черныхъ и бѣлыхъ продольныхъ полосокъ отъ головы къ задней части, игриво бѣжали за матками, слѣдуя въ одну линію одинъ за другимъ, т. е. въ такомъ порядкѣ, какъ они ходятъ по лѣснымъ тропамъ. Появленіе этихъ обитателей сосѣднихъ лѣсовъ на дощникѣ всякій разъ портило много крови нашимъ охотникамъ; но мы были въ такомъ положеніи, что затрогивать интересы владѣтеля и вообще абхазцевъ, какимъ бы то ни было образомъ, было для насъ небезопасно. Жители убитыхъ на кашахахъ свиней привозили въ лагерь, или звали казаковъ туда, гдѣ и продавали ихъ. Кабановъ, весомъ отъ семи до девяти пудовъ, мы покупали не дороже двухъ, четырехъ рублей. При поимкѣ поросятъ, горцы привязываютъ ихъ шнуркомъ за ноги и водочатъ по землѣ къ мѣсту продажи, чтобы не оскверниться прикосновеніемъ къ нечистому животному.

Всѣ остальные жизненные продукты, какіе только имѣлись у абазиновъ, были также дешевы, кромѣ скота, который мы находили выгоднѣе брать отъ сухумскихъ поставщиковъ изъ числа пригоняемыхъ ими изъ Грузіи. Къ тому же тутъ была и другая причина: подрячки для войскъ принимали въ уплату асигнаціи, а жителямъ за купленное нужно было платить русскою серебряною монетою, и преимущественно рублями; они не брали даже золота, или принимали полуимперіалъ за четыре рубля; серебро-мелочь употреблялась только при небольшихъ расчетахъ. Въ то время у нихъ, кромѣ русской, обращалась и турецкая серебряная монета, въ небольшомъ количествѣ, и

много мѣдной, въ видѣ тонкихъ посеребренныхъ, округленныхъ пластинокъ, съ надписями на обѣихъ сторонахъ въ 10 или 20 паръ (*).

Въ скоромъ времени, послѣ перехода сотни отъ Амчиша на Хюпсту, начальникъ Бзыбскаго округа извѣстилъ насъ, что въ Абхазію пробралась партія горцевъ, которая скрывалась покуда неизвѣстно гдѣ, выжидая благоприятнаго случая къ набѣгу. Вслѣдствіе этого, въ лагерь были приняты всѣ необходимыя мѣры осторожности: днемъ ставились пикеты на возвышенныхъ мѣстахъ, примыкавшихъ къ бивуаку, и къ настѣнцу табуна, а ночью по тропамъ, расходящимся въ лѣсъ и къ рѣчкѣ; сзади его располагались секреты. Казакамъ приказано было имѣть оружіе въ постоянной готовности и указаны пункты для занятія ихъ, по первому сигналу тревоги. Лошади съ попаси и прежде разбирались на ночь, на коновязи.

Дни три спустя послѣ полученія этого свѣдѣнія, когда уже воинскій пылъ нашъ началъ понемногу остывать, мы почти успокоились и не ожидали появленія хищниковъ, такъ что даже командиръ сотни уѣхалъ въ Сухумъ, поручивъ начальство на время своего отсутствія хорунжему Петрову. Послѣ расположенія секретовъ на мѣстахъ, по закатѣ солнца, мы съ Петровымъ вышли изъ палатки и расположились впереди ряда балагановъ, на коврѣ, подъ развѣсистыми вѣтвями черешни, полусидя, полулежа, около ворковавшаго самовара, вполне наслаждались лѣтнимъ вечеромъ и предавались восточной лѣни. Мы сбросили съ себя плащи, безъ которыхъ днемъ невозможно было выйти на солнце, не рискуя быть обожженнымъ сквозъ сорочку, противъ чего мало помогали даже кителя, и сняли сапоги.

Былъ тихій вечеръ послѣ знойнаго іюльскаго дня, когда ночная прохлада, смѣняя удручающую атмосферу, разливается живительными струями по воздуху и освѣжаетъ его. Заря потухала. Западный горизонтъ становился блѣднѣе; румянецъ зарницы догоралъ уже послѣднимъ своимъ блескомъ, быстро погасая. По мѣрѣ превращенія алой полосы западнаго небосклона въ темносиній фонъ, среди голубого свода, все рѣзче выдѣлялся круглый, золотистый дискъ луны, уже высоко поднявшійся надъ землею, и все ярче разливалъ серебристые лучи, совершенно замѣнявшіе для насъ свѣчу. Облитыя этимъ полусвѣтомъ, окрестныя поляны и лѣса принимали какой-то чарующій видъ; тутъ все, и роскошь картины, и мягкая прохлада сумерокъ, невольно располагали къ нѣгѣ и мечтательности.

(*) 10 паръ составляютъ полъ-курушъ; 20 паръ курушъ, или, по турецки, гурушъ; въ 5 паръ обращалось тогда монета, вѣроятно новѣйшаго чекана, потому что, дѣлаясь уже безъ накладки серебра, имѣла правильную форму, похожую на нашу копейку послѣднихъ выпусковъ.

Въ воздухѣ было тихо и ничто не нарушало однообразнаго безмолвія ночи; даже не слышно было обычнаго всплеска моря, а шакалы, на этотъ разъ, приумолкли и не затыгивали своихъ вечернихъ концертовъ. Казаки, собравшись кружками между балаганами, вели между собой оживленный разговоръ; порой слышался дружный хохотъ, въ отвѣтъ на остроту какого-нибудь шутника.

— «Выходитъ, напрасно пасъ князь предостерегалъ», началъ хорунжій послѣ долгаго молчанія, прихлебывая чай изъ стакана; «горцы навѣрно не осмѣлятся сдѣлать на пасъ нападеніе: имъ хорошо извѣстно, что мы себя держимъ на-сторожѣ. Украсть что-нибудь у жителей, это ихъ дѣло».

Не успѣлъ онъ окончить своей рѣчи, какъ раздалось, гдѣ-то въ отдаленіи, по направленію къ рѣкѣ Бзыби, нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Стрѣльба послышалась сначала верстахъ въ двадцати пяти отъ паса, и съ быстротой приближалась къ бинауку. Незнакомому съ бытомъ горцевъ трудно представить себѣ моментальную скорость, съ какой у нихъ пробѣгаютъ тревоги отъ одного пункта къ другому. Нужно было слышать это, чтобы имѣть полное понятіе о той электрической быстротѣ, съ которой неслись выстрѣлы отъ Бзыби до Кодора и далѣе, отъ одного крайняго пункта населенія Абхазіи къ другому. Эхо тихой лѣтней ночи доносило къ намъ по морскому берегу гулъ пальбы съ самыхъ далекихъ мѣстъ, откуда, перекачиваясь съ моря въ ущелья горъ, онъ глухо замиралъ тамъ. Не успѣли мы опомниться, какъ стрѣльба, становившаяся все чаще и громче, приняла большіе размѣры и съ такою же поспѣшностью уходила вдаль, съ какой быстротой приближалась къ намъ. Несмотря на то, что тревога гремѣла во всемъ краѣ и, кажется, пора была бы ей утихнуть, гулъ ружей ни на минуту не смолкалъ; даже порой пули, пущенныя, вѣроятно, съ ближайшихъ канашъ и дворовъ деревни за Хюпстой, съ рѣзкимъ визгомъ проносились надъ лагеремъ. Не на шутку всполошились мы; подобная ружейная музыка для сотни была еще новостью. Казаки, большею частію, были все молодежь, а если и было нѣсколько человѣкъ обстрѣлянныхъ, т. е. бывалыхъ въ кампаніяхъ, то они уже успѣли отвыкнуть отъ бранныхъ тревогъ, пробывъ нѣсколько лѣтъ дома и затѣмъ на постахъ въ Имеретіи.

Страшныя иногда ощущенія бываютъ у людей въ подобныя минуты неожиданности. Покуда становились казаки въ назначенныя для обороны мѣста, драбать (депычикъ) Петрова, передъ тревогой возникшійся около самовара, при первыхъ выстрѣлахъ схватилъ его и, выбросивъ огонь и воду на коверъ, опрометью побѣжалъ съ нимъ

въ лѣсъ за цейхгаузъ, вѣроятно для того, чтобы скрыть такую драгоцѣнность отъ хищныхъ взоровъ горцевъ, которые, какъ вообразилось ему въ то время, начинали уже грабить лагерь. А самъ корунжій, вмѣсто своихъ саногъ, надѣлъ мои, побѣждалъ къ сотнѣ, оставивъ меня безъ саногъ, потому что брошенные имъ для моихъ ногъ были тѣсны.

Тутъ я считалъ за лучшее убраться въ палатку, гдѣ розыскавши свое кремневое ружье, какими тогда еще были вооружены всѣ казацы войска, и другую пару саногъ, вышелъ на внутреннюю площадку лагеря. Здѣсь, съ Петровымъ и съ сотеннымъ вахмистромъ, мы составили экстренный военный совѣтъ, результатомъ котораго, послѣ короткаго совѣщанія была немедленная посылка четырехъ казаковъ въ Соуксу, къ начальнику округа, узнать о дѣйствительной причинѣ тревоги и откуда именно пужно ожидать непріятеля.

Стрѣльба между тѣмъ не унималась и слышалась со всѣхъ сторонъ по прежнему, то умолкала на полминуты, то возобновлялась съ новой силой. Дикіе для непривычнаго уха крики и завыванія встревоженнаго населенія, сливаясь съ грохотомъ ружейной пальбы, наводили на насъ какое-то, не скажу уныніе, а тревожное чувство. Размѣстившись на пунктахъ, гдѣ къ тому была надобность, казаки, въ строгомъ молчаніи и съ напряженнымъ вниманіемъ, ожидали что будетъ дальше. Черезъ нѣсколько времени, отъ лѣса послышался голосъ абхазца, котораго казаки вели за руку изъ секрета; онъ упирался ногами и не хотѣлъ идти въ лагерь. Замѣтивъ, вѣроятно, что мы въ такомъ грозно-воинственномъ настроеніи, онъ дрожащимъ отъ страха голосомъ объяснялъ казакамъ:

— «Моя абаза (я абазинъ); моя херстіанъ» (я христіанинъ).

— «Зачѣмъ это абазины такъ стрѣляютъ?»—былъ первый нашъ вопросъ ему.

— «Валлага-беллага (*), моя херстіанъ», продолжалъ онъ, не понявъ хорошо нашего вопроса и въ подтвержденіе словъ своихъ крестился свободной рукой.

— «Мы вѣримъ, что ты христіанинъ, да зачѣмъ абазинъ ружьемъ палить такъ много?»

— «А!!! таперь моя знантъ! видишь: вѣдьма кушай», бормоталъ онъ, поднимая руки вверхъ.

Начали мы всѣ смотрѣть на небо, куда указывалъ онъ для объяс-

(*) „Валлага-беллага“ — божба по-турецки, большею частію употребляемая жителями Абхазіи, въ родѣ русскаго: ей *Богъ*. Иногда они замѣняютъ это слово абхазскимъ *анцанисъ*, имѣющимъ почти то же значеніе: отъ слова *анцаа*—*Богъ*.

ненія причины тревоги, но тамъ ничего особеннаго не могли замѣтить.

— «Вѣдьма мѣсяцъ кушай», поспѣялъ онъ, указывая на луну.

Но какъ мы ни напрягали зрѣніе, намъ все-таки казалось, что луна была въ совершенной безопасности. На ясномъ темно-голубомъ сводѣ, кромѣ милліардовъ звѣздъ, въ это время сверкавшихъ разноцвѣтными огнями, невидно было никакой вѣдьмы. Между тѣмъ, абазинъ упорно настаивалъ на своемъ, объясненіи словами и жестами, что жители, стрѣляя, отпугиваютъ луну отъ неминуемой гибели.

— «Онъ или номѣшанный, или притворится такимъ» — замѣтилъ на это одинъ изъ взводныхъ урядниковъ.

— «Ваше благородіе», сказалъ Петрову другой: «онъ ужъ не посланъ ли черкесами; не мѣшало бы намъ его арестовать».

Что и было сдѣлано, т. е. отобрано у него *цули* (*) и не велѣно уходить изъ лагеря, до возвращенія посланныхъ изъ Соуксу.

Но тутъ кому-то изъ казаковъ вспомнилось, что, въ началѣ вечера, луна свѣтила полнымъ кругомъ, о чемъ мы совершенно позабыли; теперь же были закрыты почти двѣ трети ея диска. Она имѣла въ это время видъ полулуція, когда оканчивается первая четверть и мы тутъ только поняли, что это было затмѣніе. Этимъ же и объяснилось, почему цули, пускаемые съ сосѣднихъ за рѣкой канашей и дворовъ, пролетали надъ лагеремъ: онъ имѣли цѣлью луну, или, лучше сказать, темную часть круга ея, погруженнаго въ тѣнь земного шара.

Чѣмъ больше выходила луна изъ тѣни, тѣмъ рѣже становились выстрѣлы и наконецъ прекратились, когда оставалась закрытою четвертая часть ея.

— «Развѣ вѣдьма боится вашихъ выстрѣловъ?», спрашивали мы абхаза, который въ этотъ день искалъ ушедшихъ изъ дому буйноловъ и набрелъ на наши секреты.

— «Если абазинъ пѣтъ пали» — отвѣчалъ онъ — «вѣдьма мѣсяцъ вся кушай и парилъ. А коли абазинъ палитъ, она немножко кушай и опять пустилъ».

— «А зачѣмъ абазинъ кричатъ?»

— «Штобъ вѣдьма страшно былъ».

(*) Цули — топоръ у абазинцевъ. Это острое съ одной стороны и продолговатое желѣзо, насаженное на длинную ручку; конецъ острія загнуть впередъ. Онъ больше приспособленъ для обрубки вѣтвей съ деревь; толстаго бревна имъ почти срубить нельзя; для того употреблялись тамъ турецкіе топоры, съ широкимъ лезвіемъ и съ такимъ же массивнымъ обухомъ.

— «А если солнце такъ она будетъ кушать, абазинны тоже стрѣляютъ?» спросилъ его опять кто-то изъ казаковъ.

— «О!! нѣтъ, пожалуста.... Амуръ (солнце) большой, его все нѣтъ кушай: середина кушай, край остался; край кушай, середка осталась; абазиннѣ знать эта и нѣтъ нали».

Къ этому времени возвратились и казаки, посланные въ Соуксу. Начальника округа застали они среди распоряженій о посылкѣ къ намъ съ увѣдомленіемъ, чтобы мы не тревожились на выстрѣлы, причиною которыхъ есть укоренившееся въ народѣ повѣрье. Послѣ, изъ распросовъ, я узналъ, что, по понятіямъ абхазцевъ, какое-то чудовище нападаетъ на лупу съ намѣреніемъ «скушать» ее.

Для доставки изъ сухумскаго магазина сотнѣ провіанта и зернового фуража, къ намъ заходили два раза въ мѣсяцъ, при отправленіи на крейсерство у береговъ, военныя суда сухумской станицы, изъ истинно тамъ находившихся одного корвета, двухъ шхунъ и одного парового транспорта. О прибытіи своемъ пароходы извѣщали каждый разъ однимъ или двумя выстрѣлами еще не доходя до мыса Бомборы, по которымъ люди и являлись для выгрузки муки и овса.

Въ то же время, между посѣтителями нашего бивуака, достали, и явившимися для сатовки (торговли), приходилъ иногда къ намъ нѣблизкій солдатъ. По крайней мѣрѣ такъ онъ называлъ себя; мы же подозрѣвали въ немъ бѣглаго. По-русски онъ говорилъ бойко, а для ридового изъ крестьянскаго и даже купеческаго сословія довольно правильно, что онъ однако старался скрывать, и въ разговорахъ употреблялъ много простонародныхъ выраженій.

Разсказывая о своемъ незавидномъ положеніи у хозяина, дворянина одной изъ деревень между Хюпстой и Амчишей, плѣшникъ просилъ насъ, чтобы во время прибытія парохода дали ему тогда знать. Мы сообщили ему, что приходившія суда всегда извѣщаютъ о томъ выстрѣлами, и предложили воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, пообѣщавъ содѣйствовать ему, т. е. предупредивъ командира судна и попросивъ о его припятіи. Больше этого мы ничего не могли сдѣлать, даже скрывая и то отъ абазиновъ, чтобы они не знали о нашемъ вмѣшательствѣ. Но тутъ встрѣтилось очень важное затрудненіе: плѣшникъ былъ женатъ на плѣшпой же самурзаканкѣ и имѣлъ отъ нея уже двоихъ дѣтей. Ему не хотѣлось бросить малютку и жену, съ которой онъ хотя и не былъ вѣнчанъ, но считалъ ее законной, какъ христианку. Эти-то обстоятельства и были причиною, что онъ въ теченіе пяти лѣтъ ни разу не попытался бѣжать въ Су-

хумъ или Пицунду—пункты слишкомъ отдаленные отъ Хюны для того, чтобы ему можно было скрытно туда пробраться съ семьей, безъ посторонней помощи.

Разъ какъ-то Андрей—такъ звали плѣннаго—выпивши рюмки двѣ спирту, до котораго онъ былъ охотникъ не менѣе самихъ абазинцевъ, засидѣлся у насъ больше обыкновеннаго, и между прочимъ разсказалъ, что восемь лѣтъ тому назадъ, служа въ одномъ пѣхотномъ полку, расположенномъ на Лабинской линіи, онъ назначенъ былъ въ числѣ другихъ въ конвой, сопровождавшій оказію отъ одного укрѣпленія къ другому. Во время пути, оставши отъ команды и переходя оврагъ, онъ былъ схваченъ горцами и отведенъ въ землю абадзеховъ. Много Андрей перемѣнилъ хозяевъ, то уходя отъ однихъ и попадаясь къ другимъ, то перепродавался. Онъ всегда старался убѣжать поближе къ пунктамъ занятымъ русскими, а горцы, поймавъ, продавали опять въ глубину горъ, потому что чѣмъ дальше отъ нашихъ границъ, тѣмъ дороже цѣнились невольники. Наконецъ его купилъ абазинецъ за двадцать коровъ (*), и женилъ на плѣнницѣ, вымѣнивши на лошадей въ Цебельдѣ. Съ тѣхъ поръ, онъ уже живетъ на одномъ мѣстѣ.

Въ теченіе трехлѣтняго странствованія по горамъ, ему приходилось встрѣчать русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, жившихъ такъ долго въ неволѣ, что почти забыли родное нарѣчіе, и хотя хорошо понимали русскій языкъ, но съ трудомъ могли объясниться на немъ.

— «Продали меня по осени въ убыхскій аулъ», продолжалъ разсказывать Андрей; «аулъ этотъ находится неподалеку отъ моря, за рѣчкой Сочей. Въ ту пору у другого хозяина, тамъ же, жилъ бѣглый казакъ, съ которымъ я черѣдко видѣлся; только я не могъ пользоваться такой свободой, какъ онъ. Бѣглыми черкесы всегда больше дорожатъ, чѣмъ плѣнниками, и меньше надъ ними имѣютъ надсмотру, отъ того что они рѣже нашего брата уходятъ; развѣ ужъ попадется назойливый хозяинъ, такъ что не хватитъ мочи переносить тиранство. Великаго невольника и особенно изъ бѣглецовъ горцы стараются женить и тѣмъ отбить охоту отъ попытокъ къ побѣгамъ и привязать къ семейной жизни. За жепатымъ окромя хозяевъ присматриваетъ и жена—даже больше ихъ. Когда привели меня въ Вардане, казакъ ужъ былъ женатъ на плѣнницѣ лезгинкѣ, работалъ у хозяина и былъ спокоенъ, такъ что его не стали и по-

(*) У горцевъ западнаго Кавказа цѣнность вещи опредѣлялась, большою частію, коровами: одна корова равнялась стоимости десяти овецъ, или десяти русскихъ серебряныхъ рублей; десять коровъ стоили одного жеребца.

дозрѣвать въ намѣреніи уйдти. Посылали одного на канашу и въ лѣсъ за дровами безъ всякаго надзора.

«Въ то время стояли на берегу турки съ кочермой (*), для нагрузки кукурузы, вымѣщенной у черкесовъ на товары. Казакъ нашелъ случай переговорить съ ними и упрашивалъ взять его съ собою, чтобы доставить къ укрѣпленію Гагры. Шкиперъ согласился только съ такимъ условіемъ, чтобы за это онъ отдалъ жену. Тотъ, разумѣется, согласился и безъ большого труда уговорилъ лезгинку бѣжать вмѣстѣ, обѣщая ее вывезти въ Россію и жить тамъ какъ съ женой. Она тоже согласилась, не подозрѣвая нисколько его хитрости. Въ одну темную ночь, кочерма была спущена въ море, а находившаяся при ней небольшая *фелюга* (**) подѣхала къ условленному мѣсту и забрала ихъ. На разсвѣтѣ они пристали къ берегу въ полуверстѣ отъ Гагръ. Когда казакъ соскочилъ съ лодки на землю, тоже хотѣла сдѣлать и его временно-обязанная супруга, но турки не допустили ее.... Казакъ отъ стыда пустился бѣжать безъ оглядки къ крѣпости».

— «Однако никакъ съ его стороны, такъ жестоко обмануть бѣдную женщину», возразилъ кто-то изъ слушателей.

— «Что же подѣлаешь!» отвѣчалъ рассказчикъ: «своя-то рубашка ближе къ тѣлу; надобно же было какъ-нибудь ему уйдти, а вывезти ее на родину нельзя—тамъ у него была законная жена и дѣти. Да притомъ онъ зналъ, что неволя для женщины у турокъ не такъ тигостна, какъ у горцевъ: тамъ изъ невольницы она могла сдѣлаться госпожей».

— «Чтоже понудило казака бѣжать сначала въ горы, а затѣмъ изъ горъ?»

— «Онъ на воровствѣ гдѣ-то попался и судился, ну и бѣжалъ изъ-подъ арешта.... Да какъ сиробовалъ какво житіе у черкесовъ, то и согласился лучше перенести наказаніе, чѣмъ томиться въ плѣну у пехристей. Слышно было послѣ, что въ Гаграхъ онъ во всемъ сознался и сидѣлъ на обахтѣ, а тамъ и повезли его подъ конвоемъ на Кубань, гдѣ квартировалъ полкъ, въ которомъ онъ числился. Дальше ужъ я не знаю, чѣмъ это дѣло кончилось».

«Слѣдующей весной, послѣ моего нахожденія въ убухахъ, меня перепродали къ джигетамъ. Тамъ въ сосѣднемъ къ рѣкѣ Сочѣ

(*) «Кочерма»—турецкое одномачтовое судно, которое для нагрузки иногда вытаскивается на берегъ.

(**) «Фелюга»—судно меньшаго размѣра, той же формы и съ одной мачтой, на которомъ турки такъ же смѣло пускаются въ море, какъ и на кочермахъ.

авулѣ, проживалъ у одного князья плѣшникѣ, кажется, изъ артиллеристовъ, женатый, какъ и я теперь, на плѣшной осетинкѣ. Живя у хозяина, онъ оказалъ себѣ знахаремъ и лекаремъ этъ разныхъ болѣзней и вошелъ въ такую «моду» особенно между марушками, что изъ дальнихъ мѣстъ наѣзжали за нимъ, пуда онъ и отправлялся вмѣстѣ съ горцемъ. Мнѣ неразъ приходилось видѣть его: малый былъ шустрый и разбитной, безъ того онъ и не сумѣлъ бы морочить черкесовъ разными небылицами и пускать имъ тумана въ глаза своимъ мнимымъ чародѣйствомъ. Но выпадало такъ, что все ему сходило съ рукъ благополучно; леченія его почти всегда были удачны, а гдѣ онъ угадывалъ неудачу, то напередъ не ручался, что воспользуетъ болѣзнь и признавалъ ее неизлечимою. Молва о его знахарствѣ и познаніяхъ въ медицинѣ расходилась все дальше и больше. У хозяина плѣшникъ вошелъ въ такое довѣріе и милость, что хотя изъ тронхъ дѣтей его нѣкоторыхъ уже была пора продавать (*), по хозяинъ воспитывалъ ихъ паравѣ съ своими ребятами. Такъ, значитъ, уважалъ своего невольника! Работой не удилъ; что захочетъ сдѣлать—дѣлаетъ; молиться ему по-своему, по-христіанскому обряду, тоже никогда не воспрещалъ.

Разъ присылаютъ за нимъ—а это было когда я уже находился здѣсь—изъ Псхувскаго общества, или съ Ахчипсху, съ приглашеніемъ къ одному именитому князю, изъ фамиліи Моршани, пользовавшемуся большимъ почетомъ, даже по ту сторону горъ. Княгиня, видишь, т. е. жена этого самаго князя, уже лѣтъ шесть или семь была замужемъ, но не имѣла дѣтей, и наслыхавшись разсказовъ о чудесахъ, дѣлаемыхъ русскимъ знахаремъ, потребовала его къ себѣ. Плѣшникъ-то себѣ на умѣ: какой бы ему отъ горцевъ почетъ ни былъ, а все таки на святую Русь тянетъ тоска: онъ вольный человѣкъ, а у горцевъ «гляръ»—и больше ничего. Онъ смекнулъ конечно, что если ему не уйти теперь, то едва-ли скоро предоставится другой удачный случай. Собираясь въ путь, проходившій не такъ далеко отъ Гагръ, онъ началъ убѣждать хозяина заѣхать въ крѣпость, купить тамъ какого-то необходимаго снадобья для лекарства, котораго у турокъ, торговавшихъ въ прибрежныхъ деревняхъ, нельзя было достать. Князь самъ было вызвался заѣхать туда и взять нужнаго зелья, но солдатики успѣли отклонить его отъ этого, увѣривши, что

(*) Между горами западнаго Кавказа до того вкоренился обычай продавать дѣтей своихъ невольниковъ, что Андрей, долго жившій между ними, упоминаетъ объ этомъ вкратцѣ, какъ о вещи самой обыкновенной. На дѣтяхъ горы выручали затраченный капиталъ на покупку родителей, кромѣ работы послѣднихъ, приносившихъ хозяевамъ выгодные проценты.

онъ могъ ошибиться въ названіи и взять не то, что слѣдуетъ. Долго хозяинъ упорствовалъ и не соглашался пускать лекаря въ крѣпость, но лекарь такъ искусно повелъ дѣло, что наконецъ уломалъ таки горца: тотъ рѣшился ѣхать туда съ нимъ. Они вдвоемъ повернули прямо на Гагры, а остальной конвой изъ нѣсколькихъ человекъ направили той дорогой, гдѣ сначала предполагалось вѣсть ѣхать, съ тѣмъ, чтобы, пройдя укрѣпленіе, проводники поджидали ихъ на указанномъ мѣстѣ.

«Во время пріѣздовъ своихъ къ Гаграмъ, черкесы всегда лошадей оставляютъ за укрѣпленіемъ, куда уже идутъ пѣшіе; въ воротахъ у нихъ часовые отбираютъ все оружіе, и только тогда пускаютъ ихъ внутрь крѣпости. Также сдѣлали съ джигетскимъ князькомъ и его плѣнникомъ. Какъ только они сдали вооруженіе и, отойдя немного отъ воротъ, поравнялись съ обвахтой, лекарь закричалъ карауду: «братцы, берите черкесина, это мой хозяинъ, а я его плѣнникъ». Солдаты сейчасъ же выскочили; горецъ мигомъ былъ схваченъ, такъ что не успѣлъ хорошенько и прійти въ память, какъ сидѣлъ уже въ «тегулевкѣ» со связанными руками. Сперваначала джигитъ отказывался, будто знаетъ не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, откуда взялся человекъ, который сошелся съ нимъ у воротъ крѣпости и котораго онъ видитъ только въ первый разъ. Но подъ конецъ допекли таки его: сознался, хотя и стыдно, что поддался на удочку своему рабу, да дѣлать то ужъ было нечего—неволя не свой братъ. По допросу воинскаго начальника, солдатикъ подробно объяснилъ въ чемъ дѣло, и просилъ, чтобы бывшего его хозяина, князька, не освобождали до тѣхъ поръ, покуда семейство послѣдняго не будетъ доставлено въ Гагры.

«Горецъ и тутъ заупрямился было, и давай запыряться, будто невольница не была лекарю женой и дѣти у нея совсѣмъ не его; да затѣмъ видить, что дѣлишки-то плохи, не даются ему на обманъ, послалъ таки за ними. Посланные привезли извѣстіе, что семейства солдата пѣтъ, и жена, вѣроятно сговорившись съ нимъ напередъ, бѣжала съ дѣтьми неизвѣстно куда. А плѣнникъ все настаивалъ на своемъ, упраскивалъ начальство не вѣрить имъ. Почему князька держали подъ самымъ строгимъ карауломъ, и онъ, видя, что съ нимъ шутить не намѣрены, и не съ тѣмъ припились за него, чтобы онъ могъ отвылаться разными увертками, да плутовскими изворотами, которые въ большомъ ходу у черкесовъ между собой и особенно при переговорахъ съ русскими, убѣдилъ пріѣзжавшихъ къ нему родичей привести семью бывшего невольника.

Князья тогда выпустили, а знахаря съ женой и дѣтьми перевезли въ Черноморію».

— «А кромѣ тебя есть еще русскіе тутъ?»

— «Мало теперь; прежде было больше; онасаются покунать; какъ послѣ войны опять русскіе позанили крѣпости, много уходятъ. Вотъ одного недавно привезли въ селенію на рѣку Гумисту изъ горъ; кажись, не больше полгода будетъ тому назадъ; только не знаю право, купленъ ли онъ, или подаренъ какимъ князькомъ. Этотъ также порывается уйдти, да строго смотрять за нимъ. А то много и такихъ, что вовсе не хотятъ себя признавать за русскихъ: эти всѣ бѣглецы и, большею частію, поляки. Рассказываютъ, что возлѣ самаго Сухума проживаетъ у хозяина одинъ матростъ, который почти каждый день носитъ въ городъ молоко на продажу; ну, онъ, значитъ, прижился и не хочетъ возвратиться на Русь; да, пожалуй, ему и нельзя назваться своимъ именемъ, а то предадутъ суду. Одинъ только поляки бѣгаютъ по доброй волѣ, а русскій солдатикъ такъ «изъ-ничево» не побѣжитъ, а только какъ бѣда надъ головой разразится, т. е. проштрафится въ чемъ-нибудь, то и дастъ тягу къ черкесамъ.»

Послѣ этого, хозяинъ Андрея, вѣроятно смекнувъ, что плѣнникъ подаркомъ часто посѣщаетъ лагерь, сталъ рѣже его къ намъ отпускать, и уже за присмотромъ. Особенно слѣдили за нимъ и семействомъ его, если показывалось какое-либо паровое судно вблизи абхазскихъ береговъ. Такъ намъ и не удалось ничѣмъ помочь бѣдникъ Андрею, который оставался тамъ еще нѣсколько лѣтъ, съ женой и дѣтьми, до того времени, когда было сдѣлано энергическое внушеніе, кому слѣдуетъ, о выпускѣ абазинами всѣхъ русскихъ невольниковъ.

Подумаешь—сколько переменъ случилось съ тѣхъ поръ!... Нѣсколько лѣтъ спусти, дворяне и князья абхазскіе, нежелавшіе переселиться въ Турцію, уже освобождали, согласно высочайшей волѣ, своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

По незначительности плоскости, занимаемой Бзыбскимъ округомъ, которая въ то время была тѣсно населена, сѣнокосныхъ мѣстъ тамъ почти не существовало; трава и хлѣбъ у жителей могли вырастать, какъ и въ Имперіи, только въ огороженныхъ канашахъ, куда не заходили буйволы и другія домашнія животныя. Почему, несмотря на плодородіе почвы, дающей безъ великихъ удобри-
тельныхъ средствъ хорошіе урожаи хлѣба и травъ, абхазцы сѣна могли заготовлять очень немного. Лошади и остальной скотъ на-

ходились на настьбѣ, почти въ теченіе всего года, питаясь молодыми побѣгами лѣса и подпожнымъ кормомъ. Объ отводахъ покосныхъ полей, какъ то дѣлалось для казачьихъ полковъ въ остальныхъ мѣстахъ Закавказскаго края, тутъ не могло быть и помину, и потому канаша для покоса мы должны были нанимать. За одну десятину нужно было заплатить отъ 25 до 45 рублей и даже дороже. Такъ, куплена была нами трава въ срединѣ укрѣпленія Бомборы, за 200 рублей, занимавшая никакъ не больше трехъ или четырехъ десятинъ. Хотя по собранымъ нами свѣдѣніямъ и можно было безъ найма производить покосы въ нѣкоторыхъ ущельяхъ, отстоящихъ отъ пограничныхъ селеній верстъ за десять, по тамъ требовалось для этого прикрытие, по крайней мѣрѣ, баталіона пѣхоты при нѣсколькихъ орудіяхъ. Тамъ даже и жители не рѣшаются косить траву, потому что, кромѣ опасности, препятствуетъ тому еще и трудная доставка оттуда сѣна.

Бомборское укрѣпленіе, построенное русскими въ 1850 году, въ срединѣ полукруга, огибаемаго моремъ (Бомборскій мысъ), отъ мѣстечка Гудауты до рѣки Хюпсты, со времени удаленія гарнизона въ 1854 году, было запято подъ посѣвы хлѣба. Въ верстѣ отъ крѣпости, по направленію къ этой рѣчкѣ, начиналась владѣтельская дача лѣса, въ которомъ располагался нашъ лагерь. Самое укрѣпленіе имѣло видъ неправильнаго четверугольника, окопаннаго со всѣхъ сторонъ канавой въ четыре аршина глубины и обнесеннаго такой же высоты брустверомъ. На нѣкоторыхъ углахъ сохранились еще барбетъ и апарели; валы были почти цѣлы, рвы мало засыпаны. Во многихъ мѣстахъ оставались слѣды каменныхъ и кирпичныхъ фундаментовъ отъ бывшихъ построекъ, и росло нѣсколько десятковъ акацій. Несмотря на то, что тамъ было набросано, кромѣ ядеръ, кирпичъ и камни, трава между ними доходила до аршина вышины и до того была густа, что съ большимъ трудомъ прорѣзывалась косою. Когда пачать былъ покосъ внутри крѣпости, порученный въ мое распоряженіе, то у меня ежедневно не доставало полведра спирту на угощеніе достовъ и новыхъ пріятелей, пріѣзжавшихъ знакомиться. Особенно молодежь привлекало любопытство помотрѣть, какъ русскіе косятъ. Дворяне почти всегда были съ винтовками, изъ которыхъ они начинаютъ стрѣлять въ цѣль съ ранняго возраста, какъ только въ состояніи поднимать винтовку отъ земли и держать въ рукахъ. По случаю недостатка пороха, они съ большими затрудненіями покупали его отъ гудаутскихъ турокъ и мингрельцевъ. Даже перѣдко крестьянскій мальчикъ относилъ въ

мѣстечко мѣру кукурузы, или нѣсколько куръ, за три—четыре зарида. У абхазцевъ, какъ и у горцевъ другихъ племенъ, для пріобрѣтенія названія удалыца и джигита, стояло, послѣ воровства, на первомъ планѣ искусство стрѣльбы въ цѣль. Такъ, между первыми вошло въ обычай, чтобы молодежь дѣлала подарки, своимъ знакомымъ на новый годъ, застрѣленными ими дроздами. Птица тогда только считалась удачно убитою, когда у ней была раздроблена голова; если же пуля попала въ другое мѣсто, то она не годилась для подарка.

Наши гости нерѣдко стрѣляли въ цѣль, желая показать намъ свое искусство и мѣткость винтовокъ. Припоминаю одинъ забавный случай съ молодымъ абазинцомъ. Какъ то ему вздумалось посмотреть мое ружье, которое, по его понятіямъ, должно было быть у меня, какъ у дворянина, далеко лучше казачьихъ. Я подарилъ ему тульскую гладкоствольную красноложку съ кремиевымъ замкомъ, купленную мною съ аукціоннаго торга, послѣ смерти казака, нѣсколько дней тому назадъ; я до того изъ нея не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. За осмотромъ явилось у абазина желаніе посмотреть и мое искусство въ стрѣльбѣ. Поводомъ къ такой просьбѣ, вѣроятно, было то обстоятельство, что мое ружье, не вынимавшееся долгое время изъ чехла, было не въ такомъ опрятномъ состояніи, въ какомъ горцы держатъ свое оружіе. Абазинъ былъ въ правѣ предположить, что я долженъ быть такимъ же искуснымъ стрѣлкомъ. Онъ не ошибся: будучи плохъ въ прицѣльной стрѣльбѣ и вообще имѣя въ то время поверхностное понятіе о стрѣлковомъ дѣлѣ, я отказывался сначала, но его поддерживали другіе. Почему, для своего выстрѣла, я предложилъ поставить его шапку, а для него цѣлью должна была служить моя фуражка. Горецъ согласился, но настаивалъ, чтобы первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ мной. Покуда я изъ сумки вынулъ патронъ и зарядилъ ружье, онъ въ это время повѣсилъ свою высокую изъ бурчатаго войлока шапку, съ конусообразнымъ верхомъ, покрытую новымъ бѣлаго сукна башлыкомъ, на сукъ черешни, находившейся отъ насъ на разстояніи двадцати саженъ. На успѣхъ своего выстрѣла я вовсе не рассчитывалъ, а потому небрежно вскинулъ красноложку на руку и, едва приложившись, не цѣлясь спустилъ курокъ. Сверхъ ожиданія и, кажется, благодаря одной случайности, пуля пробила шапку и башлыкъ насквозь, засѣвъ въ деревѣ. Послышались дружные крики одобренія со стороны казаковъ и абхазцевъ. Это такъ подействовало на моего противника, что выстрѣлъ его изъ винтовки въ мою фуражку, повѣшенную на томъ же самомъ

сукѣ, былъ неудаченъ: пуля даже не захватила дерева, несмотря на то, что онъ сначала выпустилъ зарядъ на воздухъ, чтобы положить другой повѣриѣ и, затѣмъ, поставивши ружье на сошку, цѣлился около минуты. Случай этотъ такъ сконфузилъ абазина, что, схвативши свою продырявленную шапку и башлыкъ, онъ поспѣшно удалился и больше не показывался въ нашемъ лагерѣ.

Кромѣ молодежи насъ посѣщали иногда и пожилые, солидные люди, пріѣзжавшіе съ предложеніемъ купить лошадей, траву, а больше такъ себѣ, въ родѣ отдачи визита новымъ сосѣдямъ. Между ними былъ одинъ говорившій довольно хорошо по-русски, такъ какъ онъ находился нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ въ одной изъ внутреннихъ губерній. Онъ пріѣзжалъ съ другими, большею частью, въ качествѣ переводчика. Во время пріѣзда, эти господа важно и степенно подходили къ намъ, прикладывая руки ко лбу и здороваясь:

— «*Муши бэ*».

— «*Бэа обыдѣ*» (*), отвѣчали мы.

Иногда они подходили молча; тогда мы уже начинали съ ними здороваться по-русски:

— Здравствуйте.

— «О!! здраствуй! пожалуста».

— Какъ ваше здоровье?

— «Харошо-пожалуста».

— Садитесь — будемъ досты.

— «Спасибо-пожалуста» (**).

Ну, и садятся новые и старые досты, поджавши ноги; начинается тихая, чинная рѣчь, пересыпанная восточнымъ краснорѣчіемъ похвалъ и комплиментовъ русскимъ вообще и казакамъ въ особенности. Незнакомыхъ кто-нибудь изъ прежнихъ гостей начинаетъ рекомендовать, а затѣмъ и приступаютъ къ дѣлу. Мы неразъ прежде приходилось слышать о томъ, что горцы не любятъ самохвальства и считаютъ большою нескромностью говорить о своемъ удалствѣ и о воинскихъ подвигахъ. Соглашаясь съ этимъ, я добавлю, что скромность горцевъ имѣетъ лишь условное значеніе. Отъ горца, дѣйствительно, почти никогда не услышишь разсказа о своемъ подвигѣ и вообще о самомъ себѣ, но за то въ его же присутствіи пріятель начинаетъ разсказывать о немъ чуть не въ родѣ того, что «не люблю не

(*) «Муши бан» — добрый день; «бэа обыдѣ» — равносильно еразъ: «того же и вамъ желаю.»

(**) Слово «*пожалуста*» вошло во всеобщее употребленіе абхазцевъ, какъ возлѣ Бомборъ, такъ и близъ другихъ пунктовъ, занятыхъ нашими войсками. Слово это горцы добавляютъ въ разговорахъ съ русскими почти всегда нестати.

слушай», и ужь непременно добавитъ, что такихъ храбрыхъ джигитовъ и достойныхъ, умныхъ людей, пожалуй, не отыщешь въ нѣсколькихъ обществахъ и днемъ съ огнемъ. Тотъ, въ свою очередь, начинаетъ также расточать похвалы первому, и будетъ вамъ доказывать, что онъ честенъ до совершенства, и что такую рѣдкость благородства трудно пайти даже за тридевять земель въ тридесATOMъ царствѣ. Другой, выслушивающій подобныя комплименты на свой счетъ, иногда до того простретъ свою скромность, что, перебивая рѣчь оратора, предупредить васъ, будто послѣдній слишкомъ уже предастъ ему и на столько уважаетъ его, что противъ своего желанія нѣсколько преувеличиваетъ похвалы о немъ.

Но если изъ этихъ двухъ пріятелей, говорившихъ вамъ сейчасъ похвалыные слухи одинъ на счетъ другого, одинъ уѣхалъ, то остальной, желая почему-либо занскать ваше расположеніе, при разговорѣ не забудетъ между прочимъ, будто невзначай, ввернуть словцо: «вы не слишкомъ довѣряете уѣхавшему, вѣдь онъ, межъ нами сказать, плутъ и мошенникъ большой руки». А потомъ прибавитъ: «хотя онъ и говорилъ о немъ много хорошаго, чего тотъ конечно никогда не заслуживалъ, то это нужно было такъ: уѣхавшій злой человѣкъ и можетъ отомстить, если не польститъ ему». Или же горецъ замѣтитъ, что у ихъ ужь такой «адатъ» (обычай).

При слѣдующей встрѣчѣ новый достъ, если будетъ имѣть къ вамъ какое дѣло, также не забудетъ сообщить того же самаго о своемъ пріятелѣ, который оставался, оговорившись, что онъ явился на тотъ случай, что вы, какъ русскій человѣкъ, не зная ихъ обычаевъ, легко можете попасться въ обманъ. Мнѣ приходилось слышать перазъ и встрѣчать подобныя взаимныя рекомендаціи, съ выворотомъ ихъ наизнашку, при сношеніяхъ съ абхазцами и даже горцами другихъ обществъ абазинскаго племени.

По окончаніи бомборскаго покоса, я съ командой отправился для того же къ одному изъ мѣстныхъ дворянъ, имѣвшему жительство подъ самыми горами, составлявшими естественную границу Абхазіи съ землями непокорныхъ горцевъ. Хотя общества послѣднихъ и отдѣлялись отъ границы нѣсколькими каменистыми хребтами и глубокими лѣсными ущельями, недоступными для поселеній, но лѣтомъ, когда становились снѣга и, слѣдовательно, очищались горныя тропинки для свободныхъ проѣздовъ, жители пограничныхъ ауловъ держали себя осторожно, по случаю частыхъ нападеній своихъ хищныхъ сосѣдей въ этотъ періодъ года. Такъ, во все время пребыванія нашего въ селеніи, хозяинъ, у котораго при дворѣ производился покосъ, днемъ занимался

работами и распоряженіями по хозяйству; но какъ только вечерѣло, онъ уже не выходилъ за ворота своей усадьбы и даже по двору ходилъ ночью не иначе, какъ съ пистолетомъ въ рукахъ со взведеннымъ куркомъ. На ночь онъ насъ всѣхъ укладывалъ спать въ деревянномъ бревенчатомъ зданіи, похожемъ снаружи на русскій амбаръ, а самъ ложился въ дверяхъ его, имѣя съ собой все вооруженіе: винтовку, кинжалъ и пистолетъ, съ которыми ни днемъ, ни ночью не разставался. Лошадей нашихъ помѣщали на ночь въ другомъ такомъ же сараѣ, гдѣ сторожили ихъ тоже два абазина.

Хозяинъ былъ среднихъ лѣтъ, ловкій и стройный горецъ, считавшійся однимъ изъ отличныхъ джигитовъ; онъ зналъ нѣсколько словъ по-русски. Передъ окончаніемъ покоса, когда мы пужно было ѣхать на Хюпсту, онъ пригласилъ меня завтракать. Намъ былъ подавъ отлично приготовленный шашлыкъ, каждый кусокъ котораго, по мѣстному обычаю, запивался плохимъ виномъ туземнаго приговленія. Несмотря на порядочный аппетитъ, я замѣтилъ странность вкуса жаркого, о чемъ и передалъ хозяину въ видѣ вопроса, что это, вѣроятно, мясо дикаго звѣря; но онъ пресерььзно началъ меня увѣрять, будто это «*быка-мясо*».

Отправляясь въ лагерь, я поручилъ команди приказному для окончанія работъ, взявъ съ собой въ конвой двухъ казаковъ и проводника абазина, хозяйскаго же крестьянина, котораго звали Ахметкой. Этотъ послѣдній зналъ нѣсколько больше своего барина по-русски, и почти всю дорогу болталъ безъ умолку; онъ, между прочимъ, рассказывалъ намъ, что отецъ у него былъ христіанинъ, но мать, будучи магометанкою, уговорила его не слѣдовать религіи отца. Наконецъ при разговорѣ спросилъ меня: «поправился ли мы шашлыкъ, изготовленный изъ жирнаго жеребенка, гдѣ-то украденнаго сосѣдомъ хозяина». Впослѣдствіи я узналъ, что мясо молодой лошади у абхазцевъ считалось однимъ изъ лакомыхъ блюдъ.

Хуторъ Нижно-Герасимовъ.

С. Смоленскій.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ КВКВКВКВ.

(Изъ ваписокъ юнкера).

II.

Визитъ влітальному лицу.—Гоноралъ Кацо-Моргани.—Пицундскія высоты.—Рубка лѣса.—Неудачный поискъ контрабанды.—Мѣстечко Гудауты.—Другой пазиникъ.—Джигитовка.—Судобные процессы абазинцевъ.—Пицундскій монастырь и храмъ.—Дожди.—Воровство лошадей.

Къ нашему полку былъ прикомандированъ поручикъ князь З°, изъ племени джигетовъ, который тамъ же, въ одномъ изъ непокорныхъ ауловъ этого общества, имѣлъ и жительство. Онъ числился въ нашей сотнѣ и, большею частію, находился дома, пріѣзжалъ только по дѣламъ на Хюпсту, гдѣ, пробывши нѣсколько времени, возвращался въ Джигетію. Какъ знающій мѣстный языкъ, князь часто былъ намъ полезенъ, почему мы перѣдко обращались къ нему за содѣйствіемъ. Между прочимъ, сотнѣ нужно было спросить разрѣшенія, или, лучше сказать, заручиться поддержкой одного изъ вліятельныхъ лицъ Абхазіи, туземнаго дворянина, генералъ-маіора русской службы Кацо-Моргани, чтобы жители не препятствовали рубкѣ лѣса на пицундскихъ высотахъ, для постройки зимнихъ помѣщеній въ лагерѣ. Поручикъ князь З° былъ женатъ на дочери генерала, бывшей прежде женой старшаго его брата, затѣмъ доставшейся ему, по мусульманскому закону, послѣ смерти послѣдняго. Въ концѣ іюля, я, въ сопровожденіи З°, отправился къ вѣстопробыванію Моргани, находившемуся при выходѣ рѣки Хюпсты изъ горъ на волнообразной долинкѣ, занимаемой Бзыбскимъ округомъ и не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста послѣдняго нашего покоса.

Пріѣздъ нашъ былъ немного неслучаенъ, потому что у хозяина гостило нѣсколько человѣкъ горцевъ, знакомыхъ и родственниковъ его; послѣдніе изъ нихъ были даже съ женами и дочерьми. Кацо-Моргани въ то время считалось отъ роду *сто четыре* года (?)... Онъ

былъ уважаемъ не только въ Абхазіи, но и въ непокорныхъ обществахъ, какъ имѣвшій тамъ знакомства и родственныя связи, обладавшій замѣчательною физическою силою: въ свое время онъ слылъ однимъ изъ лучшихъ наѣздишковъ и джигитовъ. По рассказамъ, генералъ, еще девятиста лѣтъ отъ роду, былъ грозой для хищническихъ партій, дѣлалъ за ними погоню и наѣзги на ихъ аулы. Состоя на службѣ, онъ оказывалъ своимъ вліяніемъ и личною храбростію немало важныхъ услугъ правительству, отъ котораго и получалъ содержаніе по чину до самой смерти, послѣдовавшей черезъ четыре года послѣ описываемаго случая. Дворъ его находился на скатѣ холмистой, среди котораго, на самомъ видномъ мѣстѣ, стоялъ домъ, турецкой постройки, въ два яруса: въ нижнемъ помѣщалась прислуга и даже конюшни для лошадей, въ верхнемъ жилъ онъ самъ и часть его семейства. Нѣкоторые изъ сыновей и внуковъ старика жили въ отдѣльныхъ бревенчатыхъ сакляхъ въ томъ же дворѣ, съ тою разницею отъ мѣстныхъ построекъ, что имѣли небольшій окна со стеклами. Въ верхнемъ ярусѣ большого дома было также нѣсколько небольшихъ стеколъ, а съ лицевой стороны зданія открытый балконъ, куда вели двери изнутри комнатъ. Ходъ наверхъ шелъ чрезъ конюшню нижняго яруса; по обѣимъ сторонамъ ея расположены были жилыя помѣщенія для двора.

При входѣ нашемъ въ комнату, хозяинъ съ гостями пилъ чай. Онъ привѣтливо раскланялся со мной и взялъ за руку, когда зять его отрекомендовалъ меня; затѣмъ, сказавъ мнѣ «садысь», пригласилъ насъ занять мѣсто на одномъ изъ низкихъ дивановъ, разставленныхъ около стѣнъ. На такихъ же диванахъ и табуретахъ съ короткими ножками, помѣщались и остальные, бывшія тамъ, особы мужескаго пола. При дальнѣйшихъ нашихъ разговорахъ я замѣтилъ, что въ словѣ «садысь» заключался весь лексиконъ знанія генераломъ русскаго языка; онъ даже ни разу не произнесъ употребительнѣйшаго между абазинами: «ножалуста».

Кацо-Моргани на видъ совсѣмъ не казался столѣтнимъ старцемъ, и хотя былъ полноватъ, однако добрый и веселый старикъ. На немъ былъ падѣтъ ситцевый турецкій халатъ, а на головѣ шапочка красного сукна, что-то въ родѣ фески, только безъ кисти. Чай распивали изъ блюдецекъ и стакановъ русскаго и турецкаго издѣлій, съ прѣсными пшеничными лепешками, приготовленными на маслѣ. Разговоры горцевъ были чинны, но, противъ обыкновенія, громки, чего требовала глухота хозяина, вслѣдствіе поврежденія отъ ранъ слуховыхъ органовъ. Говорилъ всегда одинъ, остальные выслушивали

со вниманіемъ, молча разглаживали бороды; когда первый копчалъ рѣчь, начиналъ говорить другой. Нѣкоторыя части разговора 3* передавалъ мнѣ. Горцы иногда и сами обращались ко мнѣ, а какъ, при содѣйствіи переводчика, въ разговоры трудно пускаться, то мы обмѣнивались лишь нѣсколькими словами. При подобной церемонной и монотонной бесѣдѣ, на непонятномъ для меня языкѣ, мнѣ скоро наскучило сидѣть, почему я, при первомъ же удобномъ случаѣ, послѣ чаю, передалъ просьбу генералу о дѣлѣ, по которому пріѣхалъ; онъ обѣщалъ свое содѣйствіе и предложилъ, по обычаю, съ дороги отдохнуть.

Меня провели въ комнату отдѣльную отъ общей кунацкой, гдѣ, между прочимъ, лежалъ на кровати черкесъ, рашеный въ руку во время пути сюда и, кажется, при какомъ-то набѣгѣ или воровствѣ. Онъ зналъ кое-какія русскія слова и также завелъ разговоръ со мной, причемъ объяснилъ, что перазъ бывалъ на Лабинской линіи и дальше въ укрѣпленіяхъ и въ казачьихъ станицахъ. Рапа его, по видимому, была уже въ безопасномъ положеніи и предвидѣлся благопріятный исходъ болѣзни.

Вскорѣ послѣ моего прихода, разговоръ нашъ съ больнымъ былъ прерванъ появленіемъ въ дверяхъ нѣсколькихъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Послѣднія, въ числѣ которыхъ были двѣ изъ горъ, вошли даже въ комнату и остановились. Причиной ихъ безцеремоннаго визита, конечно, былъ я, хотя любопытство это было немного неумѣстно, потому что онѣ, выстроившись въ рядъ, рассматривали меня съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ будто пришли поглядѣть на какого звѣря. Несмотря на столь напыный осмотръ, я старался скрыть свое смущеніе и будто не обращалъ на нихъ вниманія.

Горецъ, замѣтивъ мое неловкое положеніе, вздумалъ имъ отплатить тѣмъ же. Онъ сказалъ имъ на своемъ гортанномъ жаргонѣ нѣсколько словъ, отъ которыхъ на щекахъ дѣвушекъ вспыхнулъ мгновенный румянецъ; вслѣдъ затѣмъ онѣ со смѣхомъ скрылись; женщины тоже съ улыбками отошли отъ дверей. Спусти нѣсколько времени, онѣ опять появились у дверей, но уже стояли группой къ одной сторонѣ, завели между собой разговоръ и, по видимому, стали меньше смотрѣть на меня. Въ свою очередь, и я началъ ихъ рассматривать. Почти всѣ онѣ были стройны и красивы, а одна дѣвушка и замужняя женщина изъ семейства хозяина могли назваться замѣчательными красавицами, съ пѣшыми русыми локонами, спускавшимися на плечи. Какъ тѣ, такъ и другія были одѣты въ платья похожія на тѣ, какія посылъ у насъ женщины средняго

сослови, съ добавленіемъ только на кофтахъ и платьяхъ дутыхъ металлическихъ пуговицъ.

Я рѣшилъ, что не слѣдуетъ досадовать на дѣвушекъ, никогда не видѣвшихъ русскихъ; любонѣство ихъ было почитно и, слѣдовательно, извинительно; онѣ, по обычаямъ своего народа, нисколько не стѣснились, начали осмотрѣть *«урусъ анцера»*, какъ называли меня во всѣхъ деревняхъ округа, будто какую рѣдкость. Наконецъ я оправился отъ первыхъ впечатлѣній, заговорилъ съ горцемъ и даже съ ними, издумалъ-было пуститься въ любезности, наказать имъ комплементовъ, по тутъ, къ несчастію, раненый подробно перевелъ мнѣ свою прежнюю фразу къ дѣвушкамъ, о содержаніи которой я только догадывался. Я опять сталъ въ тупикъ и отложилъ всѣ попытки объясненій съ горичками изъ боязни, что переводчикъ преднамѣренно начнетъ извращать мои слова на ту же тему.

Фраза, сказанная большимъ, была такого содержанія, какого не услышишь даже между нашими престѣльпами, говорящими въ присутствіи женскаго пола. Между тѣмъ, у горцевъ, какъ у низшаго класа, такъ у дворянскаго и княжескаго, въ разговорѣ мужичи съ женщинами и даже съ дѣвушками допускается слишкомъ большая вольность непечатныхъ выраженій. Съ посторонними женщинами знакомаго семейства они не считаютъ приличнымъ говорить о чемъ-нибудь серьезномъ, кромѣ разсказовъ о какихъ-нибудь сидѣтияхъ, или отпускаютъ площадные шутки, касающіяся извѣстныхъ супружескихъ отношеній, даже безъ всякихъ двухсмысленностей, называя вещи ихъ собственными именами. Женщины не остаются въ долгу и отшучиваются тѣмъ же. Впрочемъ, нужно сказать, что правы абазинскаго племени, въ этомъ отношеніи, стоятъ выше мингрельскаго и имеретинскаго, отъ которыхъ извѣстный французскій путешественникъ Шарденъ приходилъ въ отчаяніе за двѣсти лѣтъ до нашихъ временъ.

Послѣ ужина, приготовленнаго по мѣстному обычаю, изъ соусовъ и шашлыковъ, генераль оставилъ насъ ночевать. Мы прѣехали въ лагерь на другой день.

По окончаніи покосовъ, сотнею начата была рубка лѣса на урочищѣ, называемомъ «Пицундскія выскы». Мѣстность эта тянется отъ рѣки Амчиши къ укрѣпленію Пицундамъ вдоль морскаго берега, въ который упираются стѣны сѣраго камня, со слоями желтаго и бураго песчаника, понижаясь иногда отъ 120 до 50 сажень. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, между выдающимися острокопечными ребрами камней, взымались тропинки, сообщавшія при-

брежья съ возвышенностями. Мѣстами отвѣсныя каменные глыбы, выдвинутыя углами въ море, совершенно перерѣзывали набережную полосу, такъ что здѣсь нужно было обходить ихъ, что возможно только въ тихую погоду и при самомъ небольшомъ морскомъ прибоѣ; при сильныхъ же волненіяхъ всякое сообщеніе по этому пути прекращается. Высоты покрыты густымъ иѣковымъ лѣсомъ дубовъ, сосенъ, слей, грабовъ и проч. На стѣнахъ обрывовъ, на небольшихъ выдающихся терасахъ, зеленѣетъ тощая растительность и порой печально склоплетъ вѣтви надъ пропастью какал-пибудь уродливая и хилая сосна или елка. Деревья вырастаютъ изъ расщелинъ и трещинъ стѣнъ, или на грядкахъ камней, сложенъ выходящихъ съ отвѣснаго спуска, гдѣ, по недостатку почвы, питающей корни, они не могутъ имѣть правильнаго развитія.

При устьѣ Амчиши, была въ то время лавочка съ товарами, и здѣсь же турками производились постройки кочермъ и фелюгъ изъ лѣсовъ урочища.

Деревья мы рубили на возвышенностяхъ и сбрасывали ихъ отсюда на берегъ, причемъ почти па половину они разбивались при падеши на щебенъ и камни. Но труднѣе всего была доставка лѣса отъ мѣста порубки къ лагерю. О колесной дорогѣ не могло быть и помину; дубъ и сосна тонули даже на морской водѣ, особенно можодое дерево этихъ видовъ, почему до устья Хюпсты они перетаскивались берегомъ по водѣ, что представляло немало затрудненій во время прибоевъ и дождей, когда невозможно было обходить вѣзавшихся въ море скалъ и переправляться черезъ Амчишу и Хюпсту. Остальные брусья мы славляли небольшими плотами на буксирѣ азовскаго барказа, прикомандированнаго къ намъ для доставки строительныхъ матеріаловъ отъ мѣста порубки къ нашей пристани.

Сперва начата была постройка конюшни, цейхгауза, а также перестройка балагановъ и кухни для сотни; баракъ для людей, по недостатку мастеровыхъ и позднему времени года, строить было невозможно. Да и начальствомъ не дано было къ тому никакихъ инструментовъ и денежныхъ средствъ на покупку гвоздей и проч. Постройки производились своими рабочими. Такъ какъ время сближалось къ осени, то нужно было подумать и о себѣ: зимой въ палаткѣ жить неприходилось, для чего вырыта была четырехугольная, продолговатая яма въ 1½ аршина глубины, надъ которой поставлена наша палатка съ двойнымъ полотномъ, имѣвшая одинаковую форму съ ямой. Входъ былъ съ западной стороны, а съ восточной устроенъ кирпичная печка; надъ палаткой, на четырехъ столбахъ, сдѣ-

лапъ драпичный навѣсъ, для защиты отъ дождя. На слѣдующую весну мы имѣли уже возможность изъ этого же навѣса смастерить комнату съ тремя окнами, хотя и безъ потолка.

Въ августѣ, въ одинъ изъ дней, когда начальникъ сотни былъ въ Сухумѣ, а мы съ командиромъ барказа, сотникомъ Ч—мъ, цѣлый день скучали въ лагерѣ, гдѣ никого не видно было, и когда даже абазинцы, по случаю наступавшей уборки хлѣба, рѣдко стали приходить, донцы и азовцы отдыхали послѣ вчерашнихъ трудовъ. Часть послѣднихъ, впрочемъ, была на берегу, возлѣ своего пресловутаго судна, покоившагося также на прибрежномъ пескѣ. Вечеромъ пріѣхалъ въ лагерь мигредецъ изъ Гудауты съ извѣстіемъ, что въ шести верстахъ ниже этого мѣстечка, при устьѣ одной изъ мелкихъ горныхъ рѣчекъ, въ наступающую ночь должна быть разгружена кочерма съ контрабанднымъ товаромъ. Съ полученіемъ такого свѣдѣнія, старшій сотникъ засуетился не на шутку; тотчасъ же приказалъ онъ своей командѣ готовиться спускать барказъ на воду и ставить мачты.

Биографія этого офицера замѣчательна: онъ былъ уроженецъ юго-западныхъ русскихъ губерній, изъ шляхтичей и, по достиженіи извѣстнаго возраста, отдавъ въ рекруты. Во время турецкой войны 1828 года, Ч—въ служилъ уже вахмистромъ кавалерійскаго полка. Попадши *нечаянно* въ плѣнъ къ туркамъ, онъ бѣжалъ за Дунай, къ некрасовцамъ и запорожцамъ, откуда выѣстъ съ послѣдними, вышелъ въ Россію по окончаніи войны, и поселился съ выходцами на указанной имъ землѣ, между Бердичскимъ и Маріупольскимъ уѣздами, на берегу Азовскаго моря, отъ имени котораго они и названы «азовскими казаками» (*). Начавъ вновь службу казакомъ и только чрезъ пятнадцать лѣтъ произведенный въ урядники, Ч—въ почти столько же лѣтъ пробылъ до производства въ офицеры. Во время перваго нашего знакомства съ нимъ, сотникъ имѣлъ отъ роду 82 года, и, несмотря на столь почтенный возрастъ, былъ еще бодръ, съ веселымъ и общительнымъ характеромъ. Это былъ прототипъ запорожца съ лысой головой, съ густыми, косматыми бровями и съ полуаршинными сѣдыми бакенбардами.

Въ составъ десанта, отправлявшагося на поиски, приплыли и меня. Черезъ часъ послѣ полученія извѣстія о предполагавшейся къ вы-

(*) Азовскіе казаки съ 1864 года переселены въ Черноморію, почему и вошли въ составъ Кубанскаго казачьяго войска.

грузкѣ контрабанды, барказъ уже огибалъ Бомборскій мысъ, тихо скользи по ровной поверхности водѣ, испещренныхъ легкой зыбью. Ночь была тихая; море, всегда шумное и суетливое даже при штилѣ, успокоилось въ это время и, кромѣ однообразнаго плеска прибоя, мягко ударявшагося о щебенъ берега, и ровныхъ взмаховъ веселъ, ничего слышно не было. Убаюкиваемый плавною качкою лодки, медленно накренившейся на обѣ стороны отъ движеній гребцовъ, я началъ дремать, безсознательно смотря на отражавшуюся въ водѣ свѣтло-синюю лазурь, усыпаемую безчисленными группами звѣздъ. Когда мы удалились отъ устья Хюпсты, было около девяти часовъ вечера. Барказъ шелъ на веслахъ, безъ парусовъ, изъ предосторожности не бытъ замѣчепнымъ при проходѣ мѣстечка.

Проѣхавъ Гудауты, мы были встрѣчены свѣжимъ вѣтеркомъ, почему подняли паруса; но, несмотря на то, подвигались впередъ медленно, потому что вырвавшійся изъ лежащаго впереди ущелья вѣтеръ дулъ намъ почти навстрѣчу; приходилось лавировать, а веслами не дѣйствовать, чтобы неслышно было ихъ ударовъ по водѣ. Приближаясь къ указанному мѣсту выгрузки, барказъ готовился къ нападенію: паруса были убраны, ружья заряжены, примкнуты штыки, а орудія заряжены картечью. Съ напряженнымъ вниманіемъ, молча, смотрѣли мы впередъ. Вотъ, наконецъ, показались въ темпотѣ и очертанія устья рѣчки... Два десятка нетерпѣливыхъ взглядовъ впились туда, стараясь, сквозь полумракъ ночи, скорѣе увидѣть судно съ богатой добычей... Но какъ мы ни присматривались, тамъ ничего и никого не было: на берегу царилъ та же тишина; только зыбь хлестала по прибрежнымъ камнямъ, все такъ же мѣрно и однообразно.

Повернувъ назадъ, мы пустились въ обратный путь и шли придерживаясь твердой земли. Не успѣли пройти и 200 сажень послѣ поворота, какъ на берегу засверкали огоньки и слышалось нѣсколько винтовочныхъ выстрѣловъ. Изъ провисжавшихъ надъ нашими головами путь, одна задѣла свернутый парусъ и мачту. Барказъ поворотилъ въ море и до самой Гудауты держался отъ береговъ на почтительномъ разстояніи, куда не могли достигать выстрѣлы абазиновъ. Сдѣланный по пасѣ залпъ былъ пущенъ съ пикета контрабандистовъ.

Выйдя изъ лодки въ мѣстечкѣ, мы остановились почевать въ квартирѣ таможеннаго чиновника, бывшаго въ это время по дѣламъ въ Сухумѣ. Утромъ нами было получено подробное свѣдѣніе о выгрузкѣ.

ныхъ товарахъ. Оказалось, что язовцы устья одной рѣчки приняли за другое; мѣсто же выгрузки лежало на версту далѣе.

Гудаута лежитъ при устьѣ незначительнаго горнаго протока и отстоитъ отъ селенія Соуксу въ трехъ верстахъ, и почти на столько же отъ Бомборскаго мыса и укрѣпленія Бомборы. Собственно мѣстечко составляетъ одна улица, застроенная съ обѣихъ сторонъ рядами деревянныхъ лавокъ; позади нѣкоторыхъ изъ нихъ пристроены жилые дома. Улица начиналась почти отъ самаго моря и упиралась въ лѣсъ, тянувшійся къ Соуксу. Лѣсъ покрывалъ все абхазское побережье, прерываясь только кое-гдѣ небольшими безлѣсными полянками. На самомъ видномъ мѣстѣ, надъ берегомъ, красовалась турецкая кофейня, а напротивъ ея мечеть, съ деревяннымъ минаретомъ. Жители Гудауты, турки и мингрельцы, занимались торговыми оборотами и спекуляціями, эксплуатируя туземцевъ. Торговля велась, конечно, мелочная; англо-турецкіе товары промѣнивались на мѣстные произведенія: воскъ, кожи, сушеные фрукты, пальмовое и орѣховое дерево и особенно кукурузу, вывозившуюся тогда изъ Абхазіи въ значительномъ количествѣ. Кромѣ мелочныхъ бездѣлушекъ и грубыхъ англійскихъ *читы* (ситца) и бязей, порядочнаго цѣльзя было ничего найти; хорошіе товары не привозились по неимѣнію потребителей.

Всѣ вообще предметы торговли доставлялись посредствомъ контрабанды, и на деньги все можно было купить недорого; вдвое дороже обходились товары жителямъ при мѣнковой покупкѣ. По словамъ турокъ, изъ Англіи товары въ Порту ввозились беспошлинно; точно такъ же и вывозъ оттуда всего, что только имѣло англійское клеймо, къ берегамъ непокорныхъ горцевъ и абхазскаго владычства отпускалось безъ таможенныхъ оплатъ. Хотя въ то время въ Гудаутѣ и находился дистанціонный чиновникъ, подвѣдомственный сухумъ-кальской карантинно-таможенной конторѣ, даже съ двумя пѣшими гвардіонами, или надзирателями, вооруженными тесаками, по это, конечно, ничего не помогало охраненію береговъ, на разстояніи семидесяти верстъ (отъ Сухума до Пицунды), отъ ввоза беспошлинныхъ товаровъ. Надзоръ ограничивался тѣмъ, что, если подходило къ мѣстечку контрабандное судно, то они упрашивали шкипера отойти хотя на полверсты и тамъ разгрузаться, послѣ чего товары ввозились на арбахъ, что не такъ рѣзко бросалось въ глаза. Безъ сомнѣнія, это дѣлалось въ видахъ огражденія служащихъ отъ ответственности по закону. Воспрепятствовать же ввозу контрабанды не могла никакая сила при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ краѣ:

вся Абхазія могла возстать поголовно противъ этой мѣры. Если барказъ и хотѣлъ сдѣлать попытку напасть на контрабандное судно, то жители не могли его преслѣдовать; съ отбитымъ же призомъ, и даже съ кочермой на буксирѣ, онъ имѣлъ возможность свободно отступать въ Сухумъ или въ Гагры.

Несмотря на то, что правительство платило значительную субсидію за недопущеніе въ порты абхазскаго владѣніи-безпошлинныхъ товаровъ, они ввозились тогда по всему протяженію его береговъ (кромя Сухумъ-Кале) безпрепятственно.

На утро, 4-въ, встрѣтившись съ знакомыми мингрельцами, началъ раскупоривать одну за другой бутылки портеру и вина, которые въ Гудаутѣ продавались не дороже 30 копѣекъ за каждую, въ чемъ, конечно, участвовалъ и я. Казаки тоже подгуляли; день былъ базарный и народъ съ самаго утра толпами входилъ въ мѣстечко. Случилось такъ, что пришелъ туда и плѣнный солдатъ, проживавшій у хозяина въ деревнѣ на рѣкѣ Гузистѣ; встрѣтившись съ казаками, онъ приглашенъ былъ въ кружокъ, гдѣ распивался англійскій ромъ, продававшійся также недорого.

Было уже одиннадцать часовъ дня, когда сотникъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ: не взять-ли плѣннаго на барказъ, чтобы увезти въ Сухумъ, о чемъ тотъ упрасивалъ его и казаковъ. Это былъ тотъ самый солдатъ, о которомъ намъ рассказывалъ Андрей. Я старался отклонить исполненіе этого намѣренія, представляя всю несообразность подобнаго поступка при такомъ степеніи абхазцевъ, находя болѣе удобнымъ, условясь съ нимъ назначить пунктъ, гдѣ вечеромъ можно было бы взять его секретнымъ образомъ. Рѣшиться же брать плѣннаго въ виду огромнаго скопища абазинцовъ, было больше чѣмъ рискованно: тутъ можно было навѣрное рассчитывать на неминуемую несправедливость. Къ несчастію, когда командиръ барказа ушелъ отъ меня, подкутившая команда настаивала на томъ, что бы сейчасъ увезти «хрещенаго человѣка,» избавивъ его отъ рабства «у поганой віры,» на что 4-въ и рѣшился. Барказъ уже былъ спущенъ и сходя съ него на берегъ брошена, когда подходили туда азовцы, окружавшіе плѣннаго.

Замѣтивъ намѣреніе казаковъ, нѣсколько человѣкъ абазинцовъ заступилъ имъ дорогу. Мгновенно послышались завыванья, обыкновенные условные сигналы, которыми абазины передаютъ извѣстія на большія разстоянія: всякій слышавшій этотъ шакалоподобный вой, посылалъ его тѣмъ же порядкомъ дальше. Тревога распространилась не только въ мѣстечкѣ, но сейчасъ же

отозвалась и въ сосѣднихъ деревняхъ. Когда казаки хотѣли продолжать путь, десятка два всадниковъ присоединились къ пѣшимъ, стали также поперекъ дороги и настоятельно требовали, чтобы казаки убирались на баркавъ сами, оставивъ плѣннаго. Стоявшій уже у руля сотникъ, смекнувъ, что дѣло-то выходитъ дрянно, сошелъ на берегъ, чтобы отдать приказаніе командѣ оставить солдата въ покоѣ; но казаки были отъ него заслонены все больше и больше выросавшею толпой, въ которой, кромѣ дѣйствовавшихъ лицъ, много было и любопытныхъ. Къ счастью, урядникъ не терялъ хладнокровія и удерживалъ порывы подпившихъ казаковъ, готовыхъ схватиться за шашки, между тѣмъ какъ абазины повынимали уже изъ за поясовъ пистолеты и ружья изъ чехловъ. Съ каждой минутой скопище росло; сбѣгались пѣшіе и конные; тѣхъ и другихъ набралось до 150 человекъ; плотнѣе окруживъ азовцевъ, они направили на нихъ свое оружіе. Нѣкоторые пустили уже въ ходъ и нагайки; но съ казаковъ, какъ они сами говорили послѣ, «и хмѣль соскочилъ»: они бы рады были выйти изъ блокаднаго состоянія, но и имъ однимъ не давали пропуска къ лодкѣ.

Я стоялъ поодаль и смотрѣлъ на готовившуюся разыграться трагикомедію, затѣянную такъ некстати; однако помочь бѣдѣ было трудно. Замѣтивъ между всадниками нѣкоторыхъ изъ своихъ достовъ и знакомыхъ изъ Соуксу и другихъ деревень, я рѣшился на попытку отвлечь опасность. Подойдя къ нимъ, я старался знаками и жестами объяснить, что казаки это хотѣли сдѣлать съ-пьяна, а потому упрасивалъ ихъ, уже черезъ переводчика-миргрельца, пустить азовцевъ, отобравъ плѣннаго, если послѣдняго не хотятъ отдать имъ. Посредничество мое приняло благопріятный оборотъ: абхазцы пачали между собой вести переговоры и рѣшились выпустить казаковъ; плѣнникъ же, еще ранѣе моего внимательства, былъ захваченъ абхазцами. Команда бросилась къ барказу и отчалила отъ берега.

Когда я взглянулъ на море послѣ того, какъ увезли плѣнника, баркавъ, раскинулъ оба паруса, быстро щелъ вдоль береговъ и пачиналъ уже огигать мысъ Бомборы. Послѣшнее удаленіе лодки было очень кстати: отходя отъ Гудауты, казаки перекинулись нѣсколькими перебранками съ абхазцами, съ приправой угрозъ; обѣ стороны были недалеко отъ того, чтобы схватиться за оружіе и пачать между собой перестрѣлку; тѣмъ больше, что азовцы чувствовали себя на своей стихіи. Я боялся, чтобы приготовленная для контрабандистовъ картель, не была отправлена въ мѣстечко,

а потому, покуда барказъ не отошелъ подальше, я стоялъ на берегу и дѣлалъ знаки уходить скорѣе.

14-го августа, мы съ С. П. и нѣсколькими казаками отправились въ укрѣпленіе Пицунды, гдѣ имѣлось въ виду купить сѣна и отослать туда на зимовку часть лошадей. Съ Хюпсты мы выѣхали съ начальникомъ Бзыбскаго округа, которымъ въ то время былъ братъ владѣтеля, любимый и уважаемый народомъ за справедливость князь К. Шервашидзе. Онъ около двухъ мѣсяцевъ былъ гдѣ-то въ отсутствіи, и теперь, возвратившись къ своему мѣсту, ѣхалъ по дѣламъ въ одинъ изъ пограпичныхъ ауловъ при рѣкѣ Бзыби. Вслѣдствіе этого, насъ сопровождала пестрая, шумная свита, состоявшая изъ цѣлой толпы конныхъ и даже пѣшихъ абазинцевъ. Первые изъ нихъ почти во весь путь джигитовали, причемъ одинъ схватывалъ съ себя шапку и подбрасывалъ вверхъ; другіе въ это время успѣвали вынимать изъ чехловъ ружья или изъ-за поясовъ пистолеты, стрѣляли въ шапку и она падала, пронизанная пулями, что дѣлалось при полномъ карьерѣ. Бросали также шапки и другія вещи на дорогѣ, а задніе на скаку поднимали ихъ, и затѣмъ, подбрасывая вверхъ, вынимали ружья, дѣлали выстрѣлъ, не допуская вещи до земли. Вообще абазинцы показывали много ловкости, живости движеній и смѣлости.

По дорогѣ мы останавливались близъ каждаго, находившагося по пути, селенія, усаживаясь подъ какимъ-нибудь развѣсистымъ деревомъ, гдѣ производился начальныйкомъ округа судъ и расправа по мѣстнымъ обычаямъ. Вслѣдствіе просьбы, выходилъ навстрѣчу ему и, преклонивъ колѣно, цѣловалъ полу чохы или рукавъ одежды князя (если проситель былъ дворянинъ), и затѣмъ начиналъ передавать содержаніе своей жалобы. Всѣ разборы дѣлались устно, причемъ, опросивши обиженнаго и обидчика, когда онъ былъ тутъ, приступалось къ допросу палачныхъ свидѣтелей. Шумныхъ словопрениій не было; вслѣдствіе изъ допрошенныхъ говорилъ только тогда, когда его спрашивали. Выслушавъ обѣ стороны, князь произносилъ свое рѣшеніе, и наблюденіе его, при важныхъ случаяхъ, поручалъ моураву деревни, или одному изъ почетныхъ дворянъ, близкихъ къ жительству тяжущихся. Такихъ остановокъ мы имѣли двѣ, продолжавшихся болѣе двухъ часовъ каждая. Но за потерю времени насъ вознаграждало зрѣлище судебныхъ процессовъ по адату (по обычаю), творившихся нѣсколько столѣтій царями и владѣтелями Закавказья, чего впоследствии негдѣ уже было увидѣть. Последнее изъ бывшихъ самостоятельныхъ владѣній этого края, абхазское, въ то время доживало свои послѣдніе дни. Тутъ мнѣ еще въ первый разъ бросилась въ глаза одна ха-

характеристическая особенность туземцевъ: жалобникъ, или отвѣтчикъ, послѣ цѣлованія помы, по приглашенію князя садился обыкновенно противъ него на землю, и когда начиналъ говорить, то отыскивалъ руками около себя какую-нибудь тонкую наложку и во все время объясненія обламывалъ ее небольшими частями, бросая ихъ на землю. Если не случалось близко такого прутика, то срывался стебелекъ травы и постепенно ошипывались съ него листья, или раздроблялся понемногу стволъ. Почти тѣмъ же были заняты присутствовавшіе слушатели, изъ числа окружающей князя свиты. Замѣчательно, что всѣ народныя сходки бывають на открытомъ воздухѣ, гдѣ абхазцы никогда не говорятъ стоя, а сначала садятся на землю поджавъ ноги, или на приготовленныхъ для того скамейкахъ подъ деревьями, и затѣмъ начинаютъ разсуждать о дѣлѣ. Порядочные люди считаютъ за неприличіе говорить о чемъ-нибудь серьезномъ между собой, не усѣвшись.

На встрѣчу начальнику округа, по дорогѣ изъ деревень, выѣзжали дворяне и присоединялись къ нашему поѣзду. Минувъ послѣднее селеніе на правой сторонѣ Амчисни, мы вступили въ небольшое ущелье, отдѣляющее пицундскія высоты отъ горъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ углубленіе это имѣло видъ широкихъ ложбинъ и котловинъ, покрытыхъ густымъ, высокимъ папоротникомъ, среди котораго разбросано множество деревьевъ: орѣха, каштана, черешни, фурмы и другихъ, спущенныхъ вьющимися лозами винограда. Флора Абхазіи, какъ и флора Имеретіи и Мингреліи, изобилуетъ множествомъ фруктовыхъ деревьевъ, названіе которыхъ перечислять считаю неудобнымъ. По выѣздѣ изъ ущелья, мы отдѣлились изъ свиты князя и направились къ Пицундѣ, куда оставалось около трехъ верстъ, а онъ поѣхалъ къ Бзыби въ одно изъ селеній князей Иналиповыхъ (Иналипа). Это была единственная княжеская фамилія въ Абхазіи, кромѣ владѣтельской; отношенія ея къ послѣдней были на правахъ васаловъ и владѣтели только въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣшивались въ дѣла ихъ. Деревни, принадлежавшія Иналиповымъ, отдѣлились отъ Абхазіи пицундскими высотами, занимая полосу отъ этого пункта до рѣки Бзыби, пограничнаго пункта владѣнія; съ остальныхъ двухъ сторонъ, участки ихъ примыкалъ къ ближайшимъ отрогамъ абхазскихъ горъ и къ морю. Близъ береговъ моря, тамъ же расположено укрѣпленіе Пицунда и деревушка, когда-то принадлежавшая монастырю.

Пицунда окружена ровною, открытою мѣстностью, на которой изрѣдка виднѣются сосны, разбросанныя по всей площади прилегающей къ морю, на разстояніи отъ одной до двухъ верстъ, начи-

пая отъ юго-запада къ юго-востоку, гдѣ выдается небольшой мысъ идущій съ устья Бзыби до лѣсистыхъ высотъ. Стѣны крѣпости сложены изъ сѣраго камня, вышиной до семи аршинъ, и образуютъ четырехугольникъ, съ небольшими неровностями и выдающимися угловатостями на профилахъ, служившія прежде оградой греческому монастырю. Нужно полагать, что постройка этой ограды относится къ періоду времени до употребленія огнестрѣльнаго оружія: для обороны стѣнъ не сдѣлано никакихъ отверстій, и только по занятіи монастыря русскими подняты были на всѣхъ четырехъ углахъ барбетъ и пробиты амбразуры для орудій. По всему протяженію стѣнъ устроены, также на столбахъ, бапкеты для стрѣлковъ. Саженьхъ въ 150 отъ ограды видны остатки стѣпъ деревняго, довольно обширнаго города. На юго-востокъ отъ главныхъ воротъ, къ берегу моря, ведетъ шоссеванная дорога, по сторонамъ которой проложена дорожка для пѣшеходовъ, усыпанная щебнемъ и обсаженная рядами липъ и акаціи. Шоссе оканчивается у небольшой кирпичной башни, занимаемой пикетомъ изъ Пицунды. Тутъ же выстроенъ былъ азовскій казачій постъ, гдѣ находилась постоянная команда при офицерѣ, съ барказомъ. Отъ укрѣпленія, по направленію къ рѣкѣ Бзыби, лежитъ довольно глубокое, изобильное рыбой озеро, что можно считать своего рода рѣдкостью на закавказскомъ берегу Чернаго моря, гдѣ, кромѣ болота Палеостомы (при устьѣ Ріона), отъ Новоросійска до поста Св. Николая (граница съ Турціей) озеръ на всемъ протяженіи почти нѣтъ, исключая незначительныхъ болотистыхъ илосовъ, образовавшихся въ устьяхъ нѣкоторыхъ ручейковъ, фарватеры которыхъ засыпаются щебнемъ во время морскихъ прибоевъ.

Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ третьей линейной роты казачскаго линейнаго № 33 батальона.

О времени начального занятія Пицунды греческими поселенцами не встрѣчается прямыхъ историческихъ свѣдѣній. Можно думать, что пунктъ этотъ, командуемый окружающею населенною равниною, при устьѣ одной изъ значительнѣйшихъ рѣкъ въ краѣ, не могъ оставаться не занятымъ промышленными эллипами еще при первой ихъ колонизаціи въ Закавказьѣ. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что греки во время оно эксплуатировали туземное населеніе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По свидѣтельству греческихъ писателей, закавказскіи ихъ колоніи процвѣтали богатствомъ и довольствомъ вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ жителями края; но историки не упоминаютъ о томъ, обогащались ли послѣдніе отъ торговли съ культурными народами. Несмотря на короткій срокъ владычества

римлянъ на берегахъ Чернаго моря, остатки каналовъ, дорогъ и развалины другихъ сооруженій до сихъ поръ свидѣтельствуютъ, что римляне желали внести начатки цивилизаціи между полудикими обитателями горъ. Эксплоатація турокъ, смѣнившихъ византійцевъ, производилась еще обширнѣе: турки стали наполнять невольничьи рынки въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ живымъ товаромъ, въ особенности женщинами, вывозимыми съ абхазскихъ береговъ. Только въ 1831 году былъ занятъ нашими войсками Пицундскій монастырь. Это укрѣпленіе было оставлено гарнизономъ 21-го апрѣля 1854 года, по случаю войны съ турками, на сторонѣ которыхъ стояло туземное населеніе, подстрекаемое агентами Порты и соседними горцами. Послѣ этого десантный корпусъ Омера-паши занималъ всѣ важнѣйшіе пункты Абхазіи до окончанія войны; онъ удался 5-го мая 1856 года, а Пицунда снова была занята рускими въ 1857 году.

Слѣдующее утро, 15-го августа, былъ ротный праздникъ гарнизона, почему были отслужены часы въ древнемъ храмѣ.

Церковь эта замѣчательна по своей обширности и прочности; она построена во имя Божьей Матери, въ царствованіе императора Юстиніана (въ VI вѣкѣ). Во время нашего посѣщенія, внутренность этого зданія служила складомъ провинціа; вся нижняя часть его была занята кучами муки и крупы, сложенными по-ирусио между внутренними колонами, поддерживающими широкіе своды. Только въ одномъ юго-восточномъ углу, незапиромъ мѣшками, стояло нѣсколько ротныхъ иконъ съ мѣднымъ ставникомъ и съ привѣшенной лампадкой. Алтарь былъ также занятъ складомъ амуниціи вещей; во второмъ этажѣ задней части церкви, гдѣ прежде, вѣроятно, были придѣлы, помещалось лазаретное отдѣленіе. Корпусъ храма еще хорошо сохранился, кромѣ самыхъ незначительныхъ поврежденій; даже видѣлись остатки фресковъ византійской живописи на сводахъ главнаго купола и на стѣнахъ его. На правой сторонѣ, къ стѣнѣ, находится гробница Св. Іоанна Златоустаго, гдѣ, по мѣстному преданію, нѣсколько времени покоились его мощи, до перенесенія ихъ въ Константинополь (*).

(*) Св. Іоаннъ Златоустъ, патріархъ константинопольскій, сосланный во вторичное заточеніе въ Малую Азію при императорѣ Аркадіи, по неудовольствію царицы Евдокіи, который, съ помощью армянъ, успѣли обвинить его въ Оригеновой ереси, былъ отправленъ ватъиъ, сначала сухимъ путемъ, а потомъ моремъ, въ Пицунду. О чемъ въ Честн-Мянехъ повѣствуется (13-го ноября) такъ: „Да прогнанъ будетъ (г. е. Іоаннъ) въ мѣсто пусто, нарицаемое *Илоріунтъ*, лежащее при брежѣ Понтийскаго моря; въ соседствѣ варваровъ бунтъ“ (стр. 379, на оборотѣ). По

О возобновленіи храма существовало предположеніе, которое и утверждено было правительствомъ въ послѣдствіи. Мѣра эта должна имѣть важное вліяніе на возстановленіе православія въ ближайшихъ селеніяхъ, гдѣ многіе жители еще не совсѣмъ утратили христіанство, или, по крайней мѣрѣ, не считали себя мусульманами.

Противъ восточной части церкви, впереди алтари, сохранился колодезь, въ который, по преданію, была проведена вода глиняными трубами, изъ далекой мѣстности. Въ настоящее время проводникъ этотъ засоренъ, почему и неизвѣстно откуда взято начало его: съ рѣки-ли Бзыби по выходѣ ея изъ горъ, или же отъ горныхъ ключей ближайшаго отрога. Кромѣ храма, никакихъ древнихъ зданій внутри стѣпъ укрѣпленія не уцѣлѣло; по всей вѣроятности, при занятіи монастыря, они были въ полуразрушенномъ состояніи и разобраны при постройкахъ ротныхъ баракъ и другихъ хозяйственныхъ строеній. Близъ южной стѣны ограды монастыря, противъ западнаго входа въ церковь, еще стояли обломки кирпичнаго двухъ-этажнаго дома русской постройки, сожженного абазинами послѣ выхода гарнизона изъ укрѣпленія въ 1854 году.

Намъ, между прочимъ, говорили, что у бывшаго воинскаго начальника Пицунды, капитана В—ва, добраго и гостепріимнаго старика, подражавшаго, въ послѣднемъ отношеніи, мѣстнымъ обычаямъ, имѣлась рукопись собранныхъ имъ народныхъ преданій о монастырѣ, равно и подробное описаніе всѣхъ замѣчательныхъ развалинъ, сохранившихся отъ разрушенія рукой времени и отъ невѣжества населенія. Очень жаль, если этимъ запискамъ не будетъ суждено появиться въ печати; онѣ могли бы быть полезны для археологическихъ указаній, и, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ хотя и отрывочныя, но важныя свѣдѣнія о существованіи Пицунды до ея упадка.

Съ наступленіемъ осени, начались сырые, пасмурные дни. Дожди въ тѣхъ мѣстахъ почти всегда начинаются легкимъ, прозрачнымъ туманомъ, который сначала, въ видѣ мглы окутываетъ вершины сосѣднихъ горъ, спускается къ подножіямъ ихъ, постепенно закрываетъ ущелья и долины. Туманы продолжаются иногда по двое сутокъ и больше, становясь все плотнѣе, такъ, что въ десяти

греческими сказаніями, онъ умеръ на морѣ, не доѣхавъ до мѣста, близъ приморскаго города *Команъ*, и въ немъ погребенъ въ 407 году по Рождеству Христову. Но въ какомъ мѣстѣ существовалъ этотъ городъ, нѣмыхъ указаній нѣтъ. Зикавказскія же преданія мѣстомъ смерти Златоустаго указываютъ Псырту, откуда мощи его доставлены въ Пицунду. Черезъ тридцать лѣтъ, по греческимъ же историкамъ, она были перевезены въ Константинополь.

шагахъ нельзя ничего видѣть. Водянистые пары, медленно соединяясь въ капли, переходятъ сначала въ мелкій, а затѣмъ и въ крупный дождь. Иногда нѣсколькихъ часовъ довольно для того, чтобы туманъ превратился въ самый сильный ливень. Зимой и въ осеннее время, нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ, продолжается такая погода. Въ этотъ годъ подобные дожди, начавшись 2-го сентября, кончились только 31-го числа ночью, когда небо совершенно очистилось отъ тучъ. На слѣдующее утро, 1-го октября, какъ только надъ моремъ показался и сталъ величаво выплывать изъ за горизонта блестящій шаръ солнца, вся сотня вышла изъ балагановъ смотреть, будто на какое небывалое зрѣлище, потому что цѣлыхъ тридцать дней мы не только не видѣли солнца, но даже лишены были удовольствія глядѣть и на обыкновенное пасмурное небо, покрытое мелкими стадами перистыхъ облаковъ, группами перебѣгавшихъ по свѣтлосинему своду. Во весь этотъ мѣсяцъ надъ нами висѣла густая, непроницаемая пелена тумана, сыпавшаго микроскопически-мелкія водяныя брызги, то переходившія въ дождь, то снова обращавшіяся въ пыль испареній.

Ночи въ такіе періоды бываютъ до того темны, что всякое движеніе безъ фонаря можетъ дѣлаться только ощупью; бываетъ именно такая темь, которая по мѣткому русскому выраженію объясняется словами: «не видно ни зги.»

Рыхлая и отчасти болотистая почва всего восточного побережья Чернаго моря при продолжительныхъ ливняхъ до того пропитывается водой, что на каждыхъ десяти шагахъ ровной площади открываются родники. Идти въ эту пору черезъ наши почти невозможно; если же проходить по мѣсту, гдѣ плугъ давно дотрогивался до земли, или черезъ запаханная совѣмъ поля, то подъ тяжестію человѣка почва значительно опускается, образуя углубленія, откуда вода, прорываясь сквозь оболочку, заливаетъ ноги. Даже нѣсколько дней спустя, послѣ подобныхъ дождей, ключи не иссыкаютъ, и при переходѣ по твердому грунту поверхность его осѣдаетъ подъ ногами, а кругомъ съ шипѣніемъ вырываются водянистые пузыри. Если бы на это время спять верхній слой земли, связанный корнями травъ, то подъ нимъ образовалось бы непроходимое болото. Почва и зимой глубоко пропитывается водой не только въ мѣстахъ низменныхъ, но почти тоже самое бываетъ и на скатахъ и возвышенностяхъ, до границъ предѣла лѣсной растительности. Впрочемъ, и выше этой черты земля; столько же рыхла; но тамъ дождей бы-

васть меньше, сравнительно съ мѣстностями мало поднятыми надъ уровнемъ моря.

Во время сильныхъ ливней въ теченіе осени и зимы, два раза появлялись родники въ нашей землянкѣ, которая стояла на возвышенности, имѣвшей покатости на обѣ стороны, сверху была защищена дращичной кровлей надъ палаткой, а вокругъ обрыта канавой по доскату навіса, чтобы подъ него не могла проходить вода. При открытіи этихъ подземныхъ фонтановъ, на разстояніи аршина и даже болѣе отъ поверхности земли, большого труда стоило намъ забить ихъ.

Можно себя представить, какъ намъ весело было сидѣть въ балаганахъ, окруженныхъ лѣсами, почвой насквозь пропитавшейся водой и небомъ нѣсколько недѣль сряду покрытымъ плотными, влажными слоями тумановъ, при безостановочномъ дождѣ. Выйдемъ, бывало, изъ землянки, отыремъ раза два взадъ и впередъ площадку, между рядами балагановъ, залитыхъ со всѣхъ сторонъ водой и грязью, въ срединѣ которыхъ помѣщались казаки на высоко вымощенныхъ нарахъ, а затѣмъ отправимся къ рѣчкѣ посмотрѣть, какъ она пѣнитъ, будто разсердившись на непогоду, реветъ и прыгаетъ по каменистому ложу, разбивая свои грязные каскады о подводные рифы и камни, возвращаемся въ яму, прикрытую палаткой, слушать нескончаемую музыку глухого рева моря.

Въ одну изъ угрюмыхъ декабрскихъ почей, С. П. не было въ лагерѣ, откуда онъ сутками раньше отправился въ Пицунду для осмотра лошадей, паходившихся тамъ съ командой на зимовкѣ. Я же, потопивши палатку, лежалъ на своей койкѣ и читалъ какой-то занимательный романъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», взятыхъ нами изъ сухумской клубной бібліотеки. Было около часа по полуночи, когда я, кончивши чтеніе, бросилъ книгу на полку и погасилъ свѣчу. Не прошло и десяти минутъ, послѣ того какъ я улегся, противъ дверей землянки раздался окликъ часового: кто идетъ?

Часовой шагаль отъ конюшни, гдѣ помѣщались двѣ лошади, командира сотни и мой, къ цейхаузу, расположенному шагахъ въ десяти отъ навіса надъ палаткой; такимъ образомъ, оборачиваясь взадъ и впередъ, онъ проходилъ не въ далекомъ разстояніи отъ выхода изъ нашей землянки. Въ случаѣ сильнаго дождя, онъ становился подъ навісъ цейхауза, въ такомъ мѣстѣ, откуда бы ему видна была и конюшня. Возвращаясь къ послѣднему зданію, онъ наткнулся на кого-то выѣзжавшаго изъ дверей его на лошади.

Почти въ самый моментъ перваго оклика, послышался быстрый ло-

шадивый топотъ, и только черезъ нѣсколько секундъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ: запрятанное отъ дождя въ чехолъ ружье не могло быть вовремя употреблено въ дѣло. Покуда встревоженные казаки выбѣжали изъ своихъ копурокъ, воръ, укравшій, какъ оказалось послѣ, двухъ лошадей Апостолова, успѣлъ уже ускокать. Повсему видно было, что воръ былъ знакомъ съ мѣстностью.

Черезъ полгода послѣ этого случая, мы узнали, что злодѣй почти съ вечера терпѣливо сидѣлъ близъ биваука до часа по полуночи, выжидая покуда въ палаткѣ погаснетъ огонь, откуда конюшня находилась не больше какъ въ трехъ саженьяхъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ пробрался къ цейхгаузу и, воспользовавшись временемъ, когда часовой повернулся идти отъ дверей конюшни, проскользнулъ въ нее, отвязавъ лошадей и—поминай какъ звали.

Я съ намѣреніемъ упомянулъ объ этомъ происшествіи, чтобы указать на ловкость и рискованную смѣлость абазинцовъ въ конокрадствѣ, которое не считается у нихъ за порокъ или за что-либо предосудительное, а, напротивъ, они имъ гордятся, какъ удачею и молодецтвомъ.

На другой день дождь шелъ по обыкновенію и съ своими обычными видоизмѣненіями. Море, всегда неспокойное, въ этотъ день разбушевалось какъ-то особенно. Около полудня среди бурного ропота его, послышался съ подвѣтра рѣзкій, но отдаленный пушечный выстрѣлъ, почему нѣсколько человѣкъ, въ числѣ ихъ и я, тотчасъ же отправились къ устью Хюпеты. Не успѣли мы выйти изъ лѣсу, какъ выстрѣлъ повторился уже невдалекѣ: то были сигналы азовскаго барказа, который, извѣщая о своемъ намѣреніи подойти къ пристани, требовалъ отъ насъ помощи. Едва мы добѣжали туда, какъ лодка, несшаяся до тридцати узловъ въ часъ, была уже въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ берега, но не могла пристать; паруса, конечно, уже были спущены. Сѣрые валы грозно и высоко поднимали хребты и, шипя и пѣясь, ударились о прибрежные камни. Какъ только показались мы изъ лѣсу, былъ сброшенъ причалъ съ барказа; но онъ, увлекаемый отъ берега отходившимъ валомъ, чуть не утащилъ схватившихся за веревку шесть человѣкъ въ клочковавшій бурунъ. Нѣсколько разъ азовцы пытались вновь сбросить веревку, однако не могли подойти къ берегу близко, потому что съ каждой минутой вѣтеръ крѣпчалъ и волненіе усиливалось. Мы только тутъ замѣтили, что на лодкѣ былъ С. П., который, по приглашенію начальника команды, отправлявша-

гося въ Сухумъ, сѣлъ на нее съ намѣреніемъ сойти на берегъ при устьѣ Хюпсты. Быстро усиливавшійся штормъ помѣшалъ тому.

Наполецъ, близъ самаго берега держаться было уже невозможно: барказу грозила опасность разбиться о щебень дна на мели, или опрокинуться. Онъ отошелъ отъ берега сажень на полтора и хотя оттуда кричали намъ, что мы уже больше пещужны, однако за шумомъ пельзы было ничего слышать: море до того буянило и ревѣло, что даже стоявшему на берегу рядомъ пужно было чуть не кричать подъ ухо. Особенно замѣчательное зрѣлище представлялось на барѣ Хюпсты, гдѣ съ стремительнымъ напоромъ ся водъ встрѣчались широкіе, шумно рокотавшіе шквалы и, борясь между собою, вздымались на изумительную высоту. Казалось, обѣ стороны не хотѣли уступать одна другой; но побѣда оставалась на сторонѣ сильнѣйшаго: слѣдовавшія рядами одна за другой гряды шторма подавляли своею тяжестію бѣшеную быстроту рѣки, и схватившіеся буруны съ оглушительнымъ воемъ обрушивались внизъ. За баромъ, изъ-за грязно-сѣдыхъ гривъ, покрытыхъ клубящейся пѣной, порой выпрыгивалъ барказъ и опять скрывался въ нихъ. Общій видъ бушующей стихіи представлялся намъ въ видѣ кипящаго гигантскаго котла, валуны котораго, клокоча, то опускали лодку внизъ, то подбрасывали ее снова на свои вершины, качая какъ щепку и показывая на поверхности то бортъ, то корму. Порой скрывались за гребнями волнъ даже невысокія ея мачты, наклонившіяся чуть не горизонтально на обѣ стороны, дѣлая розмахъ почти на третью часть круга. Каждый разъ, какъ лодка опускалась совсѣмъ съ спасеніемъ, ниже ближайшихъ къ намъ валовъ, мы невольно вздрагивали. Но гребцы работали съ большою энергіею и отошли почти на полверсты отъ берега, такъ что черезъ нѣсколько минутъ могли совсѣмъ выбраться изъ прибрежныхъ шкваловъ, булившихъ съ какимъ-то неистовствомъ, и самыхъ опасныхъ даже для такихъ мелкихъ судовъ какъ азовскій барказъ.

Отойдя отъ берега лодка могла считать себя почти внѣ опасности: волненіе было тише и удары гребней его, слѣдовавшихъ въ извѣстномъ порядкѣ, ровнѣе. Какъ только выбрались азовцы на мѣсто, въ которомъ, по выраженію ихъ, «можно было взять вѣтеръ», тотчасъ же подняли четверть паруса на самой нижней части мачты, и направили курсъ къ Бомборскому мысу. Тутъ они стали, хотя и медленно, двигаться впередъ. По мѣрѣ того, какъ судно приближалось къ мысу, мы слѣдовали берегомъ, предполагая, что за угломъ его можно будетъ ему пристать, гдѣ прибой, судя по

направленію вѣтра, долженъ быть значительно слабѣе. Поровнявшись съ этимъ послѣднимъ пунктомъ, судно сдѣлало поворотъ подъ вѣтеръ, который ему тутъ былъ совершенно попутный, т. е. «въ распашную», и пошло въ ходъ быстрѣе. Намъ оставалось всего сажень сто до окончности мыса, когда барказъ зашелъ за него. Но, выйдя туда, мы увидѣли, что онъ, поднявши почти весь нарустъ, былъ уже отъ насъ верстахъ въ четырехъ и, спустя четверть часа, скрылся совершенно изъ глазъ. Черезъ часъ барказъ входилъ въ сухумскій рейдъ.

III.

Полученію писемъ изъ дома.—«Засидки».—Пасха въ Оуксу.—Древній храмъ.—Религіозность абазиновъ.—Засѣда на устьѣ Хюисты.—Блокада лагеря.—Трагическое окончаніе драмы по воровству лошадей.

Зима медленно тянулась со своими безконечными дождями; день за днемъ слѣдовала сырая, пасмурная погода, которая разпообразилась только тѣмъ, что въ теченіе сутокъ совершалось нѣсколько перемѣнъ: дождь изъ крупнаго дѣлался мелкимъ и на оборотъ, а затѣмъ превращался въ густой туманъ. Казалось, что надъ нами постоянно висѣла плотная, сѣрая масса испареній, безпрестанно разряжавшаяся мокротою въ разныхъ видахъ. Скучно и однообразно проходило время; даже мало стало слышно пѣсенъ, шумныхъ и веселыхъ разговоровъ казаковъ; весь лагерь будто гармонировалъ съ окружающею атмосферою и казался словно въ траурѣ. Сидятъ станичники, отъ утра до вечера согнувшись по балаганамъ, занимаясь починкой обуви, платья; наконецъ и то все передѣлано, и они, забившись гдѣ-нибудь въ уголокъ конюшни, по цѣлымъ днямъ рѣжутся въ карты: въ «фильку» и въ «свои козыри».

Но вотъ, въ одинъ день, помнится, былъ какой-то праздникъ; воротилась команда, посылавшаяся въ Сухумъ за покупками для артели сада и прочаго; съ нею вмѣстѣ пріѣхалъ на Хюисту и духаникъ-мингрелецъ изъ мѣстечка Гудауты. Замѣтивъ, что послѣдній велъ какіе-то переговоры съ казаками, я спросилъ о причинѣ его появленія; мнѣ сказали, будто и у него тоже куплены продукты, и что онъ прибылъ за полученіемъ денегъ отъ артельщика.

Съ торговцемъ въ мѣстечко отправились два казака, которые къ вечеру привезли въ лагерь цѣлый бурдюкъ фруктовой водки и бочекъ рому, бывшихъ, какъ я узналъ послѣ, истинною причиною переговоровъ съ мингрельцемъ. Дневальный объяснилъ мнѣ, что многіе изъ нихъ получили письма изъ дома и, въ знакъ такого

событія, вздумали «погулять». Они прислали дневальнаго въ родѣ депутата, съ «покорнѣйшею просьбицею» моего на то, «начальниково-ва разрѣшеніи» какъ старшаго въ сотнѣ, за отсутствіемъ командира ел.

Вскорѣ затѣмъ послышались веселыя пѣсни, давно по оглашавшіи окрестныхъ дѣсовъ, стоявшихъ вокругъ нашего скучнаго бивуака; это такъ напугало безпокойныхъ сосѣдей лагеря—шакаловъ, собравшихся съ горѣ на зиму въ эти мѣста въ большомъ количествѣ, что, даже нѣсколько дней спустя послѣ того, ихъ воля не слышно было близко. Несмотря на дождь, пѣсни становились веселѣй и, накопецъ, дѣло дошло до пляски: отдѣлявался, конечно во всевозможныхъ видахъ, нашъ національный «трепакъ». Замѣтно было общее оживленіе; одни пѣли, плясали, а другіе, не принимавшіе участія въ томъ и другомъ, просто смотрѣли на нихъ; каждый будто сбросилъ съ себя суровую будничную обстановку и веселился по своему. Шумный говоръ, замѣчанія и остроты толпы на пляшущихъ, порой громкій смѣхъ и крики одобренія какому нибудь отчаянно-фокусному «колѣнцу» танцоровъ, доносились до меня, что благотвительно подбѣствовало на состояніе моего духа. Я бросилъ книгу, перечитывавшуюся—за неимѣніемъ другихъ—чуть не въ третій разъ, и вышелъ подъ навѣсъ, откуда миѣ хорошо видѣнъ былъ собравшійся кружокъ.

Между тѣмъ какъ все веселилось, пѣло, шутило, смѣялось и глазѣло, приказный Караваевъ ходилъ поодаль отъ балагановъ съ небрежно наброшенною на плечи шинелью, съ непокрытой головой и казался угрюмымъ, или озадаченнымъ чѣмъ то. Меня это больше, чѣмъ удивило. Было чему, впрочемъ, и удивляться: онъ у пастъ во всей сотнѣ слытъ за перваго весельчака и балагура, а между пѣсenniками считался запѣвалой. Идетъ дневальный мимо, я его останавливаю.

— Скажи, пожалуйста, что сдѣлалось съ Караваевымъ, что онъ такъ сегодня невеселъ?

— Письмо изъ дому получилъ.

— И, вѣроятно, не радостное?

— Такъ точно.

— Отецъ померъ?

— Нѣтъ, хуже.

— Ну, такъ жена?

— Нѣтъ, и не то.

— Такъ случилось дома приращеніе семейства?

— Нѣтъ, ницо похуже таво.

- Да чтоже такое, пакопецъ?
- Вышла замужъ!
- Кто же? его жена?
- Такъ точно.

Дневальный ушелъ, а я воротился въ землянку.

Продъ наступленіемъ сумерекъ, по заведенному порядку, смѣнялись всѣ караулы; повымъ дневальнымъ, «за приказаніями», явился Караваевъ. По окончаніи распоряженій о постановкѣ на ночь часовыхъ и секретовъ, я спросилъ у него о письмѣ, полученномъ изъ дома.

— «Чаво, подѣлаешь, сударь», отвѣтилъ онъ со вздохомъ и какъ то уныло: отецъ пишетъ, што баба (жена), «вышла замужъ, въ станцію Терновскую».

Признаться, меня это озадачило; я положительно былъ увѣренъ, что старый дневальный вздумалъ пошутить на его счетъ; между тѣмъ онъ и самъ говорилъ то же самое.

— Ужь не загуляла ли бабенка, а тебѣ можетъ только такъ написали объ этомъ.

— Да это бы ищо собака ее возьми!... Бѣда не такъ велика.... Объ томъ и и думать бы позабылъ.... не она первая, да не она и послѣдняя.... А вотъ што она сдѣлала!... покору (пороку) будетъ миѣ на весь вѣкъ.

— Да не ошибка ли это въ письмѣ? Вѣдь этого быть не можетъ....

— Никакъ нѣтъ: письмо перечитывали всѣ; тамъ такъ явственно говорится, даже за кого вышла и гдѣ вѣнчалась.

— Дѣти были у васъ?

— Сынишка одинъ восьми лѣтъ, да его родитель не далъ; онъ съ нимъ остался.

— А матери у тебя развѣ нѣтъ?

— Родительница недавно померла.

— Желушку твою, конечно, суду предадутъ, да и тѣмъ достанется кто вѣнчалъ ее отъ живого мужа — началъ я утѣшать Караваева. Нѣтъ-ли тутъ какого недоразумѣнія? не сообщилъ ли по ошибкѣ полкъ о смерти твоей, вмѣсто кого другого? Въ такомъ случаѣ, если ты только пожелаешь, то второй бракъ можетъ быть расторгнутъ, и ее тебѣ могутъ возвратить, ты мож....

— Да она, сударь, вышла за церковнаго; изъ нашихъ-то никто не возьметъ замужнюю жену—перебилъ меня Караваевъ.

Слово «церковный» объяснило миѣ сразу все: я совершенно не зналъ, что Караваевъ былъ старовѣръ (раскольникъ), а браки ихъ не признаются законными; слѣдовательно, жена его, принявши право-

славіе, имѣла право выйти за кого ей было угодно и перевѣчаться не въ байрактъ гдѣ-нибудь, импровизированнымъ попомъ-бродягоу а въ церкви и по православнымъ обрядамъ.

Зимой, отъ нечего-дѣлать, казаки ходили на «засидки» въ сосѣдніе лѣса, гдѣ почти всегда убивали шакаловъ и барсуковъ. Появлялись иногда и кабаны, будто бы дешево купленные у абазинцевъ; только намъ какъ-то не вѣрилось, потому что жители не могли стрѣлять свиной зимой, что позволялось дѣлать только лѣтомъ, на кукурузныхъ поляхъ. Но какъ, впрочемъ, не было особой надобности донекиваться причинъ, откуда кабаны именно взялись, то мы о томъ много и не спрашивали. При этомъ я хочу упомянуть воротиться назадъ, чтобы рассказать одну попытку нашу поохотиться въ заповѣдной владѣтельской пущѣ.

Это было еще въ ту пору лѣта, когда золотистые стволы кукурузы сгибались подъ тяжестью созрѣвшихъ плодовъ, когда на канашахъ за Хюпстой, каждую ночь переправлялись черезъ рѣку цѣлые табуны свиной полакомиться сочнымъ и вкуснымъ зерномъ. По пробитымъ изъ лѣсу тропамъ было видно, что переправа ихъ находилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, начиная отъ бивуака до моря. Каменистое ложе Хюпеты, на всемъ этомъ протяженіи, раскинулось довольно широко, и русло постоянно мѣнило направленіе своего теченія, приближаясь то къ одной сторонѣ ложбины, то къ другой, или извиваясь по ней зигзагами. Съ обѣихъ сторонъ рѣки, по камнямъ, росло много вербъ со срубленными вершинами, почему они имѣли видъ ищей отъ полуторы до двухъ сажень вышиной, съ множествомъ молодыхъ вѣтокъ и побѣговъ наверху.

Позиціи засады была осмотрѣна заранѣе, и хотя отъ сотни держали въ секретѣ предполагаемую охоту, о чемъ знали только человѣка четыре казаковъ, но всѣ догадывались, что формировавшаяся экспедиція предназначалась на кабановъ. С. П., почти противъ моего желанія, уговорилъ меня принять участіе въ засадѣ. Рѣшившись идти, я началъ готовиться; ружье еще днемъ было заряжено новымъ патрономъ, причемъ положена въ него лишняя пуля; обитый кремешъ замѣненъ свѣжимъ. Какъ только сумерки стали спускаться надъ Хюпстой, мы тихою步子 пробирались уже по камнямъ ея ложа. Главный охотникъ, казакъ Смирцовъ, назначалъ каждому изъ насъ по пути вербы, на которыхъ мы и усаживались изъ предосторожности, чтобы не поранилъ звѣрь, бросившись на выстрѣлы; кромѣ того, здѣсь было и удобнѣе сидѣть подъ прикрытіемъ вѣтвей. При выѣздномъ

песѣ хорошо видѣлись тропинки, пробитыя по сѣроватому, крупному щебню, смѣшанному съ закругленнымъ рѣчнымъ камнемъ.

Намъ строго-на-строго было приказано табаку не курить, не разговаривать и вообще не производить шума; съ дерева не слѣзать безъ крайней къ тому необходимости, и, сверхъ всего этого, не спать. Сидѣть мнѣ пришлось на молодыхъ прутьяхъ вербы, поверхъ гибкихъ вѣтокъ нил; тамъ можно было расположиться съ нѣкоторымъ комфортомъ и даже, оперевшись спиной на сукъ дерева, спокойно задремать, безъ всякаго опасенія, во время сна, смѣрять разстояніе отъ вершины нил до камней. Но встрѣчалось другое неудобство: не было видно за густой листвою звѣриной тропы при выходѣ ея изъ лѣсу, на которой я могъ осмотрѣть кабановъ только тогда, когда они ѡйдутъ противъ дерева, а до того лишь по звуку топота можно было слышать о ихъ приближеніи. Но дѣлать было нечего: волей-неволей, а пужно было помириться съ этимъ препятствіемъ. Мнѣ только оставалось направить ружье на сакму (*) и ожидать, что мною и сдѣлано.

Было уже, пожалуй, часовъ больше десяти вечера, когда мы усѣлись по мѣстамъ. Все смолкло. При малѣйшемъ шумѣ вѣтерка по лѣсу, или при перелетѣ птицы съ одного дерева на другое, я паводилъ дуло ружья на тропинку и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда шайка неосторожныхъ звѣрей будетъ проходить мимо вербы, не подозрѣвая залога. Я даже мысленно воображалъ ихъ осторожную, уваловатую походку, и какъ, выйдя изъ опушки лѣса, вожакъ начнетъ останавливаться и, подымая къ верху морду, будетъ втягивать воздухъ широкими поздырми.... Въ этотъ моментъ, пользуясь пріостановкой звѣря, я павожу на него смертоносное дуло и спускаю курокъ; блеснитъ выстрѣлъ, потрясая воздухъ и нарушая тишину безмолвной ночи.... пуля попадетъ въ цѣль, т. е. прямо въ голову, и бѣдный кабанъ, съ глухими стонами, валится на окровавленный щебень. Нѣтъ — разсуждалъ я дальше — сначала лучше бить въ задъ, пропустивъ шайку пройти вербу, потому что если убить противъ дерева, то остальные бросятся назадъ и могутъ исполошить другіе табуны, а въ первомъ случаѣ шайка должна убѣжать за Хюпсту. Да и па запахъ свѣжей крови не пойдутъ слѣдующіе вожаки, если она будетъ недалеко отъ выхода изъ пущи. Выстрѣловъ, положимъ, вепріи не боится; абазины каждую ночь пугаютъ ихъ па канашахъ, чтобы не подходили, но табуны смѣлыхъ звѣрей

(*) „Сакма“, слово употребленное казаками, происходитъ отъ татарскаго и означаетъ „сидѣть“.

все-таки пробираются въ кукурузу. Второго затѣмъ можно бить уже когда выйдетъ противъ мѣста засады; третій поневолѣ набѣжитъ при возвращеніи стада изъ-за рѣки, гдѣ на день имъ невозможно будетъ оставаться, а другой путь отступленія для нихъ лежалъ черезъ деревню, пройдя которую они могли переправиться выше нашего бивуака. Я, конечно, не очень крѣпко надѣялся, что кабаны будутъ выходить изъ лѣса именно въ такомъ порядкѣ, какъ я предполагалъ, но все-таки думалъ: «авось Богъ не безъ милости, а казакъ не безъ счастья». (*): хоть одного спугаю, лишь бы напугался только. Время, между тѣмъ, проходило медленно; по крайпей мѣрѣ такъ казалось мнѣ, а звѣря цѣтъ какъ илѣтъ...

Ничего не можетъ быть томительнѣе напрасныхъ ожиданій при такихъ случаяхъ. Только тутъ я понялъ справедливость поговорки: «терпѣніе охотника». Сначала я досадовалъ, зачѣмъ послушался и пошелъ на «засидки», и даже погружался въ какое-то забытье: мнѣ спилась палатка съ мягкимъ тюфякомъ на паряхъ, набитымъ самымъ лучшимъ степнымъ сѣномъ, и съ сѣдельной подушкой подъ головами, набитой бѣльемъ. Но чуть только что шелохнется въ кустахъ, какъ я возвращался къ прозаической дѣйствительности, и, вздрагивая, сжималъ крѣпче въ рукахъ ружье и всматривался въ дорожку. Я даже досадовалъ на этотъ шумъ, зачѣмъ онъ разголялъ мои пріятныя грезы. Не знаю, долго ли я пробылъ въ такомъ состояніи...

Наконецъ чувствую, что кто то меня дергаетъ снизу за полу шинели. Уставивъ, по обыкновенію, дуло ствола на тропу, я открываю глаза и вижу, что ужъ свѣтаетъ, а подъ вербой стоитъ казакъ и будить меня. Дѣло было такъ: часа въ два почи всѣ ушли не убивши ничего, и когда, на окликъ возлѣ моей вербы не услышавъ отвѣта, сочли, что я удалился рапьше, продолжали путь къ лагерю; но, не найдя меня въ лагерѣ, послали розыскъ. Это было около трехъ часовъ и уже начинался день.

Неудачу охоты вваливали на вѣтеръ, который дулъ, какъ и всегда здѣсь по почамъ, съ горъ, слѣдовательно, отъ рѣки къ лѣсу, что и попрепятствовало чуткому звѣрю, почувшавшему присутствіе человека, пуститься на свои обычные ночныя прогулки. Далѣе часть неудачи С. П. отдѣлялъ на мою долю, будто бы я неспокойно сидѣлъ на вербѣ, въ чемъ, конечно, я не былъ виноватъ, и если могъ производить шумъ, пугавшій кабановъ, то развѣ до тѣхъ поръ, пока не спалъ.

Въ концѣ января и началѣ февраля дожди перестали и недѣль

(*) Казачья народная пословица.

около трехъ продолжались теплые, солнечные дни. За это время, по лужайкамъ и полянамъ, обсаженнымъ отъ лѣсу, показалась яркая зелень; зацвѣли желтые и бѣлые подсолнечники; даже начали показываться бабочки. Мы сочли это несомнѣннымъ признакомъ весны. Но не тутъ то было: съ половины февраля начались снова непрерывные дожди, выпадавшіе уже иногда въ перемежку съ мокрымъ снѣгомъ, сейчасъ же, конечно, и талымъ, что и продолжалось почти до апрѣля. Начало весны, въ этотъ годъ, было холодное и дождливое.

Первый день праздника Пасхи встрѣченъ былъ нами въ церкви деревни Соуксу, во дворѣ владѣтели, замѣчательной по своей древности. Зданіе это построено изъ дикаго сѣраго камня, съ узкими, но высокими окнами, поднятыми отъ земли на значительное разстояніе; такъ, что внутри его, при самомъ свѣтломъ, солнечномъ днѣ, разстилается полумракъ, набрасывающій на украшенія храма и живопись угрюмый колоритъ. Внутреннія стѣны испещрены греческою живописью, не отличающеюся, впрочемъ, тщательностію отдѣлки и изяществомъ; во многихъ мѣстахъ она уже полиняла отъ времени, или отлетѣла вмѣстѣ съ штукатуркою. Вообще, обстановка церкви бѣдна, иконостасъ ветхъ, хотя иконы напоминаютъ уже грузинскую живопись. Отъ середины каменнаго помоста къ правымъ дверямъ положецы три надгробныя плиты съ греческими надписями: это мѣсто погребенія членовъ прежней владѣтельной фамиліи Абхазін.

О времени сооруженія храма не сохранилось никакихъ историческихъ указаній или народныхъ преданій, но оно, вѣроятно, относится къ первымъ вѣкамъ послѣ введенія христіанства въ край. На одной изъ стѣнъ начерчено по-гречески подробное описаніе явленія кометы въ апрѣлѣ 1066 года, при Вагратѣ IV, царѣ абхазскомъ и карталинскомъ, показавшейся въ великую субботу. Надписи надъ иконами иконостаса сдѣланы по-грузински, а надъ изображеніями по стѣнамъ и въ срединѣ купола по гречески. Служба производилась на старо-грузинскомъ языкѣ, священникомъ отцомъ Иваномъ (Іоанномъ) изъ абхазцевъ, окончившимъ курсъ въ тифлисской семинаріи, однако не знающимъ по-русски ни слова.

Утреня началась, какъ бываетъ и у насъ, часовъ въ двѣнадцать ночи. Церковь на этотъ разъ была наполнена народомъ. Посѣщая храмъ нѣсколько разъ прежде въ праздничные дни, я почти всегда встрѣчалъ тамъ, кромѣ немногихъ мингрельцевъ изъ Гудауты, только одиѣхъ женщинъ. Теперь, за исключеніемъ женскаго пола, было множество мужчинъ, которыхъ едва вмѣщала довольно прос-

торная внутренность храма. Постѣдїе были одѣты въ свое обыкновенное платье и, какъ всегда, съ полнымъ вооруженіемъ. Высокія, опушенные мохнатымъ барашкомъ, шапки, или изъ бурчатаго войлока, съ надѣтыми на нихъ башлыками, не снимались и въ церкви, потому что они, кромѣ какъ у семейнаго очага, никогда не покидаютъ бритыхъ головъ абазинцевъ. Во время утренней службы и литургіи, почти каждый абхазецъ держалъ въ рукахъ горѣвшую свѣчу, отъ двухъ до двухъ съ половиною аршинъ длины. Свѣчи скатапы просто изъ полотна, съ наложеннымъ толстымъ слоемъ воска, и горятъ наподобіе факеловъ. Какъ только накоплялся на свѣчѣ пагарь, абхазцы преспокойно опускали горѣвшій край ихъ на каменные плиты пола и оттирали отъ нихъ ногой нагорѣвшее полотно, отчего свѣчи не гасли. На серьезныхъ лицахъ горцевъ, стоявшихъ и смотрѣвшихъ на богослуженіе, можно было замѣтить, что они пришли скорѣе изъ любопытства, или просто по привычкѣ посѣщать храмъ въ этотъ день чѣмъ для молитвы.

Союзники всѣ вообще считаютъ себя христіанами, хотя потому только, что придерживаются понемногу всего, т. е. православной вѣры, языческой и мусульманской. О религіи вообще имѣются у нихъ весьма смутныя понятія. Имѣть сомнѣнія, что въ періодъ наплыва турецкихъ мисіонеровъ, распространявшихъ между жителями Кавказа исламизмъ, они не сдѣлались совершенно послѣдователями Магомета потому только, что тамъ имѣла постоянную резиденцію владѣтельница фамиліи Шервашидзе, которая исповѣдывала восточное православіе, какъ находившаяся посредствомъ браковъ въ родственныхъ связяхъ съ владѣтелями и царями христіанской Грузіи, не поколебимо отстаивавшей свою народность и вѣру отцевъ противъ фашизма турокъ. Къ тому же времени нужно отнести и упадокъ христіанства во всемъ краѣ; да и въ Соуксу оно сохранилось лишь въ немногихъ наружныхъ обрядахъ. Абхазское простонародье другихъ деревень, придерживающееся магометанской вѣры, отличается отъ христіанъ только названіемъ мусульманъ и тѣмъ, что не кладетъ на себѣ креста, какъ это дѣлаютъ первые; но они почти не имѣютъ никакого понятія объ обрядахъ и постахъ, завѣщанныхъ кораномъ. Даже, въ сущности, тѣ и другіе придерживаются, большею частію, язычества: дѣлаютъ жертвоприношенія птицъ и другихъ домашнихъ животныхъ своимъ божествамъ по кузнямъ и священнымъ рощамъ, при выгонѣ на пастбу скота, или при началѣ сѣянія и сбора хлѣба въ полѣ и т. п.

Во время рамазапа, совпадавшаго въ то время съ началомъ нашего великаго поста, гудаутскіе турки по цѣлымъ днямъ постились,

или, лучше сказать, спали, потому что днемъ нельзя было ничего ѣсть, и они, проспавши до появленія первой вечерней звѣзды ѣли всю ночь и даже нѣпствовали втихомолку, а съ наступленіемъ утра снова припимались спать. Абхазцы въ постѣ не принимали участія только когда раздался фальконетный выстрѣлъ въ Гудаутѣ, которымъ послѣдователи Магомета возвѣщали правосѣрному міру окончаніе поста и начало байрама, при появленіи слѣдующаго за рамазаномъ поволупіа, и жителями Абхазіи было сдѣлано нѣсколько сотенъ ружейныхъ выстрѣловъ, о чемъ мы, конечно, были заранѣе предупреждены.

Изъ абазиновъ дѣйствительными послѣдователями исламизма можно было считать только дворянъ; но и они еще не совсѣмъ отстали отъ исполненія нѣкоторыхъ языческихъ и даже христіанскихъ обрядовъ. Такъ, напримѣръ, на другой день пасхи, мальчики, дѣти помѣщиковъ сосѣднихъ деревень за Хюпстою, приносили къ намъ окрашенные яйца; въ числѣ мальчиковъ былъ сынъ нашего сосѣда Звацбаа, считавшагося во всемъ Бзыбскомъ округѣ за самаго набожнаго послѣдователя корана. На вопросъ: для чего это? молодые абазины отвѣтили, что у нихъ съ давнихъ поръ существуетъ обычай окрашивать яйца въ этотъ день и дарить знакомымъ. Абхазскіе христіане не ѣдятъ сыпины и гнушаются мясомъ этого животнаго такъ же, какъ и магометане.

Нѣкоторые изъ соукепскихъ крестьянъ говорили мнѣ, что у нихъ есть дѣти крещенныя по-русски, причемъ воспріемниками были изъ Бомборъ, фельдфебеля, унтеръ-офицеры и ихъ жены; большею частію, впрочемъ, воспріемную мать замѣняла родная при крещеніи, когда дѣтямъ было уже пять, десять и нерѣдко пятнадцать лѣтъ. На вопросы мои: крестятъ ли они и теперь своихъ новорожденныхъ у священника, почти всегда слышался наивный отвѣтъ, что русскихъ кумовьевъ нѣтъ, а изъ жителей никто не согласится быть воспріемниками, по ценнѣишу на то у нихъ обычай. Абазины считаютъ, конечно, будто бы это все равно: они сами, какъ и дѣды и отцы ихъ, не крестились по уставу церкви, а для того, чтобы быть христіанствомъ достаточно одного названія и умѣнія осѣнить себя крестомъ. Не существуетъ у нихъ также обряда вѣнчанія, не совершаются и другіе таинства, установленныя христіанскою церковію. Свадуются они почти такъ же, какъ то дѣлается въ Грузіи. Послѣ пиршества—причемъ совершается, согласно адату, только гражданскій актъ брака—двое помолвленныхъ становятся мужемъ и женой, до тѣхъ поръ, покуда имъ вздумается жить вмѣстѣ. Разводы

бываютъ рѣдки, хотя всегда почти зависить отъ мужей. Бывали случаи, что расходившіеся супруги вступали снова во второй бракъ между собой. Насильственные разводы дворянъ, да же и крестьянъ, женатыхъ на дѣвушкахъ равнаго съ ними званія, безъ предварительнаго въ томъ съ послѣднею соглашенія, и женитьба на другой рѣдки, потому что это неминуемо влечетъ за собой капли со стороны родственниковъ обиженной, особенно въ послѣднемъ случаѣ, т. е. если разошедшійся съ женой бралъ себѣ другую супругу.

Жителей въ Соуксу считалось тогда до 2000 ружей (*), которые составляли собственность владѣтеля, за исключеніемъ немногихъ дворянъ. Послѣднее сословіе хотя и платило владѣтельской семьѣ установленные налоги, но не обязано было посылать своихъ крестьянъ на работы въ пользу фамиліи Шервашидзе и доставлять продукты на ея содержаніе.

Древняя столица Абхазіи лежитъ верстахъ въ трехъ отъ моря и почти въ такомъ же разстояніи отъ Бомборъ, на верхней оконечности долины, послѣдней названіе упрямдшеннаго укрѣпленія, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина эта суживается рѣкой Хюпстой и ручьемъ Гудаута, и постепенно поднимался, къ селенію, окапывается за нимъ, примыкая къ холмистой, волнообразной возвышенности. Соуксу было прежде укрѣплено, и хотя въ послѣднее время постоянное мѣстопробываніе старшаго изъ князей Шервашидзе находилось въ торговомъ мѣстечкѣ Очемчпры, лежащемъ на берегу моря въ пятидесяти верстахъ за Сухумомъ, т. е. между устьями рѣкъ Ингура и Кодора, населенномъ, какъ и Гудаута, мингрельцами и турками; но и здѣсь былъ его дворъ (усадебъ) съ большимъ, полуразрушеннымъ каменнымъ домомъ въ два этажа. Тамъ же, кромѣ небольшого деревяннаго домика и церкви, расположенныхъ съ сѣверной стороны подворья, на срединѣ обширной дворовой площади, разбросано нѣсколько развѣсистыхъ, колосальныхъ деревъ чинара и орѣха, и стояла копюшны, срубленная изъ толстыхъ каштановыхъ бревенъ, прикрытая драпью (**).

(*) Населеніе своихъ деревень абхазцы считаютъ числомъ ружей, т. е. людей, могущихъ, съ ружьемъ въ рукахъ, стать въ случаѣ надобности на защиту селенія; тутъ, конечно, считается весь мужескій полъ, способный носить оружіе отъ 15 до 65 лѣтъ, т. е. и тѣ которые, при переходахъ за черту своего земельнаго участка, не могли принимать участія въ походѣ.

(**) Стѣнамъ этого послѣдняго зданія и дома пришлось быть свидѣтелями печальнаго происшествія, бывшаго во время безпорядковъ въ край въ 1865 году, послѣ удаленія владѣтеля въ Россію, что происходило такъ: Въ началѣ июнѣ, командующій войсками въ Абхазіи Коніаръ, прибывши въ Соуксу, собралъ мѣстное дворянство съ цѣлію предупредить начинавшееся возстаніе; но

Населеніе бывшей резиденціи владѣтелей вообще земледѣльческое, но занималось отчасти и садоводствомъ; почему видъ ея издали представляется сплошной массой лѣса, въ которомъ рѣшительно не видно никакихъ построекъ. Тогда только замѣчаешь село, когда въѣдешь въ его улицы. Сады преимущественно виноградныя, но много было въ нихъ и фруктовыхъ деревьевъ; кромѣ того, почти всѣ переулки, улицы и площади его покрыты тѣнью орѣховъ, каштановъ, съ виноградными лозами, вьющимися на нихъ до пятнадцати и двадцати аршинъ вышины и больше. Винодѣліе находившееся въ послѣднее время въ упадкѣ, въ періодъ запятія русскими Бомборъ имѣло значительное развитіе; разные сорта напитковъ приготовлялись усовершенствованнымъ способомъ и далеко превосходили вина, выдѣланныя обыкновеннымъ туземнымъ способомъ. Вино, подъ названіемъ «бомборскаго», славилось не только по всей черноморской береговой линіи, но и въ другихъ мѣстахъ кавказскаго побережья. Жители частью занимались вывозкою самшита (кавказская пальма) изъ горъ и продажей его и орѣхового дерева, туркамъ.

Мужской костюмъ въ Соуксу, какъ и въ другихъ мѣстахъ Абхазіи, почти ничѣмъ не отличается отъ одежды другихъ горныхъ племенъ; только крестьяне, а частью и небогатыя дворяне, носятъ шапки не изъ бараньяго мѣха, съ сукоплымъ верхомъ, а войлочныя, приготовляемыя такъ же, какъ и бурки; онѣ дѣлаются косматыми, съ острыми, конусообразными верхами. Сверхъ такой шапки, всякій сколько-нибудь считающій себя порядочнымъ человѣкомъ, ни зимой, ни лѣтомъ не снимаетъ башлыка. Узкіе брюки домашняго сукна, приготовляемаго довольно недурно и прочно, и чохы съ газырями для патроновъ, надѣваемая сверхъ бумажнаго, шерстяного и даже шелковаго на ватѣ бешмета, съ вѣчно-оборванными рукавами черкески, составляютъ весь нарядъ абхазца. Съ крѣпкими рукавами, даже и въ новомъ верхнемъ платьѣ, трудно встрѣтить горца; они всегда обрываются изъ подражанія модѣ, въ знакъ того, что хозяинъ ихъ имѣетъ притязаніе на званіе джигита. Только дорогое оружіе, съ богатою нарядкою, да серебро блестящей отдѣлки на поясахъ кишжала, шашки

лишь только онъ вышелъ къ нимъ и началъ увѣщевать ихъ, какъ немедленно былъ убитъ изъ пистолета. Той же участи подверглись бывшіе съ нимъ адъютанты и свита. Офицеръ съ конвоемъ, находившійся въ это время на дворѣ, отступилъ окруженный толпою въ конюшню, гдѣ, съ голодными, полупераненными казачками, держался около трехъ сутокъ, покуда не прибылъ изъ Сухума пароходъ съ десантомъ и освободилъ ихъ. Убіеніе Коніара было сигналомъ общаго восстанія абхазинновъ, напавшихъ на Сухумъ и выжегшихъ большую часть города.

и ремняхъ пояса отличаютъ лихого наѣздника или достаточнаго челоѣка отъ бѣдняка. За то женскій костюмъ въ Соуксу разнится отъ другихъ деревень: только дворняжки и зажиточный класъ вольныхъ людей въ остальныхъ мѣстахъ владѣнія носятъ такіа же длинныя, ситцевыя или шерстяныя, платья, изъ-подъ которыхъ не видно шальваръ. Какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины накрываютъ головы небольшими бумажными или шелковыми платками. Онѣ похожи въ этомъ нарядѣ на мѣщанокъ городовъ и мѣстечекъ южной и средней Россіи.

Одежду бѣднѣйшаго сословія женщины остальнаго населенія Абхазіи составляетъ, сверхъ вязевой короткой сорочки, ситцевый ватный бешметъ съ длинною талією и съ полами, достигающими до колѣнъ, изъ-подъ которыхъ выходятъ, до безобразія, широкія шальвары, закрывающія юбки. Нижнія концы ихъ завязываются подъ колѣнами, почему подвернутые края опускаются до самой земли, такъ что закрываютъ постоянно разутыя ноги хотя и обезображенныхъ костюмомъ, но довольно красивыхъ абазинковъ.

Вѣроятно, по причинѣ широкихъ шальваръ, между женщинами богатыхъ классовъ Абхазіи вошло въ обыкновеніе носить подножки. Это плоскія колодки во всю длину и ширину подошвы, съ поддѣланными на концахъ ихъ подставками, опирающимися въ землю, также во всю ширину первыхъ и до двухъ вершковъ вышины; сверхъ такой подножки прикрѣпляется широкій ремень, куда и поддѣвается нога. Для женщины привилегированнаго сословія считается высшимъ болтономъ медленная походка съ переваломъ, т. е. какой ногой ей нужно ступить, то плечо у ней и должно подаваться впередъ. Дѣвушки и женщины дворянскаго и крестьянскаго происхожденія, при встрѣчахъ съ своими мужчинами или русскими, не закрываютъ лица и не отворачиваются, какъ то дѣлаютъ татарки, армянки и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, грузинки.

Съ наступленіемъ весны, послѣ періода дождей, когда горныя рѣки вступили въ берега, возобновились хищническіе наѣзды черкесовъ на абхазскія деревни, поодиночкѣ и шайками.

Въ половинѣ апрѣля, начальникъ округа сообщилъ объ одной партіи джигетовъ, скрывавшейся за Бзыбью, и ожидавшей только удобнаго случая, чтобы переправиться чрезъ рѣку. Въслѣдствіе этого, ночные караулы были увеличены; насъ даже предупредили, что горы имѣютъ памѣреніе пробраться мимо лагеря къ небольшой деревушкѣ, или просто хуторку, расположенному въ нѣсколько дворовъ

въ лѣсу противъ Бомборъ, между этимъ укрѣпленіемъ и Гудаутой, чтобы захватить тамъ дѣтей обоого пола для продажи, и что шайкѣ едва-ли вздумается напасть на сотню; но что, во всякомъ случаѣ, осторожность съ нашей стороны была бы лишнею. Въ вечеръ предполагавшагося набѣга, жители селенія Соуксу, въ числѣ около пятидесяти лучшихъ стрѣлковъ отправились на тропу, гдѣ, по расчету, партія хищниковъ должна была проѣзжать. Переправа пути черезъ Хюпсту лежала надъ самымъ берегомъ моря; въ этомъ пунктѣ и расположилась засада.

Наши пикеты и секреты вокругъ сотни, еще въ началѣ сумерекъ, заняли свои мѣста. Былъ теплый, тихій весенній вечеръ, такъ что, кромѣ однообразнаго шума прибоя, періодически ударявшаго волнами о берега, совершенно ничего не было слышно; только шакалы порой затыгивали, за рѣчкой или возлѣ насъ въ лѣсу, свои обычные черные пѣсни. Часовъ около девяти, мы съ С. П. сидѣли въ компатѣ, устроенной изъ бывшаго павѣса надъ палаткой, разсуждал о томъ: могутъ или пѣть горцы напасть на насъ. Между тѣмъ была подана закуска. Вдругъ послышались два, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, залпа, и вѣстѣ съ ними крики нѣсколькихъ испуганныхъ голосовъ. Затѣмъ все смолкло. Казаки бросились къ оружію и черезъ полминуты были уже заняты мѣста, назначенныя имъ на случай тревоги. Сколько мы ни прислушивались безмолвіе не нарушалось; волны по-прежнему одноѣрно хлестали на щебенъ береговъ и чуть доходилъ до слуха отдающийся, будто въ воздухѣ послышійся, глухой шумъ вѣчно-дѣятельной стихіи.

Черезъ полчаса послышались противъ насъ веселые голоса соуксинцевъ, возвращавшихся съ засады въ дома. Они сообщили намъ лишь то, что по тропинкѣ, переправилась было черезъ рѣку копаная партія горцевъ, человекъ въ сорокъ, но что, послѣ сдѣланныхъ ими двухъ залповъ, хищники успѣли только подобрать убитыхъ и раненыхъ и, быстро поворотивъ за Хюпсту, скрылись. Они, какъ пѣшіе, не могли, да и не имѣли надобности преслѣдовать злоумышленниковъ. Кромѣ того, жители Соуксу, вѣроятно, знали, что проводниками горцевъ были абхазцы отъ Бзыби или Амчиши, безъ чего первые не могли бы пробираться во внутреннія селенія оврага. Вотъ почему благодаря удачно занятому пункту на переправѣ, соуксинцы, сдѣлавъ свое дѣло, весело возвращались домой.

Ночь прошла спокойно; мы были увѣрены что горцы, неждаючи наткнувшись на засаду, не отважатся на новую попытку

переправитъся чрезъ Хюпсту въ другомъ мѣстѣ; тѣмъ больше, что о прогулкѣ ихъ по Абхазіи знали и всюду могли ожидать ихъ появленія. Но радость наша, по поводу миновавшей опасности, была непродолжительна.

Едва взошло солнце слѣдующаго дня, какъ нѣшіе и конные абазинны начали переправляться черезъ рѣчку и подходить къ намъ; часа черезъ два ихъ набралось человѣкъ до шестисотъ, положительно окружившихъ лагерь. Сначала мы не понимали въ чемъ дѣло; но предводители движенія, дворяне изъ-за Амчишты и деревень за Хюпстой, въ томъ числѣ нѣсколько нашихъ достовъ, скоро вывели насъ изъ недоумѣнія, хотя начали издалека. Они заговорили съ нами о томъ, что имъ не нравится паша столица между ихъ деревнями, такъ какъ мы могли бы стоять въ Сухумѣ или въ Пицундѣ, какъ и прочія войска; дальше они стали дѣлать предположенія, что, вѣроятно, сотня поставлена здѣсь не безъ цѣли, что недаромъ говорятъ, будто ихъ (абазинновъ) хотятъ сдѣлать русскими, брать въ солдаты, принуждать брить бороду, а волосы на головѣ стричь и, наконецъ, заставить ихъ марушекъ ходить безъ шальваръ, что для женщины, конечно, послѣднее дѣло, ибо безъ шальваръ для нея стыдъ и позоръ показаться на міръ Божій. Разсужденія эти предлагались намъ скорѣе тономъ вопросовъ, и были послѣдствіемъ распространяемыхъ между абазиннами нелѣпыхъ толковъ турками, которые постоянно старались поддерживать между ними неприязнь къ русскимъ и усилить расположеніе къ Турціи. Въ этомъ они часто успѣвали, и всякій абхазскій простолюдинъ говорилъ о Турціи, какъ о землѣ обѣтованной, гдѣ побывать горцу считалось однимъ изъ величайшихъ благъ земныхъ, причемъ муллы обѣщали каждому въ загробной жизни, за одинъ такой подвигъ, на половину отверстыми дверн магометова раи. О Россіи же они имѣли понятіе, какъ о краѣ бѣдномъ, неудобномъ и даже не вознаграждающемъ труда земледѣльцевъ. Иначе они и не объяснили занятія краля, какъ желаніемъ русскаго правительства утвердить свою власть въ землѣ ихъ, въ виду крайнею бѣдности нашего отечества, или тѣспотой населенія.

На предлагаемыя намъ вопросы мы отвѣчали, что это вздоръ и нелѣпость, о которой даже не стоитъ труда и разсуждать, что русскимъ все равно, будутъ ли ихъ марушки щеголять въ шальварахъ или безъ оныхъ. При этомъ мы объявили, что въ солдаты абазинны рѣшительно не годятся, потому что не могутъ ѣсть свиного сала, безъ чего въ походахъ арміи нельзя обойтись.

На подобный вздоръ, конечно, намъ приходилось и отвѣчать почти такимъ же вздоромъ, хотя и большого труда стоило разубѣдить нашихъ гостей въ недѣлности слуховъ. Словомъ, мы старались успокоить ихъ чѣмъ могли. Наконецъ они объявили и самую главную цѣль своего прибытія, потребовавъ уже прямо отъ насъ объясненія: по какому случаю казаки вздумали дѣлать засаду и стрѣлять по горцамъ, потому что они ѣхали не мимо нашего бивуака и, слѣдовательно, не наше дѣло было выходить къ морю и сторожить дороги. Абазины прибавили, что послѣ этого и имъ самимъ нельзя нигдѣ будетъ проѣхать по своей землѣ. Дальше они сказали, что за горцевъ имъ еще пѣтъ большого дѣла вступаться; но вчерашними выстрѣлами, сдѣланными по шайкѣ, будто бы казаками, раненъ одинъ изъ вліятельныхъ дворянъ за рѣкой Амчишей изъ фамиліи Чебулархау, бывшій коноводомъ хищниковъ, и потому, по мѣстному обычаю кровомщенія, мы должны имъ выдать людей, выпалившихъ въ засадѣ по партіи. Всѣ наши увѣренія, что залпы сдѣланы не нами, были напрасны.

Причиной недоразумѣнія были соуксинцы, которые, узнавъ, что въ числѣ раненыхъ находится абхазскій дворянинъ, распустили слухи, будто бы выстрѣлы по хищникамъ сдѣланы казаками, устроившими завалъ на устьѣ Хюпсты. Имъ, конечно, хотѣлось свалить бѣду на насъ, для избѣжанія, въ случаѣ смерти раненаго, канды со стороны его родственниковъ, которой, въ такомъ случаѣ, подвергались всѣ участвовавшіе въ засадѣ. Сваливая свою вину на казаковъ, они, однако, не предполагали, чтобы это могло кончиться такой выходкой. Положеніе наше было не совсѣмъ безопасно: при малѣйшей рѣзкости нашихъ отвѣтовъ, толпа, окружившая лагерь, могла употребить противъ сотни оружіе.... Поэтому мы старались убѣдить абазиновъ, что казакамъ нѣтъ надобности охранять ихъ деревни, на что намъ и отъ начальства не дано никакого права, да и кромѣ того, по своей малочисленности, мы едва-ли были бы въ состояніи себя защищать.

Покуда мы толковали съ абазинами, толпа все прибывала, становилась шумнѣе и требовала выдачи виновныхъ головой. Подобный случай, пожалуй, могъ бы кончиться для насъ и дурно, если бы не узнали о томъ въ Соуксу, откуда ссѣчасъ же явилось человекъ триста хорошо вооруженныхъ пѣхотинцевъ, которые и объявили осаждавшимъ, что не казаки, а они сдѣлали залпъ по горцамъ, и потому требовали удаленія собранія за рѣчку, пригрозивъ, что, въ противномъ случаѣ, они, какъ христіане, обязаны защищать сотню,

тѣмъ больше, что сотня и расположена на ихъ землѣ. Убѣжденные абазинцы начали расходиться.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1860 года я уѣхалъ изъ лагеря на Хюпстѣ въ Сухумъ. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда, тамъ разыгралось печальное окончаніе дѣла по воровству лошадей.

Еще въ мартѣ С. П. заплатилъ лазутчику 60 рублей серебромъ, чтобы тотъ указалъ воровъ. Оказалось, что лошади выведены изъ конюшни тринадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, сыномъ нашего сосѣда, жившаго не больше, какъ въ полуверстѣ отъ бивуака за Хюпстой, и переданы горцамъ изъ племени джигетовъ. Воръ, между прочимъ, считался въ числѣ моихъ достовѣ, что и было причиной, почему не захвачена въ числѣ украденныхъ и моя лошадь. Тогда же было сообщено гагринскому войсковому начальнику о задержаніи горцевъ, которымъ переданы кони, въ случаѣ проѣзда ихъ черезъ укрѣпленіе, ибо другого пути для нихъ въ Абхазію, кромѣ этого пункта, не было. Виновые, дѣйствительно, скоро послѣ того проѣзжая Гагры, были задержаны; но, просидѣвши недѣли двѣ подъ арестомъ, какъ не сознавшіеся въ преступленіи и по недостатку уликъ, были освобождены. И вотъ, въ одно прекрасное утро, выждавши когда почти вся сотня уѣхала въ Соуксу за сѣномъ, а въ лагерь оставалось лишь нѣсколько чело-вѣкъ слабыхъ, горцы являлись туда съ десяткомъ вооруженныхъ всадниковъ. Сначала они подѣхали къ ходившимъ по площадкѣ впереди домика С. П. и войсковому старшинѣ Николаю Мвановичу М—ну, принявшему мѣсяцъ назадъ отъ перваго сотню, и, остановившись, начали съ ними разговоръ — спросили, не нужно ли купить сѣна, показывая видъ, будто принадлежатъ къ числу жителей Абхазіи. Затѣмъ, разомъ вынувши ружья и даже пистолеты, горцы начали стрѣлять. Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ по Апостолову, почти въ упоръ, но, по счастливой случайности, оказался промахъ; вѣроятно, изъ пистолета выкатилась пуля, потому что отъ ныжа загорѣлся китель на его груди. Когда офицеры бросились уходить, Апостоловъ побѣжалъ не въ домикъ, гдѣ для защиты было готовое оружіе и стѣны, а мимо, въ ряды балагановъ, чтобы встревожить оставшихся казаковъ, почему слѣдующими выстрѣлами ему перебили ногу, обѣ кости пониже колѣна у бедра. Джигеты быстро удалились; нѣсколько пуль, посланныхъ казаками вслѣдъ злодѣямъ, не причинили имъ никакого вреда. Раненый пролежалъ многіе мѣсяцы въ гагринскомъ лазаретѣ, и только года черезъ два могъ ходить безъ помощи костыля. По увѣренію опытнаго медика, лечившаго его въ укрѣпленіи, онъ остался живъ, бла-

годаря лишь тому, что ему сдѣлана была первая перевязка лекаремъ-горцемъ. А злодѣй, по недостатку уликъ, и послѣ того свободно проѣзжалъ черезъ Гагры въ Абхазію, на воровство и грабежъ.

Нѣсколько разъ, форменно и частно, просили новаго начальника Бзыбскаго округа, поступившаго зимой вмѣсто князя К. Шервашидзе, о взысканіи денегъ съ отца вора, на удовлетвореніе за украденныхъ лошадей; но всѣ обѣщанія по этому предмету остались неисполненными. Вора наказало само Провидѣніе: года черезъ два послѣ этого случая, онъ былъ убитъ въ одной изъ сосѣднихъ абхазскихъ деревень, на какомъ-то цовомъ воровствѣ.

С. Смоленскій.

20-го октября 1871 г.

Хуторъ Няшно-Герасимовъ.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗЦА (*)

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ПСХОУ.

(Выписка изъ походнаго дневника).

I.

Сборъ Цебельдинскаго отряда.—Мѣры, принятыя для прекращенія кавмы между фамиліей князей Моршани.—Обычай кровомщенія между горцами.—Обзоръ отношеній общества Псхоу къ русскому правительству.—Прежнія экспедиціи противъ этого общества.—Приготовленіе къ выступленію отряда.

Послѣ покоренія восточнаго Кавказа въ 1859 году, имамъ Чечни и Дагестана, взятый въ плѣнъ въ спосѣбъ недоступномъ убѣжищѣ—Гунибъ-дагѣ, мирно проживалъ въ Калугѣ; а воинственные и неутомимые въ набѣгахъ его мюриды, оставивъ свои хищническія занятія, взялись за соху. Между тѣмъ, населеніе западнаго Кавказа, подстрекаемое вліятельными абхазцами и фанатиками - турками, съ большимъ упорствомъ продолжало свои воровскіе нападенія на наши станицы по Лабѣ и Кубани, и даже на юго-западную сторону горъ: въ Абхазію и Цебольду.

Въ тоже время успѣхи русскаго оружія въ землѣ абадаеховъ, натухайцевъ, шапсуговъ и мѣры, принятыя правительствомъ для укрощенія ихъ дерзкихъ разбоевъ, встревожили общества, населявшія западный склонъ горъ, прилегающій къ Черному морю, куда войска наши почти никогда не проходили. Удаленные отъ нашихъ границъ, хотя и не разстояніемъ, но неприступною мѣстностью, горы этого края, до того времени, занимались грабежемъ, вблизи русскихъ поселеній и изрѣдка даже покушались нападать на укрѣпленія и войска. Съ наступленіемъ же 1860 года, убыхи, джигеты, ахчипсхувцы

(*) См. «Воспоминанія Сборника» за 1872 годъ, №№ 9 и 10.

и другія сосѣднія имъ общества, энергически готовились къ упорной оборонѣ и сами старались нанести намъ какъ можно больше вреда своими набѣгами, и только искали удобнаго случая привести въ исполненіе свои враждебные замыслы.

Первые ихъ покушенія сдѣланы были противъ укрѣпленія Гагръ, какъ ближайшаго и болѣе доступнаго для нихъ пункта. Вблизи этого укрѣпленія они собирались значительными скопищами, нерѣдко скрываясь по нѣсколько дней въ лѣсу и выжидая, пока часть гарнизона выйдетъ на рубку дровъ; затѣмъ, съ ожесточеніемъ нападали на рабочихъ. Смѣлость ихъ доходила до того, что они даже покушались штурмовать самое укрѣпленіе, но каждый разъ были отражаемы съ значительнымъ уропомъ.

Подобное настроеніе умовъ между племенами, не предпринимавшими открыто противъ русскихъ ничего, со времени оставленія нашихъ черноморскихъ береговыхъ укрѣпленій въ войну 1853—1856 годовъ, начало распространяться и въ покорныхъ областяхъ, гдѣ немирные горцы старались распространять слухи о начинающейся будто бы войнѣ Россіи съ Турціей, и о предполагаемомъ оставленіи нашими войсками Абхазіи. Вооруженныя толпы горцевъ начали собираться вблизи границъ Абхазіи и Цебельды, съ тѣмъ, чтобы проникнуть въ нихъ и поддержать начавшіяся уже между населеніемъ послѣдней смуты.

Обстоятельства эти вызвали сборъ въ Сухумѣ отряда, который, въ концѣ іюня 1860 года, выступилъ въ Цебельду, и расположился перстахъ въ двухъ отъ укрѣпленія Цебельдинскаго, при рѣкѣ *Амж-желю* на урочищѣ *Шукурамъ*. При сосредоточеніи отряда въ этомъ пунктѣ имѣлось въ виду уничтожить двѣ враждующія отрасли княжеской фамиліи *Мориани*: *Учардіевой* и *Тлапсовой* (*). Вражда, возникшая между этими родами съ давнихъ поръ, вслѣдствіе канлы (кровомщенія), съ теченіемъ времени, все болѣе разрасталась и, передаваясь изъ рода въ родъ, служила не разъ поводомъ къ кровопролитіямъ и взаимнымъ грабежамъ протѣпанниковъ. Въ послѣднее время междоусобіе это приняло значительные размѣры, и, отчасти, было причиною безпорядковъ въ Цебельдѣ.

Почти у всѣхъ горныхъ племенъ Кавказа, до окончательнаго покоренія края, существовалъ древній, народный обычай *канлы*. «Кровомщеніе есть злая необходимость каждаго полудикаго народа», гово-

(*) Хирпезъ Мориани, отецъ Учардіи и Тлапсы, былъ изъ числа первыхъ выходцевъ этой фамиліи изъ Ахипсеху, поселившихся въ Цебельдѣ и Далахъ, какъ предполагаютъ, въ XIV столѣтіи.

рптъ баронъ Сталь, «не имѣющаго кромѣ этого никакой принудительной силы для обузданія сильнаго, который, не боясь никого, готовъ обжать и притѣснять слабого. У черкесовъ, какъ и во всякомъ горскомъ обществѣ, гдѣ своеволие лица не имѣетъ никакихъ предѣловъ, гдѣ столько средствъ безнаказанно совершать преступленія, капли есть единственная узда, хотя въ нѣкоторой степени обуздывающая дикія страсти удальца, готоваго на все» (*). У абазинъ, также съ давнихъ поръ, существовалъ во всей силѣ обычай расправляться оружіемъ вмѣсто суда, не стѣсняясь въ томъ никакими строго карательными мѣрами со стороны общества. Поводами къ началу капли служили обыкновенно: убійства, грабежи, воровство людей и продажа ихъ въ плѣнъ. За убитаго или проданнаго въ неволю облазны были мстить его родственники и даже вся фамилія, къ которой онъ принадлежалъ. Нерѣдко и самыя малоозначительныя обстоятельства были причиною возникновенія подобной вражды. Обида, нанесенная отцу и дѣду, передавалась потомству, никогда не забывалась, и месть, какъ родовое наслѣдство, завѣщалась нисходящей линіи, которая кровью врага старалась смыть пятно позора, нанесеннаго ей предку. Вражда, разрастаясь съ теченіемъ времени, принимала болѣе ожесточенный характеръ и доходила иногда до обширныхъ размѣровъ. Не только отдѣльныя семейства, но бывали примѣры, что цѣлыя аулы переселялись въ другія общества, находя вслѣдствіе капли невозможнымъ долѣе жить въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ противною стороною. Нерѣдко одно селеніе находилось съ другимъ въ подобныхъ враждебныхъ отношеніяхъ, наслѣдованныхъ отъ дѣдовъ, причемъ ненависть къ противникамъ всасывалась вмѣстѣ съ молокомъ матери. И этотъ варварскій обычай, освященный народными преданіями вѣковъ, свято исполнялся горцами.

Часто случалось, что вражда на время утихла и, какъ огонь, не находящій достаточно пищи, тлѣла по немногу, останавливаясь на болѣе или менѣе значительные періоды времени, то вспыхивала опять съ большей силой и энергически поддерживалась обѣими сторонами. Обиженная сторона, пща случая убить кого либо изъ лицъ, заранѣе для того назначенныхъ, старалась также обворовывать своихъ противниковъ, и наносить имъ какъ можно больше вреда. Лица, преслѣдуемыя кровомщеніемъ, не смѣли открыто являться на народныя собранія, или въ тѣ мѣста, гдѣ могли встрѣтиться со своими врагами; при отправленіи въ путь, они иначе не выѣзжали изъ дому, какъ

(*) «Этнографическій очеркъ черкесскаго народа» барона Сталья. Рукопись, хранящаяся въ штабѣ Кавказскаго военнаго округа.

только через такія мѣста, гдѣ не надѣялись встрѣтиться съ непріателемъ, или ѣдили въ сопровожденіи значительнаго конвоя, съ которымъ рассчитывали отразить всякое нечаянное нападеніе, а иногда и подъ покровительствомъ вліятельнаго лица въ краѣ, причемъ враги ихъ, въ опасенія новой канлы, не покушались дѣлать нападенія.

Въ самомъ незавидномъ положеніи находился горецъ, преслѣдуемый кровомщеніемъ, когда неумолимый противникъ могъ подстеречь его на каждой тропинкѣ, окружающей его дворъ. Ему невозможно было спокойно спать у своего роднаго очага, гдѣ онъ тоже не безопасенъ; съ оружіемъ онъ не долженъ былъ разставаться ни на минуту, ни днемъ, ни ночью, когда воображенію его рисовался по скаламъ рыскающій врагъ, прокрадывающійся къ его савѣ. Только покровительство сильнаго лица, въ домѣ котораго онъ на вѣкоторое время могъ скрыться, дѣлало преслѣдуемаго безопаснымъ. Полная тревога жизни и привычка къ кровавымъ эпизодамъ приучала горца къ подобной обстановкѣ.

Преслѣдователь бывалъ дѣйствительно неутомимъ до тѣхъ поръ, пока не достигалъ цѣли своихъ желаній, въ чемъ онъ клялся на могилахъ предковъ. Въ противномъ случаѣ, страдала слава джигита и терялась репутація удалца въ глазахъ не только родного аула, но даже цѣлаго общества, если онъ не успѣвалъ смыть кровью врага позора съ своей семьи, и не отомстить противнику. Женщины называли его трусомъ, что отнимаетъ доброе имя у горца, а родственники дѣлали ему упреки. Это-то и заставляло его скупаться цѣлымъ недѣлю по лѣсамъ для преслѣдованія стоящаго на очереди канлы, и сторожить на тропинкахъ, гдѣ могъ врасплохъ проходить, или проѣзжать его заклятый врагъ. Нужно знать характеръ горца, чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о томъ, съ какимъ почти нетеловѣческимъ терпѣніемъ преслѣдовалъ онъ непріателя, подвергаясь самъ лишеніямъ и опасностямъ. Но за то при удобной минутѣ, выжидаемой мѣсяцами и перѣдко годами, съ какимъ неистовствомъ бросался онъ на противника и убивалъ его. Предсмертныя агоніи жертвы доставляли побѣдителю-убійцѣ наслажденія, вознаграждавшія его за всѣ труды и опасности. Но триумфъ его бывалъ непродолжителенъ и опьяненіе дивой радости скоро проходило, смѣняясь сознаніемъ своей собственной небезопасности, такъ какъ теперь наступала его очередь подвергнуться такой же участи отъ родичей только что убитаго имъ, потому что канлы переходила на ихъ сторону. И отомщенный становился предметомъ преслѣдованій, и онъ, и его родственники должны

были укрываться отъ кровомстителей. Иногда цѣлыя столѣтія продолжались между двумя родами подобныя убійства.

Встрѣчаясь неожиданно въ чужомъ домѣ, кровомстители не показывали одинъ другому притворнаго вниманія или вѣжливостей, но дѣлали видъ, будто не замѣчаютъ противника, и старались держаться одинъ отъ другаго подалѣе. Въ подобномъ случаѣ никакая ссора не позволительна, потому что за обиженнаго гостя хозяинъ обязанъ отомстить обидчику.

«При совершеніи каны», говоритъ баронъ Сталь, «нѣтъ ничего рыцарскаго и откровеннаго. Кровомститель убиваетъ изъ засады, сожигаетъ хлѣбъ и сѣно враждебнаго ему семейства, поджигаетъ ночью сакли, крадетъ дѣтей. Все это дѣлаетъ онъ скрытно, воровски, самъ набѣгая опасности. Предпримчивый кровомститель, въ непродолжительное время, столько надѣлаетъ вреда, что обидѣвшее семейство бываетъ принуждено просить чрезъ посредниковъ мира и уплатить обиженному установленную обычаемъ плату за кровь» (*).

Плата эта опредѣлена адатомъ, почти у всѣхъ горцевъ по сословіямъ; чѣмъ значительнѣе лицо, тѣмъ она выше; она иногда бывала до того велика, что одно лицо не въ состояніи было заплатить ее; въ такомъ случаѣ окладывался цѣлый родъ виновнаго и одновременно или по частямъ выплачивалъ цѣну крови. Чаше всего случалось, что при договорахъ отѣтчикъ отдавалъ половину условленнаго платежа, и бралъ отъ обиженнаго семейства дитя, къ себѣ на воспитаніе. Этимъ пріобрѣталось родство, считавшееся кровнымъ, и уничтожалась всякая вражда.

Долгое время каны были причиной междоусобія между двумя отраслями князей Моршани, населявшихъ: одна Цебельдинское, а другая дальшее ущелья. Чтобы прекратить эти преслѣдованія, сильно тормозившія матеріальное благосостояніе края, послѣднею жертвою которыхъ былъ князь Саатъ-бей Моршани Учардіевоі отрасли, убитый княземъ Альмосхентомъ изъ потомства Тлапса, въ 1859 году, въ присутствіи русскихъ властей (**), нужно было принять болѣе рѣши-

(*) Въ томъ же рукописи барона Сталя.

(**) Бывшіе: кутансей генералъ-губернаторъ, князь Эристовъ и начальникъ войскъ въ Абхазіи, генералъ-майоръ Каргановъ, во время повздки въ Цебельду, хотѣли сдѣлать попытку къ примиренію враждующихъ, для чего и собрали князей обѣихъ отраслей, близъ укрѣпленія Цебельдинскаго. Они съѣхались, но лишь только генералъ-губернаторъ началъ свою увѣдательную рѣчь, какъ раздался выстрѣлъ Альмосхента, изъ сторонѣ котораго было право каны и Саатъ-бей палъ убитымъ. Тутъ всѣ разбѣжались и попытка къ примиренію вѣднѣ окончилась.

тельные мѣры къ прекращенію безпорядковъ, потому что увѣщанія не могли дѣйствовать на горцевъ въ подобномъ случаѣ.

8-го іюля, начальникъ войскъ въ Абхазіи прибылъ въ отрядъ на урочище Шукуранъ, гдѣ и занялся рѣшеніемъ вопроса объ умиротвореніи распри князей Моршани.

Другая причина сосредоточенія отряда въ Цебельдѣ была та, что общество *Псху* (или правильнѣе *Псхоу*), считавшееся покорнымъ русскому правительству, въ силу прежнихъ условій, должно было выдавать аманатовъ (заложниковъ), въ высылкѣ которыхъ псхувцы, въ послѣднее время, отказывались подъ разными предлогами. Отказъ ихъ былъ признакомъ нарушенія прежнихъ отношеній къ русскимъ, что и подтверждалось получаемыми оттуда свѣдѣніями о принятіи ими, хотя и тайного, по дѣятельнаго участія съ партіями непокорныхъ горцевъ, противъ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ на западѣ Кавказа. Почему предположено было: по водвореніи порядка между цебельдинцами и дальцами, пройти съ отрядомъ къ ауламъ псхувцевъ, взять аманатовъ и тѣмъ положить предѣлъ ихъ разбоямъ.

Псхоу, нѣвѣстное болѣе вмѣстѣ съ обществами *Атчипсхоу* и *Аибга*, подъ общимъ названіемъ *Медовъцевъ* или *Медовъцевцевъ*, (по мѣстному названію—*Медозюе*), лежало въ углу соединенія Абхазскаго хребта съ главнымъ Кавказскимъ; селенія этого общества были разбросаны между каменными утесами, окруженными лѣсами, по лужайкамъ рѣчекъ, составляющихъ притоки Бзыби, и на долинахъ этой рѣки. Приныкая къ подножію главнаго хребта, оно со всѣхъ сторонъ ограждено грядами горъ, вершины которыхъ входятъ въ предѣлы вѣчныхъ снѣговъ; только нѣкоторые перевалы, съ трудно доступными путями, были возможны для перехода туда въ немногія лѣтнія недѣли; остальные же мѣста, покрытыя выше скалами, а ниже дѣйственными лѣсами, были непроходны.

Пользуясь такимъ недосыгаемымъ убѣжищемъ, псхувцы даже и въ то время, какъ стали признавать надъ собою власть русскихъ, продолжали свои разбои, не стѣсняясь данными обязательствами, и безнаказанно производили грабежи въ Абхазіи и Цебельдѣ, вблизи русскихъ укрѣпленій, и нерѣдко вводили въ плѣнъ солдатъ. Конечно, этому способствовали ихъ дружественныя и родственныя связи съ абхазами и цебельдинцами, у которыхъ они, въ случаѣ преслѣдованія, находили самое вѣрное убѣжище, и наоборотъ, жители этихъ послѣднихъ областей, преслѣдуемые правительствомъ за нарушеніе порядка въ краѣ и убійства русскихъ, и дезертиры, достигнувъ Псхоу,

считали себя уже въ всякой опасности. Кромѣ того, они передерживали у себя абрековъ и воровскія партіи, пробиравшіеся нѣзъ за хребта для хищничества на югозападныхъ нашихъ границахъ и, какъ хорошо знающіе мѣстность, служили имъ проводниками при нападеніяхъ на жилища мирныхъ абазинъ.

Общество Псху признало надъ собою власть русскихъ вмѣстѣ съ занятиемъ нашими войсками Цебельды въ 1839 году, куда двинулся отрядъ зимой и псхувцы выѣхали на встрѣчу съ миролюбивыми предложеніями. Но въ аулы ихъ, до окончательнаго покоренія Кавказа, не проникалъ никогда ни одинъ русскій, кромѣ плѣнниковъ, которыхъ продавали туда съ бассейновъ Лабы и Кубани (*).

Явленіе покорности для медовѣвцевъ, конечно, ничего не значило; самостоятельно они не могли дѣлать набѣги на наши поселенія, отъ которыхъ со всѣхъ сторонъ были совершенно ограждены другими племенами. Съ помощью же послѣднихъ и только подъ ихъ покровительствомъ, они могли пробираться куда имъ было угодно. Разбой и грабежи въ Абхазиі и Цебельдѣ они производили также съ помощью жителей, которые служили имъ при этомъ помощниками и коноводами.

Вслѣдствіе этого, правительство не разъ было вынуждаемо принимать противъ медовѣвцевъ мѣры. Такъ, еще въ началѣ 1843 года, былъ собранъ отрядъ, подъ командой начальника 3-го отдѣленія черноморской береговой линіи генералъ-маіора Муравьева, который двинулся по Гумскому ущелью, и дошелъ до перевала Доу, за которымъ располагалось самое общество. Псхувцы были на столько благоразумны, что согласились принять предложенныя имъ условія, потому что зимнее время лишало ихъ возможности ожидать помощи отъ другихъ обществъ, совмѣстно съ которыми они еще могли бы защищать этотъ единственный съ той стороны проходъ. Выѣхавъ на встрѣчу отряду, горцы присягнули на подданство Россіи и выдали аманатовъ, какъ ручательство въ томъ, что они прекратятъ свои разбои. Заложники эти были отданы на воспитаніе лучшимъ дворянскимъ и княжескимъ фамиліямъ Абхазиі, но были послѣдними возвращены псхувцамъ, безъ вѣдома русскихъ властей. Затѣмъ, медовѣвцы привалились за прѣжнее ремесло еще съ большею отвагою, а вліяніе на нихъ правительства постепенно слабѣло, такъ что передъ войной 1853 года они считали себя уже совершенно независимыми.

Со вступленіемъ нашихъ войскъ, послѣ этой войны, въ Абхазию

(*) Какъ исключеніе, туда проникъ генеральнаго штаба капитанъ А. Я. Барановичъ, котораго вѣзительные абхазцы и псхувцы провели, въ 1862 году, чрезъ это и другія общества на ту сторону горъ, для осмотра путей.

и Цебельду, съ псхувцами старались возобновить сношенія, но они не показывали никакого признака покорности. Это обстоятельство было причиной вторичнаго снаряженія экспедиціи въ Псхоу, что и было сдѣлано также зимой, чтобы лишить возможности жителей спастись бѣгствомъ со своими пожитками въ соседственныя аулы, отдѣлявшіеся главнымъ хребтомъ, черезъ который въ такую пору года доступъ былъ невозможенъ.

Въ январѣ 1859 года, бывший тогда начальникомъ войскъ въ Абхазіи, генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликонъ съ отрядомъ, собраннымъ изъ войскъ, расположенныхъ въ кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ, двинулся снова по Гумскому ущелью и подошелъ къ перевалу Доу. Отдѣленные отъ другихъ обществъ глыбами снѣга и льдовъ, горы видѣли настоятельную необходимость принести покорность, а потому вышли на встрѣчу отряду вмѣстѣ съ заложниками. Впрочемъ, выдачу амапатовъ они не считали для себя большою тягостію; принявъ же, по мѣстному обычаю, присягу, они не старались выполнить ее, да и не считали этого нужнымъ, какъ данную гаурамъ (пелѣриымъ). Заложники ихъ, находясь, какъ и прежніе, на воспитаніи у абхацевъ, были возвращены имъ также безъ позволенія русскаго начальства.

Наконецъ, начальство рѣшилось припудить ихъ снова силою къ повиновенію; мѣра эта была тѣмъ болѣе необходимою, что, съ покореніемъ восточнаго Кавказа, всѣ усилія правительства направлены были къ умиротворенію западнаго Кавказа.

До первыхъ чиселъ августа продолжались переговоры съ цебельдинскими и дальскими князьями, которые, наконецъ, согласились къ примиренію, но съ тѣмъ, чтобы дѣло ихъ было рѣшено по адату (*), основываясь и на шаріатѣ (**), для чего нужны были отъ обѣихъ сторонъ эфенди (***), а какъ такихъ лицъ въ Абхазіи не отыскалось, то рѣшено было привезти одного изъ Карачал, а другаго выписать изъ Турціи. Но, въ ожиданіи сбора судей и защитниковъ сторонъ, дѣло могло еще протянуться на мѣсяцъ, почему и отложено рѣшеніе этого вопроса до возвращенія отряда изъ экспедиціи, когда уже представлялась полная возможность приступить къ окончательному прекращенію вражды Цебельды съ Даломъ.

6-го августа, въ лагерь на Шукуранѣ, собственно для отправленія въ горы, было собрано четыре стрѣлковые и четыре линейныя

(*) Судъ по кореннымъ народнымъ обычаямъ.

(**) Судъ по корану.

(***) Эфенди имѣютъ значеніе адвокатовъ.

роты кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ, расположенныхъ въ Сухумѣ; стрѣлковыя роты №№ 23-го и 26-го баталіоновъ; одинъ заводъ саперовъ 1-й роты Кавказскаго сапернаго № 1-го баталіона; заводъ горныхъ орудій, ракетный заводъ Сухумской крѣпостной артилеріи и полусотня Донскаго казачьяго № 3-го полка (*). Кромѣ того, выступило абхазской и цебельдинской милиціи до 3,000 человекъ.

Чтобы отвлечь вниманіе джигетовъ и убыховъ, которые могли дать помощь псхувцамъ, узнавши о движеніи туда отряда, дано предписаніе начальнику Сухумской морской станціи отправиться на корветъ «Удавъ», и крейсировать, въ теченіе семи дней, въ виду непріятельскихъ береговъ до Вардане, подходилъ иногда, если погода дозволитъ, въ болѣе населеннымъ мѣстамъ около *Сочи* и *Адлера*, становиться на якорь и бомбардировать ихъ, а на азовскіе баркасы сажать взятыхъ изъ Гагръ сто человекъ стрѣлковъ, показывая видъ приготовленія къ высадкѣ на берега десанта (**).

II.

Выступление.—Ночлеги на перевалахъ Алышара.—Дальнѣйшее движеніе.—Народныя пѣсни и танцы абазимъ.—Переходъ лѣсной полосы кавказскихъ горъ.—Разсказъ о битвѣ на Ингури.—Сильные пласты на горѣ Дзыхъ.—Возвращеніе полусотни казаковъ для слѣдованія съ № 36-мъ баталіономъ другимъ путемъ.

Рано утромъ, 7-го августа, отрядъ двинулся вверхъ по рѣкѣ Аиткелю. Роскошная долина, орошаемая этой рѣкой, живописно раскинута по обѣимъ сторонамъ ея; возвышенности, спускаясь къ ней пологими скатами, мѣстами покрыты лѣсомъ мелкаго орѣшника, фруктовыми садами или травой. Между ними разбросаны усадьбы мѣстнаго населенія, выглядывавшія изъ-за садовъ и канашъ. Почти всякій дворъ окружался со всѣхъ сторонъ постройками ячменя и гречи, а больше всего кукурузы, достигавшей въ то время уже саженой и даже большей высоты. Не смотря на скудную обработку, которая тамъ вообще принята, всюду видна была заботливость щедрой природы, съ избыткомъ вознаграждавшей лѣнливыхъ жителей, удовлетворяя всѣмъ

(*) Полусотня эта была собрана изъ постовъ сотни, расположенной въ Абхазіи, которая выступила подъ начальствомъ командира сотни, войскаго старшины Машакина. Я, съ небольшою командой, состоялъ отдѣльно отъ полусотни, при отрядномъ штабѣ.

(**) Какъ въ настоящей статьѣ, такъ и въ послѣдующихъ, всѣ свидѣнія, относящіеся къ описываемымъ событіямъ, заимствованы мною: изъ доносеній начальниковъ отрядовъ; изъ командующаго войсками въ Абхазіи и частью изъ рукописей, бывшихъ при штабѣ же начальника края; кромѣ, конечно, того, что мною разсказывается, какъ очевидецъ и участникомъ въ экспедиціяхъ.

нихъ потребностямъ за то только, что они набороздытъ почву вдоль и поперекъ горизонтальными разрѣзами на три вершка глубины, бросать на вес зерно и заволочать дрепесными вѣтвями.

Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ замѣтнѣе служивалось ущелье, горы поднимались выше, спуски становились круче, кое-гдѣ оканчиваясь обрывами; вообще, мѣстность принимала болѣе угрюмый характеръ. Скалы видѣлись на пригорьяхъ, рядомъ со скалами, какъ будто прикрѣпленныя къ нимъ, или на утесистыхъ терасахъ, обрывающихся къ рѣкѣ. Не смотря на значительную крутизну спусковъ, жители, однако, находили возможнымъ размѣщать тамъ хозяйственныя постройки, тогда какъ для непривычнаго человека много стоило трудовъ добраться до нихъ.

Къ вечеру, отрядъ подошелъ къ рѣкѣ Келасурѣ, гдѣ и остановился на ночлегъ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, для пѣхоты былъ наведенъ мостъ чрезъ рѣку, быстрота которой въ этомъ мѣстѣ была до того сильна, что невозможно было перейти въ бродъ при глубинѣ немного выше колѣнъ. Вырываясь за полверсты отъ переправы изъ ущелья, стѣсненнаго скалами, почти нависшими надъ ней, рѣка Келасура составляетъ одинъ изъ тѣхъ сердитыхъ потоковъ, опрокидывающихъ все встрѣчное на пути, о которыхъ имѣется такъ много разсказовъ кавказцевъ. Даже горы, привыкшіе переходить пѣшими самые быстрые горные ручьи, вооружался для этого палками съ желѣзными заостренными концами и сцѣпляясь по нѣсколько человекъ рука съ рукой, чтобы удобнѣе было держаться въ водѣ на каменистомъ грунтѣ во время переправы, даже и они не въ состояніи были переходить въ этомъ мѣстѣ. Въ шесть съ половиною часовъ, войска, назначенныя для разработки дороги, переправлялись уже по мосту и приступали къ разработкѣ подъема на хребетъ *Ашатумара*, возвышавшійся почти отвѣсною стѣною надъ правымъ берегомъ Келасуры. Много трудовъ и усилій стоило людямъ прорубить тропу до вершины горы.

Отъ Келасуры дорога становилась до того малопроездимой, что безъ разработки не было возможности безпрепятственно по ней двигаться. Извѣстная у жителей подъ названіемъ поровской, она служила пѣшеходнымъ сообщеніемъ Пстоу съ Цебельдой, и, пролегая по мѣстамъ мало доступнымъ, представляла много затрудненій при работахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее приходилось вытѣкать въ скалахъ.

Къ половинѣ дня, тропа была окончена, и двѣ колонны вслѣдъ затѣмъ начали подъемъ на гору, а третья оставалась на Келасурѣ

до слѣдующаго утра. Первая часть отряда, выдвинувшаяся на перевалъ *Айкеара*, расположилась въ лѣсу, близъ небольшого поселенія *Атмерто*.

Застучали топоры, и чрезъ полчаса мелкій лѣсъ вырубленъ, а роты стали разлѣщаться на ночлеги. Деревушка, разбросанная по лѣсу, состояла изъ четырехъ или пяти дворовъ, принадлежавшихъ какому-то цебельдинскому помѣщику (князю), жители которой всѣ скрылись, захвативъ, что могли. По рассказамъ, выселокъ этотъ былъ населенъ бѣглыми русскими, женатыми на туземкахъ. Да другой причины и не было для нихъ скрываться при появленіи отряда. Постройка домовъ тамъ дѣйствительно была не похожа на абазинскія сакли, и состояла изъ небольшихъ русскихъ избъ, съ печками и даже стеклянными окнами, которыя у мѣстнаго населенія не были въ употребленіи. Солдаты наши скоро съумѣли воспользоваться отсутствіемъ домовладѣльцевъ, пачавъ хозяйничать и распоряжаться, по-своему, медомъ и чуреками, какіе были найдены въ брошенныхъ домахъ.

У солдатъ и казаковъ, въ подобныхъ случаяхъ, бываетъ острое чутье, а тѣмъ болѣе послѣ дня, проведеннаго въ утомительной работѣ и безъ горлчей пищи. Но, къ чести ихъ, нужно сказать, что, кромѣ сѣстнаго, ничего не было тронута.

Едва только закатилось солнце, какъ въ лѣсу рѣзко наступили совершенныя сумерки. Однѣ вершины сосѣднихъ горъ, сквозь лѣсъ, угрюмо вырѣзывались темными массами на темной синевѣ неба. А, между тѣмъ, съ Келасурскаго ущелья, густыя облака тумана стали быстро спускаться внизъ по теченію рѣки и плотно укутывать ее сплошною строю пеленой. Въ воздухѣ сдѣлалось сыро, почему начали раскладывать и зажигать костры, наваливъ вороха сухихъ вѣтовъ. Недостатка въ дровахъ не было. Замѣчательная декорация представилась намъ при свѣтѣ большихъ огней, illumинировавшихъ этотъ дремучій вѣковой лѣсъ, гдѣ гиганты высокихъ, стройныхъ чинаровъ и буковъ, широко распустивъ вѣтви, освѣщенные снизу, заставляли заглядываться даже усталыхъ солдатъ, вообще не охотниковъ до поэтическихъ ощущеній, тѣмъ болѣе послѣ усиленныхъ трудовъ. Вокругъ костровъ, живописными группами толпились солдаты, съ котелками въ рукахъ, хлопоча о приготовленіи своего пезатѣливаго ужина.

Часа черезъ полтора всѣ уложились спать, говоръ началъ стихать, и огни быстро погасали одни за другими. Наконецъ, сдѣлалось совершенно тихо, только мѣрные шаги часовыхъ, бряцанье ружья, гдѣ нибудь задѣтаго ниткомъ за вѣтку, да ровный шелестъ листьевъ разнообразили безмолвіе ночи. Картина перемѣнилась, лѣсъ, написшій

падѣ бивакомъ непроницаемою массою листьевъ, былъ «тюрмы чернѣй»; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между вѣтвями, проглядывалъ клочекъ восточнаго голубаго неба, съ слабо мерцающей, сквозь туманъ авѣдой.

Съ разсвѣтомъ, 9-го числа, весь отрядъ двигался уже по направленію въ сѣверу. Линейныя войска прокладывали дорогу, а стрѣлки шли въ цѣпи по сторонамъ, гдѣ это было возможно. Здѣсь, кромѣ лѣса и перовпой мѣстности, спусковъ и подъемовъ со скалы на скалу, встрѣчались по дорогѣ еще и болота, которые пужно было забрасывать срубленными съ деревъ вѣтками. Въ этихъ лѣсахъ болота бываютъ на самыхъ высокихъ мѣстахъ.

Пройдя версты три, мы стали спускаться въ небольшое ущелье, тянувшееся дугообразною линіею на сѣверо-западъ до перевала *Альбаки-Дзыхва*, на сѣверо-восточномъ склонѣ хребта *Ашахумара*. Тутъ дорога показалась намъ гораздо удобнѣе; камней и скалъ встрѣчалось мало; громадные деревья стояли рѣдко одно отъ другаго; землю покрывалъ толстый слой сухихъ листьевъ, почему обозъ двигался впередъ безпрепятственно. Часовъ въ пять по-полудни, передовыя колонны подошли къ перевалу, гдѣ и начали располагаться на почлегъ. Авангардъ занялъ небольшую возвышенность, саженьхъ въ полтораста впереди лагеря; тамъ уже дожидалась часть отряда, часть цебельдинской и дальской милиціи (*).

Послѣ остановки, всегда начиналась суета, неразлучная спутница передвиженій войскъ: ротные и баталіонныя командиры отдавали приказанія, фельдфебеля распоряжались, ефрейторы бѣгали взадъ и впередъ, назначая людей на фуражировку—нарвать руками травы для выюпныхъ лошадей и за дровами, другіе разставляли цѣпь. Каптенармусы и артельщики заботились о приготовленіи ужина для людей. Разбивались палатки для начальствующихъ лицъ (**) и лазарета. Одни милиціонеры, какъ прежде занявшіе лагерь, не раздѣляли общей суматохи. Среди нихъ слышалась народная пѣсня и, наконецъ, показалась оттуда толпа

(*) Милиція обхазскаго округа, съ рогинстромъ княземъ К. Шервашидзе, поправилась чрезъ густое ущелье къ перевалу Доу. Милиція бамбскаго округа, съ вторымъ княземъ А. Шервашидзе, должна была подняться вверхъ по Бзыби, и занять перевалъ *Амаки*. Милиція обхазскаго округа, цебельдинская и дальская, съ полковникомъ гвардіи княземъ Д. Шервашидзе, сѣдовала вверхъ по рѣкѣ *Амткелю* и *Учалта* на перевалъ *Адининез*, для присоединенія къ отряду у истоковъ рѣки Бзыби, гдѣ сходятся дороги чрезъ перевалы *Химси* и *Адининез*.

(**) Для нижнихъ чиновъ палатокъ не было возможности брать, по неимѣнію переносочныхъ средствъ, да онѣ, впрочемъ, были бы только въ тягость отряду, увеличивая обозъ и тѣмъ затрудняя его движеніе.

абазины. Впереди ихъ шель, важно пріосанясь, ражій дѣтина, высокаго роста, съ козлиной бородкой (*), въ остроконечной шапкѣ на головѣ и съ лихо откинутыми назадъ концами башлыка (**). За плечами красовалась винтовка съ дорогой настьчкой, за полсомъ заткнуто было два пистолета; кинжалъ и пашка въ серебрянной оправѣ довершали его вооруженіе. По костюму и оружію онъ былъ настоящимъ джигитомъ, который, между тѣмъ, напгывалъ въ большую травяную дудку какую-то безалаберную туземную пѣсню. Толпа, слѣдовавшая за нимъ, сцѣпясь руками между собою, пѣла на голосъ, стараясь подражать звукамъ дудки, съ припрыгиваніемъ въ тактъ пѣснѣ.

Почти всѣ свои пѣсни абазины поютъ также, какъ и грузины, безъ словъ. Не смотря на монотонную однообразность, переходящую иногда въ дикіе, порывистые гортанные звуки, въ этихъ напѣвахъ есть гармонія, поражающая своею странностью. Абхазское племя, по парѣчию, отдѣляется отъ другихъ горскихъ народовъ. При разговорѣ, у абазина легкія усиленно работаютъ, по трудности произношенія словъ, выговариваемыхъ не языкомъ, а гортанью; напряженное движеніе мускуловъ его лица замѣтно особенно при пониженіи или повышеніи голоса. Человѣку, не родившемуся между ними, ни въ какомъ случаѣ нельзя выучиться правильно произносить эти горловые, отрывистыя слова. Русскіе, находившіеся среди абазинцовъ по двадцати лѣтъ и больше въ плѣну, никогда не могли говорить хорошо по мѣстному. Люди, близко знакомые съ этимъ нарѣчіемъ, объясняютъ, что, для переложенія на бумагу абхазской разговорной рѣчи, невозможно отыскать соответствующихъ буквъ ни въ какой грамматикѣ, даже восточныхъ языковъ. Особенно дикъ показался этотъ жаргонъ мѣ, пока я не прислушался къ нему. Во время разговора абазины между собой, вы услышите все вмѣстѣ, въ одно и тоже время: хрюканье, свистъ (*) и шипѣніе; но звуки выговора для непривычнаго уха не раздѣляются, сливаясь между собой.

Толпа, между тѣмъ, подвигалась къ палаткѣ начальника отряда, возлѣ которой онъ сидѣлъ на походномъ стулѣ. Предводитель процессіи, подойдя къ нему, раскланялся, что сдѣлали и остальные, слѣдовавшіе за нимъ; затѣмъ, началась пляска, при громкой отрывистой

(*) У абазинъ вообще нѣтъ окладистыхъ бородъ.

(**) Горцы считаютъ щегольствомъ омурность откидыванія назадъ концовъ башлыка.

(***) Такъ, напримеръ, слово сто (счетъ) произносится не выговоромъ, а звукомъ, совершенно сходнымъ съ отрывистымъ свистомъ; точно также и другія гортанныя произношенія абазинъ выражаются такими же странными звуками, а нѣкоторые даже и неудовными для незнакомаго съ ними уха.

пѣснѣ и виагѣ абазинѣ, хлопавшихъ въ ладоши въ тактъ танцующимъ. Абхазскій танецъ довольно труденъ; онъ исполняется почти на однихъ пальцахъ ногъ. Легкіе и проворные, абазины въ такомъ положеніи выдѣлываютъ довольно трудные скачки, которымъ позавидовалъ бы любой балетный танцоръ. Это ихъ національный танецъ. Затѣмъ, взявшись всѣ за руки и образовавъ кружокъ, они начали пляску кругомъ, наклоняясь, въ тактъ припѣву, во всѣ стороны. Этотъ послѣдній танецъ заимствованъ ими у турокъ. Натанцовавшись, абхазцы отправились къ своему биваку такимъ же порядкомъ, какимъ двигались къ ставкѣ генерала.

Ночью получено было извѣстіе отъ князя Константина Шервашидзе, что опъ, съ милиціею абхазскаго (сухумскаго) округа, пройдя по гумскому ущелью, поднимался на перевалъ Доу. Занятіе этой позиціи имѣло важное для насъ значеніе: оно лишало псхувцевъ возможности зайти въ тылъ отряду.

10-го числа, мы двигались по гребню длиннаго и узкаго хребта, тянувшагося отъ перевала Альбаки-Дзыхва къ горѣ Цумкаръ, и составлявшему каменную гряду съ глубокими и покатыми обрывами по сторонамъ. По этой тропѣ, имѣвшей ширину обыкновенной колесной дороги, пролежавшей по самой вершинѣ хребта, ограниченнаго, какъ уже сказано, съ обоихъ боковъ довольно крутыми, а мѣстами обрывистыми спусками, съ выдавшимися на поверхности камнями и заваленной лежавшими деревьями, невозможно было двигаться безъ разработки дороги. Скаты были покрыты все тѣмъ же вѣковымъ лѣсомъ, до котораго еще не дотрогивался топоръ, такъ что дна обрывовъ пельзъ было видѣть; только глухой, отдаленный звукъ раската большихъ камней, сброшенныхъ въ нихъ, давалъ знать о глубинѣ боковыхъ ущелій.

Съ этой гряды, въ обѣ стороны, открывались передъ нами пейзажи, замѣчательные своею дикою угрюмостью. Направо видѣлось широкое, лѣсистое ущелье, тянувшееся отъ Келасуры и упиравшееся въ гору Цумкаръ; налево разстилалось широкое углубленіе, покрытое также сплошнымъ лѣсомъ, подернутымъ слоємъ прозрачной мглы, которая дальше совершенно терлась въ туманѣ. Въ это время мы были окружены со всѣхъ сторонъ лѣсами. Правое ущелье, окаймленное съ обоихъ боковъ высокими, зубчатыми «гольцами», представляло мрачную картину, вставленную въ гигантскую раму. Только изъ за горы Цумкаръ выглядывала безлѣсная вершина *Дзыхва*, покрытая еще молодою свѣжею зеленью, послѣ недавно ставшихъ свѣговъ

и взоръ, блуждающій по лѣсному океану, отрадно останавливался на этомъ островкѣ зелени, полною жизни молодой, оживавшей послѣ долгой зимы природы.

По малочисленности отряда, нельзя было отдѣлять войскъ впередъ для прокладыванія дороги, почему работы эти производились на походѣ. Полчаса движенія впередъ и за тѣмъ на цѣлый часъ остановка, пока пробьютъ тропинку по камнямъ и прокопаютъ неровности. Линейные солдаты, неся на себѣ всѣ походныя принадлежности, какъ то: десятидневный провіантъ сухарей и крупъ, ружье съ 60 патронами, шинель и необходимое бѣлье, пилѣи, сверхъ того, рабочій инструментъ. Пройдя версту или двѣ, рота останавливалась и, прислоня ружья къ камнямъ и деревьямъ, люди дѣйствовали топоромъ и заступомъ; проложивъ дорогу до слѣдующей роты, работающей впереди, они проходили дальше, пока выйдутъ на край работъ, гдѣ снова принимаются за кирки и лопаты.

Подъемъ на Цумкаръ ровень, съ торной и широкой дорогой, но за то слишкомъ крутъ; даже человѣку, освобожденному отъ всякой ноши, трудно было подниматься на него, не говоря уже о навьюченныхъ солдатахъ и животныхъ.

Къ 7¹/₂ часамъ вечера, отрядъ выдвинулся весь на вершину и расположился на ночлегъ на ровной площадкѣ, образующей трапецію, покрытую рѣдкимъ лѣсомъ, въ версту длиною и сажень триста шириною, оканчивающеюся съ восточной и западной сторонъ почти отвѣсными обрывами.

Тутъ встрѣтился большой недостатокъ въ водѣ. Въ лѣсахъ Закавказскаго края она, вообще, рѣдко бываетъ хороша на вкусъ, имѣя болотистый запахъ. Но въ этомъ мѣстѣ не было никакой, такъ что воду пужно было добывать версты за полторы отъ бивака, въ такой малодоступной мѣстности, что усталые люди едва успѣли набрать себѣ для сваренія пищи и то не всѣ, потому что наступившія сумерки прекратили всякое сообщенію съ водою. Абазины не замедлили воспользоваться этимъ случаемъ. Черезъ нѣкоторое время нѣсколько десятковъ ихъ появилось съ бурдюками, наполненными водою, и началась «сатовка» (торговля), при чемъ бурдюкъ въ полтора ведра продавался до 1 р. 50 коп.

Послѣ усиленныхъ трудовъ протекшаго дня, въ лагерѣ все скоро успокоилось и часовъ въ девять сдѣлалось почти совершенно тихо; только изрѣдка слышался говоръ полусонныхъ солдатъ, докуривавшихъ свои трубки на сопѣ грядущій. Даже и милиціонеры притихли, лишь нѣкоторые набожные дворяне-абазины совершали девятый на-

мазъ и, углубляясь въ бесѣду съ Аллахомъ, издавали, по временамъ, восторженные возгласы, нарушавшіе ночную тишину засыпавшаго лагеря...

11 августа, мы начали спускаться по крутому и мѣстами обрывистому скату горы Цумкаръ, въ довольно глубокой опрагъ, отдѣляющей эту гору отъ хребта Дыхва. Дорога шла по густой, почти непроходимой чащѣ кустарниковъ, связанныхъ ползучими растеніями, и називалась надъ неглубокимъ обрывомъ. Далѣе начался подъемъ на гору, сначала по выдавшейся каменистой грядѣ, а затѣмъ по широкому и крутому спуску, куда проведена была тропа на разстояніи версты семи, продѣланная во многихъ мѣстахъ вигзагами. Медленно поднимались войска на гору, и только часамъ къ тремъ пополудни, передовая колонна вышла на площадку, расположенную на откосѣ подъема Дыхва, гдѣ оканчивался предѣлъ лѣсной растительности. Сюда же начали стягиваться и остальные части колонны и обозъ. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ свѣжѣе становилось въ воздухѣ, а потому и утомленіе уже не такъ сильно дѣйствовало на людей. Часамъ къ пяти вечера, весь отрядъ поднялся на гору, гдѣ и расположился для отдыха.

Къ сумеркамъ солдаты успѣли уже отдохнуть, выпили по чаркѣ водки и всѣ труды были забыты. Такъ какъ ложиться спать было еще рано, то, поутиравъ, они собрались кучками, изъ которыхъ слышались смѣхъ, шутки и остроты.

Въ одномъ изъ сосѣднихъ кружковъ, старый служака вспоминалъ походы Турецкой кампаніи 1853—1856 годовъ, рассказывая толпившейся вокругъ него молодежи, о дракѣ съ «туркой» на Ингурѣ и о гурійскихъ походахъ. Молодежь внимательно слушала ветерана.

— «Не такіе мы походы еще видывали, продолжалъ онъ, и солдаты-то были все молодцы, съ медалькой, а то и съ двумя на груди, а многіе имѣли и «кавалерію»; все были, значитъ, заслуженные и отважные ребята, не чета таперешней молодежи. На Ингурѣ насъ было всего шесть ротъ, а и то посмотрѣли бы вы, какъ отдѣлывали мы турка; полтора баталіона Брестскаго полка стояли ниже, но они не помогали намъ и успѣли убраться впередъ. Мы занимали самую переправу. Непріятеля было вдесятеро больше, такъ и валить цѣлыми колоннами въ воду; какъ только мы сдѣлаемъ по нимъ залпъ и съ орудій осыплютъ ихъ картечью, они назадъ какъ барашка, ажъ красныя фески въ поду летятъ. Запорочиваютъ ихъ съ берега опять въ рѣку, будто стадо овецъ, нагайками и штыками; тѣ сначала противятся, а за тѣмъ бросаются въ воду. Мы сдѣлаемъ нѣсколько зал-

повъ, передніе ряды повалятся и пошли за водой, а задніе опять назадъ на берегъ карабкаются. Такъ, почитай, разовъ шесть ихъ заворачивали. И, съ тремя товарищами нашего же взвода, лежалъ на самомъ яру; противъ насъ на берегу стояли ихнія орудія; но, зная, неловко было имъ палить по насъ; почти всякой разъ ихъ картечь перепосила, а если возьмутъ ниже, то попадутъ въ яръ: только землей обдастъ. Мы долго бы ихъ не пустили, заключилъ разскащикъ со вздохомъ, хошъ у насъ ужъ маловато и людей оставалось, да турокъ нашелъ повыше бродъ, супротивъ котораго стояла милиція; какъ только непріятель появился, милиція-то отступила безъ выстрѣла. Перейдя рѣку, сарбазы начали обходить насъ....»

Тутъ разскащикъ остановился перевести духъ.

— Какъ же отступали дальше? спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Дальше ужъ ничего не припомню, отвѣчалъ старикъ; на другой день я очнулся въ Зугдидахъ (*), и почувствовалъ, что у меня болитъ бокъ, въ которомъ сидѣла пуля...

Откашлившись, усачъ началъ разсказывать о дракѣ на Чолоктѣ, а слушатели, убаюкиваемые разсказами, сладко засыпали вокругъ его. Наконецъ, захрапѣлъ и самъ повѣствователь. Усталость и пора взяли свое.

Ночью подулъ свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ и сдѣлалось холодно. Туманъ началъ подниматься съ ущельевъ въ вершинѣ; вскорѣ падъ бивакомъ нависли тучи и сталъ накрапывать мелкій, но сильный дождь. Къ счастью, усилившійся вѣтеръ скоро разогналъ его, и къ утру небо сдѣлалось совершенно яснымъ.

На другой день, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, мы начали движеніе къ вершинамъ хребта Дыхва, куда къ девяти часамъ вышелъ весь отрядъ, и гдѣ сдѣланъ привалъ.

Въ это время мы находились на значительной высотѣ, немного ниже границъ вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ лѣто, или лучше сказать весна продолжается отъ одного до полутора мѣсяца въ году, а въ углубленіяхъ и сѣверныхъ скатахъ, закрытыхъ отъ прямого дѣйствія солнечныхъ лучей, снѣгъ оставался еще почти нетронутымъ.

Вершина горы была покрыта молодою зеленью; здѣсь весна еще только начиналась. Изъ подъ толстыхъ слоевъ снѣжныхъ заваловъ, лежавшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глыбами на нѣсколько десятковъ квадратныхъ сажень, выбивалась пушистая травка; такъ, что на томъ

(*) Бывшая столица Мингрелін, нынѣ мѣстечко съ окружнымъ управленіемъ.

мѣстѣ, гдѣ свѣгъ сошелъ вчерашняго дня, она выростала на другой день до 5 вершковъ и распускались желтые, весенніе цвѣтки, которые тамъ имѣютъ особенно пріятный аромать. Послѣ долгаго пребыванія на равнинахъ Имеретіи и Абхазіи, гдѣ во всякое время года влажная атмосфера заражена болотными міазмами, мнѣ почти страннымъ казалось встрѣтить здѣсь чистый и свѣжій воздухъ. Вода, полноводными ручьями вытекала изъ разсѣлинъ скалъ, имѣла также пріятный вкусъ, который не только въ Закавказьѣ, но и въ Россіи трудно найти въ рѣкахъ и колодцахъ, безъ искусственнаго очищенія.

Съ возвышенностей Дыхва открывался намъ величественный видъ во всѣ стороны. Отъ сѣверо-востока къ сѣверо-западу тянулся главный хребтъ Кавказа, увѣнчаанный множествомъ причудливыхъ и разнообразныхъ холмовъ, одѣтыхъ блестящею броней льдовъ, которые ярко сіяли на солнцѣ, отражая его лучи. Самое расположеніе ихъ поражаетъ взоръ причудливостію формъ. Размѣщенные въ одну шеренгу, зубцы эти представляютъ равличныя формы. Выше всѣхъ ихъ поднимается вершину величавый *Казбекъ*; отъ него то и тянется, къ западу, этотъ длинный рядъ возвышенностей. Одна изъ нихъ, на примѣръ, выведена конусомъ въ видѣ купола, съ массами паросиныхъ свѣговъ; другая, стоящая рядомъ съ ней, раскинута неправильнымъ четвероугольникомъ, напоминающимъ шатеръ. Затѣмъ, слѣдуютъ вершины меньшихъ размѣровъ, уменьшаясь по мѣрѣ приближенія къ Черному морю, по направленію къ которому значительно понижается и самый хребтъ. Неправильность вершинъ, кажется, частью зависить отъ наклоненія на нихъ, въ теченіе тысячелѣтій, свѣговъ и льдовъ больше съ сѣверной стороны, закрытой отъ солнца. Нижнія части этихъ холмовъ и небольшія возвышенія хотя и покрыты льдами, но по блестящ на солнцѣ, имѣя видъ загрязненнаго бѣла съ темными полосами на углахъ, а мѣстами окрашенными въ буро-красноватый цвѣтъ, отъ павшихъ на нихъ слоевъ пыли. Вершины, ближе расположенныя къ намъ, казались отъ Дыхва на разстояніи еще далѣе какихъ нибудь 20-ти верстъ. Дальнія же горы въ обѣ стороны бѣлѣли перовною зубчатою полосой. На лѣво возвышалось множество каменистыхъ грядъ. Вѣчающія ихъ вершины скалы въ безпорядкѣ пагромождены одна на другую; за ними множество другихъ угрожающе выказывали свои острые ребра, чернѣвшія на солнцѣ. Только легкое облачко, вздумавшее путешествовать по этимъ безжизненнымъ камнямъ, нѣсколько успокоивало взоръ, обращенный на эту вѣчно траурную природу. За то на юго-востокъ открывалась часть широко раскинувшейся долины Ріона, огражденной съ юга горами, съ запада

моремъ и съ сѣвера пройденными нами лѣсами. Равнина эта, покрытая роскошною растительностью, представляла странную противоположность сравнительно съ массами высившихся голыхъ ямней. Какъ будто природа, разливая дары свои одной мѣстности, истощила всѣ свои усилія для нея на счетъ другой, оставивъ послѣднюю навсегда мертвою.

Съ припала отрядъ потянулся чрезъ гору; на пути мы постоянно переходили глыбы неразтаявшаго снѣга, мѣстами попадались небольшія торфяныя озера. Въ нѣкоторомъ разстояніи начался спускъ въ глубокіе и лѣсистые овраги истоковъ р. *Гумисты*, въ ущельѣ *Хирза*. Съ лѣвой стороны тянулось другое, называемое *Гумибста*, которое упралось въ переваль Доу. Тутъ открылись намъ ряды скалъ, возвышающихся надъ лѣвымъ берегомъ р. Бзыби. Это были тѣ самые «псхувскія твердыни», благодаря которымъ русскіе еще ни разу не проникли въ средину псхувскаго общества. Ряды высокихъ, каменныхъ холмовъ, стоявшіе надъ обрывомъ, почти отвѣсно спускавшимся къ рѣкѣ, находились противъ главныхъ ауловъ общества; они съ этой стороны служили стражами Псхоу. Для того же, чтобы пройти туда отряду, онъ долженъ былъ повернуться къ сѣверо-востоку и сдѣлать, такимъ образомъ, значительное, обходное движеніе въ притокамъ Бзыби, по которымъ и спуститься къ ауламъ.

По переходѣ чрезъ ущелье Хирза на полпу *Атата*, составлявшую самую верхнюю терасу съ этой стороны хребта *Химса*, мы остановились на ночлегъ. Отсюда была возвращена, слѣдовавшая съ отрядомъ, полусотня Донскаго № 3-го полка. Дойдя до Цебельды, она должна была соединиться съ четырьмя ротами (линейными) Кавказскаго № 36-го баталіона, находившимися въ то время для дорожныхъ работъ въ урочищѣ Джгерды (въ абжигскомъ округѣ), и, затѣмъ, двинуться по другому пути, чрезъ р. Амткелю, куда вела тропа на горы: *Лакта*, *Пртгалъ*, *Куламба*, *Ачадара* и переваль *Адинтэ* на р. Бзыби. Движеніе это имѣло цѣлью доставить запасы провіанта Цебельдинскому отряду (*) и расчистить другую тропу, къ мѣсту нашей переправы на Бзыби, чтобы, въ случаѣ неудачи на обратномъ пути, можно было имѣть двѣ дороги для отступленія, и, такимъ образомъ, маскировать настоящее направленіе движенія. Начальствованіе надъ Джгердскимъ отрядомъ поручено было войсковому старшинѣ Машлыкину.

(*) Въ это время уже было рассчитано, что провіанта и другихъ запасовъ, взятыхъ въ Цебельдѣ, по медленности движенія впередъ, отряду не хватить на обратный путь.

Въ шесть часовъ утра, 13 числа, мы начали подъемъ по дорогѣ, пересѣченной неглубокими оврагами, и, перейдя довольно значительный отрогъ, отдѣлявшійся отъ хребта Химса, поднялись на вершину послѣдняго, на переваль, называемый «*Псхувскими воротами*». Здѣсь мы расположились на ночлегъ.

С. Смоленскій.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМНЕНІЯ КАВКАЗЦА (*)

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ПСХОУ.

(Выписка изъ походнаго дневника).

(Статья вторая).

III.

Дневни на вершинѣ хребта Химса.—Перестрѣлка милиціи съ псхуцами на перевѣзѣ Доу.—Переходъ черезъ рѣку Бзыбь.—Ледяныя горы Гуаштхва.—Дѣло 17-го августа въ тѣснинѣ Агрибзи.—Взятіе пяти заваловъ.—Ночлегъ на долинѣ Агрибзи.—Переговоры съ псхуцами.—Присяга горцевъ.

Мѣсто нашего ночлега, окруженное голыми, остроконечными утесами, представляющими видъ неправильныхъ зубчатыхъ стѣнъ крепости, имѣетъ два входа: на сѣверъ—къ сторонѣ рѣки Бзыби, и на югъ—къ горѣ Химса. Ворота эти противоположны одинъ другому. Въ срединѣ между ними лежитъ котловина, дно которой, волнообразно раскинувшееся между окружающихъ скалъ, покрыто роскошнымъ лугомъ, черезъ который протекаетъ свѣтлый ручеекъ, образовавшій въ двухъ или трехъ мѣстахъ небольшія озера. Между утесами, въ тѣни, лежали глыбы льдовъ и снѣга. Воздухъ чувствовался разрѣженный и прохладный; по ночамъ становилось совсѣмъ холодно.

На другой день, по случаю хорошаго корма для лошадей, сдѣлана была дневка: лошади, во время перехода дѣла питавшіяся почти одними листьями, требовали остановки на свѣжей травѣ, а люди, ежедневно работавшіе на походѣ, имѣли необходимость въ отдыхѣ. Но при изобиліи въ водѣ и кормѣ для животныхъ, ощущался недо-

(*) См. «Военный Сборникъ» за 1874 годъ, № 5.

статокъ въ дровахъ. Тощіе кустарники рододендрона, попадавшіеся въ этой долині и вблизи ея, имѣли до того мелкій хворостъ, что его трудно было отягчить отъ травы; солдаты лишь съ большимъ трудомъ могли собирать его для варки пищи; ночью же, во время холода, негдѣ было обогрѣться. Это тѣмъ непріятнѣе было для насъ, что мы шли по лѣтнему и, кромѣ сюртуковъ, имѣли однѣ шинели, исправлявшія во время ночи должность подушки, подстилки и одѣяла.

Здѣсь было получено начальникомъ отряда извѣстіе о происшедшей девятаго числа перестрѣлкѣ абхазской милиціи князя Константина Шервашидзе съ исхувцами, на перевалѣ Доу, а также о томъ, что милиціи цебельдинская, дальская и абживскаго округа, подъ начальствомъ полковника князя Григорія Шервашидзе, заняли позицію близъ ауловъ общества, впереди высотъ Агрибзи.

Утро этого дня было холодное и ясное; при солнечномъ восходѣ чувствовался сильный морозъ. Часу въ девятомъ дня подулъ съ сѣвера рѣзкій, холодный вѣтеръ; солнце хотя и ярко блистало на безоблачномъ небѣ, но мало согрѣвало продрогшихъ отъ холода солдатъ. Надъ Бзыбью начали образовываться едва замѣтныя испаренія, поднимавшіяся кверху и исчезающія въ воздухѣ. Легкія облака небольшими кусками носились надъ ущельями, то разрываясь на части, то снова сплотиваясь; чѣмъ выше поднимались они надъ отрогомъ горъ, тѣмъ замѣтнѣе сгущались, скопляясь въ одну массу. Часа черезъ полтора, изъ множества едва замѣтныхъ, прозрачныхъ какъ утренній дымъ облаковъ, образовалась плотная сѣрая туча, покрывшая все пространство между хребтами, тянувшимися по обоимъ берегамъ Бзыби, постепенно укутывая ихъ вершины. Сзади насъ также изъ замеснистыхъ скалъ показывались облака, которыя вскорѣ все затянули густымъ туманомъ. Черезъ нѣсколько минутъ посыпались на насъ мелкія капли дождя, который, постоянно усиливаясь къ вечеру, промочилъ насъ всѣхъ, что называется, до костей. И только къ закату солнца, облака начали разбѣгаться въ разныя стороны, прячась по ущельямъ и за вершинами горъ.

Когда наступили сумерки, небо было уже совершенно чисто. Я никогда не забуду чудной картины, представившейся въ то время, когда молодая двурогая луна, опускавшаяся уже за горы, озарила лагерь блѣднымъ свѣтомъ, выглядывая въ промежутокъ двухъ выдавшихся вершинъ, окружающихъ котловину «Псхувскихъ воротъ», и слабо бросая тусклый свѣтъ на противоположныя возвышенности. А на необозримой синевѣ неба горѣло разноцвѣтнымъ блескомъ безсчетное число звѣздъ. Причиной моихъ астрономическихъ наблюденій

въ этотъ вечеръ было, отчасти, то обстоятельство, что я свою бурку уступилъ заболѣвшему лихорадкой товарищу, а подъ однимъ плащомъ, по случаю мороза, становилось жутко.

Утромъ, 15-го августа, мы начали спускаться къ Бзыби, сначала по крутому скату, гдѣ дорога проведена была зигзагамъ, въ небольшое ущелье, тянувшееся къ рѣкѣ. Здѣсь спускъ становился лучше, и когда мы дошли до лѣса, то тамъ уже былъ колесный путь. Лѣсъ этотъ служилъ опушкой береговъ Бзыби и часть его вытягивалась по ущелью. Вверху были тощія деревья или незначительные кустарники, но ниже стояли хотя и рѣдкія, но стройныя и высокія ели и сосны. Почти на каждомъ стволѣ деревьевъ было замѣтно по нѣскольکو мѣтокъ. Это горцы вырѣзывали нули, попавшіе въ дерево при какихъ либо междоусобныхъ перестрѣлкахъ; такъ горцы дорожили свинцомъ. Спустился съ обрывистаго берега къ рѣкѣ, черезъ которую передняя колонна успѣла уже перебросить мостъ, отрядъ перешелъ на правый берегъ ея.

Бзыбъ въ этомъ мѣстѣ еще не такъ велика въ сравненіи съ тѣмъ, какою она при устьѣ; по стѣсненная каменистыми утесами, составляющими ся берега и при значительномъ паденіи, какъ и всѣ рѣки, берущія свое начало отъ главнаго хребта, теченіе ея довольно быстро, и мѣстами образуются небольшіе водопады. Вода шумными каскадами стремительно катится по каменистому ложу, разбиваясь о неровности дна; брошенный въ воду кусокъ дерева въ нѣсколько секундъ исчезалъ изъ вида.

Правая сторона Бзыби принадлежала уже псхувцамъ, то есть русло рѣки было естественной границей ихъ владѣній. Вступая въ непріятельскую землю, мы вправѣ были ожидать нападенія, почему цѣпи по сторонамъ были усилены, артилерія (*) и войска держали себя на готовѣ къ бою. Пройдя нѣсколько верстъ надъ рѣкой, мѣстами отдаляясь отъ нея, то опять подходя къ самому руслу,—при чемъ мы шли лѣсомъ,—отрядъ выдвинулся на небольшую полянку, окруженную кустарниками орѣшника, называемую *Ахвакха*, гдѣ остановился ночевать.

Съ вечера разложили большіе костры огней. Солдаты рады были, что снова добрались до «вольныхъ дровъ», начали обсушивать вещи, но успѣвшія высохнуть въ теченіе дня. При свѣтѣ костровъ узкая полянка оживилась. Разнообразный по одеждѣ народъ, въ шинеляхъ

(*) Всѣ принадлежности артилеріи и орудія везлись на вьюкахъ. Въ теченіе похода двѣ лошади сорвались въ кручъ, причемъ погибли лагеты и принадлежности къ ракетному станку.

всевозможныхъ цвѣтовъ, дослуживавшихъ вторые и третьи сроки, чохъ, бешметахъ, сюртукахъ, поддевахъ и сорочкахъ, со всѣхъ сторонъ окружалъ огни. Одинъ подкладывалъ къ котелку дрова; другой мѣшалъ ложкой кашу, а третій, разставивъ врознь огня портянку, сушилъ ее, поворачивая въ рукахъ съ одной стороны на другую. Громкій, но отрывистый разговоръ слышался то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. На загорѣлыхъ лицахъ людей выражалась забота въ ожиданіи полкрышки спирта, походнаго ужина и покоя до утра, представлявшихся для нихъ конечною цѣлью, послѣ дневныхъ трудовъ.

Здѣсь не такъ было холодно, какъ наканунѣ на перевалѣ, и въ воздухѣ было совершенно тихо. Эхо ближайшихъ высотъ повторяло нестройный говоръ бивака и разносило по лѣсу звукъ и бряцанье оружія незваныхъ гостей. Ночь прошла еще безмолвнѣе; казалось, что съ послѣднимъ потухающимъ огнемъ уснула и вся природа въ объятіяхъ ея. Только шумъ и плескъ рѣки, доносившіеся до насъ, напоминали, что она бодрствуетъ и среди мрака ночи. Усталость, сладко смыкая дремлющіе глаза, быстро переносила всѣхъ въ область Морфея... Но вотъ несносная дробь барабана, прогремѣвшаго свой обычный сигналъ, возвратила насъ къ дѣйствительности. Сигналъ этотъ возвѣщалъ сборъ и приготовленіе къ походу. Когда же звукъ барабана повторился, то роты одна за другою потянулись съ бивака.

Дорога вела по лѣсу, пересѣченному небольшими оврагами и ущельями; между деревьями стояло много сухихъ обнаженныхъ стволовъ и еще больше лежало свалившихся на землю, которые при случаѣ могли служить непріятелю завалами, на каждомъ шагѣ. Тропа эта была хотя и узка, но хорошо расчищена, такъ что можно было проходить безъ затрудненій по одному человѣку; только цѣпямъ приходилось въ буквальный смыслъ перелѣзать черезъ деревья и каменистыя скалы, разбросанныя по лѣсу (*), что кромѣ утомленія людей затрудняло и самое движеніе отряда. Авангардъ занимался очисткой пути.

Перейдя ущелье рѣки *Псышъ*, мы начали подъемъ на гору *Гуаштхва*, на которую мѣстами нужно было взбираться почти по отвѣснымъ кручамъ. Проведеніе туда дороги стоило большихъ трудовъ. Поднявшись на поляну, выходившую уже изъ лѣсной полосы у подножія горы, отрядъ остановился для ночлега. Гуаштхва составляетъ одну изъ вершинъ главнаго хребта, конечность которой покрыта плотными массами льда. Отъ таянія снизу образовались подъ снѣгомъ

(*) Боковые цѣпи шли только по лѣсу и тамъ, гдѣ это позволяла мѣстность.

огромныя щели, чернѣвшія подъ нависшими льдинами, въ которыхъ могли скрыться цѣлыя роты. Отъ лагеря до горы разстилась пока-тая равнина, на разстояніи одной версты покрытая зеленью, а тамъ дальше начинался вѣчный снѣгъ и вершина ся дѣлалась круче.

Еще во время перехода отрядъ былъ встрѣченъ посланными князя А. Шервашидзе, который, имѣя большое вліяніе на жителей общества, принялъ было на себя роль посредника, по переговоры не повели ни въ чему. Онъ увѣдомлялъ, что псхувцы едва ли изъявлять желаніе къ покорности; какъ видно, они старались только выиграть время, въ ожиданіи помощи отъ сосѣдей, и потому не объявляли ничего рѣши-тельногоаго его посланнымъ, отдѣляясь одними неудовлетворитель-ными отвѣтами.

17-го августа, ранѣе обыкновеннаго, мы выступили съ ночлега и потянулись по полугорью, до позиціи, занимаемой абхазскою и це-бельдинскою милиціями. Отъ этого мѣста дорога спускается по кру-тымъ уступамъ высотъ Агрибзи и вдоль лѣваго берега ручейка того же названія, гдѣ, пересѣкая ущелье, она переходитъ на правый от-вѣсный и скалистый берегъ, съ котораго уже выходитъ на ровную долину, окруженную со всѣхъ сторонъ возвышенностями, покрытыми лѣсомъ.

Высоты эти, заросшія хотя и мелкимъ, но густымъ кустарникомъ, переплетеннымъ ползучими ліанами, были трудно проходимы; а пра-вый берегъ рѣчки, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, перерѣзывается обрыви-стыми оврагами, откуда открывается вся дорога, спускающаяся въ тѣснину Агрибзи.

Авангардъ шелъ подъ начальствомъ генеральнаго штаба подпол-ковника К—каго, въ составѣ четырехъ стрѣлковыхъ ротъ (Кавказ-скихъ №№ 23-го, 26-го, 34-го и 35-го баталіоновъ), одной линейной роты (№ 33-го баталіона), команды саперовъ и двухъ ракетныхъ стан-ковъ. Средняя колонна двигалась подъ командою маіора П—дова и со-стояла изъ трехъ линейныхъ ротъ (№ 33-го и 37-го баталіоновъ), двухъ горныхъ орудій и тяжестей отряда. Затѣмъ, слѣдовалъ арьергардъ, пору-ченный маіору С—жецу, въ составѣ двухъ стрѣлковыхъ ротъ (36-го и 37-го баталіоновъ). Три сотни милиціи абжвскаго округа должны были обойти высоты Агрибзи съ лѣвой стороны, остальные направлены для обхода съ правой.

Къ 7 часамъ утра, подходя къ лѣсу, части отряда были въ бое-вомъ порядкѣ, и какъ только авангардъ сошелъ на небольшую пло-щадку, предшествующую спуску въ ущелье, горцы открыли по немъ

сильный огонь изъ кустовъ, расположенныхъ на лѣвомъ возвышеніи. Къ этому времени роты начали стягиваться къ авангарду, а милиція потянулась въ обходъ. Въмѣстѣ съ первыми выстрѣлами непріятеля, пущено двѣ сигнальныя ракеты, для передачи извѣстія милиціи, что псхувцы встрѣчаютъ насъ вооруженною рукой.

Стрѣлки, въ составѣ двухъ съ половиною ротъ, предводимые начальникомъ авангарда, атаковали три завала на лѣвой сторонѣ спуска въ ущелье, которое нужно было штурмовать. При атакѣ каждого изъ нихъ, горцы успѣвали сдѣлать только одинъ залпъ; когда же дѣло доходило до рукопашной схватки, они бросали завалы, перебѣгая въ оврагъ Агрибзи.

Пользуясь мѣстностью, горцы устроили цѣлый рядъ заваловъ въ самой тѣснинѣ и по обѣимъ сторонамъ ея. Три изъ нихъ, какъ уже сказано, были расположены по гребню и отлогостямъ, огibaющимъ дорогу съ лѣвой стороны, а четыре—но возвышенности, упиравшейся въ правый берегъ рѣки. Главный завалъ запиралъ дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она переходитъ съ лѣваго берега на правый. Онъ тянулся саженъ на 10 по гребню отвѣснаго берега; устроенный изъ двухъ рядовъ бревенъ, забранныхъ камнями, онъ представлялъ трудный подступъ особенно съ фронта, откуда горцы могли бросать камни и бревна въ штурмующія войска, которымъ нужно было забираться къ нему по узкой и крутой тропинкѣ.

Сбитый съ лѣваго гребня и обойденный нашими войсками, непріятель удалился на правую сторону рѣки, гдѣ были сосредоточены всѣ скопища псхувцевъ и ахчпсувцевъ. Къ девяти часамъ, передовыя войска спускались въ ущелье, имѣя по сторонамъ цѣпи стрѣлковъ, которымъ трудно было сходить съ крутизны, и только благодаря мелкому лѣсу, имъ можно было держаться за него при спускѣ и перестрѣлкѣ и прикрывать движеніе колонны; послѣднія, между прочимъ, закрытая густымъ орѣшникомъ, сходила безъ большихъ потерь.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога переходитъ съ лѣваго берега ручья на правый, роты были остановлены убійственнымъ огнемъ съ заваловъ. Противъ нихъ поставили оба орудія и устроили ложементы для стрѣлковъ, огонь которыхъ, поддерживаемый гранатами и картечью, значительно ослаблялъ выстрѣлы непріятеля. Штурмъ съ фронта этихъ укрѣпленій могъ стоить намъ большихъ потерь, почему приказано было двумъ стрѣлковымъ ротамъ (№№ 34-го и 35-го бат.), спуститься по лѣвому тѣсному отрогу на дно ущелья, оставить тамъ ранцы и шинели, обойти завалы и, во что бы то ни стало, взяты

ихъ. Въ подкрѣпленіе имъ была направлена еще стрѣлковая рота № 23-го баталіона, которой пришлось пробираться по руслу ручья къ мѣсту атаки подъ сильнымъ огнемъ.

Первыя двѣ роты, подъ командою майора Ар—каго, начавъ обходное движеніе въ двѣнадцать часовъ, ровно въ часъ пополудни подошли къ завалу. Горцы, видя наступленіе съ той стороны, откуда они меньше всего его ожидали, открыли убійственный огонь по подходящимъ колоннамъ. Въ то время съ лѣвыхъ высотъ, артилерія и стрѣлки усилили огонь по непріятелю, и дали возможность атакующимъ подойти къ мѣсту безъ большихъ потерь. Штурмъ главнаго завала былъ рѣшителенъ и быстръ; градъ пуль залпа и туча кампей, встрѣтившіе стрѣлковъ, не могли остановить ихъ. Одновременно съ этимъ нападеніемъ, подполковникъ К—скій направилъ роту стрѣлковъ № 26-го баталіона, съ ея командиромъ поручикомъ Маяцкимъ впереди, для приступа съ фронта. Майоръ Ар—вскій, обнаживъ шашку, въ числѣ первыхъ вскочилъ на заваль, гдѣ завязался жестокой рукопашный бой, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Пронзительные «ги-ки» смѣшивались съ крикомъ «ура»; выстрѣлы прекратились, солдаты перемѣшались съ горцами, работая штыками и шашками. Горцы, сознавая важность этого пункта, дрались отчаянно. Наконецъ, видя, что защитниковъ уже мало остается, они обратились въ бѣгство.

Кучи труповъ оставались на мѣстѣ штурма главнаго завала. Остальные уже не трудно было взять, и оттуда псхувцы скоро были выгнаны. Потерявъ первый заваль, они уже не такъ упорно отставали другіе; послѣдніе два были брошены безъ сопротивленія. Вслѣдъ затѣмъ, авангардъ вышелъ на равнину Агрибзи, занятую еще раньше съ обѣихъ флаговъ милиціей князя Г. Шервашидзе; туда же начали выдвигаться и остальные роты и обозъ.

Часть горцевъ, перейдя вновь на лѣвый отрогъ ушедья, застѣла въ кустахъ съ намѣреніемъ остановить аріергардъ, но майоръ С—жецъ упорно отбивалъ всѣ ихъ нападенія. Они бросились было къ обозу, выходившему изъ лѣса, но когда противъ нихъ повернули оба орудія, и поставили ракетный станокъ, выстрѣлы непріятеля стали прекращаться, давъ возможность отряду скорѣе стяннуться къ мѣсту сбора по узкой и извилистой тропѣ ушедья.

Къ тремъ часамъ мы уже заняли лагерь для ночлега. Долина Агрибзи, раскинутая между высотами, скрывающимися подъ лѣсомъ, была совершенно равна и удобна для бивака, разстояніе отъ котораго до опушки со всѣхъ сторонъ было на полтора ружейнаго выстрѣла.

Покрытая высокою зеленою травой, она служила удобнымъ пастбищемъ для лошадей.

Аріергардъ вошелъ въ лагерь съ веселыми пѣснями; впереди его тянулись ряды носилокъ съ ранеными и вели лошадей, навьюченныхъ убитыми.

Пехуцы, послѣ неудачной попытки удержать за собою крѣпкую позицію у Агрибзи, совершенно упали духомъ, какъ сообщали лазутчики. Они, конечно, много надѣлись на свои лѣса и на почти недоступную мѣстность, но, потерявъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ обороны, колебались продолжать ее, и въ совѣщаніяхъ между собой, что предпринять на слѣдующій день?—не сходились во мнѣніяхъ. Одни хотѣли изъявить покорность, а другіе, озлобленные потерей въ дѣлѣ родственниковъ, приготавлились къ упорной защитѣ. Между тѣмъ, намъ предстояло перейти еще одно мѣсто, но уже болѣе доступное, при подъемѣ съ долины на гору, за которой были расположены аулы общества. Подъемъ этотъ былъ также укрѣпленъ завалами.

Потеря съ нашей стороны, 17-го августа, простиралась болѣе 60-ти человѣкъ, выбывшихъ изъ строя (*); уронъ горцевъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ нихъ же, нѣсколько превосходилъ нашъ. Нарѣзанное оружіе и картечь дали намъ перевѣсъ въ этомъ случаѣ.

Въ началѣ седьмого часа пополудни, солнце начало опускаться за горы, бросая послѣдніе лучи на долину. Нѣкоторымъ раненымъ уже не суждено было дожидаться его восхода. Сумерки затѣмъ быстро ложились по ущельямъ и гигантскія возвышенности, темными массами, выдвигали свои вершины на горизонтѣ. Надъ лѣсомъ опускалась вечерняя мгла и одѣвала его покровомъ ночи. Ударилъ повѣстку къ зорѣ; завила сигнальная ракета; глухо раздался выстрѣлъ орудія по ущельямъ, и дружному хоровому пѣнію молитвы вторило эхо окрестныхъ лѣсовъ. По пробитіи зори все смолкло; только суетились адъютанты, бѣгали фельдфебеля, полушопотомъ получали и отдавали приказанія; медики и фельдшера ухаживали около раненыхъ. Солдаты устланы кружками около огней, дружно принимались за ужинъ, который усердно истреблялся среди замѣчаній о впечатлѣніяхъ истекшаго дня.

Ночью похоронили убитыхъ, для чего сдѣлана общая яма, куда сложили тѣла, засыпали землей, а сверху водой и навозомъ, чтобы горцы не отыскивали могилъ, которыя часто разрывались ими, съ цѣлію поживиться сапогами и шинелями покойныхъ. Ночь прошла спокойно;

(*) Въ томъ числѣ убиты припорщики Мелисье; ранены: одинъ медикъ и подпоручикъ Кузьминъ.

послѣ усталости минувшаго дня, каждому бывшему не въ караулѣ, спалось крѣпко и безмятежно; горцы ни однимъ выстрѣломъ не покоили насъ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, явились къ намъ переговоры, посланные псхувскими старшинами; послѣдніе приглашали къ себѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ абхазцевъ и цебельдинцевъ, бывшихъ при отрядѣ, какъ имѣвшихъ вліяніе и связи въ этомъ обществѣ, и другихъ, для совѣщанія и посредничества между ними и русскими. Едва взошло солнце, какъ толпа псхувцевъ показалась на окраинѣ долины съ той стороны, куда шла дорога къ ихъ ауламъ; это было народное собраніе, начавшее свои совѣщанія относительно переговоровъ; къ этому-то времени явились туда и посланные отъ насъ. Покуда тамъ шли сужденія, роты приготовлялись къ новому наступленію, на случай неуспѣха переговоровъ. Собраніе горцевъ было шумно и бурно; всякій изъ нихъ предъявлялъ свои условія, для предложенія ихъ русскимъ; отчего произошли несогласія. За спорами понапрасну терлось много времени. Хотя въ обыкновенныхъ случаяхъ личности, извѣстныя по богатству или родовымъ связямъ, всегда были уважаемы въ народныхъ совѣщаніяхъ, но въ общественныхъ дѣлахъ и особенно въ такихъ важныхъ случаяхъ, всякій членъ его имѣлъ равное право голоса и каждый поселянинъ подавалъ свои мнѣнія и вѣрѣдно вступалъ въ споръ съ своимъ княземъ, если ихъ сужденія не сходились. Только невольники и ихъ потомство, составлявшіе собственность княжескихъ, дворянскихъ сословій и ихъ крестьянъ, не могли принимать участія ни въ какихъ народныхъ дѣлахъ. Значеніе каждаго члена въ обществѣ основывалось, впрочемъ, не на одномъ только сословномъ происхожденіи, а и на личномъ значеніи человека, при чемъ уважались не только богатство и знатное родство, но и личные достоинства. Въ послѣднемъ случаѣ притязаніе на званіе «джигита» и громкое имя стараго «абрека», пользовались всеобщимъ уваженіемъ.

При такомъ общественномъ устройствѣ, переговоры наши съ псхувцами шли неуспѣшно, потому что всякій хотѣлъ поставить на своемъ. Къ этимъ спорамъ присоединились новыя затрудненія: недовольныхъ потерей своихъ родственниковъ въ дѣлѣ минувшаго дня и настаивавшихъ на продолженіи обороны прохода къ ауламъ, поддерживали представители сосѣднихъ обществъ: Ахчипсху и Аибга, приглашенныхъ для помощи имъ. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, прибывшіе ночью и не успѣвшіе подраться съ нами, требовали отъ псхувцевъ, чтобы они не соглашались на миръ.— «Вы приглашали насъ», говорили они, «не

для того, чтобы быть посредниками между вами и свидѣтелями присяги русскимъ, но защищать ваши жилища отъ нихъ; если вы помиритесь, то мы одни станемъ драться съ ними». Большинство же здравомыслящихъ псхувцевъ отвергало это и представляло другіе доводы, отчего даже произошла ссора. Двое изъ самыхъ упорныхъ защитниковъ своихъ мнѣній, поддерживаемые партіями той и другой стороны, до того разгорячились, что произвели нѣсколько выстрѣловъ. Но какъ при этомъ находились ихъ родственники, не желавшіе отъ послѣдствій этой распри имѣть каньлы, то и не допустили до трагической развязки; споръ кончился легкой контузійей, нанесенной одному изъ ссорившихся.

Медленность совѣщаній выводила изъ терпѣнія начальника отряда, у котораго естественно возникало сомнѣніе, что псхувцы могли протягивать свои переговоры съ цѣлью выиграть время, чтобы окончить завалы и больше укрѣпить тѣ мѣста, чрезъ которыя намъ нужно было проходить къ ихъ поселеніямъ, и дожидаться большого подкрѣпленія. А для нашего отряда, съ такими незначительными средствами, это могло стоить слишкомъ дорого. Вслѣдствіе этого, нѣсколько разъ дѣлалось распоряженіе о движеніи впередъ, и роты начинали выходить изъ лагеря; но бывшіе въ собраніи горцевъ абхазцы и цебельдинцы пріѣзжали къ биваку съ увѣреніями, что тамъ все идетъ хорошо и есть надежда на скорое окончаніе переговоровъ.

Былъ уже полдень, когда они кончили свое народное совѣщаніе, и вся толпа двинулась къ лагерю. Впереди ѣхалъ, на бѣлой лошади, псхувскій эфенди, мулла Абдурахманъ Моршани. За нимъ слѣдовали извѣстные своимъ положеніемъ князья, имѣвшіе вѣсть въ общественныхъ дѣлахъ, и болѣе 150 представителей народа. Эфенди и знать раскланялись съ начальникомъ отряда, прикладывая руки ко лбу, а князь Таиръ-бей-Богорханъ-ипа Моршани (*), выступивъ впередъ, объяснилъ отъ имени всего общества просьбу о прошеніи за неповиновеніе ихъ и о дозволеніи принять присягу на вѣрнопопданство Россіи, а въ залогъ прочности данныхъ ими обѣщаній быть покорнымъ—взять отъ нихъ аманатовъ.

Эфенди, вслѣдъ за тѣмъ, громко прочиталъ молитву и предложилъ всѣмъ присутствующимъ псхувцамъ поочередно исполнить обрядъ присяги, согласно народнаго обычая. Каждый изъ нихъ съ важнымъ и серьезнымъ видомъ подходилъ въ развернутому корану и, съ обычной

(*) *Таиръ*—собственное имя съ добавленіемъ заимствованнаго у турокъ слова *бей*. *Богорханъ-ипа*, тоже, что сынъ Богорхана.

клятвою, клялъ на него свинцовую пулю (*). Пока все это дѣлалось, изъ ближайшей опушки лѣса на псхувцамъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ. Пули съ виагомъ пронеслись надъ толпою горцевъ, что не на шутку всполошило ихъ; всѣ они схватились за оружіе и, выбѣжавъ впередъ, стали отвѣчать. Наши роты, ближе расположенныя къ этому мѣсту, тоже бросились къ ружьямъ и безъ команды сдѣлали нѣсколько залповъ туда же, пока не заиграли отбой. Послѣ чего и прекратилась перестрѣлка, продолжавшаяся минуты три, и начата псхувцами же, не соглашавшимися на миръ, и ихъ приглашенными гостями, изъ другихъ обществъ.

IV.

Обратное движеніе.—Недостатокъ провіанта.—Возвращеніе въ Цебельду.—Праздники на уроч. Шукуринъ.—Назначеніе судей и выборъ посредниковъ.—Разбирательство распрей князей Моршана по кровомщенію.—Приговоръ суда.—Возвращеніе отряда въ Сухумъ-Кале.

Послѣ принятія горцами присяги, мы начали сейчасъ же обратное движеніе въ сопровожденіи исхувцевъ, собравшихся для встрѣчи насъ съ оружіемъ въ рукахъ. Во время пути, они шли по сторонамъ, чтобы обезпечить отрядъ отъ нападенія своихъ недовольныхъ сосѣдей. Отъ Агрибзи до ночлега, у подножія горы Гуаштхва, пройдено спокойно, только иногда непокорные горцы мѣшали выстрѣлами съ нашими новыми союзниками. Съ нами же ѣхали и важнѣйшіе представители общества, изъявившіе желаніе представиться намѣстнику казаскому.

Вечеромъ того же дня, исхувцы просили показать имъ, какъ пускаются ракеты, которыя въ дѣлѣ 17-го августа имѣли, безъ сомнѣнія, значительный успѣхъ, дававшій намъ нравственный перевѣсъ надъ ними. Любопытство ихъ было удовлетворено. Сначала объяснили устройство ракетъ, причемъ горцы никакъ не могли усвоить себѣ понятія о томъ, чтобы снарядъ, пускаемый не изъ ствола орудія, а просто изъ ставка, былъ гранатою, начиненной порохомъ и пулями. Когда же залетѣли вверху двѣ сигнальныя и пушечны затѣмъ двѣ боевыя ракеты, удивленіе ихъ перешло предѣлы простаго любопытства, тѣмъ болѣе, что они видѣли ихъ днемъ, слышали только шумъ и трескъ среди ружейныхъ выстрѣловъ, съ бѣлой полосой дыма, оставшейся на нѣсколько секундъ на линіи полета. Но въ темнотѣ, блестящая полоса, описавшая дугу, съ шумомъ и шинѣніемъ раз-

(*) Также присягали и саукенискіе хрістіане, т. е. кляли, послѣ произнесенія клятвеннаго обѣщанія священникомъ, пули къ евангелію и кресту.

рѣзавшая воздухъ, освѣщая дикое ущелье, а также взрывъ гранаты, представили для нихъ зрѣлище совершенно новос, никогда невѣданное.

На слѣдующій день мы продолжали путь прежней дорогой безостановочно. Только раненые немного затрудняли движеніе, такъ какъ ихъ болѣею частію несли на носилкахъ. Каждого изъ нихъ несли четыре человека, слѣдовательно, по два въ рядъ, что представляло большое неудобство при движеніи по тропѣ, наскоро простѣченной только для слѣдованія пѣшехода въ одинъ рядъ и лошади съ вьюкомъ. Носильщики, при такой неудобной ношѣ, нерѣдко спотыкались, роняли раненыхъ и падали сами. Послѣ дѣла 17-го августа, многіе изъ раненыхъ, оставаясь на мѣстѣ, могли бы выздоровѣть, но при такомъ способѣ переноски, нѣкоторые даже съ легкими ранами, вслѣдствіе ушибовъ и поврежденій во время пути, оставались по нѣсколько мѣсяцевъ въ лазаретахъ; холодныя ночи въ горахъ, не смотря на то, что опасно раненые помѣщались въ палаткахъ, усиливали ихъ лихорадочное состояніе. Должно быть незавидно было положеніе раненыхъ, когда двое изъ нихъ упрасивали солдатъ, не утомлять себя такой бесполезной ношей и бросить ихъ на произволъ судьбы. Носильщики, между прочимъ, перемѣнялись: четверо несли раненаго, столько же шло сзади на смѣну имъ, неся ихъ ружья и другое снаряженіе. Ноша эта для людей хотя была и утомительна, но никто на нее не ропталъ и не жаловался.

Къ этому нужно упомянуть и о томъ, что уже два дня какъ не хватало мяса и спирта всему отряду, да и сухари кончились 17-го числа. Хотя Машлыкинъ при своей колоннѣ и имѣлъ запасы провизіи, но когда псхувцы открыто заявили о своемъ сопротивленіи, то изъ опасенія, чтобы на пути джердскій отрядъ не подвергся нападенію горцевъ, безъ артилеріи и даже наръзанныхъ ружей, ему было послано, передъ началомъ дѣла у Агрибазъ, приказаніе воротиться въ Цебельду. Колонна эта, между прочимъ, прошла уже значительное разстояніе, разрабатывая дорогу, и была недалеко отъ переправы на Бзыби, но, получивъ это распоряженіе, возвратилась на Шукуранъ, гдѣ получено новое предписаніе, посланное, по переходѣ обратно черезъ Бзыбъ, о выступленіи на встрѣчу Цебельдинскому отряду по прежнему пути; къ нему-то и присоединился Машлыкинъ, 21-го числа вечеромъ, на перевалѣ Альбаки-Дыхва. Въ эти дни солдаты кое-какъ дѣлились между собой послѣдними крохами, оставшимися въ экономіи; а нѣкоторые были почти безъ пищи, промачивая запекшееся горло водой, въ которой здѣсь недостатка не было. При такихъ трудныхъ переходахъ, голодъ хотя и сильно дѣйствовалъ на физическія

силы людей, но ихъ поддерживали силы нравственныя, при мысли, что они сдѣлали свое дѣло и идутъ на отдыхъ. Для кавказскихъ солдатъ голодъ не былъ, конечно, новостью, и они дорогой, отъ нечего дѣлать, шутили надъ нимъ.

— «Што ты, дядя Андриенко, такъ приадумался, говорилъ молодой солдатикъ, обращаясь къ старому усаду. Ты, братъ, не журись, что у меня сухарей нѣтъ, скоро и у тебя не будетъ».

— «Да и такъ ужъ мало осталось», отозвался Андриенко, у котораго, по какому-то особенному случаю, остался небольшой запасъ провiантiн.

— «Нѣтъ, не то, виѣшался третiй, ему, видишь, тяжело сумку-то нести съ сухарями; онъ и опечалился, что некому помочь. Хошъ ихъ и немного, а все-таки, значить, тяжесть, ужъ такъ и быть давай, помогу», обратился онъ къ Андриенкѣ.

— «Спасибо за услугу, отвѣчалъ послѣднiй, а помнишь, когда мы выступали въ походъ, для тебя тяжела была сума съ провiантомъ; ты, чай, послѣ получки, понапрасну разбрасывалъ его, чтобы легче идти.

— «Теперь-то легко; иду, что называется, легче пуху, хошъ за яйцами гонять; ноши нѣтъ лишней, да и въ желудкѣ пусто».

— «У тебя ужъ почитай третiй день какъ нѣтъ ничего, да и у меня другой день тоже самое, обратился первый къ послѣднему. Кабы дядя Андриенко не кормилъ насъ эти два дня, то, пожалуй, мы съ тобой давно бы свалились гдѣ нибудь подъ кручу. На другой разъ за то будемъ знать, какъ пужно беречь хлѣбъ въ горахъ».

— «Эй, Лещинскiй, какъ бы съ тобой короче познакомиться, говорилъ въ другомъ отдѣленiи солдатъ шедшему впереди его товарищу, у тебя, кажись, остались сухарь и крупа, а мы съ тобой когда-то «достами» были».

— «А што, голодъ-то вѣрно не свой братъ, отозвался Лещинскiй, изволь, можно подѣлиться: што есть виѣстѣ, а чего нѣтъ, пополамъ, а когда не станетъ ничего, тогда пойдемъ на подножный, кстати хлѣсъ близко».

— «Да тутъ даже деревца ни одного нѣтъ съ ягодой, съ горечью замѣтилъ первый, въ этомъ проклятомъ мѣстѣ только бы вѣдьмамъ, да оборотнямъ жить».

— «Ну, лапу будемъ сосать по-медвѣжьи, утѣшилъ его Лещинскiй, говорятъ, Мишка, эдакъ, цѣлую зиму подъ снѣгомъ проводитъ».

— «А вотъ, Богъ дастъ, придемъ на мѣсто, виѣшался еще одинъ къ разговаривающимъ, тамъ весь голодъ пополнимъ; я ужъ себѣ за-

рокъ далъ: какъ прибудемъ, то цѣлую недѣлю буду ѣсть по шести фунтовъ хлѣба въ день».

Такими-то шуточками солдаты утоляли голодъ и ропоту не было.

Причиною недостатка провіанта было частію неимѣніе перевозочныхъ средствъ, а частію нежеланіе увеличивать обоза отряда лишними запасами, при предположеніи, что переходъ къ обществу Псхоу, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ продолжиться болѣе четырехъ дней.

Вечеромъ, 19-го августа, отрядъ перешелъ рѣку Бзыбъ, гдѣ, переночевавъ на лѣвомъ берегу ея, продолжалъ движеніе по прежней дорогѣ. 22-го числа мы вступили въ Цебельду и послѣ ночлега на рѣкѣ Келасурѣ прибыли въ урочищѣ Шукуранъ. Въ этотъ день, на переходъ получено извѣстіе, что слѣдовавшіе въ Псхоу еще двѣ тысячи убыховъ и джигетовъ, узнавъ о движеніи нашемъ въ обратный путь, прошли мимо общества по направленію къ Цебельдѣ, съ намѣреніемъ догнать отрядъ; но въ то время мы уже далеко ушли и были внѣ всякой опасности отъ преслѣдованій.

Нельзя сказать, чтобы такой небольшой отрядъ не рисковалъ быть застигнутымъ на обратномъ пути значительными силами. Но движеніе это было разсчитано на то, что горцы не приготавливались заранѣе къ подобной встрѣчѣ и не предполагали такой дерзости со стороны русскихъ въ лѣтнее время, когда къ нимъ пути остальныхъ обществъ были открыты. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: по смотря на медленное наше движеніе туда, псхувцы не успѣли собрать къ себѣ значительнаго подкрѣпленія.

Въ достопамятной день лѣтописи Кавказа, 25-го августа, въ лагерь назначенъ былъ парадъ. Священникъ, вызванный къ этому времени изъ Сухума, въ присутствіи войскъ отслужилъ молебенъ и панихиду по убитымъ; по окончаніи службы прочитанъ приказъ, отданный по отряду, содержаніе котораго не лишнимъ считаю привести здѣсь.

25-го августа 1860 г., уроч. Шукуранъ.

«Сегодня незабвенный день годовщины покоренія восточнаго Кавказа и взятія Шамиля. Сегодня же поздравляю васъ, храбрые товарищи Цебельдинскаго отряда, съ благополучнымъ окончаніемъ экспедиціи въ общество Псхоу.

«Сильный не числительностью, но мужествомъ вашимъ, я рѣшился предпринять походъ въ это общество, куда паше оружіе еще никогда не проникало.

«Вы пробили себѣ дорогу черезъ пять хребтовъ и прошли черезъ

ледники горъ: Дзыхва и Химса, перейдя истоки р. Бзыби, явились 16-го августа къ подножію главнаго хребта, на уроч. Гуаштхва.

«Измученные неожиданнымъ появленіемъ вашимъ въ нѣдра своихъ недоступныхъ вертеповъ, псхувцы надѣялись на помощь сосѣднихъ непокорныхъ племенъ. Многія сотни явились къ нимъ на помощь, и скопища эти думали остановить васъ въ лѣсахъ и скалистыхъ ущельяхъ Агрибаи. Пораженіе, нанесенное вамъ въ этомъ мѣстѣ 17-го августа, взятіе пяти заваловъ штурмомъ, въ копяхъ горцы оставили 60 труповъ, убѣдили ихъ въ вашей непобѣдимости. Пехувцы прислали своихъ князей просить милосердія у Царя нашего и царскаго намѣстника и пощады у васъ.

«Чтобы не проливать кровь вашу, я пощадилъ на этотъ разъ жилища псхувцевъ и ихъ посѣвы; они присягнули въ присутствіи нашего Государя Императору, выдали аманатовъ, выставили, по приказанію моему, миліцію, которая, при обратномъ движеніи, составляла боковую цѣпь отряда.

«Одновременно съ дѣйствіями нашими на сухомъ пути, начальникъ Сухумской морской станціи разгромилъ поселеніе Адлера, сжегъ жилища горцевъ, заставивъ ихъ съ семействами укрыться въ горы.

«Семнадцатидневный походъ вашъ въ общество Псхоу, пораженіе, нанесенное 17-го августа скопищамъ горцевъ, и неимоверные труды ваши надолго останутся воспоминаніемъ, страшнымъ для горцевъ и славнымъ для всѣхъ васъ.

«Искренно благодарю васъ, храбрые товарищи, за вашу безпримѣрную службу и совершенный подвигъ, и вашихъ начальниковъ, искусно и молодецки предводительствовавшихъ вами, о чемъ могу смѣло свидѣтельствовать предъ начальствомъ.»

Приказъ былъ, отчасти, лицевою стороною медалі; обратную мы видѣли выше.

День тезоименитства Его Императорскаго Величества, 30-го числа, праздновался на бивакѣ такъ же, какъ и 25-го. Вечеромъ фронтъ лагеря былъ иллюминированъ площадями и фонарями; на обѣихъ концахъ его сдѣланы были вѣзеля на бѣломъ полотнѣ изъ вѣловыхъ пальмовыхъ вѣтвей, съ одной стороны Государя Императора, а съ другой—генералъ-фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго. Для офицеровъ начальникомъ отряда былъ приготовленъ ужинъ, а нижнимъ чинамъ отпущено для этого случая по лишней крышкѣ спирту. Выписали даже сухумскую музыку.

Освѣщенный площадями лагерь представлялъ живое зрѣлище: неслышныя группы солдатиковъ, забывъ недавніе труды и лишеныя походной

боевой жизни, беззаботно предавались широкому русскому веселію. Тамъ слышался звонкій голосъ запѣвалы, затягивавшаго какую либо разудалую пѣсню, припѣвъ которой лихо подхватывался шумнымъ хоромъ; въ другомъ мѣстѣ шли оживленные солдатскіе танцы подъ звуки импровизированной бальной музыки, въ которой немаловажную роль играли мѣдины тарелки съ турецкимъ барабаномъ. Во всѣхъ кружкахъ замѣтно было то непринужденно веселое настроеніе, когда русскій человѣкъ чувствуетъ себя на распашку.

Звонкій смѣхъ и говоръ, смѣшанный съ пѣснями и звуками разныхъ инструментовъ, долго разносился по ближайшимъ ущельямъ. Праздникъ окончился въ два часа полуночи; въ заключеніе его былъ пущенъ фейерверкъ.

Въ первыхъ числахъ сентября были собраны князя Цебельды и Дала, для окончательнаго рѣшенія дѣла по кровомщенію между членами фамиліи Моршани. Для этого вызванъ былъ изъ Карачая мулла эфенди, Магомедъ-Али присутствовать на судѣ въ числѣ посредниковъ съ одной стороны, какъ лицо духовное и знающее книжную мудрость, а съ другой—приглашенъ псхувскій эфенди, Абдурахманъ Моршани. По обоюдному согласію враждующихъ сторонъ, выбраны были также члены суда, не принадлежащіе къ отраслямъ Тлапса и Учардіи (*).

До ноября 1859 года въ Цебельдѣ существовалъ словесный народный судъ, введенный нашимъ правительствомъ, который состоялъ, подъ предсѣдательствомъ цебельдинскаго пристава, изъ нѣсколькихъ мдивавбеговъ (членовъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію начальства), имѣвшихъ право рѣшать всѣ тяжбы между туземцами, не составляющія большой важности; болѣе же важныя представлялись на усмотрѣніе высшей власти. Но послѣ волпей въ ноябрѣ мѣсяцѣ, бывшихъ послѣдствіями убійства князя Саатъ-бея Моршани, присутствіе суда закрылось, по случаю нелвки въ него членовъ, которые, принадлежа къ двумъ враждующимъ партіямъ той и другой отрасли, считали для себя не безопаснымъ являться въ судъ; послѣдній былъ открытъ снова только послѣ рѣшенія ихъ распрей.

Разбирательство этого запутаннаго дѣла происходило такъ, какъ

(*) Кроме двухъ эфенди, выборными для суда по этому дѣлу, были: а) со стороны потомковъ Тлапса, дворяне другихъ племенъ: Джомалъ Шхоца, Эберханъ Цацава, Смелъ Адзымъ и Ахматъ Яшъ; б) со стороны Учардіевыхъ, дворяне: Джонханъ Куджъ, Кодыръ Цацава, Мысъ Шохъ Адзымъ, Халиль Кодза и Холпалъ Тришъ, и в) назначенные русскимъ начальствомъ князя Моршани: Кодыръ-бей, Херипсъ и Коншупа Паштъ-ина. При разборѣ дѣла присутствовали начальникъ войскъ въ Абхазіи и цебельдинскій приставъ.

и требовали обѣ стороны, т. е. по адату, гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣнялись и статьи шаріата. Нѣсколько дней продолжались совѣщанія и пренія по атому предмету, который члены суда протягивали со всею азіатскою медленностью и установленными церемоніями.

Всматриваясь ближе въ обычаи жителей западнаго Кавказа, не трудно замѣтить, что дворлискій класъ или вообще состоятельный, много усвоилъ себѣ восточнаго. Они соблюдали между собой множество условныхъ церемоній не только при переговорахъ и совѣщаніяхъ, но и въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ. При встрѣчахъ, горцы всегда съ ужимками подходятъ одинъ къ другому, прикладывая руки ко лбу и груди, и начинаютъ говорить каждый въ свою очередь напыщенное привѣтствіе съ приправой лести, которая у нихъ очень дешево расточается. Если притомъ это старые знакомцы, то дѣлаютъ обоюдные распросы о здоровьѣ семействъ и родныхъ. Узнавъ отъ своего собесѣдника о смерти родственника послѣдняго, или о другомъ какомъ либо несчастіи, случившемся съ нимъ—хотя бы объ этомъ стороною извѣстился и прежде—абазины скорчатъ такую грустную фізіономію, и съ такимъ ужасомъ начинаютъ качать головой съ восклицаніями: аллахъ! аллахъ! вай! вай! и проч., пускаясь, затѣмъ, пересчитывать по пальцамъ добродѣтели покойнаго, или сожалѣть о несчастіи пріятеля съ плачевными вздохами, что незнавшій ихъ обычаевъ и на самомъ дѣлѣ можетъ подумать, будто онъ вправду сильно озадаченъ этой вѣстью и узналъ ее только въ первый разъ.

Если двумъ встрѣтившимся, среди пути, нужно было сказать по пяти словъ одинъ другому, то они сначала слѣзаютъ съ лошадей, усаживаются, поджавши ноги и, затѣмъ, начинаютъ говорить тихо, почти полупропотомъ, какъ будто изъ боязни, чтобы ихъ не подслушали. Чѣмъ знатнѣе бесѣдующія лица, тѣмъ больше церемоній, тѣмъ важнѣе и серьезнѣе ихъ фізіономія и таинственнѣй разговоръ, хотя бы рѣчь шла и о пустякахъ. Утонченность принятыхъ приличій соблюдалась у нихъ также со всею строгостію азіатскаго этикета, вмѣстѣ съ услужливостью, доходящею иногда до приторности. Каждый старался услужить чѣмъ либо равному себѣ, и особенно лицу, которое имѣло больше вѣсу въ народѣ. Около двухъ разговаривающихъ такихъ особъ всегда размѣщаются ихъ свита и другой людъ. Если одинъ изъ первыхъ вставалъ съ мѣста, то вся толпа точно на пружинахъ вскакивала на ноги и снова садилась только тогда, когда онъ опять опускался на землю. Подобное важное лицо имѣло обыкновенно при себѣ такихъ людей, которымъ отдавались секретныя приказанія. Эти послѣдніе, подбѣгая на зовъ патрона, на-

клонялись ухомъ къ губамъ его и выслушивали распоряженія, дѣлаемыя всегда шопотомъ, хотя бы рѣчь тутъ шла лишь о томъ, что нужно напоить лошадь князя. Подчиненный, послѣ исполненія порученія, съ такимъ же серьезнымъ видомъ отдавалъ на ухо ему отчетъ, въ присутствіи всѣхъ сидящихъ.

Когда нѣтъ особенно важнаго, нарочитаго дѣла, то предметомъ обыкновенныхъ разговоровъ у горцевъ были всегда новости, стоявшія на первомъ планѣ разсказовъ, при ихъ тревожной, полной волненій жизни. Узнавъ что либо, горецъ спѣшитъ передать о томъ своимъ сосѣдямъ и знакомымъ. На слѣдующій день все вчерашнее уже забыто и свѣжій предметъ какого либо слуха снова занимаетъ ихъ съ такимъ же жаромъ и энергіей, переходя отъ одного къ другому, съ разными примѣчаніями и добавленіями. Почему члены суда, являясь на совѣщанія, не мало уютребляли время на выполненіе церемоній, сообщали одинъ другому новости, а затѣмъ уже приступали къ дѣлу.

Только 21-го сентября послѣдовало рѣшеніе по тяжбѣ князей Моршани, которое состояло въ слѣдующемъ (*):

Князь Альмохсентъ (Тлапсовой вѣтви) обязывался вять на воспитаніе сына убитаго имъ Саатъ-бея (отрасли Учардія), трехлѣтняго Иманлъ-бея. И какъ черезъ отдачу дѣтей своихъ на воспитаніе, по существующимъ обычаямъ, горцы вступаютъ между собой въ родство, считающееся кровнымъ, то этимъ и должна прекратиться канлы. По окончаніи воспитанія, положеннаго обычаями, князь Альмохсентъ обязанъ былъ доставить Иманлъ-бея въ домъ дяди, съ извѣстными церемоніями и приличными подарками, по обычаю, принятому для этого въ фамиліи князей Моршани; подарки составляли родъ уплаты за кровь убитаго Саатъ-бея.

Для характеристики обычаевъ горцевъ того края привожу нѣсколько отрывковъ изъ приговора «совѣта посредниковъ», рѣшавшаго это дѣло, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

«Такъ какъ причиною послѣдняго смертоубійства князя Саатъ-бея Моршани была давнишняя вражда, таившаяся между Тлапсовыми и Учардіевыми потомками, по случаю убійства князя *Темгисъ-ипа*

(*) Въ предисловіи къ постановленію рѣшенія поясняется: «Хотя по статьямъ шаріата за смертоубійство тоже назначена смерть, но смертная казнь въ Россійской Имперіи не допускается по подобнымъ дѣламъ, безъ суда и рѣшенія высшей власти, а потому мы, согласно предоставленному праву разсматривать и рѣшать по мѣстнымъ народнымъ обычаямъ это дѣло, принявъ въ основаніе всѣ обстоятельства кровавой распри, давно существующей между этими фамиліями, опредѣлили:» и проч.

Беслангура Моршани (*), то, чтобы положить конецъ основному корню кровомщени, мы признали, чтобы князь Шаханъ-бей Моршани, братъ убитаго Саатъ-бея Моршани, принесъ очистительную присягу въ томъ, что онъ не участвовалъ въ убійствѣ Беслангура. Присягу князь Шаханъ-бей долженъ принести съ однимъ братомъ своимъ, десятью дворянами и десятью крестьянами, которые вмѣстѣ съ нимъ присягаютъ. Присяга эта прекращаетъ кровомщеніе сына Беслангура Хирипса и онъ (послѣдній) по исполненіи Шаханъ-беємъ очистительной присяги, не можетъ имѣть на Учардіевыхъ никакой претензіи».

Послѣ объясненія въ постановленіи о воспитаніи сына убитаго, слѣдуетъ изложить церемоніи, обязательныхъ по окончаніи воспитанія:

«При возвращеніи его (князя Имамъ-бей) въ домъ дяди, князь Альмохсентъ, съ тридцатью знатными князьями и тридцатью дворянами (изъ которыхъ пятнадцать должны быть подвластны ему, а пятнадцать приглашенныхъ изъ другихъ племенъ дворянъ), долженъ дать присягу, вмѣстѣ со всѣми князьями и дворянами, въ томъ, что если бы Шаханъ-бей (братъ убитаго Саатъ-бея) убилъ его брата (т. е. Альмохсентова) и вѣлъ бы на воспитаніе сына убитаго брата его, вѣтъ ли пришелъ бы къ нему съ тѣмъ же числомъ князей и дворянъ и съ такими же подарками принести присягу, какую онъ самъ теперь приноситъ, то онъ, князь Альмохсентъ, считалъ бы себя удовлетвореннымъ за кровь».

Шаханъ-бей при этомъ также выговаривалъ себѣ условіе въ томъ, что если бы и онъ убилъ кого изъ родственниковъ Альмохсента, то распря должна кончиться тѣмъ же. Въ слѣдующемъ пунктѣ приговора посредниковъ постановляется:

«Черезъ годъ, въ это же самое время, когда будетъ принесена присяга княземъ Альмохсентомъ, князь Мегмедъ-Гирей Моршани (потомокъ Тлапса), для окончанія дѣла за покушеніе свое на жизнь князя Ширинъ-бея Моршани (Учардіевой отрасли), долженъ принести присягу съ такимъ же числомъ князей и дворянъ, какъ выше показано, въ томъ, что если бы князь Ширинъ-бей сдѣлалъ покушеніе на жизнь Мегмедъ-Гирея, то онъ, Мегмедъ-Гирей, счелъ бы себѣ удовлетвореннымъ, если бы Ширинъ-бей принесъ ему такую же присягу, съ такимъ же числомъ князей и дворянъ, какую онъ самъ теперь приноситъ. Спустя нѣсколько времени послѣ присяги,

(*) Вражда существовала еще и прежде, но утихла на долгое время, при этомъ случаѣ возобновилась.

князь Мегмедъ-Гирей долженъ прибыть къ дому князя Ширинъ-бея, съ своими подвластными старшинами и съ цебельдинскимъ прпставомъ, и пригласить князя Ширинъ-бея къ себѣ въ домъ, въ гости, и названный князь долженъ прпрнять это приглашеніе. Въ домъ своего князя Мегмедъ-Гирей долженъ сдѣлать Ширинъ-бею подарки, соотвѣтствующіе—по обычаямъ фамиліи Моршани—достоинству сановитаго князя. Послѣ этихъ обрядовъ, никто изъ нихъ обонхъ и ихъ фамилій (родственниковъ), никакой вражды и претензій между собой имѣть не долженъ.

«Такъ какъ князь Ширинъ-бей имѣетъ претензію на князя Мегмедъ-Гирея за трехъ пропавшихъ у него лошадей, то до принесенія присяги, послѣдній долженъ возвратитъ первому трехъ лошадей такого же достоинства, какія имѣли пропавшія лошади».

По окончаніи рѣшенія, всѣ вѣтви князей Моршани, находившіяся на жительствѣ въ Цебельдѣ и Далѣ, дали торжественное обязательство, что никто изъ нихъ и ихъ подвластныхъ дворянъ и крестьянъ, съ этого дня не имѣетъ права посягать на жизнь другого для исполненія казны, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія съ виновныхъ, по русскимъ законамъ.

Условіе и послѣднее обязательство члены суда и князя Моршани утвердили подписомъ, т. е. нѣкоторые своими печатлами (*), а другіе, по неимѣнію ихъ, омочнувъ пальцы въ чернила, прикладывали ихъ къ бумагѣ. Приговоръ былъ принятъ съ обѣихъ сторонъ безъ возраженій; только молодая вдова Саатъ-бея сначала не соглашалась отдавать сына на воспитаніе убійцѣ его отца, но ее убѣдили тѣмъ, что пародныхъ законовъ и обычаевъ помѣнить нельзя.

Въ послѣднихъ числахъ сентября, Цебельдинскій отрядъ возвратился въ городъ Сухумъ-Кале.

Хуторъ Нижне-Герасимовъ.

С. Смоленскій.

(Продолженіе будетъ.)

(*) Вырванными на турецкомъ языкѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗЦА (*).

ВЗЫВСКІЙ ОТРЯДЪ ВЪ 1861 ГОДУ.

(Изъ походнаго дневника).

I.

Сборъ отряда и выступленіе.—Трунь убитаго молніею животного.—Обряды абииницъ надъ пораженными громами.—Расположеніе отряда на Гумаств.—Появленіе кометы.—Историческія свѣдѣнія объ Абхазіи.—Покровительство турокъ.—Назначеніе ея владѣтелей Россіею.—Послѣдній владѣтель князь Микхпзъ.—Его сношенія съ непокорными горцами.

Въ первыхъ числахъ іюня 1861 года, въ г. Сухумъ-Кале соби-
рались войска Бзыбскаго отряда, въ составъ котораго назначались:
кавказскіе линейные №№ 34-го, 36-го и 37-го баталіоны (**); изъ нихъ
первые два состояли изъ четырехъ, а послѣдній изъ трехъ линейныхъ
ротъ (***); четыре сводно-стрѣльбовые баталіона (****); заводъ сапе-
ровъ Кавказскаго сапернаго Его Императорскаго Высочества Великаго
Князя Николая Николаевича Старшаго баталіона; горный дивизіонъ
Сухумской крѣпостной артилеріи; горный заводъ батарейной № 1-го

(*) См. «Военный Сборникъ» 1874 года, №№ 5 и 6.

(**) Баталіонъ № 35-го оставленъ былъ въ г. Сухумъ гарнизономъ, вмѣстѣ съ Сухумскою инвалидною ротою.

(***) Одна рота № 37-го баталіона (3-я линейная), расположеннаго въ Су-
хумѣ, занимала гарнизономъ укрѣпленіе Цебсѣдинское.

(****) Баталіоны эти были составлены каждый изъ четырехъ стрѣльбовыхъ
ротъ Кавказскихъ линейныхъ №№ 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31,
32, 34, 35, 36 и 37-го баталіоновъ, расположенныхъ въ Грузіи и Кутаискомъ
генералъ-губернаторствѣ.

батареи; двѣ сотни донскихъ казачьихъ №№ 2-го и 29-го полковъ (*) и одна сотня гурійской милиціи.

Согласно Высочайше утвержденнаго предположенія о занятіяхъ войскъ лѣтомъ 1861 года, цѣль сбора отряда состояла: въ продолженіи дороги отъ г. Сухума, къ главному кавказскому хребту. Со стороны Кубанской области проектировано такое же проложеніе пути расположенными тамъ войсками, на соединеніе съ этой дорогой. Направленіе ея отъ Сухумъ-Кале до общества Псхоу было набрано по Гумскому ущелью къ перевалу Доу, какъ болѣе прямое и удобное.

Съ восходомъ солнца, 18-го іюня, части войскъ, назначенныя къ выступленію, вышли изъ города и собрались на трапеціи за бараками № 37-го баталіона. Здѣсь, по православному обычаю, съ началомъ всякаго дѣла призывать помощь Божію, былъ отслуженъ въ кругу войскъ молебень, послѣ котораго священникъ окропилъ ряды солдатъ святою водою и сказалъ напутственную рѣчь.

Раздался знакомый сигналъ рожка и роты потянулись вереницей по тропѣ, заросшей съ обѣихъ сторонъ высокими папоротникомъ. Верстъ около двухъ, дорога шла по трапеціи, лежащей между двумя крутыми и глубокими лѣсистыми ложбинами. Дальше она входитъ въ ущелье, тянущееся къ руслу рѣки Гумисты. При входѣ съ этой стороны, ущелье раскинулось довольно широко, но, затѣмъ, оно постепенно суживается. День былъ жаркій и при совершенномъ отсутствіи движенія воздуха, нагрѣтаго до высшей температуры, удушье дѣлалось нестерпимымъ. Густой, вѣковой лѣсъ казался окаменѣлымъ; опустившіеся отъ зноя листья ни малѣйшимъ движеніемъ не показывали признаковъ жизни. У многихъ, по непривычкѣ къ такой жарѣ, горячій воздухъ даже въ тѣни захватывалъ дыханіе. Отрядъ двигался впередъ медленно, вьюки въ обоѣ постоянно развязывались, что всегда почти бываетъ при началѣ походовъ по горамъ, покуда люди, находящіеся при тяжестихъ, не пріобрѣтутъ снаровки такъ увязывать ихъ, чтобы они крѣпко держались на лошади, при спускахъ съ кручъ и подъемахъ на нихъ. Около семи верстъ продолжался этотъ утомительный путь по ущелью, покрытому сплошнымъ лѣсомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись крутые, а мѣстами и обрывистые спуски, одѣтые все тѣмъ же лѣсомъ, а затѣмъ вы-

(*) Штабы полковъ находились: № 2-го въ г. Кутаисѣ, а 29-го въ г. Ахалцыхѣ; сотни же ихъ занимали кордонныя (пограничныя) и разгонныя (почтовые) посты въ Имеретіи, Миягреліи, Гуріи, Ахалцыхскомъ уѣздѣ, Самураканіи и Абхазіи.

шелъ на долину, растилающуюся отъ деревни Гуммъ, которая замыкаетъ ущелье.

Версты за полторы отъ селенія, на одномъ изъ деревъ, близъ дороги, было что-то намощено на вѣтвяхъ, сажени двѣ надъ землею; тамъ видѣлись кости животнаго, еще не совсѣмъ оглодачныя плотоядными птицами. Трупъ этотъ принадлежалъ домашнему животному, убитому молніей. Народный предразсудокъ абазинъ, относительно убитыхъ молніей, любопытенъ. Они, при подобныхъ случаяхъ, совершаютъ слѣдующій обрядъ: если вс случится близко дерева, то на мѣстѣ пораженія молніею скота или лошади, устраивается вышка на четырехъ столбахъ, такой высоты, чтобы на нее не вспрыгнула собака или хищный зѣбрь, и туда встаскивается трупъ животнаго. Для этой церемоніи собирается вся деревня, безъ различія пола. Послѣ приготовленія вышки, сначала производится вокругъ убитой скотины пляска съ пѣніемъ; одна половина присутствующихъ поетъ слова: *восписа*, а другая *чаунаръ* (*), повторяя ихъ, при чемъ подвигается трупъ убитаго животнаго на помость вышки. По окончаніи этого обряда совершается новая пляска, при чемъ хозяинъ, въ знакъ благодарности божеству за его посѣщеніе, приноситъ въ жертву другое животное той же породы. Но, въ заключеніе читаемой при этомъ молитвы, испрашивается отъ Творца Вселенной пощада отъ молніи, какъ самому хозяину, такъ и стадамъ его. Изъ жертвеннаго мяса готовится пища, которая и раздается присутствующимъ; нерѣдко пиршество и пляска по цѣлымъ днямъ продолжались на томъ же мѣстѣ.

При пораженіи громомъ человека, надъ тѣломъ его совершается почти такой же обрядъ, съ тою разницей, что во время круговой пляски родственники убитаго не принимаютъ въ ней участія, изъ боязни, что *Афы* (**) однимъ ударомъ можетъ поразить присутствующихъ. Тѣло остается на вышкѣ въ гробу, а иногда и безъ него до тѣхъ поръ, пока обнажатся кости; послѣ чего гробъ снимается и, вмѣстѣ съ костями, зарывается въ землю уже обыкновеннымъ порядкомъ, и затѣмъ совершается тризна, по мѣстному алату.

Въ честь божества грома и молніи, абазины, на пирахъ и во время грозы, поютъ пѣсни: *Анцава Рышва* (***). Въ послѣднемъ случаѣ они считаютъ, что этимъ выпросятъ у громовержца хорошую погоду; а въ первомъ—выражается знакъ благодарности за посланное хлѣбopодіе.

(*) Абазины, при распросахъ о значеніи этихъ словъ, не могли ничего объяснить.

(**) Афы или Анцава—Богъ.

(***) Слова эти въ переводѣ означаютъ: боимся пѣсней.

Абхазцы до того суевѣрны, что срубають дерево, при паденіи съ котораго убится человѣкъ, по какой бы то ни было причинѣ, и, не смотря на то, что дорожать орѣховыми деревьями, обвитыми виноградными лозами, какъ приносящими своимъ урожаями двойную пользу. Церемонія эта совершается также съ извѣстными обрядами, установленными народными обычаями.

Пройдя мимо деревни, почти скрывавшейся въ лѣсу, отъ дороги на западъ, отрядъ потянулся внизъ по-надъ лѣвымъ берегомъ Гумисты, версты на двѣ; затѣмъ, началъ переправу черезъ рѣку въ бродъ. По переходѣ на правый берегъ Гумисты, роты, одна за другой, располагались для ночлега, на равной площадкѣ, протянувшейся здѣсь вдоль русла и примыкавшей другой стороной къ крутому подъему, покрытому лѣсомъ и загроможденному большими камнями, разбросанными въ беспорядкѣ.

Пока отрядъ располагался тамъ, солнце уже опускалось за ближайшія вершины, и прохлада быстро разливалась по ущелью. Какъ бы ни было жарко днемъ близъ горъ, по почамъ тамъ всегда бываетъ прохладно, и переходы отъ зноя къ холоду весьма рѣзки, особенно по ущельямъ, по которымъ въ это время дуетъ горный вѣтеръ. Но, по мѣрѣ углубленія въ горы, атмосферныя перемѣны дѣлаются не такъ замѣтными, и тамъ вообще уже становится холоднѣе.

Между тѣмъ какъ солдаты, разобравшись, приготовлялись къ парку походнаго ужина, сумерки спускались надъ ложемъ Гумисты, и только съ трехъ сторонъ мохнатыя, лѣсныя вершины выдѣлялись еще на свѣтлой лазури свода. Въ это время, на сѣверо-западной сторонѣ неба, невысоко надъ горизонтомъ, показалась комета. Она становилась замѣтнѣе по мѣрѣ того, какъ небо дѣлалось темнѣй. Блѣдно-ватый свѣтъ, окружавшій звѣзду, почти касался земли, или, лучше сказать, вершины сосѣдняго отрога. Лучи отъ нея, роскошнымъ вѣеромъ, косвенно спускались мимо возвышенности *Ахырцху* въ Гумское ущелье, постепенно развѣтвляясь и упираясь широкою полосой въ подножіе этой горы.

Зрѣлище кометы, спускавшейся между двухъ высокихъ горъ, въ углубленіе, было занимательное, почему многіе выходили на средину площадки, откуда оно было виднѣе и представлялось величественнѣе. Даже солдаты, свободные отъ службы и артельныхъ обязанностей по приготовленію ужина, не смотря на усталость, набрасывали на плечи шинели и спѣшили посмотрѣть на необычайное явленіе. Собралось нѣ-

сколько группъ, въ которыхъ слышался оживленный разговоръ по поводу появленія «знаменія».

— На чево вы смотрите? спрашиваетъ молодой солдатъ, неся поду изъ рѣчки въ походномъ котелкѣ и останавливаясь возлѣ одного изъ кружковъ.

— Развѣ не видишь, какая звѣзда, планида небесная, да еще съ метлой, отвѣтили ему.

— Да гдѣ же она тамъ сама?

— Смотри, черезъ зѣвотъ черный шпшанъ (°), указываетъ ему одинъ изъ зрителей.

— Да это и въ самомъ дѣлѣ какъ есть планида, съ нѣкоторымъ смущеніемъ замѣчаетъ солдатъ съ котелкомъ.

— А фостъ-то смотри какой предлинный у нея, на цѣлую версту хватилъ бы небось, отозвался на это третій изъ зрителей.

— Хвостомъ, говорятъ, грѣшно называть, перебилъ его первый.

— Ну, а какъ же ты его будешь называть?

— Извѣстное дѣло, метлой, потому, што планида безъ метлы не появляется.

— Не передъ добромъ братцы она явилась! слышалось изъ того же кружка.

— Война будетъ беспремѣнно, отозвался еще одинъ голосъ.

— Што нибудь да будетъ, глубокомысленно подтвердилъ первый, не даромъ она показалась; не война — такъ голодъ, али моръ, либо ишо какое ви-на-ссть несчастье.

— Да мы же идемъ на войну, вотъ она и появляется черкесамъ въ горахъ; кабы она гдѣ въ другомъ мѣстѣ явилась, иное дѣло; въ Расек то ея цѣтъ.

Общій смѣхъ перебилъ замѣчаніе балагура.

— Третья рота, становись въ расчетъ, порцію пить передъ ужиномъ, слышались голоса отъ котловъ, и группы сейчасъ же начали расходиться.

На утро мы оставались на мѣстѣ; приступлено было къ разчисткѣ лѣса. Просѣка начиналась отъ лагеря на гору Ахырцху, поднимаясь на нее наискось, и такимъ образомъ обходила ся вершину, остававшуюся вправо, направляясь къ перевалу Лакуби-Цута, между двухъ высокихъ, покрытыхъ лѣсомъ, отроговъ.

Такъ какъ вся дѣятельность собраннаго отряда ограничилась раз-

(°) На Кавказѣ, солдаты вообще называютъ вершины горъ шпшанами.

работкой дороги въ предѣлахъ Абхазіи, то я считаю нужнымъ коснуться исторіи этого края, чтобы нѣсколько объяснить сложившіяся событія, воспрепятствовавшія дальнейшей разработкѣ пути въ глубину горъ.

Абхазія, огражденная съ трехъ сторонъ моремъ и горными вѣтвями кавкасскаго хребта, была менѣе подвержена иноземнымъ вторженіямъ и внутреннимъ переворотамъ, какимъ подвергались сосѣднія ей области, населенныя грузинскимъ племенемъ. Колоніи грековъ и римлянъ не могли на жителей этого края имѣть сильнаго вліянія, и скорѣе сами колонизаторы были въ зависимости отъ мѣстнаго населенія. Остальные общества абазинскаго племени (въ томъ числѣ и Цебельда), даже никогда не имѣли владѣтелей; благодаря своей изолированности, они были совершенно недоступны для посторонняго вмѣшательства. Грузія хотя нѣкоторое время и владѣла побережьемъ Чернаго моря отъ Поти до Адлера, но она могла только подчинить Абхазію управленію одного лица, поставивъ мѣстную аристократію, помѣщиковъ въ зависимость отъ него; кое гдѣ удержался и порядокъ престолонаслѣдственности, при чемъ остальные члены фамиліи владѣтеля подчинялись ему на правахъ вассаловъ. Слѣдовательно, по естественному порядку теченія политической жизни, горныя общества абхазскаго племени, могли сохранить, до новѣйшихъ временъ, аристократическое управленіе, съ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ на него демократіи; одна Абхазія не могла оставаться безъ того, чтобы не подчиниться управленію одного лица.

Владѣтельная фамилія князей Шервашидзе считаетъ предковъ своихъ выходцами изъ Ширпани, отъ названія которой они и стали носить это имя. Самыя древнія сказанія, по грузинскимъ хроникамъ, объ этой фамиліи относятся къ царствованію знаменитой Тамары (*). Между именами ея эриставовъ (намѣстниковъ), встрѣчается имя абхазскаго эристава *Дотаю Шервашидзе*.

Послѣ раздѣленія на части царства грузинскаго въ 1442 году, Вахтангу, сыну царя Александра, достались въ удѣлъ всѣ области, составляющія нынѣ Кутаисское генералъ-губернаторство, съ Джигетією и Карачаемъ, за исключеніемъ *Саабатаю* (Ахалцыхскій уѣздъ). Вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, этотъ значительный удѣлъ началъ распадаться на части. Около 1470 года, кравчій царей грузинскихъ, Дадіанъ Ланаритъ, объявилъ себя независимымъ въ своемъ эриставствѣ. При этомъ отпаденіи, Мингрелія увлекла за собой Абхазію и Джигетію, которыя, послѣ того, находились въ зависимости

(*) Къ этому извѣстно, Тамара царствовала съ 1184 года по 1211 пошею арм.

отъ владѣтелей первой, потому что въ 1583 году, Мамія Дадіанъ предпринялъ походъ въ этотъ край, вѣроятно, съ цѣлію упрочить тамъ свою власть и наказать за неповиновеніе. Но, послѣ понесеннаго Дадіаномъ пораженія, обѣ эти области сдѣлались независимыми отъ Мингреліи, которая, впрочемъ, съ тѣхъ поръ уже и не добивалась обладанія ими, вслѣдствіе появленія общаго врага христіанства—турокъ. Во второй половинѣ XVI столѣтія, эти послѣдніе становятся уже въ качествѣ покровителей Абхазіи и подчиняютъ ее нѣкоторой зависимости. Порта, вѣроятно, имѣла намѣреніе сильнѣе упрочить свое вліяніе въ этомъ краѣ, для чего, въ 1578 году основана крѣпость Сухумъ-Кале (*), гдѣ оставленъ гарнизонъ подъ начальствомъ паши.

Но, съ построеніемъ крѣпости, довольствуясь занятіемъ ея и внѣшней покорностію Абхазіи, турки мало и только случайно вмѣшивались во внутреннія дѣла ея, нерѣдко терзаемой междоусобіями, убійствами и взаимными грабежами князей. Съ появленіемъ мусульманъ въ краѣ, начинается и производство торговли невольниками, дошедшая тамъ въ послѣдствіи до широкихъ раамѣровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчается и упадокъ христіанства въ Абхазіи и исчезновеніе слѣдовъ прежней грузино-византійской цивилизаціи. Край дичалъ и народъ становился невѣжественнѣе.

Съ тѣхъ поръ свѣдѣнія о владѣтеляхъ Абхазіи (по грузинскимъ источникамъ) становятся отрывочными и неполными; только съ XVIII столѣтія имѣются болѣе обстоятельные матеріалы для исторіи владѣнія и фамиліи Шервашидзе. Члены ея, стоявшіе во главѣ управленія краемъ, никогда не носили титула паши, а только бея. Между тѣмъ, туземные владѣтели Саабатаго за приверженность къ Турціи получили отъ нея въ наслѣдство первое званіе, тогда какъ сухумскій паша былъ турокъ. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что ахалцыхскіе владѣтели, принявъ магометанство, были за то награждены потомственнымъ титуломъ паши. Князья же Шервашидзе хотя и не могли принять рѣшительныхъ мѣръ противъ распространенія исламу въ краѣ, но, по крайней мѣрѣ, сами оставались христіанами. Притомъ Абхазія, отдѣленная отъ Турціи моремъ, больше сохранила самостоятельности и князья Шервашидзе оставались главными руководителями туземныхъ князей-васаловъ.

Въ 1771 году Абхазія взбунтовалась противъ турокъ подъ предводительствомъ владѣтелей, которые, напавъ на гарнизонъ, выгнали

(*) Одновременно съ Анапой и другимъ.

его изъ Сухума (*). Вскорѣ, однако, одинъ изъ членовъ фамиліи Шервашидзе, польстившись на подкупъ оттоманскаго правительства, снова впустилъ въ Сухумъ-Кале турецкія войска. Но на этотъ разъ они занимали крѣпость недолго: года черезъ три турки добровольно оставили ее, предоставивъ управленіе князю Зурабу Шервашидзе, въ качествѣ владѣтеля, зависимаго отъ Порты. Нѣкоторымъ членамъ владѣтельнаго дома предоставлены были съ пользованіе участки земли въ батумскомъ санджакѣ, что, конечно, дѣлалось съ цѣлью удалить изъ края болѣе опасныхъ претендентовъ-соперниковъ владѣтеля, до-бывавшихся, посредствомъ смутъ и междоусобій, первенства въ Абхазіи.

Князь Зурабъ былъ бездѣтею, почему не только не опасался интригъ своихъ племянниковъ, но искалъ въ нихъ опоры. Съ этою цѣлью одному изъ нихъ, Келишъ-бею, сыну старшаго брата (**), онъ поручилъ Сухумъ съ Абхазскимъ округомъ; другому Бекиръ-бею данъ Абжуйскій округъ. Хотя эти домашнія распоряженія не были облечены никакою формальностью, но они, вѣролтно, были также вызваны опасеніями престарѣлаго владѣтеля, въ видахъ предупрежденія смутъ, могущихъ возникнуть отъ распрей племянниковъ, за пользованіе властью.

Послѣ смерти Зураба, князь Келишъ-бей, имѣя въ своихъ рукахъ важнѣйшій укрѣпленный пунктъ края Сухумъ-Кале, былъ признанъ Портою въ званіи владѣтеля Абхазіи. О Келишъ-бей сохранилась память въ народѣ, какъ о человѣкѣ неумолимо-строгомъ, но безукоризненно-правдивомъ. Отношенія его къ двоюродному брату Бекиръ-бею, со смертью дяди, конечно, измѣнились, и уже готово было возникнуть междоусобіе, но, къ счастью, скорая смерть послѣдняго прекратила начипавшіяся смуты. На вдовѣ его женился Келишъ-бей, чѣмъ закончилась и распря. Оставшіяся послѣ покойнаго двое малолѣтнихъ дѣтей воспитывались подъ руководствомъ владѣтеля, почему онъ и упрочилъ ихъ права на Абжуйскій (***) округъ, которымъ владѣлъ отецъ ихъ Бекиръ-бей.

Келишъ-бей имѣлъ законныхъ сыновей: Асланъ-бей, Баталъ-бей, Таиръ-бей и Ростомъ-бей; болѣе же всѣхъ онъ любилъ и уважалъ

(*) Владѣтель князь Леванъ Шервашидзе входилъ въ сношеніе около 1770 года съ графомъ Тотлебеномъ о принятіи Абхазіи подъ покровительство Россіи, но переговоры были прерваны нападеніемъ буйныхъ абхазцевъ на табунъ русскаго отряда, бывшаго въ Мингрелии. (Извл. изъ дѣлъ штаба командующаго войсками въ Абхазіи).

(**) Князь Кеване.

(***) Въ русскихъ оцінальных бумагахъ округъ этотъ называется Абжискимъ.

побочнаго своего сына, Сеферъ-бей. Послѣдній воспитывался въ Мингреліи у владѣтеля ея, князя Григорія Дадіани, питавшаго къ нему особенное расположеніе и женившаго его даже на своей родной сестрѣ. Дадіаны, заключая этотъ бракъ, имѣли, конечно, свои виды.

Обстоятельство это было причиной, что правительству Порты не поправилось подобное вліяніе владѣтелей Мингреліи на Абхазію, и оно подстрекнуло Асланъ-бей убить отца. Совершивъ этотъ поступокъ, убійца заперся въ крѣпости Сухумъ-Кале. Семейство Келишъ-бей прибѣгло къ защитѣ русскихъ. При появленіи нашего отряда въ іюнѣ 1808 года, Асланъ-бей бѣжалъ въ Турцію, а Сеферъ-бей назначенъ былъ владѣтелемъ, хотя Сухумъ все еще оставался занятымъ турецкимъ гарнизономъ, и только въ 1810 году былъ взятъ русскими.

Смерть Сеферъ-бей, въ концѣ 1821 года, была снова сигналомъ смутъ въ Абхазіи. Братья его, поддерживаемые каждый своею партіею, возмущали народъ и не признавали власти княгини Тамары, вдовы владѣтеля. По распоряженію главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ, А. П. Ермолова, управлявшій Имеретіею, генералъ-маіоръ князь Горчаковъ, выступилъ туда съ 600 чел. пѣхоты съ двумя орудіями. Асланъ-бей, до того времени скрывавшійся въ Турціи, вторично появляется въ краѣ и укрѣпившись между Кодорскимъ мысомъ и Хевсурами, съ значительнымъ числомъ своихъ приверженцевъ и турокъ, сталъ, такимъ образомъ, на пути нашего отряда. 13-го полбріа, въ 4-хъ верстахъ отъ Кодора, встрѣтившись съ русскими войсками, бунтовщики были совершенно разбиты, а отцеубійца вторично бѣжалъ въ Турцію. По прибытіи въ Сухумъ, князь Горчаковъ вручилъ власть, съ титуломъ владѣтеля, полковнику князю Дмитрію и, оставивъ тамъ двѣ роты пѣхоты, возвратился въ Имеретію.

Въ началѣ 1824 года скончался князь Дмитрій, на мѣсто котораго вступилъ, по распоряженію русскихъ же властей, братъ его Михаилъ, послѣдній владѣтель Абхазіи. Асланъ-бей, скрывался то у турокъ, то у черкесовъ, продолжалъ возмущать Абхазію, вслѣдствіе чего, въ маѣ мѣсяцѣ, опять вспыхнулъ бунтъ. Владѣтель нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть подъ защиту небольшого отряда нашихъ войскъ, укрѣпившихся въ сел. Сауксу, гдѣ и былъ осажденъ мятежниками.

Князь Горчаковъ снова выступилъ съ отрядомъ въ 1,400 чел. при трехъ орудіяхъ; переправившись 8-го числа черезъ Кодоръ, онъ оставовился противъ скопища въ 3,000 инсургентовъ. 9-го, туда же прибылъ князь Дадіанъ съ 1,200 чел. мингрельской милиціи, которую князь Горчаковъ и направилъ въ обходъ позиціи, занятой мя-

тежниками. На рейдѣ Кодора въ то же время остановились два военных судна (фрегатъ и бригъ), начавшія на слѣдующій день обстрѣливать устроенные по берегу моря абхазцами завалы на протяженіи 8 верстъ; между тѣмъ, съ сухаго пути они атакованы были съ фланга. Бунтовщики, поставленные между двухъ огней, бросивъ завалы, разбѣжались, а русскій отрядъ къ вечеру прибылъ въ Сухумъ-Кале. Іюля 21-го сдѣлана была высадка съ моря на урочище Эйлагу, въ 7 верстахъ отъ Соуксу. Командовавшій отрядомъ, находившемся въ этомъ послѣднемъ селеніи, Мингрельскаго пѣхотнаго полна штабсъ-капитанъ Марчевскій, замѣтивъ, что осаждающіе бросаются къ берегу моря, сдѣлалъ вылазку и зажегъ ближайшіе къ селенію дома. 24-го числа, десантный отрядъ двинулся къ Соуксу и освободилъ укрѣпленіе, находившееся болѣе мѣсяца въ тѣсной блокадѣ. Асланъ-бей скрылся въ горы, а князь Михаилъ былъ иризванъ всѣми сословіями въ аваніи владѣтеля.

Съ 1824 года смуты въ этомъ краѣ не возобновлялись до 1866 года, послѣдствіемъ чего, какъ извѣстно, было переселеніе большей части жителей Абхазіи въ предѣлы Турціи.

Съ назначеніемъ въ званіе владѣтеля князя Михаила, русскія войска уже не оставляли владѣнія (*), и въ 1830 году заняты были гарнизонами укрѣпленіе Пицунды и новопостроенное Бомборы.

Такимъ образомъ, вліяніе Россіи на Абхазію было упрочено и владѣтелю послѣдней предоставлена полная административная власть по управленію краемъ. Князь Михаилъ не упускалъ, конечно, изъ виду укрѣпить свои права при содѣйствіи войскъ и, опираясь на русскіе штыки, поставилъ своихъ васаловъ въ такую зависимость, какой собственными силами или съ помощью турокъ не могъ добиться ни одинъ изъ его предшественниковъ.

Вмѣстѣ съ достиженіемъ неограниченной власти въ управляемомъ краѣ, владѣтель старался распространить свое вліяніе и на сосѣднія общества. Впрочемъ, абазинскія и другія племена горцевъ рѣдко вступали съ правителями Абхазіи въ открытую вражду, кромѣ случаевъ воровства и мелкихъ грабежей, — укорежившихся въ обычаяхъ народа и считавшихся самымъ обыкновеннымъ явленіемъ между сосѣдями, — отчасти опасаясь турокъ, покровительствовавшихъ владѣтелямъ, до вѣшателства въ дѣла этого края Россіи, а также и собственныхъ силъ владѣнія, имѣвшаго населенія около 60,000 (**). Постоянно нахо-

(*) Сухумъ-Кале занимался русскимъ гарнизономъ съ 1810 года, т. е. со времени занятія этой крѣпости.

(**) Въ сочиненіи г. Дубровина: «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», томъ 4, кн. 2, стр. 2, объясняется, что все населеніе Абхазіи въ

дясъ въ союзахъ съ тѣмъ или другимъ обществомъ и, слѣдовательно, имѣя возможность всегда наказъ за дерзость безпокойныхъ сосѣдей, князь Михаилъ пользовался особымъ уваженіемъ и почетомъ въ сосѣднихъ племенахъ горцевъ.

Сознавая, кому онъ обязанъ возведеніемъ въ это званіе, минуя дѣтей князя Дмитрія, и что именно русскіе поставили на такую высокую ступень званіе владѣтеля, князь Шервашидзе хорошо понималъ и то, что съ покореніемъ немирныхъ племенъ западнаго Кавказа должна рушиться и его власть, почему, какъ оказалось впоследствии, онъ тайно поддерживалъ джигетовъ, убыховъ, шапсуговъ и другихъ въ томъ, чтобы они не соглашались на мирную сдѣлку съ нами, выставляя тридцатыхъ годахъ простиралось до 80,000 обоего пола. Въ спискѣ же, бывшемъ при дѣлахъ канцеляріи по управленію мирными горцами, состоявшей при штабѣ командующаго войсками въ Абхазіи, число деревень въ ней, въ шестидесятыхъ годахъ, кромѣ Цебельды и Самурзакани, показано 66 и въ нихъ 6,215 жилыхъ дворовъ. Если считать въ каждомъ дворѣ круглымъ счетомъ по 10 душъ (у абазинъ, занытинъ, семья никогда не бываетъ многочисленною), составится всего 62,150 душъ обоего пола.

Кромѣ владѣтельской фамиліи и князей Иналпшыхъ, считающихся также отраслью владѣтельнаго дома, сословія Абхазіи раздѣлялись на слѣдующіе классы:

1) Дворяне, по происхожденію и преимуществамъ равные между собой, подчинялись одному владѣтелю.

2) Шива-кш. Слово грузинское, означающее придворнаго; это сословіе считалось среднимъ между дворянскими и крестьянскими. Большинство ихъ находилось въ селеніи Соурсу.

3) Крестьянъ считалось два рода: а) *Анхайве*,—что въ переводѣ значитъ поселенникъ и б) *Ахуиу*—рабочіе. Первые пользовались владѣтельными землями отъ своихъ помѣщиковъ—князей и дворянъ, и за то обязаны были имъ только вспахивать поля, высіять хозяйскими сѣменами, собирать посѣвъ и виноградъ и, то въ такомъ лишь случаѣ, если кто изъ родственниковъ владѣльца находился на жительствѣ въ деревнѣ. Повинности эти выполнялись по мѣрѣ надобности ихъ, въ известное время года. Послѣдніе же обязаны были три дня въ недѣлю работать въ пользу землевладѣльца, за что имъ также отводился для собственнаго земледѣлія участокъ поля.

4) *Аташала*, т. е. лишній; это были невольники въ полномъ смыслѣ слова. Не имѣя земли, они считались полною собственностію владѣльца, которою послѣдній могъ распоряжаться совершенно по своему произволу: убить, уязвить, продать и т. п. Классъ этотъ своимъ происхожденіемъ, конечно, не принадлежалъ къ аборигенамъ края, а образовался изъ плѣнниковъ и купленныхъ невольниковъ другихъ племенъ. Аташала, получившій отъ владѣльца землю, обязанъ своимъ хозяйствомъ и, такимъ образомъ, переходилъ въ сословіе ахуиу, пользуясь уже правами этого класса. Отъ жelanія помѣщика зависѣла также переходъ невольника въ званіе анхайве. Работы позволялось имѣть всѣмъ сословіямъ, исключая самыхъ же рабовъ.

Кромѣ того, въ Абхазіи была еще, такъ называемые, *вольные жители*, изъ выходцевъ отъ другихъ обществъ, жившихъ тамъ подъ покровительствомъ нѣкѣтальныхъ лицъ. Послѣдніе, по своей малочисленности, не составляли особаго класса. (Извлечено изъ дѣлъ штаба командующаго войсками въ Абхазіи).

цѣль умиротворенія края русскими въ ложномъ видѣ. Поэтому, на проложенье пути чрезъ главный хребетъ Кавказа къ центру непокорнаго населенія въ Абхазіи смотрѣли не совсѣмъ доброжелательно, и хотя владѣтель, будучи боленъ, поручилъ временное управленіе краемъ князю Григорію Шервашидзе (*), но послѣдшій, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ согласно данныхъ ему инструкцій (**).

II.

Начало работъ по проложенью дороги отъ Гумисты къ перевалу г. Ахырцху.—Рубка просѣки.—Таинственное исчезновение солдата.—Гурійская мшанція.—Неудача съ постройками моста черезъ Гумисту.—Картина бивачной жизни.—Иходные маркитанты—духоньщики.—Шаколы и ихъ ночные концерты.—Передвиженіе отряда на уроч. Лакуби-Цута.—Продолженіе просѣки по-надъ ущельемъ рѣки Хюпсты.—Лагерная жизнь по вечерамъ.—Тревога жителей.—Развитіе зрѣнія и слуха у абазинъ.—Что такое рубка зѣса на Кавказѣ?

Отрядомъ начальствовалъ кутаисскій генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Н. Н. Колюбакинъ, который прибылъ на Гумисту послѣ начатія работъ; до времени же его пріѣзда распорядился войсками ближайшій помощникъ его, исправлявшій должность командующаго войсками въ Абхазіи и инспектора кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ, полковникъ П. Н. Шатиловъ (**). Иногда появлялся въ лагерѣ и временно-управлявшій Абхазією, князь Григорій. Для перевозки тяжестей при отрядѣ находился транспортъ черводарскихъ лошадей и нѣсколько человекъ чапаръ-проводниковъ, паъ абхазцевъ.

На слѣдующее утро по приходѣ нашемъ, назначенныя для работъ роты принялись за дѣло. Сначала стали разчищать дорогу отъ Гумисты къ перевалу Лакуби-Цута и отъ нея дѣлался прорубъ просѣки, на ближайшій ружейный выстрѣлъ справа при подъемѣ; лѣвая же сторона дороги обезпечивалась крутымъ, почти отвѣснымъ обрывомъ, покрытымъ также мелкимъ и густымъ лѣсомъ, спутаннымъ колючкой и чужелдыми растеніями. Саперный заводъ, подъ руководствомъ инженеровъ, бывшихъ при отрядѣ, приступилъ къ постройкѣ моста черезъ рѣку Гумисту, въ которой броды имѣлись только въ сухую

(*) Князь Григорій Шервашидзе, сынъ князя Дмитрія, и слѣдовательно двоюродный братъ князя Михаила, былъ въ то время полковникомъ лейб-гвардіи Козачьего полка, кромѣ того, постояннымъ начальникомъ Абжискаго округа. Управляющихъ округами назначалъ владѣтель.

(**) Большая часть помѣщенныхъ здѣсь историческихъ свѣдѣній неизвѣстны въ печати, а извлечены изъ переписокъ и рукописей, имѣвшихся въ канцеляріи командующаго войсками въ Абхазіи.

(***) Нынѣ генералъ-лейтенантъ.

погоду и не въ жаркіе дни, т. е. когда свѣтъ меньше таялъ въ горахъ.

Бивакъ отряда, какъ уже сказано выше, расположился на безлѣсной лужайкѣ между рѣкой и подъемомъ на Ахырцху, саженей на 200 въ ширину. Со всѣхъ сторонъ мѣсто это окружали горы, съ выдающимися изъ покрывавшихъ ихъ вѣковыхъ лѣсовъ, острокопечными, иногда безлѣсными вершинами. Въ пасмурную погоду, когда не такъ ясно замѣтна перспектива ихъ расположенія, онѣ казались нагроможденными одна на другую, въ самыхъ причудливыхъ и разнообразныхъ формахъ. Хотя въ этотъ періодъ года, дождей въ томъ краѣ всегда бываетъ мало, но тогда они какъ-то часто перепадали; за то каждый разъ шли не долго, такъ что послѣ 10—12 часовъ непогоды, небо снова очищалось отъ тучъ.

Съ 19-го по 25-е іюня продолжалось устройство дороги и рубка просѣки; отрядъ оставался на мѣстѣ. Работы уже почти доходили до перевала (2½ версты). Между тѣмъ къ намъ пріѣзжали псхувскіе князья, вѣроятно съ цѣлью узнать причину сбора отряда, но, какъ говорили въ то время, были будто бы холодно приняты начальникомъ отряда, и уѣхали не совсѣмъ довольные такимъ пріемомъ.

Во все время пребыванія войскъ на Гумистѣ, вокругъ насъ была тишь да гладь, да Божья благодать; никто и не подозревалъ, чтобы горцы дерзнули въ этой мѣстности оказывать «намъ» сопротивление, при разработкѣ дороги. Между прочимъ, на другой или на третій день по приходѣ нашемъ на Гумисту, одно событіе заставило нѣкоторыхъ заподозрить, что едва ли обойдется безъ того, чтобы они оставили въ покоѣ отрядъ, прокапывающій дорогу къ ихъ обществамъ. Одинъ солдатъ пошелъ набрать дровъ подъ котелокъ, въ которомъ варились ужины; войдя въ небольшой лѣсокъ, окружавшій поляну лагеря, онъ больше не возвращался. Обстоятельство это старались объяснить побѣгомъ, хотя товарищи пропавшаго и увѣрили, что отъ него этого нельзя было ожидать. Произведено даже формальное разслѣдованіе, которое, по неимѣнію доказательствъ, рѣшено было: «предать долѣ Божьей и предоставить времени, пока событіе сіе не раскроется само собой». Почему, объ этомъ загадочномъ происшествіи скоро позабыли и все пошло своихъ чередомъ.

Всякій день по вечерамъ въ лагерѣ играла гурійская музыка (зурна), подъ звуки которой милиціонеры танцовали. Въ національных своихъ танцахъ, они вообще старались выказать какъ можно больше легкости, гибкости и ловкости. Но самымъ любимымъ ихъ занятіемъ

были гимнастическія упражненія. Разбѣгаясь, напримѣръ, по ровной мѣстности, гурійцы прыгали черезъ туго натянутый канатъ, вышиной отъ земли въ ростъ человѣка; все искусство здѣсь заключалось въ томъ, чтобы съ разбѣга перепрыгнуть веревку, не коснувшись ея ногами. Многіе при этомъ, очень ловко переворачивались черезъ голову, безъ помощи рукъ доставали зубами брошенный на землю обнаженный кинжалъ, поднимаясь тѣмъ же путемъ обратно съ клинкомъ во рту; все это дѣлалось скоро и отчетливо.

Большинство милиціонеровъ принадлежало къ княжескимъ и дворянскимъ фамиліямъ Гуріи, почему многіе изъ нихъ щеголяли своимъ живописнымъ костюмомъ, состоявшимъ изъ куртки алаго сукна или малиноваго бархата, шитой по спинѣ, бортамъ и рукавамъ золотомъ и серебромъ, и узкихъ тонкаго сукна брюкъ, обшитыхъ вмѣсто лапастъ блестящимъ металлическимъ галуномъ. Шапки они носили краснаго сукна, въ родѣ русскаго блина, съ дорогимъ шитьемъ на верху; онѣ держались на головѣ, только благодаря шурку, завязанному туго подъ бородой. За широкимъ шелковымъ поясомъ, перетягивающимъ стройную талію, заткнуты кинжалы и два пистолета съ золотой настьчкой. Пороховницы у нихъ дѣлаются большею частію изъ красной кожи, вышитой металлическими нитями, и надѣваются саади сверхъ пояса. Одежда эта легка и удобна для движенія, какъ при карабканіи на гору, такъ и при спускахъ съ кручъ. Сапоги они замѣняютъ, также какъ и грузины, чулками.

Работы по устройству дороги продолжались; только съ мостомъ дѣло какъ-то не ладилось. Для черезъ три послѣ приступа къ работамъ по сооруженію его, онъ былъ почти готовъ. Устройство его было слѣдующее: на обоихъ берегахъ рѣки, въ землю забили по двѣ сваи рядомъ, одна противъ другой, прикрѣпленныхъ посредствомъ другихъ свай, вбитыхъ дальше отъ берега, на разстояніи аршинъ трехъ отъ первыхъ и связанныхъ съ ними брусьями. На средній рѣки поставили козелъ, потому что каменистое ложе рѣки не позволяло вбивать свай. На козелъ были положены бревна, прикрѣпленные къ ближайшимъ сваямъ. Оставалось только положить плетень, изготовленный для этого случая, и мостъ былъ бы готовъ. Но не тутъ-то было. Ночью пошелъ дождь, рѣка, до того однообразно перекатывавшая по каменистому дну свои прозрачныя струи, сквозь которыя на два аршина и больше глубины можно было считать камни на днѣ, къ утру помутилась и надулась, опрокидывая, бѣшеннымъ напоромъ, все встрѣчавшееся на пути. Къ утру только мѣсто было видно, гдѣ строился мостъ, обозначенное торчавшими изъ воды

вершинами уцѣлѣвшихъ крайнихъ свай. Тогда начата была постройка другого моста и, конечно, уже по новому образцу: вмѣсто козелъ, по срединѣ рѣки поставили огромный плетневый туръ, который и наполнили камнями до верху. На него положили концы балокъ, соединяя ими туръ съ береговыми сваями. Къ несчастію, въ горахъ снова пошелъ дождь, а рѣка опять къ утру заплѣнилась и забушевала, опрокинула туръ, образовавъ ниже его косу изъ песку и камней, и вырвала часть свай на берегу. Строители не унывали, принялись за постройку по третьей системѣ, но и въ этотъ разъ искусство ихъ уступило прихотямъ бурливой, горной рѣчки.

Еще до начала первой постройки, гурійцы предлагали свои услуги сдѣлать мостъ, но руководителямъ работъ, вѣроятно, въ то время не приходила въ голову мысль, что туземцы могутъ устроить переправу прочтѣе ихъ, и потому имъ было отказано; наконецъ, пришлось поневолѣ сдаться. Гурійцы, какъ хорошо знакомые съ непостоянствомъ мѣстныхъ горныхъ рѣкъ, не долго ломали головы надъ составленіемъ проектовъ и плановъ, такъ что къ вечеру слѣдующаго дня мостъ былъ готовъ и его не сносило до тѣхъ поръ, пока отрядъ возвратился въ Сухумъ и мостъ не былъ уничтоженъ горцами. Устройство его было очень просто: на обоихъ берегахъ рѣки сдѣлали два деревянныхъ сруба, въ видѣ продолговатыхъ треугольниковъ, обративъ острые углы ихъ противъ теченія и, укрѣпивъ сваями, наполнили камнями. Срубы эти захватывали часть рѣки съ береговъ, такъ что не было больше надобности устраивать опору посрединѣ русла, а прямо положены были длинные брусья концами на треугольники, на которые настилались бревна, служившія полотномъ мосту.

Наука тутъ съ своими теоретическими знаніями, волей-неволей, должна была смириться передъ опытностью.

Часть отряда сначала оставалась на лѣвой сторонѣ Гумисты и, до устройства моста гурійцами, сообщеніе во время дождей черезъ рѣку совершенно прекращалось, такъ что нельзя было переправиться даже на лошади. Одинъ изъ офицеровъ, находившихся на лѣвомъ берегу, назначенъ былъ, съ вечера, приказаніемъ по отряду дежурнымъ; ночью шелъ дождь и утромъ рѣка бушевала. Ему вздумалось переѣхать за «приказаніями» къ начальнику отряда. Едва лишь вѣхалъ онъ по брюхо коню въ воду, какъ напоромъ теченія ихъ подхватило и понесло внизъ; свалившись съ ногъ, лошадь начала опрокидываться черезъ камни. Къ счастью, офицеръ не потерялся, соскочилъ съ коня и, давъ ему свободу, успѣлъ и самъ

схватится за хвостъ, а конь, оправившись, вытащилъ его на противоположный берегъ; ихъ свесло сажень на 200. Лошадь эта принадлежала къ мѣстнымъ породамъ и, какъ знакомая съ подобными переправами, успѣла выбраться изъ рѣки. Офицеръ отдѣлался только легкимъ ушибомъ.

Къ 23-му іюня всѣ войска отряда были уже на правомъ берегу Гумпсты. Баталіоны и роты располагались правильными линейками, по которымъ равнялись балаганы; впереди ихъ стояли козлы ружей, когда люди находились въ лагерѣ. Кавказскій солдатъ свыкъся съ походно-бивачной жизнью; если гдѣ сдѣлана на день или на два остановка, онъ уже рубить хворостъ, загнбааетъ его, рветъ руками папортникъ на крышу и въ полчаса готовъ балаганъ, защищающій его лѣтомъ отъ зноя, а зимой отъ холода; дождей, въ то и другое время, папортниковая крыша не можетъ остановить. Въ балаганѣ кавказецъ располагается уже такъ дома: развѣшиваетъ амуницію, вынимаетъ шило, дратвы, или иголки съ нитками и заплатами, начинаетъ починку обуви и бѣлья; другіе пристраиваютъ котелки къ изготовленію пищи, забивая сошки и проч. Къ вечеру кажется, будто они, уже мѣсяцъ сряду, стоятъ на одномъ мѣстѣ.

Праздничные дни люди отдыхали: утро незапятнанное карауломъ спятъ, а послѣ обѣда заберутся въ темный уголъ балагана, рѣжутся на карты въ «носки» и «фильки». Игра въ три листика на деньги, какъ не дозволенная закономъ, запрещалась, также какъ и орлянка; но для этого избирались скрытныя мѣста въ лѣсу, что дѣлалось обыкновенно подъ большимъ секретомъ. Грамотные имѣли съ собой какую нибудь книжонку, въ родѣ «Бовы Королевича», «Францыля Венціана», или «Конька Горбунка», перечитывая ихъ въ двѣсти двадцатый разъ вслухъ, собравъ вокругъ себя слушателей.

Въ то время наша народная литература была еще не такъ богата, и если выходилъ періодическій журналъ «Чтеніе для солдатъ», то онъ былъ мало распространенъ между кавказскими войсками; тогда даже рѣдкій писарь или фельдфебель имѣлъ «пѣсельникъ», издаванія тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ.

Въ такіе дни на берегу рѣки картина представлялась еще занимательнѣе: солдаты, войдя въ воду до пояса, снимаютъ съ себя сорочку и моютъ; точно такая же операція дѣлается и съ остальнымъ бѣльемъ. Пока окончится купанье, бѣлье уже и высохло. По-надъ самымъ русломъ гурійцы поразжогли большіе костры огня, гдѣ пекутъ чуреки изъ кукурузы, парятъ гомію и варятъ говядину въ

котелкахъ. Оборванный бычо (*) вертитъ надъ жаромъ надѣтый на шомполъ ружья кусокъ говядины, приготовляя для своего батона (**) шашлыкъ. Тутъ же надъ водой сидитъ абазинъ изъ сосѣдней деревни, привесившій на сатовку: яйца, сыръ и куръ, и, нисколько не стѣняясь присутствіемъ такого множества людей, преспокойно охотится въ своихъ лохмотьяхъ за безпокойными насѣкомыми, заодзящимися отъ неопрятности. Это у него занятіе отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи покупателей на свой товаръ.

Собираясь къ походу, начальство отряда старалось запастись какъ можно больше провіантомъ; забраны были ротамъ и артельные котлы, которые обыкновенно оставались на мѣстѣ на время непродолжительныхъ экспедицій. Даже появились на Гумистѣ маркитанты мипгрельцы, расположившись тутъ же на площадкѣ, построивъ лавочки подѣ тѣнью орѣховыхъ деревьевъ между рѣкой и балаганами. У нихъ, какъ и вообще у духавыщиковъ того края, можно было найти всякую мелочь: вино, фруктовую водку, сыръ туземнаго приготовленія и колбасы. Особенно одинъ изъ нихъ любилъ балагурить съ солдатами, чѣмъ больше другихъ заманивалъ къ себѣ покупателей.

— Эй каспада служивый—закликалъ онъ почти всякого проходящаго мимо—приды здѣсь пашемъ лавкамъ, што хочешь купишь: ветчина самая лютчій, колбасъ кабчоной, сыры нѣмецкой, свина ворона (вареная свинина), вино хаетинской такой лютчій, самъ ба все пилъ, та теньга пада.

— Не продаешь ли ты батона чего безъ денегъ, — спрашиваетъ его на приглашеніе одинъ изъ проходившихъ солдатъ.

— Ээххъ!! каспадынъ кавалерникъ, пожалуста не скажи такой кысылый сылово (кислое слово); вѣрно у тебя мышъ на карманъ баладайкамъ граеть? (т. е. нѣтъ денегъ) пожалуй бери безъ теньга, кушай (ѣшь) гвозди, мыло, свѣчи, только на карманъ (въ карманъ) ве положъ.

Въ толпѣ, окружающей походную лавку, слышится смѣхъ остротѣ торговца; но онъ, рассказывая имъ шуточки и прибаутки, дѣлаетъ и свое дѣло: отмѣриваетъ, отвѣшиваетъ, или отсчитываетъ сдачу.

Какъ только смѣтилъ, что земляки стали уже тѣснѣе окружать балаганъ его и явилось много охотниковъ разсматривать и торговать

(*) Бычо въ переводѣ значить: мальчишкѣ, но грузинскія племена вообще называютъ такъ прислугу.

(**) Батона—господинъ или баринъ.

товаръ, но покупать не у всѣхъ имѣлось въ виду, духавъщикъ, хорошо знавшій бабкину поговорку, приведенную г. Погоскимъ, снова обращался къ покупателямъ и любителямъ разглядывать товаръ.

— Каспадышъ землякъ, зачѣмъ такъ тѣсно подошелъ въ лавкамъ; моя знатъ, ви к-а-р-о-ш-і-й чело-вѣкъ, та шпнелъ у васъ на рукамъ нечистъ.

Въ тѣ дни, когда не было дождей, стояли сильные жары, но лишь только вечерѣло, становилось свѣжѣе и къ ночи дѣлалось почти холодно. Каждую почъ мы были окружены табунами шакаловъ, которые вообще любятъ находиться тамъ, гдѣ присутствуетъ человекъ и по близости его жилья. Если лѣтомъ большая часть и уходитъ въ горы, то къ зимѣ они снова возвращаются къ деревнямъ.

Шакалы больше всѣхъ другихъ звѣрей распространены на Кавказѣ и составляютъ что-то средняе между волкомъ и собакой, хотя далеко хитрѣе и проворнѣе этихъ животныхъ. Постояннаго жительства, какъ, напримѣръ, волкъ, они не любятъ; послѣдняго только крайность заставляетъ переселяться изъ одной мѣстности въ другую. Шакалъ, вѣчно кочующее животное, питается мышами, бѣлками, зайцами и другими звѣрьками породы грызуновъ, дикими и домашними птицами и ихъ яйцами; а такъ какъ этимъ продуктомъ не во всякое время года удастся полакомиться, то шакалы вислоко не брезгаютъ не только падалью, но и выброшенными обрѣзками кожъ, овчпнъ и даже старой обувью. Къ употребленію послѣднихъ, они прибѣгаютъ, конечно, въ зимнее время, побуждаемые голодомъ. Чуткое и осторожное въ высшей степени, животное это до того смѣло, что безъ опасенія ночью заходитъ въ деревню, въ дворъ и если представится возможность, то и въ саклю. Во время лагерныхъ стоянокъ они нерѣдко забирались къ солдатамъ въ балаганы, гдѣ и пользовались неосторожно положеннымъ ремнемъ или сапогомъ. Шакалъ такъ ловко и тихо подкрадывается, что были случаи вытягиванія сумки съ хлѣбомъ, находившейся подъ головой спящаго человека. Видѣть его на волѣ рѣдко удастся. Я, пробывъ нѣсколько лѣтъ за Кавказомъ, много разъ видѣлъ этого звѣрька въ неволѣ, пойманномъ силкомъ,—что, нужно сказать, также рѣдко случается—но никогда не видѣлъ его на свободѣ. Нельзя сказать и того, чтобы шакалъ боялся присутствія человека, но онъ такъ ловко и быстро проскользнетъ черезъ дорогу, по которой вы ѣдете, что даже трудно замѣтить, что именно пробѣжало передъ вашими глазами. Его приходится видѣть только охотнику въ лунную ночь, когда животное крадется по тропинкѣ, отыскивая до-

бычу. Въ темныя же ночи ихъ бьютъ просто по звуку шаговъ, всегда слышныхъ по сухому вереску.

Шакалы нападаютъ на человѣка въ рѣдкихъ случаяхъ; мнѣ пришлось слышать только объ одномъ изъ нихъ. Это было близъ укрѣпленія Пицунды, куда къ азовскому казачьему посту, однажды зимою, ночью присталъ барказъ, пришедшій изъ Сухума. Командиръ его, извѣстный уже читателямъ, старый сотникъ Ч—въ (*), не захотѣвъ ожидать утра на посту, вадумалъ одинъ отправиться въ укрѣпленіе къ квартировавшему тамъ начальнику поста. Идя по шоссе, устроенномъ отъ моря въ укрѣпленіе и не доходя саженой полтораста до послѣдняго, онъ былъ окруженъ цѣлою стаей этихъ животныхъ. Къ счастью, Ч—въ имѣлъ съ собою кавказскую шашку, которою западается почти каждый служащій тамъ офицеръ. Прислонившись спиной къ толстому дереву, онъ началъ отбиваться отъ нихъ и хотя они ловко увертывались отъ его ударовъ, но съ такою смѣлостью нападали, что одинъ или два изъ нихъ были ранены. Это, однако, еще больше ожесточило ихъ и если бы не прибѣжалъ на помощь съ ружьемъ со штыкомъ «подчасокъ», стоявшій у воротъ укрѣпленія съ наружной стороны его, и поспѣшавшій на шумъ, то шакалы едва ли оставили бы этого офицера невредимымъ.

Шакалы днемъ кричатъ рѣдко, а начинаютъ, большею частію, кричать, когда ложатся первыя сумерки; иногда они затягиваютъ свои концерты въ ночь по нѣскольку разъ, особенно во время непогоды. Вой этотъ для человѣка, никогда не слыхавшаго его, кажется крикомъ дитяти. Сначала подаетъ голосъ одинъ, затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ подхватываютъ другіе, но всякій кричитъ на свой ладъ. Отголосокъ этихъ криковъ идетъ все дальше, и весь лѣсъ черезъ нѣсколько минутъ оглашается пронзительнымъ воемъ. Услышавъ крикъ на близкомъ разстояніи, трудно, однако, опредѣлить сразу, откуда именно онъ слышится.

Одна изъ инстинктивныхъ особенностей этого животного, не смотря на всю его осторожность, состоитъ въ томъ, что при воѣ, раздавшемся въ сосѣднемъ лѣсу, рѣдкій изъ шакаловъ, забравшихся во дворъ или саклю, водержится отъ него, хотя бы это было на самомъ мѣстѣ преступленія. Но быстрота и увертливость и тутъ спасаютъ этого звѣрька отъ опасности: съ такою же скоростью онъ ускользаетъ отъ преслѣдованія при малѣйшемъ шумѣ, съ какою осторожностью пробирается на промыселъ. Природа надѣлила его къ тому же желтовато-сѣрой шубой, которая менѣе всякого другого цвѣта замѣтна

(*) См. «Годъ на казачьемъ посту», № 9-й «Военнаго Сборника» за 1872 годъ

въ лѣсу между листьями и на чистомъ мѣстѣ въ травѣ, какъ днемъ такъ и ночью. На снѣгу же они не любятъ жить; по мѣрѣ того какъ ложится зима на горахъ, шакалы спускаются въ долины.

Къ 25-му іюня, просѣка была уже почти окончена; оставалось разрыть нѣсколько десятковъ саженой дороги, пролежавшей, впрочемъ, въ томъ мѣстѣ, по каменистому грунту. Срубленный лѣсъ сжигался, хотя большихъ деревьевъ встрѣчалось мало тамъ, гдѣ рубили лѣсъ для построекъ жители ближайшихъ абхазскихъ деревень, назъ-за Гумпсты.

Въ этотъ день, часть отряда была передвинута на урочище *Лакуби-Цута*. Мѣсто это составляло перевалъ, между двумя высокими лѣсистыми отрогами, саженой въ 300 ширины и въ 800 длиною, въ видѣ неглубокой ложбины, имѣвшей незначительные подъемы къ возвышенностямъ и, начинаясь отъ оканчиваемой дороги, составлявшей высшую точку перевала, спускалось нѣбольшимъ скатомъ къ глубокому лѣсистому же ущелью рѣки Хюпсты (*). Спускъ этотъ начинался почти отвѣснымъ обрывомъ, между камнями котораго извивалась узкая и крайне опасная тропинка.

По случаю перехода войскъ, въ этотъ день работъ не назначалось; люди занимались устройствомъ балагановъ и колодцевъ по болотистому протоку, лежавшему къ одной сторонѣ ложбины, въ нижней части перевала.

Вечеромъ, какъ только батальонные горнисты начали играть повѣстку къ зорѣ, шакалы пронзительно завывали. Вой этотъ нѣсколько не походилъ на ихъ обыкновенные крики; они, безъ сомнѣнія, сочли звуки музыки и дробь барабановъ за что то страшное. Но когда вслѣдъ за повѣсткой зашипѣла сигнальная ракета, взвывавшая къ верху, оставляя за собой огненный дождь, и раздался выстрѣлъ орудія, крики шакаловъ мгновенно прекратились, слышались только нѣсколько секундъ визги и оханья отъ испуга, съ которыми они бросились уходить во всѣ стороны. Это такъ напугало этихъ звѣрьковъ, что нѣсколько слѣдующихъ затѣмъ вечеровъ, близко лагеря не было слышно ни одного завыванья.

На слѣдующій день приступлено было къ проложению новой просѣки, на возвышенности правой стороны противъ лагеря и оттуда, понадъ ущельемъ Хюпсты къ урочищу *Моршани-ха*, гдѣ предполагалось проводить дорогу. 28-го іюня прибыли въ отрядъ еще двѣ сотни

(*) По абхазски Хыбста.

гурійской милиціи, въ числѣ 300 человекъ. Въ этотъ же день стянулись на Лакуби-Цута и войска, оставшіяся на Гумистѣ.

Лагерная жизнь начинала по немногу принимать однообразный видъ, вступая въ свою обычную колею. Всякій день войска, назначенныя для работъ, аккуратно выходили въ восемь часовъ утра на рубку. Въ продолженіе дня, стукъ тысячей топоровъ разносился отдаленнымъ гуломъ по сосѣднимъ ущельямъ, перерываемый періодически страшнымъ трескомъ падающихъ деревь. Какъ только солнце начинаетъ опускаться къ горамъ, стукъ и трескъ въ лѣсу прекращается, и роты возвращаются къ биваку съ пѣснями. На плацъ выходитъ штабная музыка, и противъ своихъ баталіоновъ становятся пѣсенники. У гурійцевъ тоже каждый вечеръ пѣли пѣсни подъ зурну съ танцами. При началѣ сумерокъ игралась повѣстка; взвивается ракета, быстро разрѣвая воздухъ и послѣ выстрѣла изъ орудія, всѣ войска, стоявшія поротно, начинали хоромъ молитву: «Оче Нашъ». Во время торжественнаго пѣнія ея тысячею головами снимали шапки даже абазины, изъ числа находившихся въ лагерь. Невольное чувство умиленія овладѣвало всеми, при звукѣ этого священнаго гимна, разносившагося среди глухихъ и дикихъ ущельевъ горъ, которыя до тѣхъ поръ оглашались только свистомъ бурь, ревомъ вьюги и всемъ накаломъ.

Іюня 28-го, почти цѣлый день перебѣгали жители изъ небольшихъ селеній, лежавшихъ впереди нашего лагеря по ущелью. Нѣкоторые изъ нихъ даже гнали коровъ и козъ, что было недобрымъ знакомъ. По временамъ слышались ихъ протяжные крики, похожіе на звукъ а-у-ю-ю-й, — сигналъ, которымъ они передаютъ условныя свѣдѣнія, имѣвшихъ то, или другое значеніе, смотря по измѣненію гортанныхъ звуковъ.

Какъ у черкесовъ, такъ и у абазинъ зрѣніе и слухъ развиты въ высшей степени. Горецъ слышитъ и различаетъ такіе звуки, которые совершенно недоступны для непривычнаго уха, и зорко видитъ предметъ, недосыгаемый для непривычнаго глаза, съ одного и того же разстоянія. Проѣжая по Баыбскому округу съ проводниками изъ абазинъ, я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ этомъ, почему считаю не лишнимъ привести одинъ такой примѣръ. Находившись еще въ сотнѣ при устьѣ Хюпсты, я какъ то возвращался изъ деревни, находившейся при выходѣ этой рѣки изъ горъ, гдѣ было куплено мною сѣно, съ двумя казаками, въ сопровожденіи абхаза. Мы проѣжали по небольшому гребню, покрытому кустарниками мелкаго орѣшника; сѣно лежало ущелье рѣки,

а справа разстилась хотя и неглубокая, но довольно широкая ложбина. На противоположной сторонѣ ея видѣлась, сквозь прозрачный туманъ и лѣсъ, деревушка. Намъ видны были только очертанія саклей между лѣсомъ. Вдругъ проводникъ нашъ остановился и началъ прислушиваться. Черезъ минуту онъ залился громкимъ крикомъ: а-г-у-у-ю-ю-й. На вопросъ о причинѣ сигнала, онъ отвѣтилъ, что изъ деревни его спрашиваютъ: кто ѣдетъ. Изъ насъ только одинъ кавакъ неясно услышалъ при этомъ что то похожее на завыванье, которому отвѣчалъ нашъ проводникъ. Но всѣ мы трое не видѣли тѣхъ, съ кѣмъ онъ переговаривался, не смотря на то, что проводникъ указывалъ намъ будто бы двоихъ человѣкъ между савлями. Расстояніе тутъ было болѣе трехъ верстъ. Вислѣдствіи, зрѣніе абазинъ мнѣ случалось повѣрять въ бинокль.

Жители дикой, гористой мѣстности, они съ малолѣтства изощряютъ по своимъ трущобамъ зрѣніе и слухъ. Необходимость заставляетъ ихъ зорко всматриваться въ отдаленные предметы и вслушиваться въ далекій крикъ. Причина тому повята сама собой: напримѣръ, русскому мужичку нѣтъ особенной надобности, кромѣ развѣ любопытства, прислушиваться къ какому бы то не было крику, или взглядываться на идущаго и ѣдущаго человѣка вдали. Тамъ же, встрѣчаясь съ незнакомымъ лицомъ, горецъ подробно спрашиваетъ его: откуда онъ ѣдетъ и зачѣмъ, хотя бы даже съ незнакомцемъ были извѣстные ему люди, къ которымъ онъ уже съ этими распросами и обращался. Это дѣлается со всѣмъ не изъ любознательности, а того требуетъ какъ собственная безопасность каждаго, такъ и общая.

Не разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ, при встрѣчахъ съ незнакомыми, обѣ стороны, завидѣвъ другъ друга, схватывались за чахлы ружей съ замѣтной тревогой на лицѣ, какъ бы желая имѣть оружіе подъ рукой, при первой же надобности. Но распросившись, они спокойно разтѣзжались въ разныя стороны.

Услышавъ также какой вибудъ крикъ, горецъ внимательно вслушивается въ него: не есть ли онъ признакъ разбоя, или предостереженія впереди предстоящей ему опасности. Проѣзжая или проходя по тропѣ, онъ взглядывается въ каждый кустъ, въ каждый камень, лежащій близъ нел: не скрывается ли тамъ злодѣй и не блеститъ ли изъ за него дуло винтовки, наведенной на дорогу.

День 29-го іюня прошелъ спокойно. Еще съ 25-го числа началась усиленная перевозка провіанта изъ Сухума на Лакуби-Цута. Для этого

кромѣ черводарскихъ лошадей, которыхъ для отряда было подряжено болѣе 150, начали перевозить сухари и крупу на казачьихъ лошадяхъ, такъ что къ 29-му туда доставлено было продовольственныхъ запасовъ на 20 дней впередъ для всего отряда.

Ст. утра, въ этотъ день, части войскъ, по обыкновенію, вышли на рубку просѣки. Для человѣка, незнакомаго съ подобною операціею, трудно представить себѣ, что такое рубка лѣсу на Кавказѣ. Постараюсь объяснить ее, на сколько съумѣю. Отъ урочища Лакуби-Цата вся возвышенность была покрыта лѣсомъ, до котораго еще не коснулась рука человѣка, вооруженнаго русскимъ топоромъ. Между рядами вѣковыхъ дубовъ и буковъ много лежало и на землѣ полусгнившихъ деревь, удивлявшихъ даже кавказцевъ своими колосальными размѣрами. Не абазины, конечно, срубили ихъ своими цули; они свалены горными ураганами, или падали сами, потому что корни не выдерживали тяжести стволовъ.

Деревья начинаютъ рубиться не рядомъ стоящія, а на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, черезъ нѣсколько корней, во избѣжаніе опасности при паденіи ихъ. Но вотъ среди трескотни топоровъ, расходящейся по лѣсу, загрохочетъ какой нибудь подрубленный гигантъ, валясь на землю. Но на пути паденія его встрѣчается препятствіе, такое же дерево, на которое срубленное наваливается всею своею тяжестью. Последнее, и безъ того обремененное собственною массою, не выдерживаетъ напора перваго, ломается еще съ большимъ трескомъ, похожимъ на залпы орудій и тоже увлекается по извѣстному закону притяженія къ землѣ, задѣвая въ свою очередь другія, которыя отъ двойной тяжести не выдерживаютъ стремительнаго напора, ломаются и падаютъ, уничтожая все встрѣчающееся на пути паденія. Разрывъ стволовъ и обламываніе большихъ вѣтвей производятъ оглушительный шумъ и трескъ, подобно взрывистымъ раскатамъ грома, то утихающимъ на мгновеніе, то рокошущимъ съ новою силой; эхо вторитъ этому грохоту и разноситъ его по лѣсу, по всѣмъ направленіямъ.

Какъ только гдѣ нибудь загрохочетъ падающій исполинъ, всѣ рабочіе отскакиваютъ отъ своихъ деревь съ криками «берегись», удаляясь, по возможности, отъ мѣста, гдѣ раздался трескъ. Даже находящіеся въ 20—40 саженьяхъ отъ подрубленнаго дерева, не могутъ считать себя въ безопасности, почему при рубкахъ не всегда обходилось безъ несчастныхъ случаевъ, которыхъ невозможно избѣжать. Бывало иногда, что одно дерево своимъ паденіемъ сламывало шесть или семь

другихъ, не только одного съ нимъ размѣра, но и толще его, навалывая одно на другое и увлекая ихъ съ собой.

Лѣсъ въ горахъ и ущельяхъ Кавказа не густъ, но длина деревъ и громадныя размѣры вѣтвей въ верхней ихъ части не позволяютъ имъ падать свободно, не задѣвая за другихъ. Тяжесть деревъ до того бываетъ велика, что два совершенно равныя по размѣрамъ ствола, падая одинъ на другой, превращаются оба въ щепы и осколки. Часто также случалось, что срубленныя деревья, валясь прямо на землю, безъ всякаго посторонняго препятствія, отъ собственной своей тяжести разбивались или раскалывались.

С. Смоленскій.

(Окончаніе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗЦА (*).

ВЗЫВСКІЙ ОТРЯДЪ ВЪ 1861 ГОДУ.

(Изъ походнаго дневника).

III.

Появленіе горцевъ.—Первая перестрѣлка.—Старый достъ Халхалъ.—Бесѣда съ
лимиъ о полѣтѣхъ.—Причина противоидѣствіа горцевъ проведенію дорогъ. —
Дѣло 1-го іюля.—Обычай гурійцевъ отравлять головы убитыхъ и раненыхъ
непріятелями.—Перестрѣлка 2-го іюля.—Ночные выстрѣлы.—Пораненіе хищ-
никомъ ротнаго котла.—Продолженіе работъ по просѣлкѣ лѣса.—Пѣсенники.—
Засада на горцевъ и дѣло 4-го іюля.—Прибытіе убыховъ.

30-го іюня были получены свѣдѣнія отъ лазутчиковъ и жителей,
что горцы стали появляться значительными партіями вокругъ запя-
той нами мѣстности. Поэтому и была послана колонна изъ одной
стрѣлковой роты и сотни гурійской милиціи, для обрекогносцированія
окрестностей бивака, лежавшихъ впереди и направо къ восточной
сторонѣ.

Въ то время одна линейная рота № 36-го баталіона, по за-
не-
денному порядку очереди, вышла на фуражировку за высоты, лежав-
шія съ правой стороны лагеря, на юго-востокъ. После того какъ
трава была нарѣзана серпами или нарвана руками, и люди забрали
связки ея, чтобы отправиться въ обратный путь, сдѣлавъ былъ ру-
жейный выстрѣлъ изъ огорожи, окружавшей саклю, находившуюся
на краю небольшой деревушки. Выстрѣломъ этимъ раненъ солдатъ,
но кѣмъ онъ сдѣланъ, не открыто; аулъ оказался пустымъ и бро-
шеннымъ жителями еще наканунѣ. Сначала подозрѣвали, что вы-
стрѣлъ сдѣланъ абхазами, но вслѣдъ затѣмъ получено свѣдѣніе,

(*) См. «Военный Сборникъ» 1874 года, №№ 4, 5, 6 и 7.

что колонна, посланная на рекогносцировку, наткнулась на партію горцевъ и завела съ ней перестрѣлку.

То были рота стрѣлковъ и сотня гурійцевъ, которыя, выйдя изъ лагеря и обойдя всѣ мѣста, гдѣ производились работы, спустились въ долину Моршани-ха, гдѣ замѣтили впереди опушки лѣса нѣсколько человѣкъ горцевъ, которые поспѣшно скрылись за кусты и открыли огонь по колоннѣ. Гурійцы, бывшіе впереди, начали отвѣчать; затѣмъ завязалась общая перестрѣлка, которая, впрочемъ, скоро окончилась; горцы скрылись, а колонна, обойдя урочище, возвратилась назадъ. При этомъ, пять человѣкъ милиціонеровъ было легко ранено и контужено; потерю горцевъ, все время скрывавшихся въ кустахъ, нельзя было опредѣлить.

Вечеромъ, за часъ до наступленія сумерекъ, я пошелъ бродить по лагерю и проходя мимо одного походнаго духана, встрѣтилъ энзкомаго абазина, шедшаго съ десяткомъ куръ, связанныхъ ногами вмѣстѣ, и перевѣшенныхъ черезъ палку (головой внизъ), лежавшую у него на плечѣ. Увидя меня, онъ привѣтствовалъ протяжнымъ «а-а-а!!!...», выразившимъ удивленіе.

— «Муше-бэя достъ», поздоровался я съ нимъ.

— О-о-о!!! здоровъ пожалуста, отвѣтилъ онъ, и сбросилъ съ плеча куръ на землю.

— Въ гости къ намъ пришелъ?

— Да, курица тащи.

Горецъ сѣлъ на землю; отъ нечего дѣлать помѣстился тамъ же и я, на небольшомъ уступѣ прорѣзаннаго водой ерка. Подошелъ маркизанта-мипгредецъ и началъ торговать куръ на мѣстномъ нарѣчій, то и дѣло вкладывая въ руку продавца 70 копѣекъ мелкой серебряной монетой; тотъ не соглашался и возвращалъ деньги покупателю, хотя и не совсѣмъ охотно, потому что при видѣ серебра глаза абазца разгорались, и онъ смотрѣлъ на него съ жадностью. Наконецъ, торгъ окончился за 80 копѣекъ и послѣдній, получивъ деньги, обратился ко мнѣ съ просьбою сосчитать: столько ли ему дано паричка, сколько слѣдовало?

Халмль, такъ авали абазина, былъ крестьянинъ одной изъ деревень, ближайшихъ къ Сухуму, куда онъ лѣтомъ почти каждый день приносилъ молоко для продажи. Наполнивъ имъ бурдюкъ, изъ козы или теленка, съ добавленіемъ воды, иногда болѣе, чѣмъ тамъ было молока, онъ, перевѣсивъ бурдюкъ черезъ плечо, ходилъ подъ овнами баталіонныхъ построекъ и штаба, выкрикивая противъ каждаго овна:

— Молоко хочешь-хочешь!! (*)

— Кобылье молоко? спрашиваютъ изъ окна.

— Нѣтъ, быкъ-молоко, отвѣчаетъ онъ.

— Ну, ступай сюда, приглашаютъ его.

Продавецъ заходитъ въ казарму, развѣшиваетъ ножку козы и начинается разливка жестяной кружкой, служащей при этомъ мѣрой; цѣна товару уже вѣстпал, смотря по времени года, отъ трехъ до пяти копѣекъ за квартиру.

— Ты достъ, воды-то понича натурилъ въ молоко больше вчерашняго, говорятъ ему покупщики, кушая блѣ-буроватую жидкость изъ кварты.

— Ей-Богу одинъ молоко, отвѣчаетъ продавецъ, самый чистой; авципишь ни одной кварты на бурдюкъ нѣту.

— Одной-то нѣтъ, а по двѣ подлилъ на каждую квартиру молока, подтруниваютъ надъ Халилемъ солдаты.

— Валлага Беллага, молоко самый лучшій, увѣряетъ онъ.

— Да сегодня дождь шелъ, продолжаютъ острить надъ нимъ покупатели, на дорогѣ ему нужно было переходить ручьи, а говорятъ, какъ съ молокомъ перейдешь черезъ воду, такъ сейчасъ оно и спортился.

Но абазинъ опять божится на русскомъ, турецкомъ и абхазскомъ языкахъ, что достоинство молока нисколько не испорчено примѣсью посторонняго вещества.

Послѣ распродажи товара, Халиль заходилъ ко мнѣ съ бутылкой цѣльнаго молока по заказу, т. е. не разбавленнаго, какъ въ бурдюкѣ, и куда онъ дѣйствительно рѣдко подливалъ воду, да и то не въ большомъ количествѣ. Этой особенной милостью я пользовался потому, что часто дѣлалъ ему повѣрку вырученной суммы; причемъ каждый разъ не досчитывался нѣсколькихъ копѣекъ, по числу проданныхъ имъ квартъ. Солдаты, расплачиваясь съ нимъ мѣдной монетой разныхъ чекановъ, давали ему двѣ копѣйки за три, а три за пять. Онъ, впрочемъ, на это не обижался и по опыту зналъ, что безъ того обойтись нельзя; сердился только, когда, вмѣсто абазы (20 коп. сер.), получалъ копѣлку, натертую ртутью, и послѣ того цѣлую недѣлю не заходилъ въ ту роту, гдѣ обманывали его подобнымъ образомъ.

Солдаты разыгрывали съ нимъ еще и не такія штуки. Приведу одну изъ нихъ. Ему пообѣщали дать бутылку пороху, потребовать

(*) Абазины повторяютъ на своемъ языкѣ много слова, говоря, напримеръ: «дыги-дыги-гургомъ», что значить все. «Гургомъ», впрочемъ, добавляется ими только при разговорахъ съ русскими.

за нее шесть куръ. Для обмѣна ему назначено было придти въ ущелье¹, расположенное сзади бараконъ № 34-го баталіона, и тамъ ждать. Халиль зналъ, что продажа пороха вещь запрещенная, за выдачу котораго жителямъ солдаты должны подвергаться наказанію, и согласился на свиданіе въ такомъ уединенномъ мѣстѣ. Придя въ условленный пунктъ, онъ долго дожидался солдата; наконецъ, тотъ является и вручаетъ ему двойную бутылку, а куръ беретъ. Халиль видитъ, что бутылка полна до самой пробки, вынимаетъ затычку—тамъ пороховъ.

— Уходи скорѣе! бѣги! говоритъ ему солдатъ. Боже упаси, увидить кто насъ вмѣстѣ, въ крѣпость посадятъ обоихъ. Абазинъ пустился уходить во всѣ лопатки, прыгая, какъ преслѣдуемый заяцъ, по лѣсу, чрезъ пни и камни. Отбѣжавъ съ версту, и осмотрѣвшись кругомъ, не видитъ ли его кто? опъ, съ зампраніемъ сердца, вынимаетъ бутылку изъ подъ полы.

— Дуракъ *урусъ*, думаетъ Халиль, бутылка пороха стоитъ никакъ ужъ не меньше двухъ *монатъ* (*), а она досталась мнѣ за какогонибудь *полмонетка* (**).

Осторожно онъ высыпаетъ изъ бутылки на ладонь дорогой порошокъ, чтобы полюбоваться на него при солнечномъ свѣтѣ; но каково же было его изумленіе и горе, когда оттуда, вмѣсто пороха, посыпался темно-сѣрый морской песокъ, присыпанный сверху настоящимъ пороховомъ, котораго тамъ было не больше какъ па патронѣ.

— А сыру почему не принесъ? спрашиваю я Халиля, когда считалъ и отдалъ ему деньги, вырученные за куръ.

— Завтра моя и сыръ (***) тащи.

— Ты вѣрно черкесовъ не боишься; слышалъ, что сегодня перестрѣлка была?

— За рѣчкой черкеза нѣтъ.

— А ты самъ не былъ съ ними?

— А чѣмъ моя работа, палкой? отвѣтилъ онъ, обидѣвшись. Моя черкезу не виновать, русской виновать, онъ на него и работой ружьямъ.

— А говорятъ вы горцевъ призвали сюда, продолжалъ я сердить доста.

(*) Абазинъ называютъ русскій рубль «монетъ» или «монатъ».

(**) Т. е. 50 коп. серебромъ.

(***) Сыръ абазинъ дѣлаютъ изъ цѣльнаго молока, и чтобы онъ дольше сохранился безъ соли, прокапчиваютъ его дыномъ, вѣшалъ противъ очага. Изъ сырого молока они готовятъ, такъ называемое, «кислое молоко»; масло же совсѣмъ не умѣютъ дѣлать.

— А твой таноръ зачѣмъ дорога работаѣ, лѣсъ работаѣ, отвѣтилъ на это ужъ совсѣмъ разсерженный Халиль; черкезъ не хочетъ того, и пришелъ сюда шашка работаѣ, ружье работаѣ.

— Вамъ же лучше будетъ и черкесамъ тоже, если дорогу сдѣлаютъ; имъ будетъ удобнѣе ѣздить къ береговымъ мѣстечкамъ за покупкой товаровъ и для продажи кукурузы, пальмоваго дерева и орѣха.

— Эхъ, пожалуста, не скажи такъ; русской хочеть и черкеза урусомъ сдѣлать, абазипа урусомъ сдѣлать, всѣхъ даыгъ-даыги гуртомъ солдатомъ сдѣлать, а землю себѣ взять.

Разказы эти, конечно, были не новы для меня, и служили только отголоскомъ общественнаго мнѣнія, распространеннаго въ то время между абхазами и горцами; но болтовня доста занимала меня. По этому-то я и вступалъ съ нимъ въ споръ.

— У русскихъ своей земли много, поѣзжай-ко, посмотри.

— А зачѣмъ же твой въ горы пошелъ; значить у уруса мало земли, а то на что ему такой лѣсъ, такой большой горы?...

Исхувцы, присягнувшіе за годъ до того на подданство Россіи, первые встрѣтили пѣсъ ружейными выстрѣлами въ Абхазию. Хотя они послѣ и сваливали съ себѣ вину тѣмъ, что вынуждены были угрозами сосѣдей, которые будто бы требовали отъ нихъ вооруженнаго сопротивленія; но они же первые извѣстили горныя общества о движеніи русскихъ къ ихъ ауламъ, для разработки пути.

Горцы, въ то время, дѣйствительно готовились къ энергическому отстанванію своей дикой и безтолковой свободы, которую они понимали не въ смыслѣ гражданскаго благоустройства, а видѣли въ безнаказанности личнаго произвола и въ необузданной отвагѣ, очень мало стѣсняемыхъ мѣстными обычаями. Большинство горцевъ, находясь на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, подчинялось вліянію немногихъ лицъ, ослѣпленныхъ фанатизмомъ, или имѣвшихъ свои расчеты, и извлекавшихъ выгоды изъ невѣжества народныхъ массъ. Стоя образованіемъ нѣсколько выше послѣднихъ, имъ легко было поселить ненависть къ русскимъ и недоверіе къ ихъ дѣйствіямъ. Какъ извѣстно, большая часть черкесскихъ племенъ западнаго Кавказа (адиге) и абазипскихъ переселилась въ Турцію. Они были убѣждены въ томъ, что русскіе добиваются отъ нихъ территориальной уступки и потому, бросивъ свои земли, ушли искать счастья на чужбинѣ.

Нельзя и думать, чтобы одна религіозность заставила ихъ пере-

селиться туда; всѣмъ извѣстно, на сколько эти племена были преданы исламизму, особенно простой народъ. Слѣдовательно, тутъ были вышнія подстрекательства: горцамъ внушалось тайно и явно, что они будутъ обращены въ солдатъ, а это ими считалось хуже рабства. Полудикій горецъ, совершенно незнакомый съ понятіями о жизни другихъ народовъ, простодушно вѣрилъ тому, что лучше его житья не можетъ быть и, что подчиняясь русскимъ законамъ, онъ долженъ измѣнить свою національность. Но это только одна изъ причинъ.

Привилегированные классы, какъ у адиге, такъ и у абазинъ, были на столько преданы своей старинѣ и народному аду, что имъ не могла повравиться жизнь съ перспективой мирной обстановки и казалось тяжелымъ помнить своимъ обычаямъ: изъ вора и разбойника сдѣлаться хлѣбопашцемъ, и вмѣсто бсѣдѣйствія и лѣни, которой они предавались дома, въ безполезныхъ бесѣдахъ съ кунаками и сосѣдями одноаульцами, приняться за болѣе разумную дѣятельность. Горецъ всегда считалъ постыднымъ для порядочнаго человѣка заниматься хозяйственными работами, на что у нихъ были обречены невольники и жены труженицы, которыя, впрочемъ, по ихъ понятіямъ, не имѣли такой души, какъ они, мужчины, и потому жевщины были почти тоже, что невольницы. Удаля въ воровствѣ, смѣлость въ набѣгахъ, пренебреженіе опасностью, гдѣ ни во что ставилась человѣческая жизнь, вотъ тѣ качества, которыя давали право на громкую славу; легенды объ извѣстныхъ народныхъ герояхъ передавались въ повѣствованіяхъ отъ одного поколѣнія къ другому, и тѣмъ съ ранняго возраста разжигалась въ нихъ жажда къ подобнымъ подвигамъ и славѣ. Современные дѣйствія лицъ, отличившихся въ чемъ либо, переходили быстро въ разсказахъ изъ одной мѣстности въ другую, съ разными варіаціями. И прославившійся джигитъ выросалъ въ глазахъ народа: становился первымъ предводителемъ партій и дѣлался популярнымъ, не только въ своемъ обществѣ, но и въ другихъ.

Въ пять часовъ утра, 1-го іюля, колонна, назначенная для рубки просѣки по дорогѣ между урочищами Лауби-Цута и Моршани-ха, выступила въ составѣ девяти ротъ, считая въ томъ числѣ и стрѣлковъ для прикрытія рабочихъ. Вскорѣ послѣ того, какъ принялись за рубку лѣса, горцы завязали перестрѣлку съ передовою цѣлью, которая продолжалась до полудня, то умолкала на нѣкоторое время, то возобновлялась опять; но такъ какъ обѣ стороны стояли на одномъ

нѣстѣ, выглядывая изъ за камней и деревьевъ другъ на друга, то большой потери не было. Часу въ первомъ горцы, видя, что работы не прекращаются, усилили огонь по всей линіи цѣпи и особенно противъ лѣваго ея фланга, который былъ подкрѣпленъ прибывшемъ съ бивака сотнею гурійцевъ. Непріятель, однако, держался все время на почтительномъ разстояніи и не дѣлалъ наступленія до двухъ часовъ, т. е. до того времени, когда было отдано приказаніе окончить работы.

Вслѣдъ за возвращавшейся колонной отступалъ и арьергардъ, составлявшій прикрытіе рабочихъ, удачно отражая ожесточенные натиски горцевъ. Занявъ выгодную позицію на правыхъ высотахъ, горцы зашли за пнями деревьевъ, повалѣли даже на самыя деревья, откуда продолжали перестрѣлку не только съ отступавшими войсками, но и съ находившимися въ лагерѣ, пока не выставили противъ нихъ двухъ орудій. Нѣсколько удачныхъ картечныхъ выстрѣловъ разогнали непріятели.

Потеря наша въ этотъ день была: убитыми — 1 оберъ-офицеръ, и 1 милиціонеръ (*); ранено 2 нижнихъ чина и 4 гурійца. По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ лазутчиковъ, уронъ горцевъ въ этотъ день былъ значительнѣе. Гурійцы принесли въ лагерь двѣ головы, въ томъ числѣ одного изъ сухумскихъ дворянъ, который считался джигитомъ и вліятельнымъ лицомъ въ краѣ. Между его вооруженіемъ былъ шестипарядный револьверъ, которыми снабжали горцевъ сострадательные сыны Альбіона, отъ имени какого то благотворительнаго общества.

Варварскій обычай отрѣзывать головы убитымъ и раненымъ непріятелямъ сохранился у гурійцевъ до сихъ поръ. При перестрѣлкахъ, не смотря ни на какую опасность, они бросаются впередъ, если увидятъ тамъ трупъ, или раненаго горца, рѣжутъ ему голову, а затѣмъ съ триумфомъ несутъ на бивакъ, какъ военный трофей.

Не безъ содроганія можно было смотрѣть на то, какъ они тащили въ рукахъ бритыя головы, за кустъ волосъ, оставленныхъ на маковкѣ (**).

Горцы платили дорогой выкупъ за эти головы, потому что, по

(*) Гурійцы изъ Сухума отправляли своихъ убитыхъ моремъ на компанейскихъ пароходахъ, или азовскихъ барказахъ, на родину.

(**) Абзины все вообще брѣютъ головы, оставляя на маковкѣ вустъ волосъ, который необрѣзывается и похожъ отчасти на полтавскій «освѣдець», или хохоль. Только нѣкоторые дворяне и князья часто выбривали головы, но не все. Многіе изъ крестьянъ, кромѣ пучка волосъ на верху головы, оставляли еще снизу ободокъ, въ видѣ опушки, выбривая средилу.

народнымъ обычаемъ, товарищи убитого не должны допускать захвата его тѣла непріятелемъ и, во чтобы ни стало трупъ, или, по крайней мѣрѣ, голову павшаго собрата обязаны привезти семейству его.

На другой день, т. е. 2-го іюля, по случаю воскресенья, работъ не производилось, почему горцы и не тревожили насъ цѣлый день, считая, вѣроятно, неудобнымъ беспокоить въ самомъ лагерѣ.

Часа въ три по полудни, солдаты вышли изъ бивака на ближайшую правую возвышенность, набрать дровъ для приготовленія пищи. Непріятель, какъ будто того и ожидалъ: лишь только застучали топоры, горцы заняли перестрѣлку съ цѣпью, прикрывавшую дровосѣковъ. Въстѣ съ первыми выстрѣлами, отправили туда еще двѣ роты стрѣлковъ и сотню милиціи. На этотъ разъ горцамъ удалось заманить гурійцевъ на засаду. Зная запальчивость послѣднихъ, они, отступая, отстрѣливались, переползая отъ одного пня или камня къ другому; милиціонеры бросались за ними, но скрытый непріятель встрѣчалъ ихъ залпами.

Во время послѣдней Турецкой войны 1853—1856 годовъ, когда непріятельскими войсками была занята Гурія, всѣ жители ея возстали поголовно на защиту родины. Гурійцы не разъ стремительно нападали на турецкія регулярныя войска, даже превосходившіи численностію ихъ собственныя силы, и не отступали назадъ. Турки, испытавъ ихъ храбрость, рѣдко вступали съ ними въ упорный бой.

Но тамъ гурійцы дѣйствовали въ знакомой мѣстности и съ непріятелемъ, поставленнымъ въ другія условія. Здѣсь же, не смотря на всю легкость, съ какою они лезли по горамъ, нисколько не хуже горцевъ, гурійцы не могли состязаться съ послѣдними, въ знанія горной тактики. Кромѣ того, милиціонеры, были еще на столько неосторожны во время перестрѣлокъ, что, завидя убитого горца, каждый разъ бросались отрѣзывать ему голову, причѣмъ сами падали убитыми.

Черезъ часъ стрѣлки обошли горцевъ съ лѣвой стороны занятой ими мѣстности и вскорѣ послѣ того, они были прогнаны до вершины горы, гдѣ прекратилась и перестрѣлка.

3-го іюня, едва только полоса разсвѣта стала проникать въ ущелье, горецъ, прокравшійся изъ глубокаго оврага рѣки Хюпсты, сдѣлавъ выстрѣлъ по кучкѣ солдатъ, собравшихся для разведенія огня около походныхъ ротныхъ кухонь, помѣщавшихся на открытомъ воздухѣ. Ротныя кухни располагались по обѣ стороны бивака, позади

линій, заплотыхъ рядами солдатскихъ балагановъ, въ опушкѣ лѣса, поднимающагося съ той и другой стороны на гору. Выстрѣлъ сдѣланъ былъ изъ за скалъ, пагоможданныхъ на крутомъ спускѣ къ рѣкѣ, и пуля, пробивъ мѣдный котелъ, въ которомъ варился ротный обѣдъ, остановилась въ немъ. Бросились къ кручѣ, по горца нельзя было увидѣть между выдавшимися камнями обрыва и въ разстѣлинахъ его, гдѣ росъ мелкій и густой лѣсъ, спутанный колючкой; ему послали послѣдъ нѣсколько пантуственныхъ выстрѣловъ, но онъ успѣлъ ускользнуть отъ нихъ. Въ глубинѣ оврага, между кустарниками, было замѣчено еще нѣсколько человекъ, почему на обрывѣ поставили два трехъ-фунтовые орудія, изъ которыхъ пущено было нѣсколько картечныхъ зарядовъ, послѣ чего горы скрылись, пробираясь между кустами и камнями по берегамъ Хюпсты. Обрывистый скатъ въ ущелье, саженой въ 300 глубины, съ тропой, извиноюющейся между скалами висящей пропасти, не допускалъ и мысли о преслѣдованіи дерзкаго хищника.

Впослѣдствіи, горцы объясняли, что выстрѣлъ этотъ сдѣланъ не ими, а абазномъ, жителемъ одной изъ близлежащихъ къ Гумистѣ деревень. Черкесъ, не такъ коротко знакомый съ мѣстностью, една ли рѣшился бы, днемъ и одинъ, пробраться на десятисаженное разстояніе къ биваку, гдѣ находилось 6,000 войскъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ то время, извѣстно было, что абхазская молодежь спосилась съ горцами и даже принимала участіе въ перестрѣлкахъ съ отрядами. Не отличался почти ничѣмъ отъ своихъ одноплеменныхъ сосѣдей: псхувцевъ, джигетовъ и другихъ, абхазцы безпачаанно могли участвовать въ числѣ нашихъ противниковъ; тѣмъ болѣе, что все населеніе владѣній тайно сочувствовало имъ. А княжескія и дворянскія фамиліи Абхазіи и Цебельды, сверхъ того, имѣли въ пенокорныхъ обществахъ родственныя связи.

Я въ то время также спрашивалъ достовѣрныя абазины объ участіи мѣстныхъ жителей съ горцами въ перестрѣлкахъ противъ насъ; они и не отказывались, но отзывались только незнаеміемъ.

— Моя не знавшъ, отвѣчали они на подобные вопросы, моя не былъ съ черкезомъ, это знаишъ (вижу), а сосѣдъ куда пошелъ, моя почемъ знаишъ и какой моя до того дѣло.

Въ урочное время войска, назначенныя вчерашнимъ приказаніемъ по отряду, вышли на работы. Лѣсъ рубили въ этотъ день на правой сторонѣ дороги, идущей съ поляны Лакуби-Цута, которая съ одной стороны (лѣвой) имѣла обрывистый спускъ къ Хюпстѣ, а съ

другой, покрытую лѣсомъ возвышенность, съ крутымъ и каменистымъ подъемомъ; именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила вчерашній день перестрѣлка. Горцы почему-то на этотъ разъ, до самаго вечера, не тревожили рабочихъ.

Передъ закатомъ солнца, роты возвратились въ лагерь; штабная музыка и батальонные пѣсенники вышли на площадки передъ расположеніемъ своихъ частей. По вечерамъ, за часъ до заката солнца и до начала сумерекъ, лагерь принималъ всегда оживленный видъ, похожій на праздничный. Пѣсенники одни передъ другими старались привлечь вниманіе лагерной публики. Успѣвали больше другихъ въ этомъ отношеніи гурійцы и саперы. У послѣднихъ молодцоватый запѣвало изъ цыганъ, въ красной александринской рубашкѣ, всегда съ побрякушками въ рукахъ, отличался особеннымъ умѣніемъ танцовать подъ «скоморошныя» пѣсни, каждый вечеръ выбрасывая какую нибудь новую «штуку» во время пляски, что особенно занимало солдатъ. Это былъ артистъ въ своемъ родѣ.

Въ это время, все почти бросало свои занятія и предавалось беззаботности, такъ что кромѣ людей, бывшихъ въ караулахъ и хлопотавшихъ надъ приготовленіемъ ужина для ротъ, остальное находилось въ движеніи, собираясь въ кружки около пѣсенниковъ, или расхаживая взадъ и впередъ, между рядами балагановъ, то окружая духаны, чтобы купить какое либо грошевое лакомство, или запастись необходимымъ на завтрашній день.

Съ вечера, двѣ роты стрѣлковъ и 150 человекъ милиціонеровъ секретно вышли на правую возвышенность противъ бивака, занявъ удобное мѣсто и имѣя впереди небольшое ущелье, по которому каждый разъ пробирались горцы къ мѣсту работы. Люди размѣстились за камнями и сваленными деревьями, образовавшими, такимъ образомъ, рядъ заваловъ. Но горцы въ эту ночь не показывались.

Въ три часа утра, роты, бывшія въ залогѣ, смѣнены свѣжими, а шесть ливейныхъ ротъ вышли туда же на работы. Цѣпь лежала впереди рубившихъ. Солнце еще не показывалось изъ за горъ, какъ звонко застучали топоры рабочихъ и утреннее эхо повторяло трескотню ихъ, отражавшуюся въ далекихъ ущельяхъ. Но какъ только какой нибудь подрубленный исполинъ съ размаху обрушивался внизъ, ломая и уничтожая своею тяжестью другія деревья, стукъ топоровъ мгновенно умолкалъ и не возобновлялся, пока грохотъ паденія не зашпиралъ вдалекѣ.

Часовъ около семи утра, среди такого шума, громко послышался дружный ружейный залпъ, а вслѣдъ за нимъ раздались отчаянные

крики горцевъ; голоса ихъ выражали испугъ и страданія. Въ это время, по обыкновенію, они прокрадывались по лѣсу къ мѣсту работъ, чтобы начать перестрѣлку и, вѣроятно, ничего не думали о возможности залого въ этомъ мѣстѣ, отъ котораго рубившіе отдѣлялись небольшою возвышенностью, покрытою густымъ лѣсомъ; поэтому передовая часть горцевъ шла смѣло впередъ группою, составлявшей человѣкъ 20. Липія залого занимала значительное протяженіе, такъ что въ показавшуюся изъ за мелкаго кустарника лѣса шайку, входившую въ большой лѣсъ, одновременно посыпались выстрѣлы со всѣхъ сторонъ. А какъ это было на небольшомъ разстояніи, то изъ шедшихъ впередъ горцевъ упало на мѣстѣ 17 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Слѣдовавшіе за ними и выходившіе уже въ опушку кустарниковъ сейчасъ же поспѣшно скрылись въ мелкомъ орѣшникѣ.

Послѣ залпа, на нѣсколько мгновеній топоры и выстрѣлы смолкли, но, спустя минуту, то и другое возобновилось: рубка продолжалась своимъ порядкомъ, а перестрѣлка, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ, съ занятыхъ каждою позиціей, продолжалась такъ часовъ до одиннадцати утра. Къ половинѣ дня замѣтно было, что къ горцамъ прибывали подкрѣпленія, почему они стали вести перестрѣлку съ большимъ ожесточеніемъ, занявъ большее протяженіе боевой липы, какъ бы охватывая нашу цѣпь съ фланговъ. По мѣрѣ того, какъ усиливалась перестрѣлка, постепенно смолкалъ стукъ топоровъ и, наконецъ, рубка лѣса совсѣмъ прекратилась; рабочіе всѣ ваялись за ружья, для отраженія натиска непріятеля. Нѣсколько разъ горцы пробовали броситься въ шашки, но, встрѣчаемые залпами стрѣлковъ и гурійцевъ, отступали назадъ. Имъ, повидимому, хотѣлось завладѣть мѣстомъ бол для того, чтобы подобрать своихъ убитыхъ и раненыхъ, остававшихся съ начала дѣла, подъ выстрѣлами нашихъ заваловъ. Видя безуспѣшность своихъ попытокъ, выбить цѣпь изъ за деревъ и камней, они бросались къ тѣламъ, стараясь увести ихъ, но каждый разъ, встрѣчаемые градомъ пуль, скрывались за камни, или сами падали вовлѣ труповъ. Имъ удалось только пробраться къ нѣкоторымъ поланамъ и утащить ихъ, подъ прикрытіемъ лежащихъ на землѣ полусгнившихъ деревъ. Бояны оставить во власти русскихъ тѣла своихъ убитыхъ удерживала горцевъ на не совсѣмъ выгодной позиціи.

Перестрѣлка здѣсь велась такая же, какою она бывала большею частью, при работахъ въ лѣсу на Кавказѣ. Оба противника, сидя за камнями и свалившимися деревьями, одинъ противъ другого, выжидали пока какъ нибудь нечаянно покажется человѣкъ изъ за заврѣтія. Едва

только горець махнет попохой, или солдат подыметъ на штыкъ фуражку, какъ десятки мѣтко направленныхъ выстрѣловъ несутся въ это мѣсто съ непріятельской стороны, и горе неосторожному, если онъ лишнее мгновеніе останется на виду противника. Лежа подъ прикрытіемъ и высматривая добычу, каждому нужно было слѣдить и вѣдѣть, чтобы непріятель не подкрался къ нему и съ такого мѣста, съ котораго онъ плохо закрыть.

Горцы, бросавшіеся за трупами убитыхъ товарищей, почти не возвращались назадъ. Въ этотъ день такой же промахъ сдѣланъ и съ нашей стороны. Еще въ началѣ дѣла, вскорѣ послѣ перваго завала, два гурійца, выскочивъ изъ за закрытія, бросились къ ближайшимъ непріятельскимъ тѣламъ, чтобы отрѣзывать имъ головы. Сидѣвшіе подъ деревьями, рядомъ съ ними, двое солдатъ, не зная причины, почему милиціонеры оставили свой завалъ, побѣжали туда же, полагая, что вся линія бросилась къ горцамъ на «ура». Мѣстность, занятая стрѣлками и гурійцами, какъ уже объяснено выше, кромѣ неровностей, пересѣчена была деревьями и большими камнями, такъ что, лежа за прикрытіемъ, трудно было видѣть дѣйствию товарищей. Хотя стрѣлки, перескочивъ бревно, и увидѣли свою ошибку, но было уже поздно: одинъ изъ нихъ тутъ же упалъ тяжело раненымъ, а другой солдатъ и оба гурійца были убиты. Намъ также трудно было достать эти тѣла и раненаго, которыхъ успѣли только вѣять, когда выстрѣлы со стороны горцевъ въ этомъ пунктѣ стали ослабѣвать.

Въ то время, когда цѣпь, поддерживаемая частію линейныхъ ротъ, бывшихъ на рубкѣ, вела жаркую перестрѣлку съ непріятелемъ, горцы начали появляться изъ ущелья, вправо отъ мѣста работъ, т. е. съ противоположнаго подъема на возвышенность, противъ которой располагался бивакъ отряда. Поэтому остальные рабочіе заняли эту возвышенность и не допускали горцевъ прорваться въ тылъ стрѣлкамъ и гурійцамъ, а, послѣ незначительной перестрѣлки, заставили даже отступить въ ущелье.

Нѣкоторые изъ горцевъ, успѣвшіе пробраться между цѣпью и рабочими, повалѣвали на деревья и стрѣляли оттуда не только въ цѣпь, но и по лагерю. Наступленіе линейныхъ ротъ было такъ быстро, что многіе черкесы не успѣли слѣзть съ деревъ, въ вѣтвяхъ которыхъ они сидѣли. Всѣмъ найденнымъ въ этомъ положеніи предлагали сдаваться, но они отвѣчали выстрѣлами. Послѣ того, конечно, предложеніе посылалось имъ другимъ путемъ, отъ котораго они сва-

ливались съ дубовъ внизъ головой. Подстрѣленныхъ такимъ образомъ было четыре человека.

Всѣ перестрѣлки съ горцами происходили по сосѣдству съ бивакомъ, гдѣ слышенъ былъ каждый выстрѣлъ, съ начала дѣла до конца. За эти дни мы такъ приучились различать звуки пальбы, что безошибочно могли отличать, кѣмъ произведены выстрѣлы. Выстрѣлъ гладкоствольныхъ ссимилиейныхъ ружей, которыми въ то время на Кавказомъ были вооружены всѣ линейные баталіоны и полки, кромѣ стрѣловыхъ частей, много разнился отъ тихого, почти едва тамъ слышнаго выстрѣла рѣзкихъ ружей стрѣлковъ. Напротивъ, сильный и рѣзкій звукъ винтовокъ горцевъ, въ которыхъ они клали большіе заряды пороха, отличался отъ выстрѣловъ длинныхъ гладкоствольныхъ ружей гурійцевъ, въ которые послѣ пули они туго забивали пыжи изъ тряпья съ воскомъ, что производило громкій, но глухой звукъ, подобно откупоренной бутылкѣ съ плотною пробкою и сильно скопившимися газами.

Потеря въ этотъ день, съ нашей стороны, кромѣ убитыхъ: стрѣлка и двухъ гурійцевъ, заключалась въ раненыхъ 13 нижнихъ чинахъ и девяти милиціонерахъ. Объ уронѣ горцевъ въ то время не получено вѣрныхъ свѣдѣній, но извѣстно было, что у нихъ одни убитые превышали число всей нашей потери.

Въ послѣднемъ дѣлѣ, кромѣ псхувцевъ, ахчисхувцевъ, изъ общества Амба, нападавшихъ до этихъ поръ на наши рабочія колонны, участвовали уже и убыхи, прибывшіе только въ этотъ день и составившіе передовой отрядъ подкрѣпленія, шедшаго къ горцамъ отъ черноморскаго побережья. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ то время, они шли оттуда значительными партіями. Главный нашъ отрядъ праваго фланга находился тогда въ землѣ абадаховъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, и ничего особеннаго не предпринималъ, ограничивался посылкой незначительныхъ колоннъ, для набѣговъ и рекогносцировокъ верстъ за 20, что дало возможность обществамъ, сосѣднимъ съ абхазскими, обратить всѣ свои силы противъ нашего небольшого отряда. Убыхи, принадлежавшіе къ одному изъ многочислѣннѣйшихъ племенъ южнаго склона Кавказскихъ горъ, считались самыми виновными между черкесами, съ которыми медовѣвцы не могли быть въ этомъ отношеніи соперниками. Винтовки и шашки ихъ издѣлія имѣли высокую цѣну по своему достоинству и славились на всемъ Западномъ Кавказѣ; кромѣ этихъ необходимыхъ принадлежностей горца, каждый бѣднякъ у нихъ былъ еще вооруженъ кинжаломъ и если не двумя, то по крайней мѣрѣ однимъ пистолетомъ. Убыхи, кро-

мѣ столкновеній до послѣдней войны съ войсками, бывшими въ укрѣпленіяхъ Черноморской береговой линіи, не имѣли почти дѣла съ русскими, кромѣ случаевъ мелкихъ стычекъ на боровствѣ по Кубани и Лабѣ. Въ послѣднее же время, вслѣдствіе всеобщей агитаціи, они дружно помогали своимъ сосѣдямъ, выставили значительные и довольно хорошо организованные отряды, для противодѣйствія нашимъ войскамъ.

IV.

Намереніе горцевъ сдѣлать ночью нападеніе на лагерь.—Ночная перестрѣлка.—Недостатокъ воды.—Картина лагерного ужина.—Типъ кавказскаго солдата.—Исчашинное отступленіе.—Перевозка провіанта къ Ахырху.—Начало боя 6-го июля.—Продолженіе перевозки провіанта за Гумисту.—Окончаніе дѣла и потеря части провіанта.—Ночлеги и похороны убитыхъ.—Возвращеніе отряда въ Сухумъ.—Перевозка туда же отнятаго горцами провіанта.

Вечеромъ, въ тотъ же день, пѣсенники, по обыкновенію, вышли на площадки противъ своихъ ротъ и баталіоновъ, заиграла штабная музыка, какъ вдругъ раздался по биваку торопливный сигналъ, слышавшій командировъ частей къ начальнику отряда. Какія тамъ происходили совѣщанія мнѣ неизвѣстно, но командиры вышли оттуда съ озабоченными лицами, и черезъ десять минутъ пѣсенниковъ уже нигдѣ не было, а вокругъ лагеря происходила дѣятельная работа. Изъ дѣса таскали мелкія вѣтви деревьевъ (такъ называемый мусоръ) рубили мелкій дѣсъ, и изъ этого матеріала начали устраивать кругомъ расположенія отряда въ родѣ живой изгороди. Въ полчаса, т. е. съ наступленіемъ сумерекъ, мѣсто, занимаемое лагеремъ, уже было обнесено такимъ плетнемъ, а гдѣ была возможность, то изъ камней и бревенъ были устроены завалы. Причиной этой суеты было наущеніе, привнесенное лазутчиками, что горцы въ эту ночь собираются сдѣлать на насъ нападеніе.

Хотя устроенный плетень не могъ служить преградой для непріятеля при нападеніи, но былъ въ состояніи остановить его на нѣсколько минутъ и, отчасти, служить линіею обороны. Кромѣ того, у всѣхъ была увѣренность, что за этимъ плетнемъ и бревнами ожидали горцевъ длинныя ряды ружейныхъ стволовъ и штыковъ, черезъ которые атакующіе нелегко могутъ перешагнуть во внутренность расположенія бивака. Даже бросившись въ шашки, что считалось у горцевъ самымъ обыкновеннымъ пріемомъ при внезапныхъ нападеніяхъ, ограда, хотя въ нѣкоторой степени, могла парализовать едивство ихъ натиска.

Сумерки наступали быстро и небо заволочилось тучами, почему съ вечера сдѣлалась такая темь, что, на разстояніи двухъ шаговъ уже нельзя было ничего различить. Затѣмъ, пошелъ густой, мелкій, какъ сквозь рѣшето сѣющій дождь, и темнота еще усилилась. По лагерю можно было ходить не иначе, какъ только ощупью. Огни въ потушили, даже въ палаткахъ не приказано было имѣть свѣчей.

Назначенныя мѣста вокругъ бивака были заняты еще съ вечера частями войскъ. Часовъ до одиннадцати ночи всѣ находились въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи, и едва ли кто спалъ изъ бывшихъ въ резервъ. Но, не смотря на то, всюду соблюдалась всевозможная тишина. Въ началѣ двѣнадцатаго, секреты, лежавшіе впереди линіи, обращенной къ правымъ высотамъ, замѣтивъ нѣсколько человѣкъ горцевъ, пробиравшихся ползкомъ къ лагерю, или, лучше сказать, услышавъ шелестъ между кустами, сдѣлали по нимъ по выстрѣлу и побѣжали къ линіи лагеря. Непріятель, видя себя открытымъ, началъ также стрѣлать, но, встрѣченный залпами бывшихъ противъ того мѣста двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, остановился. Минутъ пять продолжалась жаркая стрѣльба съ нашей стороны, въ то время, какъ горцы уже бросились уходить. На этотъ разъ стрѣлки такъ были усердны, что съ горы уже не слышно было ни одного выстрѣла, а они все продолжали пальбу, которую съ трудомъ остановили. Спустя нѣсколько минутъ, по лагерю начали стрѣлать съ полугорья, но на этотъ огонь не стали отвѣчать. Закрытые лѣсомъ горы были тамъ почти въ безопасности отъ нашего огня, а отвѣчал на наши выстрѣлы они могли удобнѣе наносить вредъ лагерю. Черезъ четверть часа черкесы прекратили напрасную трату зарядовъ.

При этой перестрѣлкѣ съ нашей стороны раненъ только одинъ рядовой.

Почему горцы не исполнили своего намѣренія, неизвѣстно. Предполагалось, что люди, замѣченные секретами, составляли передовую цѣпь или что-то въ родѣ развѣдочной партіи. Встрѣтивъ войска подъ ружьемъ, они оставили свой планъ нападенія безъ исполненія. Продолжать же долѣе перестрѣлку съ ихъ кремневыми ружьями, между мокрыми кустами мелкаго орѣшника было невозможно.

5-го Іюля на работы войска не выходили; день прошелъ спокойно, такъ что мы предположили, что черкесы приуныли. Но это былъ штиль, передъ началомъ урагана.

Сухарей и крупъ доставлено было въ Лакуби-Цута на цѣлый мѣсяцъ для всего отряда. Провіантъ былъ сложенъ въ двухъ большихъ бунтахъ среди лагеря. Хотя мы запаслись хлѣбомъ, но у насъ недо-

ставало воды, которая съ каждымъ днемъ уменьшалась въ родникахъ. Доступъ къ рѣчкѣ прежде былъ труденъ, а въ послѣднее время сталъ даже опасенъ. Для носки воды кавказскіе солдаты рѣдко употребляли манерки, замѣняя ихъ котелками, которые, кромѣ того, служили и для приготовленія пищи. Котелки эти оказывались неудобными при носкѣ воды изъ Хюпсты: пока солдатъ выберется съ нимъ на кручу, онъ оказывался почти пустымъ. Изъ разчищенныхъ же колодезь, въ самомъ расположеніи отряда, воду добывали съ трудомъ, набирая стаканами и крышками. Вообще, воды едва хватало для сваренія обѣда и ужина.

Къ вечеру, пѣсенники, по прежнему, пѣли по всей линіи. Вчерашніе труды и перестрѣлка были забыты, въ кружкахъ появились тапчоры.

Отличительной чертой кавказскаго солдата того времени была беззаботность и веселость. Не разъ мнѣ приходилось раздѣлять труды и опасности съ солдатами, и я никогда не замѣчалъ въ нихъ особеннаго настроенія передъ боемъ, или какой либо душевной тревоги во время или по окончаніи его. Они не любили горячиться и рваться впередъ, не старались блеснуть передъ другими восторженнымъ воодушевленіемъ, а шли противъ непріятеля смѣло, какъ бы дѣлая самое обыкновенное дѣло, не торопясь, не отставая отъ товарищей и слушался «приказа».

Но вотъ заигралъ рожокъ, призывающій ротную семью къ ужину. Пѣсенники и окружающіе ихъ кучки разсѣялись какъ бы по повеленію полшебнаго жезла. Застучали котелки и манерки въ рукахъ у солдатъ, дружно обступившихъ котлы съ ялкотавшей въ нихъ кашницей. Каждый дождался очереди, пока артельный кормилецъ-кашепаръ захватитъ черпакомъ и отольетъ въ подставленную посудину опредѣленную порцію, справившись предварительно, на сколько именно слѣдуетъ отпустить получателю. Всякій, добившись получки, спокойно уносилъ котелокъ къ кружкѣ, давно уже ожидавшему его, держа наготовѣ, для атаки супа, ложки въ рукахъ, благоговѣнно отпавая отъ пояса, и насыпавъ въ фуражку сухарей.

Натоптавъ сухарей въ котелокъ, кружокъ принимается за дѣлательную работу, но сначала дѣло идетъ не спѣша, потому что каша слишкомъ горяча. При этомъ водворяется молчаніе, прерываемое только отрывочными фразами на тему, что каша горяча. Но когда каша остынетъ, то дѣло идетъ быстрѣе, такъ что иногда спрашиваютъ, вѣдь-ли-де доложить кашепару, что перессодили, для под-

бавки еще въ котелокъ. Но вотъ первый голодъ утомленъ и ужинъ идетъ съ разговорами, не торопясь.

Сколько національностей судьба столкнула адѣсь, заставивъ ихъ жить вмѣстѣ, усвоить однѣ и тѣ же привычки и подчиниться однимъ и тѣмъ же условіямъ. Въ кавказскихъ линейныхъ баталіонахъ въ то время можно было найти солдатъ изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Россію. Достаточно одинъ разъ взглянуть на нихъ, чтобы различить происхожденіе каждаго, особенно, если посмотрѣть на нихъ во время обѣда. Земляки, т. е. родившіеся въ одной губерніи, или, по крайней мѣрѣ, изъ мѣстностей, говорящихъ однимъ нарѣчіемъ, всегда стараются сѣсть вмѣстѣ. Но время и привычка сблизила всѣхъ, нерѣдко можно было встрѣтить, что вокругъ одного котелка сидятъ дюжій, широкоплечій великороссъ, который съ малолѣтства привыкъ усердно приниматься, какъ за ложку, такъ и за работу, рядомъ съ сибирякомъ-мордвинкомъ, хотя и прожившимъ нѣсколько лѣтъ за Кавказомъ, но мало привыкшимъ къ жаркому климату, и отличающимся отъ перваго какою-то меланхолическою наружностью. Противъ нихъ помѣщается полтавскій хохолъ; послѣдній за ложку берется, какъ и за все, съ видимою апатіей, т. е. лѣнливо и съ повагомъ (медленно), но за то ѣстъ молча и только слушаетъ, о чемъ толкуютъ другіе. Подлѣ него сидитъ приваистый литвинъ; ему всякое кушанье, какъ и работа, по плечу. Съ третьей стороны возсѣдаетъ папъ-полякъ, желудокъ котораго приучился переваривать и не одну бараболу (*), всегда почти на столько же веселый и болтливый, насколько молчаливъ и угрюмъ малороссъ. Съ четвертой, цыганъ изюмскій или бугучарскій, гибкій характеръ котораго можетъ подлаживаться ко всѣмъ націямъ. Нерѣдко тамъ можно было встрѣтить казанскихъ татаръ и евреевъ (**), позабывшихъ свои религіозныя предрасудки и съ аппетитомъ уничтожавшихъ супъ или борщъ, подправленный спивымъ саломъ.

Съ вечера, также какъ и прежде, сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія о назначеніи рабочей колонны для рубки лѣса на слѣдующій день, 6-го іюля, на томъ же мѣстѣ, гдѣ производилась она 4-го іюля.

(*) Картофель, который такъ называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши.

(**) Тѣхъ и другихъ въ стрелковыхъ войскахъ можно было встрѣтить немного, поэтому они почти никогда не пренебрегали пищею, приготовляемою для всѣхъ; евреи большою частію зачислялись въ кавказскіи военно-рабочіи роты путей сообщенія, гдѣ, по нахожденію ихъ въ значительномъ числѣ, приготовлялась особая пища. Но отъ работъ во всѣхъ частяхъ освобождались: евреи въ субботу, а татары—въ пятницу.

На работы всегда выходили липейныя части, а стрѣлковыя и гурійцы употреблялись для прикрытія рабочихъ и для рекогносцировокъ.

Въ четыре часа утра войска, назначенныя вчерашнимъ приказаніемъ, готовились къ выступленію на простѣку. Но въ это время, извѣстнымъ сигналомъ рожка вызваны были командиры частей къ начальнику отряда, который объявилъ имъ о немедленномъ отступленіи за Гумисту. Приказаніе это поразило всѣхъ неожиданностью, такъ какъ его никто не ожидалъ.

Причиной отступленія отряда было то, что къ горцамъ постоянно прибывали новыя шайки, такъ что у нихъ собрались значительныя силы; кромѣ того, ими въ скоромъ времени ожидалось еще подкрѣпленія съ разныхъ мѣстъ. Въ Сухумѣ тогда находилось очень мало войскъ; отрядъ же хотя и имѣлъ достаточную силу, чтобы, въ случаѣ надобности, отступить къ этому городу, отстоящему отъ Лакуби-Цута въ 15 верстахъ, но, при одновременномъ нападеніи на отрядъ в Сухумѣ, изъ перваго въ послѣдній, не могла быть подана скорая помощь. Кромѣ того, была и другая причина. Перейдя Гумисту, мы могли надѣяться, если не на помощь, то, по крайней мѣрѣ, на посредничество абхазскихъ властей... Между тѣмъ, провіанта на Лакуби-Цута находилось столько, что его нельзя было поднять въ одинъ разъ, а нужно было посылать за нимъ перевозочный транспортъ нѣсколько разъ.

Черезъ часъ авангардъ уже двигался къ Гумистѣ; остальныя войска вытягивались за нимъ. Часть вышедшихъ, пройдя версты три, остановилась на небольшой полянѣ, въ началѣ спуска отъ перевала съ горы Ахырцху къ рѣкѣ, куда начали перевозить и провіантъ. Сухари и крупа доставлялись въ отрядъ изъ Сухума на черводарскихъ лошадяхъ; для этого даже употреблялись въ послѣднее время и казачьи строенныя, обѣихъ сотенъ. Къ несчастію, 5-го іюля только отправилась колонна въ городъ за провіантомъ и другими припасами, такъ что у насъ перевозочныхъ средствъ было совсѣмъ мало; а потому для перевозки тяжестей съ Лакуби-Цута забрали всѣхъ имѣвшихся при отрядѣ ротныхъ вьючныхъ лошадей, казачьихъ и оставшихся черводарскихъ.

Сначала горцы не замѣтили нашего отступленія и, вѣроятно, ожидали встрѣчу на мѣстѣ работы. Вслѣдствіе этого, перевозка продолжалась часовъ до 10 безпрепятственно, причемъ всѣ лошади возвращались на Лакуби-Цута по нѣскольку разъ. Когда весь провіантъ перевезли къ спуску, войска также стянулись къ этому пункту. От-

сюда началась перевозка вина въ Гумистѣ, гдѣ провіантъ складывался на правой сторонѣ рѣки, за мостомъ.

Только въ это время увидѣли мы горцевъ, сбѣгавшихъ съ правыхъ высотъ Ахырцху, къ мѣсту бивака и къ дорогѣ, спускающейся отъ переплы къ Гумистѣ. Значительная партія ихъ пробыла также и черезъ бывшій лагерь, на лѣвыя высоты и къ занимаемому нами перевалу. Общее и торопливое движеніе шаекъ непріятеля, безъ сомнѣнія, вызвано было отступленіемъ отряда.

При появленіи черкесовъ на вершинѣ горы, гдѣ рѣдкій лѣсъ позволялъ видѣть ихъ между деревьями, эту мѣстность начали обстрѣлывать гранатами и картечью. Горцы, перебѣгая вина, скрывались въ опушкѣ лѣса, на скатѣ между полянкой, занятой отрядомъ и дорогой къ рѣкѣ, и тотчасъ же завязали перестрѣлку съ цѣпью, расположенною подъ самой опушкой. Цѣпь была поддержана еще двумя стрѣлковыми ротами, поставленными сади, выше ея, и стрѣлявшими черезъ головы передней линіи, и четырьмя орудіями. Два изъ нихъ было выставлено на самой возвышенности перевала въ тылу отряда; они стрѣляли по горцамъ, перебѣгавшимъ черезъ открытую часть верхней поляны, въ обрывистый оврагъ, спускавшійся къ Гумистѣ.

Одновременно съ началомъ перевозки провіанта вина къ рѣкѣ, открылась и перестрѣлка, почему тотчасъ же разставили цѣпь въ верхней части простѣки, до самого спуска на лужайку, лежавшую впереди моста и въ нижней части простѣки, по правую сторону дороги. Отрядъ много выигралъ тѣмъ, что отошелъ, или, лучше сказать, успѣлъ перевезти провіантъ отъ бывшаго бивака до перевала, не замѣченный горцами, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ они могли нападать на возчиковъ съ обѣихъ сторонъ, на мѣстности, покрытой, кромѣ лѣса, густымъ высокими папоротникомъ, между которыми шла дорога. Отъ перевала же внизъ на лѣвую сторону была простѣка, а съ правой—дорога шла надъ самымъ обрывомъ, круто спускавшимся въ ущелье, такъ что при самомъ незначительномъ прикрытіи, охранявшемъ этотъ спускъ, попытки непріятеля нанести вредъ съ той стороны могли остаться безуспѣшными.

Часамъ къ 12-ти дня, новыя шайки постоянно прибывали къ мѣсту перестрѣлки, и нападенія горцевъ дѣлались ожесточеннѣе. Не разъ они съ гикомъ бросались въ шайки, но до большой рукопашной схватки дѣло не доходило. Едва они покажутся изъ небольшого углубленія, откуда начиналась опушка лѣса, какъ градъ пуль и картечь четырехъ орудій, поставленныхъ такъ, что непріятель долженъ

былъ выдерживать перекрестный ружейный огонь съ пушечнымъ, — каждый разъ обращали ихъ назадъ. Позиція эта, конечно, удерживалась изъ за того, чтобы дать время импровизированному транспорту перевезти провіантъ, который приходилось перетаскивать отсюда подъ выстрѣлами на разстояніи вѣрстъ трехъ. Нападенія горцевъ до того были упорны, что съ 10 до 2 часовъ, роты, бывшія въ огнѣ, выпустили всѣ имѣвшіеся у нихъ патроны (*).

Всю линію боя руководилъ полковникъ Шатиловъ. Холодно-кровныя и своевременныя распоряженія его много содѣйствовали успѣху дѣла; горцы, не смотря на значительность ихъ массъ и упорство, съ которыми они нападали на нашу цѣль, ни гдѣ не могли прорваться и всюду были отражены при попыткахъ къ рукопашному бою.

Жаркая перестрѣлка шла, преимущественно, тамъ, гдѣ сложенъ былъ провіантъ; по временамъ горцы нападали слѣва на цѣль, протянутую для прикрытія дороги, стараясь прорвать ее, но имъ только удалось зайти съ правой стороны дороги (сѣвау), откуда они начали стрѣлять по людямъ, перевозившимъ провіантъ, чѣмъ на нѣкоторое время и остановили его перевозку.

Пока на перевалѣ войска отбивали натиски горцевъ, часть послѣднихъ, обойдя съ лѣвой стороны вершину Ахырцху, открыла изъ лѣсу огонь, почти во всю самую переправу и выше ея, по вагенбургъ, куда перевезены были часть провіанта и ротныя артиллерійскія тяжести, въ прикрытіи которыхъ находилась одна линейная рота № 36-го баталіона. Здѣсь же, между прочимъ, былъ походный лагерь, кашевары, хлѣбопеки, всѣ нестроевые, слабые и усталые разныхъ родовъ оружія и командъ. Генералъ Колюбакинъ, будучи нездоровъ, находился здѣсь также съ своимъ начальникомъ штаба. Какъ только послышались выстрѣлы изъ-за рѣки, тотчасъ же начали принимать мѣры къ усиленію цѣпи, потому что, вѣдучи горцы напасть въ большихъ силахъ на этотъ пунктъ и переправиться черезъ Гумисту выше моста, вагенбургъ могла бы угрожать серьезная опасность. Начальникъ штаба объявилъ всѣмъ находившимся здѣсь, чтобы тѣ, кто имѣетъ ружья, шли въ цѣпь. Но такъ какъ здѣсь были люди разныхъ командъ, то приказаніе это не было исполнено съ точностью и быстротой. Въ это время управлявшій Абхазією, съ начальникомъ отряда, взявъ двѣ сотни гурійской милиціи, бывшей въ вагенбургѣ и частью за рѣкой у прикрытія моста, перешли на

(*) Т. е. комплектное число, 60 штукъ. Вместо нихъ имъ выдано было по столько же, изъ числа привезенныхъ изъ изъ Гумисты, гдѣ складывались тяжести.

широкую площадку близъ деревни Гумъ, окруженную со всѣхъ сторонъ ровною и открытою мѣстностью, и остановились тамъ, назначивъ это мѣсто для ночлега отряда. На замѣчаніе генерала, что войска здѣсь, пожалуй, не могутъ быть безопасны отъ ночнаго нападенія непріятеля, князь Гр. Шервашидзе объявлялъ, что онъ предупредилъ горцевъ не переходить рѣчку, и что не исполнить это приказаніе они едва ли осмѣлятся, изъ боязни нарушить нейтральное положеніе Абхазіи (*).

Послѣ ухода гурійцевъ, въ вагенбургѣ, остававшемся тамъ же, на лѣвой сторонѣ Гумисты, надъ самой переправой началась суматоха и безначаліе, при чемъ каждый заботился только о собственной безопасности. Люди, приставленные къ артельному имуществу, разбазывали вьюки, и вынужъ, что могли взять съ собой, уходили на поляну, занятую начальникомъ отряда; остальные же вещи бросали.

Къ довершенію безпорядка за мостомъ, одна казачья сотня, изъ числа перевозившихъ провіантъ, сваливъ вьюки надъ рѣчкой и возвращаясь къ перевалу за новыми, была встрѣчена снизу сильнымъ ружейнымъ огнемъ горцевъ, пробравшихся, какъ сказано выше, съ нижней стороны дороги, и воротилась назадъ, чѣмъ еще болѣе увеличила и безъ того неблагопріятное настроеніе солдатъ, собранныхъ за мостомъ. Суматоха, какъ и слѣдовало ожидать, становилась замѣтнѣе, нѣкоторые начали сбрасывать съ себя сумки съ хлѣбомъ и имуществомъ и бросать ихъ, чтобы легче было убраться въ болѣе безопасное мѣсто, отъ предполагавшагося нападенія горцевъ. Для этой безпорядочной толпы полубольныхъ, усталыхъ и разныхъ командъ нестроевыхъ, не доставало одного смѣлаго и рѣшительнаго слова, чтобы воодушевить ихъ или остановить. Дѣйствительной опасности еще не было, а пули непріятеля изъ-за рѣки едва долетали туда.

Но пока здѣсь происходилъ временный безпорядокъ, цѣпь съ успѣхомъ отбила горцевъ, старавшихся завладѣть переправой. Послѣ того, рота № 36-го баталіона, поддерживавшая стрѣлками, уже до самой ночи не допускала горцевъ близко къ мосту. На верху, т. е., на перевалѣ, гдѣ продолжался упорный бой, не смотря на постоянно подходившія свѣжія партіи непріятеля, цѣпь, на всемъ протяженіи, энергически отражала натиски его. По занятіи площади для ночлега, начали перевозить туда же и провіантъ, съ другими тяжестими, сложившими надъ Гумистой; такъ что, часамъ къ семи вечера, почти всѣ сухари и крупа были перевезены отъ рѣчки въ это мѣсто. Изъ кудей про-

(*) Слово, слышавшій мною самимъ, во время разговора князя Шервашидзе съ начальникомъ отряда.

віанта, ротныхъ котловъ и черводарскихъ сѣделъ, начали строить, покрутъ мѣста, предназначавшагося для ночлежнаго бивака отряда, огорожу, за которой, конечно, было удобнѣе обороняться, въ случаѣ ночнаго нападенія непрітеля.

Войска къ этому времени еще не возвращались съ перевала; они отступили только съ наступленіемъ сумерекъ. Хотя провіанта тамъ оставалось еще много, но не было силъ ваять его; при такомъ способѣ перевозки, его нужно было возить еще день. Большая часть черподаровъ, при самомъ началѣ перестрѣлки, разбѣжалась, а на ротныхъ лошадяхъ старались скорѣе увозить въ безопасное мѣсто артельное имущество и припасы. Возили почти одни казаки, но и тѣ, по непривычкѣ лошадей къ такимъ тяжестямъ и по неудобству сѣделъ для подобныхъ выюпокъ, постоянно роняли кули съ сухарями и крушой, и тѣмъ затрудняли движеніе перевозчиковъ. Вслѣдствіе этого, войска начали отступать къ переправѣ, а перевезенный провіантъ оставленъ на перевалѣ. Горцы съ ожесточеніемъ преслѣдовали отступавшихъ, хотя уже становилось темно. До самаго моста пушечная и ружейная пальба съ обѣихъ сторонъ не прекращалась, и только по переходѣ аріергарда черезъ рѣку смолкла часовъ въ 9 вечера.

Не смотря на численное превосходство горцевъ, отчаянную дерзость, съ которой они нападали на наши войска, и невыгодную позицію, удерживаемую нами въ продолженіи цѣлаго дня, для охраненія провіанта, они до самаго вечера нигдѣ не имѣли успѣха. При этомъ громадную роль играло варѣзное оружіе, которымъ была вооружена большая часть отряда. Известно, что у черкесовъ нули дѣлаются вообще не одной формы и не по калибру винтовки, при чемъ они ихъ закладываютъ въ дуло ружья съ тряпкой. При первомъ выстрѣлѣ они рѣдко дѣлаютъ промахъ; но, далѣе, во время перестрѣлки, когда для того, чтобы вытереть внутри винтовки шустомъ и положить снова такой же зарядъ, требуется не меньше четверти часа времени, слѣдующіе ихъ выстрѣлы не всегда бываютъ вѣрны.

Ночь прошла спокойно.

Весь день, 7 іюля, отрядъ стоялъ на мѣстѣ. Въ это время были похоронены убитые и отправлены въ Сухумъ раненые, а также и часть тяжестей. Выбывшихъ изъ строя, въ дѣлѣ 6-го числа, съ нашей стороны, было болѣе 40 человекъ убитыми и ранеными. Потеря горцевъ, по ихъ показаніямъ, вдвое превышала нашу.

На слѣдующій день, т. е. 8 іюля, отрядъ прибылъ въ г. Сухумъ-Кале.

Ровно черезъ недѣлю послѣ прибытія Бзыбскаго отряда въ го-

родъ, управлявшій Абхазією, взявъ полторы сотни черводарскихъ лошадей, перевезъ въ Сухумъ весь провіантъ, брошенный на перевалѣ Ахырцху. Хотя горы въ то время еще находились тамъ, вѣроятно, въ ожиданіи вторичной попытки нашей провладывать дорогу, но не препятствовали брать сухари и крупу. Почему они не сожгли брошенныхъ отрядомъ запасовъ, объясняется тѣмъ, что онъ былъ отбитъ на землѣ, принадлежащей Абхазіи, отъ того имъ и запрещено было прикасаться къ нимъ. Такимъ образомъ, что не удалось сдѣлать отряду, въ семь баталіоновъ пѣхоты, не считая другихъ частей войскъ, въ томъ успѣлъ вн. Гр. Шервашидзе съ 30 черводарами.

С. Смоленскій.

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗЦА (*).

ДЕСАНТНОЕ ДѢЛО У ПСАХЕ

19-го іюля 1862 года.

(Изъ походнаго дневника).

I.

Съ наступленіемъ весны 1862 года, отряды войскъ, подъ начальствомъ графа Евдокимова, дѣйствовавшіе съ сѣверной стороны Кавказскаго хребта, штыкомъ и топоромъ пролагали путь въ глубину горъ. Энергическое наступленіе русскихъ встревожило почти все мирное населеніе западнаго Кавказа. На помощь абадзехамъ, въ землѣ которыхъ были главные силы праваго фланга, горцы собирались со всѣхъ сторонъ значительными партіями.

Въ половинѣ іюля кутаискій генералъ-губернаторъ прибылъ въ Сухумъ. На другой день послѣ его пріѣзда, между начальствующими лицами была замѣтна какая-то особенная суета; командующій войсками въ краѣ собиралъ начальниковъ частей для совѣщанія. Всѣ догадывались, что дѣлались какія-то секретныя приготовленія, но что именно предполагалось, то для насъ, простыхъ смертныхъ, скрывалось таинственной завѣсой неизвѣстности.

Іюля 17-го былъ праздничный день, воскресенье. Выйдя случайно на пристань къ набережной, я замѣтилъ, что двѣ стрѣлковые роты и команда милиціонеровъ, составлявшая конвой начальника края, садились на паровыя суда: корветъ «Рысь» и шхуну «Туапсе». Суда эти предназначались въ крейсерство къ берегамъ непокорныхъ горцевъ. Распоряжавшійся посадкой людей, капитанъ генеральнаго штаба Бараховичъ, предложилъ мнѣ поступить въ составъ крейсернаго десанта. «Рысь» и «Туапсе» должны были сняться съ якоря по окончаніи посадки на нихъ людей. Паровой же транспортъ «Эльборусъ»

(*) См. «Военный Сборникъ» 1874 г., № 9-й.

отправлялся вслѣдъ за ними съ генералъ-губернаторомъ и командующими войсками, къ укрѣпленію Гаграмъ, гдѣ, взявъ стрѣлковую роту Кавказскаго линейнаго № 33-го баталіона, долженъ былъ присоединиться къ отряду.

Пароходы давно уже развели пары, и на барказы съ берега садились послѣдніе стрѣлки; я, какъ былъ одѣтъ, въ спортукъ, безъ шинели и ружья, съ одною шашкой, сѣлъ также на лодку, не усмѣвъ сходить въ казарму. Едва только мы взошли на палубу, начали поднимать якоря, взвился флагъ на гротъ-мачтѣ корвета, и суда двинулись съ рейда. Вслѣдъ за ними шли на буксирѣ десять азовскихъ барказовъ, изъ числа бывшей гребной флотиліи Сухумской морской станціи. Это было часовъ въ девять утра. Курсъ взять былъ параллельно берегамъ.

По мѣрѣ удаленія отъ Сухума, намъ открывалась съ моря величественная панорама. За полосой прибрежнаго шебня живописно разбрасывались группы кустовъ пальмы (самшита), лавра и разныхъ хвойныхъ породъ мелкаго лѣса, который мѣстами прижимается къ самому морю. Дальше видѣлась сплошная масса лѣсовъ, съ сѣрыми обожженными солнцемъ листьями, плотно укутывавшая скаты ближнихъ горъ, поднимался къ ихъ вершинамъ. Издали деревья эти до того кажутся ровны по росту, какъ будто бы они нарочно подрѣзаны садовникомъ, такъ что выказываютъ всѣ малѣйшіе изгибы и извилины ущелій. Затѣмъ, на дальнѣйшихъ холмахъ, выдающихся изъ-за ближайшихъ, стоятъ почти наперечетъ рѣдкіе, но величественные дубы, украшая ихъ мохнатыя вершины. Гребни эти съ моря кажутся черны и угрюмы, какъ чело набожнаго мусульманина во время рамазана, по ихъ дикій видъ невольно привлекаетъ вниманіе.... Еще выше понабросано въ беспорядкѣ множество копусообразныхъ возвышеній, нагроможденныхъ одно надъ другимъ и покрытыхъ бѣлыми саванами, подъ которыми они стоятъ цѣлые вѣка. Облака небольшими клочками спуютъ около вершинъ и постоянно носятся надъ этой одежденълою природою. Каменные скалы, окаймляющія вершины льдовъ, вмѣстѣ съ окружающими ихъ черными лѣсами, кажутся одѣтыми въ трауръ по этой безжизненной мѣткости. За то ниже, у береговъ, сколько жизни и роскоши расточила природа, столь скупая на возвышенностяхъ....

Море было тихо; небольшіе валы едва рлибли воду. Глядя на ровную поверхность моря, я невольно сравнивалъ ее съ за-донскими степями, такими же широкими и ровными, которыя, куда ни посмотришь, разстилаются безбрежными равнинами, какъ будто

возвышающимися кругомъ къ горизонту. Сребристый ковыль блеститъ и движется отъ дыханія вѣтерка, волпуга поверхность степи легкою зыбью или перебѣгаетъ бурунами при сильномъ вѣтрѣ, да изрѣдка возвышается курганъ въ видѣ оазиса, служащій сторожевымъ пунктомъ для мѣстныхъ обывателей-сурковъ (бабаки). Тамъ такая же жизнь и движеніе на поверхности, какъ и здѣсь, только вмѣсто бѣлаго крыла паруса или стада баклановъ и пеликановъ, увидишь перебѣгающаго бѣлаго и ничѣмъ не отличающагося отъ ковыля зайца, скрывающагося въ волнахъ его отъ погонки степного орла; или стрѣлой пронесется табулъ легкихъ сайгаковъ, преслѣдуемыхъ волками, либо наѣздиномъ задонскихъ стеней, калмыкомъ, на лихомъ скакунѣ, питомцѣ этихъ же равнинъ. Такое же оптическое явленіе миража, какъ и на морѣ, гдѣ, въ жаркій день, вмѣсто небольшого судна, представляется вдали цѣлый воздушный городъ, бываетъ и среди степи, гдѣ вмѣсто кургана представляется отдаленное село или громадная гора. Наконецъ, въ степи, такая же бурная, во время зимнихъ урагановъ, мятель, какъ въ морѣ осенніе штормы.

Покуда я сравнивалъ поверхность моря съ равниной степи, при-смыкнувшись къ одной изъ мачтъ парохода, суда отошли отъ берега уже на значительное разстояніе. Матросы около меня мыли палубу, т. е. окачивали ее водой, для того, какъ они говорятъ, чтобы не разстапливалась на солнцѣ смола, которой палуба закопачена.

Въ десять часовъ сигнальный свистокъ вызвалъ наверхъ всѣхъ свободныхъ отъ дѣла матросовъ на молитву, по случаю праздничнаго дня. Стройное и дружное пѣніе моряковъ на нѣсколько минутъ почти заглушило грохотъ машины и свистъ паровъ. По окончаніи молитвы спова подвиглась на палубѣ бѣготня и шумъ. А тутъ еще подулъ небольшой вѣтерокъ, и вызванная на палубу очередная вахта начала распускать паруса; но вѣтеръ какъ будто вздумалъ шутить съ экипажемъ судна и постоянно забѣгалъ то съ одной стороны, то съ другой.

Въ это время мы уже находились противъ устья рѣки *Псырты*. Надъ самымъ берегомъ моря видѣлись развалины древняго монастыря; нѣкоторыя части стѣпъ были еще не совсѣмъ разрушены; даже уцѣлѣли двѣ башни. Предполагаютъ, что тамъ находится могила св. Симона Канонита, спутника св. апостола Андрѣя Первозваннаго, который, распространивъ здѣсь христіанское ученіе, отправился далѣе на сѣверъ, въ земли славянскія; помощника же своего оставилъ въ Абхазіи для утвержденія въ вѣрѣ новообращенныхъ. Въ настоящее время слѣды могилы этой затеряны. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ

изъ владѣльцевъ участка, занимаемаго монастыремъ, магометанинъ, при постройкѣ себѣ дома, разобралъ кирпичный памятникъ, сооруженный тамъ, вѣроятно, греками. Противъ глубокаго ущелья Псырты возвышается остроконечная, четырехугольная скала, совершенно отдѣленная отъ ближайшихъ высотъ, и почти равняющаяся вершинамъ соседнихъ горъ (до 1,500 футовъ). Правильныя грани кажутся искусственными, а углы ея почти остры. Съ подошвы до верху она покрыта мелкимъ лѣсомъ; близъ вершины видѣются остатки башенъ, а на самой вершинѣ что-то похожее на разрушенное укрѣпленіе или стѣпы бывшей церкви. Псырта, выходя изъ ущелья, огибаетъ эту скалу, поворачивая къ востоку. Здѣсь до сихъ поръ существуютъ остатки развалинъ большаго древняго города.

Почти на всемъ берегу, отъ устья рѣки Охури до Гагръ, также встрѣчаются груды развалинъ греческихъ укрѣпленій и монастырей. Остатки нѣкоторыхъ построекъ и теперь замѣтны, хотя по этимъ обломкамъ трудно узнать, какое именно зданіе тамъ существовало: домъ ли, храмъ или что другое. Во многихъ мѣстахъ стѣпы монастырскихъ укрѣпленій стоятъ еще довольно сохранившимися, въ другихъ онѣ лежатъ подмытыя и обрушенныя волнами, выдаваясь надъ поверхностью воды. Берегъ этотъ, вѣроятно, залитъ недавно. При такихъ монастыряхъ имѣлись и поселенія, куда ссылались во времена гоненій христіане или эмигрировали добровольно, во избѣжаніе преслѣдованій. Берега Абхазіи даже въ позднѣйшее время служили для Византійской имперіи ссылочнымъ пунктомъ; особенно во времена раздоровъ, возникшихъ среди восточной церкви. Православные императоры посылали сюда еретиковъ и иконоборцевъ, а при государяхъ, придерживавшихся расколовъ, въ Абхазію отправлялись приверженцы православія.

Пароходы въ это время миновали уже мысъ Бомборы, откуда видѣтъ былъ и Ницундскій. Шли впередъ тихо, не больше семи узловъ въ часъ. Шумъ паровъ и подводныхъ виштовъ привлекалъ къ судамъ большое количество морскихъ свиней (дельфиновъ); онѣ плыли сзади и по сторонамъ судовъ, показывая свои жирныя спины, лоснившіяся на солнцѣ. Нѣкоторые изъ нихъ высовывали головы, какъ будто съ удивленіемъ всматриваясь въ то, что производило такой шумъ въ ихъ стихіи. Послѣ обѣда матросовъ и стрѣлковъ, часовъ около 12 дня, съ корвета поданъ былъ шхунѣ сигналъ флагами остановиться. Суда стали и началось купанье моряковъ, что, впрочемъ, предлагалось и пѣхотинцамъ, съ помощью пробковыхъ обру-

чей, по охотниковъ изъ пѣхотинцевъ нашлось немного. Матросы почти всѣ купались безъ обручей, бросаясь прямо съ бортовъ, или нижнихъ рей мачтъ въ море. Покуда экипажъ корвета купался, стрѣлки, стоя у бортовъ, смотрѣли на нихъ.

— Чего не купаешься, Стищенковъ,—говорилъ одинъ солдатъ другому, ты, вѣдь, первый пловецъ считаешься въ ротѣ, а, не бось, до берега не доплылъ бы.

— А ты самъ чего не купаешься?

— Да я-то плаваю по топовому; мнѣ, пожалуй, и обручь-то не поможетъ; какъ въ воду, такъ и пойду на дно раковъ ловить.

— Тутъ, должно, глубоко, не скоро доберешься до дна, скорѣе самого раки съѣдятъ.

— Да хошь бы и умѣлъ плавать, такъ я тутъ ни за какія коврижки не полѣзъ бы въ воду. Не болтся же матросы этихъ свиней. Ишь какаѣ сила ихъ ныряетъ кругомъ, табунами; пожалуй, еще ногу, али руку оторветъ, а то и совсѣмъ утащить.

— И чего только нѣтъ въ морѣ,—продолжалъ первый стрѣлокъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой,—и морской скѣтъ есть, и котъ морской и конь морской есть. Хошь они не похожи на нашихъ, а все-таки, значить, имѣютъ сходство, коли такъ называются. Почти всякая звѣрипа есть, какаѣ только водятся на землѣ; только одного человѣка нѣтъ въ морѣ.

— А говорятъ, што въ морѣ въ Окіанѣ и люди есть, только не таковскіе, какъ мы: до пояса, сказываютъ—какъ есть человѣкъ, съ головой и руками, а погъ нѣтъ, отъ пояса рыба, значить. Спросить у матросовъ, они, должно, знаютъ, плаваютъ по разнымъ морямъ, можетъ, выдали.

— Да ты толкуешь-то, вѣрно, про фараоновъ,—это, братъ, гдѣ-то далеко, такъ што наши корабли почти туда не заходятъ.

— Отчего же они фараоны?

— Когда, значить, повелѣ Богъ жидовъ изъ земли египетской, черезъ пустыню, за ними погнался Фараонъ, т. е. ихній царекъ египетскій, со всею своею арміей. Была, значить, пѣхота и кавалерія, какъ слѣдуетъ, да, пожалуй, какъ бы и артилеріи не было съ орудіями. Жиды видятъ, что бѣда, непріятель догоняетъ, скорѣй къ морю. А море-то разступилось имъ на двѣ половины, ровно стѣны по обомъ бокамъ, и пошли жиды по сухому дну, а фараоны за ними. Покудова жиды выходили на берегъ, погоня-то вошла на середину моря, а вода возьми да и сосступись, такъ и покрыла всѣхъ фараоновъ.

— А плавать-то они, вотъ какъ матросы, вѣрно не умѣли—остриль Стиценковъ.

— Поэтому, значить,—продолжалъ первый—они до сѣхъ поръ плаваютъ по морямъ; какъ увидятъ на кораблѣ людей, гопятся за ними и хлопаютъ отъ радости въ ладоши, думаютъ, что то жида.

На другой сторонѣ борта слышались другія, болѣе серьезные сужденія.

— Отчего это, Иванъ Афонасьевичъ, вода издали въ морѣ кажется синяя, а близко сколько видно, пожалуй, саженой на десять въ глубину, такъ свѣтло-зеленая, съ крапинами даже,—спрашивалъ ефрейторъ уштера.

— Отчего, отвѣтилъ послѣдній—извѣстно; когда на морѣ большая волна пойдетъ, да станутъ бѣлки схватываться, то вода дѣлается зеленая, а когда тихо голубая.

— Этотъ цвѣтъ она имѣетъ отъ отраженія неба, — разрѣшилъ вопросъ стоявшій тутъ же, если не ошибаюсь, фельдшеръ морякъ; вода зеленая, а крапинки по ней отъ солей и фосфора.

Пѣхотинцы замолчали, вѣроятно удовольствовавшись объясненіемъ.

Черезъ часъ суда снова были на ходу, и къ пяти часамъ вечера бросали уже якоря на Гагринскомъ рейдѣ.

Укрѣпленіе Гагры лежитъ подъ 43° 18' сѣверной широты и расположено въ тѣснинѣ, имѣющей въ ширину не болѣе 400 шаговъ. Гагринская тѣснина можетъ считаться настоящими Кавказскими Оермоидами и составляетъ единственный проходъ на сообщеніи Абхазіи, отъ Адлера до Новороссійска, съ берегами, населенными прежде черкесскими и абазинскими племенами, живущими на западномъ скатѣ Кавказскаго хребта, который упирается въ Черное море. Впереди укрѣпленія (съ запада), не больше какъ въ 100 саженьхъ отъ него, по узкому и крутому ущелью, течетъ рѣчка *Жоадзе*; съ другой стороны, также по ущелью, бѣжитъ небольшая рѣчушка *Гагрипш*.

Гагры отъ Сухума находятся на разстояніи 100 верстъ. Сухопутнаго сообщенія укрѣпленіе ни въ одну сторону не имѣло; въ Абхазію могли проѣзжать только чапары (*). Все продовольствіе гарнизонъ получалъ моремъ. Гагринскій рейдъ открытъ почти исѣмъ морскими вѣтрами и потому для стоянки судовъ опасенъ; при хоро-

(*) Отъ Гагръ до Самурзакана были учреждены изъ туземцевъ чапарскіе посты для перевозки бумажъ.

шей погодѣ суда могутъ становиться на немъ на разстояніи полу-пушечнаго выстрѣла отъ берега, но при волненіи снимаются съ якоря.

Въ іюнѣ 1830 г., вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго предположенія графа Паскевича-Эриванскаго о распространеніи на восточномъ берегу Чернаго моря нашего владычества, назначенъ былъ отрядъ для занятія древняго монастыря, находившагося на мѣстѣ нынѣшняго укрѣпленія. 650 человекъ 41-го егерскаго полка при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гессе, посажены на суда въ Сухумъ-Кале. Эскадра, подойдя ночью, скрытно высадила десантъ, и горцы только черезъ нѣсколько дней узнали о занятіи Гагръ русскими.

Мѣстность, предназначавшаяся подъ укрѣпленіе, была очищена отъ лѣса и колючихъ кустарниковъ. То и другое срубивалось и сваливалось въ завалы, которые примкнули къ древней оградѣ. Монастырь также введенъ былъ въ линію заваловъ. Впереди его существовала древняя, двойная стѣпа съ башнями. Она прямою линіею перерѣзывала проходъ, примыкая, съ одной стороны, къ кручамъ горнаго отрога, а съ другой почти упиралась въ море.

Работы по возведенію укрѣпленія шли съ большими затрудненіями и опасностями. Не проходило почти дня безъ перестрѣлки съ толпами горцевъ, стекавшими изъ сосѣднихъ обществъ. Нѣсколько разъ они значительными массами дѣлали отчаянные приступы къ временному укрѣпленію, но всегда были отражаемы съ сильнымъ урономъ.

Первое укрѣпленіе имѣло видъ обыкновеннаго редута, фасы котораго сложены были частью изъ туровъ, а частью изъ деревянныхъ срубовъ. Затѣмъ, въ редутѣ возведены каменные стѣны. И послѣ постройки, горцы дѣлали неоднократныя попытки овладѣть укрѣпленіемъ, но также безъ успѣха.

Въ маѣ 1840 года генералъ Раевскій входилъ съ представленіемъ объ упраздненіи Гагръ, выставляя слѣдующіе доводы: укрѣпленіе, замыкая тѣснину и преграждая единственное сообщеніе горцевъ джигетскаго, убыхскаго и шапсугскаго племенъ съ Абхазіею, хотя прежде и составляло важный стратегическій пунктъ, но послѣ того черкесы успѣли проложить дорогу по крутизнамъ горъ. Дорога эта, хотя и ближе пушечнаго выстрѣла, но обстрѣливать ее невозможно потому, что нужно было давать орудію уголъ возвышенія болѣе 40°. Вслѣдствіе этого генералъ Раевскій полагалъ необходимымъ, оставивъ Гагры, выстроить новое укрѣпленіе на рѣкѣ Гагрипшѣ. Это представленіе, однакоже, оставлено безъ послѣдствій. Со введеніемъ на-

рѣзанаго оружія, неудобство, указываемое генераломъ Раевскимъ, устранено. Черкесы уже не могли пробираться по тропѣ: днемъ, потому что были подъ выстрѣлами, а ночью, вслѣдствіе опасности самаго пути, вьющагося между скалами надъ пропастями и отвѣсными стремлинами.

22-го декабря 1853 года, англо-французская эскадра вступила въ Черное море; но по причинѣ бурь и зимнихъ штормовъ она въ скоромъ времени вышла обратно въ Дарданельскій проливъ. Въ мартѣ 1854 года послѣдовало вторичное появленіе союзнаго флота въ водахъ древняго Понта Эвксинскаго. Наши черноморскія береговыя укрѣпленія, окруженныя съ сухаго пути племенами непокорныхъ горцевъ, при морѣ, запытомъ непріятелемъ, становились безпомощными. Почему и было сдѣлано распоряженіе о скорѣйшемъ снятіи ихъ. Изъ Пицунды, Бомборъ, Сухумъ-Кале и Марамбы, люди доставлены моремъ въ Поті и Редутъ-Кале; а по линіи, начиная отъ Адлера до Новороссійска, въ г. Керчь или Анапу. Гагринскій же гарнизонъ не успѣли перевезти, по недостатку судовъ и вслѣдствіе скорого появленія непріятельской эскадры, крейсеровавшей у восточныхъ береговъ.

Начальникъ черноморской береговой линіи, вице-адмиралъ Серебряковъ, не рѣшаясь отправить для снятія гагринскаго гарнизона военныя суда, сдѣлалъ вызовъ коммерческимъ. Шкиперъ греческаго судна «Іоаннъ», Сорандо Фотіа, объявилъ готовность выполнить это опасное предпріятіе, отказываясь отъ всякаго вознагражденія. Благородный поступокъ отважнаго грека увѣнчался полнымъ успѣхомъ. 20-го апрѣля, послѣ отбитія жестокаго штурма горцевъ, обложившихъ укрѣпленіе 9-го числа того же мѣсяца, гарнизонъ, въ числѣ болѣе 600 человекъ, былъ посаженъ на судно; всѣ постройки и имущество преданы огню, а стѣны укрѣпленія ваорваны.

Апрѣля 23-го, Сорандо Фотіа привезъ свой дорогой грузъ въ Керчь, не встрѣтивъ, по счастью, въ теченіе девятидневнаго плаванія (*) ни одного непріятельскаго судна.

По окончаніи Восточной войны, нѣкоторые изъ черноморскихъ береговыхъ пунктовъ были снова нами заняты. Въ Гагры вступилъ гарнизонъ 5-го мая 1857 года, причемъ также не обошлось безъ кровопролитія и нѣсколькихъ штурмовъ горами укрѣпленія. Въ одинъ изъ подобныхъ отчаянныхъ приступовъ горцы заготовили даже фашины для закладки рва и штурмовыя лѣстницы, но были отбиты съ значительнымъ урономъ. Гарнизонъ Гагръ состоялъ изъ

(*) Отъ Керчи къ Гаграмъ и обратно.

трехъ линейныхъ ротъ (*) и одной стрѣлковой Кавказскаго линейнаго № 33-го баталіона.

II.

На мысѣ Адлеръ существовало укрѣпленіе Св. Духа, занятое въ 1838 году, которое было оставлено также по случаю Восточной войны 9-го марта 1854 года.

Тутъ были земли, обитаемыя племенемъ *садзуа* или *джигетовъ*. Отъ мѣста, гдѣ оканчивается Гагринскій проходъ, по берегу моря, до устья р. *Хашупсе*, находилось общество *Цандрипишъ*, занимавшее всѣ удобныя ущелья внутри, почти до Ахчипсхоу и Анбга. Оно составляло владѣнія князей *Цапъ* или *Цамбаговъ* (**). Въ верховьяхъ р. Хашупсе лежало небольшое общество *Хышха*,—владѣніе князей *Анцибадзе* (***). *Кечиба*, владѣніе князей *Кечъ*, было между рѣками *Мдзымта* и Хашупсе. *Аредба*, владѣніе князей *Аредъ* или *Аредбаевыхъ*, находилось между рѣками Мдзымта и *Хошта*. *Цоидза* и *Баи*, небольшія общества, расположенныя по долинамъ двухъ послѣднихъ рѣкъ въ горахъ къ Ахчипсхоу, составились изъ пришельцевъ разныхъ мѣстъ, людей свободнаго состоянія. По своей малочисленности, эти общества не пользовались самостоятельностью и были почти всегда въ зависимости отъ убыховъ.

Общества Цандрипишъ и Хышха въ 1840 году изъявили покорность нашему правительству и выдали аманатовъ, за что и были разорены, въ концѣ того же года, убыхами, продолжавшими затѣмъ постоянно тревожить набѣгами всѣ мирныя селенія. Поэтому, въ началѣ октября 1841 года, въ укрѣпленіи Св. Духа былъ сосредоточенъ отрядъ изъ девяти баталіоновъ пѣхоты и 2,870 чел. абхазской и грузинской пѣшей и конной милиціи, при 16 орудіяхъ артилеріи. Нѣсколько позже этотъ отрядъ усиленъ еще четырьмя баталіонами 13-й пѣхотной дивизіи.

Отрядъ, названный *убыхскимъ*, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Анрена*, двинулся отъ Адлера къ *Сочъ* берегамъ моря, по каменистой дорогѣ, которая во время сильнаго прибоя волнъ покрывалась водою. Разстояніе въ 20 верстъ, раздѣляющее оба эти укрѣпленія, пройдено въ три дня, послѣ жестокаго сопротивленія со стороны убыховъ. Впрочемъ, потери наши были весьма незначительны въ сравненіи съ трудностями перехода по открытой мѣстности, при-

(*) Четвертая изъ нихъ находилась въ Пицундѣ.

(**) Въ Абхазіи отрасли этой фамиліи назывались *Зоанбами*.

(***) Вероятно, также отрасль имеретинской фамиліи князей Анцибадзе.

легающей къ покрытымъ лѣсомъ возвышенностямъ, на которыхъ были устроены горцами ряды заваловъ. Для избѣжанія прохода подъ огнемъ этихъ заваловъ нужно было штурмовать ихъ, или выбивать изъ нихъ горцевъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ.

Въ Цаидрипшѣ учреждено было впоследствии приставство, и жители считались мирными, до оставленія нами береговой линіи въ 1854 году.

Отъ рѣки Хошта начиналась земля убыховъ. При впаденіи въ море р. Сочи, недалеко отъ устья ея, построено было въ 1838 году укрѣпленіе Навагинское (называвшееся также и Соча); оно оставлено также 5-го марта 1854 года и съ тѣхъ поръ не было возобновлено.

Племя убыховъ раздѣлялось на нѣсколько обществъ и состояло изъ *собственно убыховъ*, занимавшихъ мѣстность между рѣками Хошта и Шахе, въ 20 верстахъ отъ морскаго берега, и *саме* между Хошта и долиною р. Сочи, на морскомъ побережьи. Убыхи, весьма удаленные отъ нашихъ поселеній, почти не дѣлали набѣговъ на нихъ, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, по приглашенію другихъ обществъ, они участвовали въ воровскихъ шайкахъ, пробиравшихся за Лабу и Кубань. Между тѣмъ, будучи непримиримыми врагами русскихъ, они нерѣдко собирались для наказанія тѣхъ обществъ и ауловъ, которые принимали мирныя условія, или не ходили на грабежъ къ нашимъ границамъ. Прибрежные убыхи и джигеты хотя и не уступали нисколько другимъ племенамъ горцевъ въ отвагѣ и воинственности, но, живя на морскомъ берегу и находясь въ торговыхъ сношеніяхъ съ турками, меньше имѣли склонности къ грабѣжамъ и разбоямъ. Сравнительно съ горными поселеніями, они жили въ большомъ довольствіи, и потому имѣли болѣе склонности къ удобствамъ мирной жизни. Только въ послѣдніе годы, когда наши войска, все больше и больше проникая въ горы, взволновали все немирное населеніе западнаго Кавказа, и убыхи, вмѣстѣ съ другими, сдѣлали поголовный призывъ къ оружію и выставляли свои шайки противъ нашихъ отрядовъ, находившихся въ земляхъ другихъ племенъ.

У племенъ адиге и убыховъ существовали слѣдующія сословія: 1) *миш*—князь, 2) *ворж*—дворянинъ, 3) *тхлехотль*—среднее сословіе свободныхъ людей, 4) *обз*—кліенты, состоящіе въ зависимости отъ покровителей, 5) *мигитль*—подвластный хлѣбопашецъ и 6) *асырь*—рабъ, дворовый человѣкъ.

Прежде князя и дворяне у всѣхъ черкесскихъ племенъ пользовались такою же властью и вліяніемъ въ народѣ, какъ и у абазинскихъ. Но около половины прошлаго столѣтія въ обществахъ адиге

совершился переворотъ, въ которомъ эти сословія лишились своихъ преимуществъ передъ другими и уравнились въ правахъ съ тѣлохотлями, сдѣлавшимися по своей многочисленности первенствующимъ сословіемъ.

Бывшая аристократическая партія черкесовъ почти до переселенія въ Турцію не оставляла своего желанія возстановить утраченные права. Нѣсколько разъ она даже обращалась къ русскимъ съ просьбою помощи въ этомъ случаѣ, съ обѣщаніемъ признать власть правительства. Но, уличенная другими сословіями въ такихъ переговорахъ, была призываема на судъ народнаго собранія и подвергалась большой попѣ.

Упорное, хотя и медленное наступленіе нашихъ отрядовъ въ глубину горъ западнаго Кавказа въ 1862 году вызвало энергическое сопротивленіе черкесовъ. Убыхское племя, согласно положенія меиджлеса, или народнаго собранія, отправило къ абадзехамъ отъ 4,000 до 5,000 чел. пѣшихъ и конныхъ.

Для объясненія значенія народныхъ собраній горцевъ, организованныхъ въ послѣднее время ихъ борьбы съ русскими, я сдѣлаю небольшое отступленіе отъ нити разсказа. Въ письмѣ старшинъ черкесскихъ къ великобританскому консулу, имѣвшему въ то время постоянное мѣстопробываніе въ Сухумѣ, говорилось, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ 17-й день зихильджа 1277 года (13-го іюня 1861 года) всѣ черкесы были приглашены на совѣтъ и единогласно рѣшили: учредить чрезвычайный союзъ и не отставать отъ него, съ тѣмъ, чтобы сохранять порядокъ внутренній, а отступающихъ отъ союза наказывать. Въ черкесскомъ владѣніи учрежденъ меиджлисъ изъ 15 улемовъ и умныхъ людей. Этому меиджлису дано званіе: «великаго и свободнаго засѣданія». По повелѣнію же меиджлиса, учреждено въ нашемъ краѣ 12 округовъ. Въ каждомъ округѣ опредѣлены: *мухта* и *кади*, а также и *мухтаръ* (старшина), подъ названіемъ *зантіе*. Они должны исполнять повелѣнія меиджлиса и дѣйствовать заодно съ «великимъ засѣданіемъ». Во владѣніи же черкесскомъ отъ каждаго 100 дымовъ взять по пяти всадниковъ и по одному зантіе, чтобы они исполняли предписанія окружнаго могакема по сбору доходовъ и распредѣленію податей» (*).

Появленіе войскъ мѣваго фланга со стороны Кавказской линіи, у

(*) Письмо это, писанное на турецкомъ языкѣ, случайно попалось въ руки русскихъ властей. Нужно полагать, что документъ этотъ еще нигдѣ не напечатанъ.

самою подошвы главнаго хребта, всего въ двухъ-трехъ переходахъ отъ земли убыховъ, подало поводъ къ чрезвычайному собранію мезджлиса. Въ немъ постановлено было:

1) Отправить посольство въ Константинополь, Парижъ и Лондонъ, съ просьбою о заступничествѣ державъ. Для покрытія же расходовъ этой дипломатической миссіи, наложить на все населеніе отъ Туапсе до Адлера денежный сборъ по 50 коп. съ дыма.

2) Обнародовать призывъ къ священной войнѣ (газаватъ) и отправить въ землю абадзеховъ, на все лѣто, нѣсколько тысячъ людей.

3) Понудить къ такому же содѣйствію и племя джигетовъ.

Въ скоромъ времени, по прибытіи убыховъ въ землю абадзеховъ, въ одной изъ жаркихъ стычекъ съ нашими войсками, они потеряли убитыми и ранеными до 60 человекъ изъ лучшихъ фамилій и, не смотря на этотъ уронъ, вновь присягнули присягу дѣйствовать еще съ большею пастойчивостью.

Чтобы не ослаблять себя и не подавать повода мало преданнымъ дѣлу союза къ отлучкамъ, они единогласно рѣшили, вопреки народному обычаю, не отправлять въ землю свою убитыхъ и раненыхъ. Выѣстъ съ тѣмъ, назначено посольство въ землю джигетовъ, которое обязано было въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ представить имъ положеніе дѣлъ и потребовать отъ нихъ 2,000 чел. на помощь, съ угрозою непримиримой вражды за неисполненіе просьбы.

Чтобы хотя немного отвлечь вниманіе горцевъ, скопившихся уже въ большихъ массахъ, отъ всѣхъ обществъ западнаго Кавказа противъ войскъ лѣваго фланга, кутаисскій генералъ-губернаторъ рѣшился произвести диверсію на какой нибудь изъ прибрежныхъ пунктовъ Чернаго моря, заселенныхъ племенемъ непокорныхъ горцевъ. Рѣшено было сдѣлать высадку на урочищѣ Псахе, противъ здаій мезджлиса, расположенныхъ не въ далекомъ разстояніи отъ берега и не въ срединѣ селенія, а только близъ него.

Ночью суда вышли изъ гагринскаго рейда и прошли вдоль береговъ. Цѣлью предварительной рекогносцировки было осмотрѣть мѣсто предполагавшейся высадки. Дойдя до бывшаго форта Головинскаго (*), суда поворотили назадъ; корветъ, уменьшивъ пары и поднявъ паруса, медленно шелъ въ обратный путь. Шхуна держалась дальше въ морѣ и шла также самымъ малымъ ходомъ.

За все время нашего плаванія, на морѣ почти не видно было другихъ судовъ. Изрѣдка гдѣ на горизонтѣ заблѣтается парусъ ко-

(*) При рѣчкѣ Субаша или Шахе.

мерческой шхуны; въ это время года, при непостоянствѣ вѣтровъ, суда нашего черноморскаго и азовскаго каботажнаго флота мало показывались близъ береговъ непокорныхъ горцевъ. За то часто подходили къ этимъ берегамъ турецкія кочеры, съ контрабандными товарами. Для безопасности плаванія, они большею частію избирали ночное время и приставали при устьяхъ рѣкъ или въ мѣстахъ, гдѣ можно было скрыть на берегу вытащенное изъ воды судно, чтобы оно не могло быть замѣчено нашими крейсерами. По малочисленности военныхъ судовъ, находившихся на Сухумской и Константиновской морскихъ станціяхъ, воспрепятствовать этому не было никакой возможности. Да и многія изъ кочермъ имѣли отъ консуловъ, въ Трапезондѣ, Батумѣ и Керасундѣ, коносаменты и накладныя на товары, будто бы, слѣдовавшіе въ Керчь и Апапу. Представивъ при встрѣчѣ съ нашими крейсерами эти документы, владѣльцы кочермъ улучали время, когда близъ береговъ не было военныхъ пароходовъ, и приставали вмѣсто пунктовъ, указанныхъ въ документахъ, къ черкесскимъ берегамъ.

Особенно къ началу 1862 года производились дѣлательныя сношенія горцевъ съ Турціею, откуда получалась также военная контрабанда въ видѣ оружія, пороха и проч.

Въ замѣнъ товаровъ, привозимыхъ горцамъ, турки вывозили невольниковъ и мѣстные произведенія края, въ томъ числѣ значительное количество кукурузы. Не смотря на небольшое населеніе, хлѣбное зерно отправлялось даже и въ Абхазію. Такъ, въ одинъ неурожайный годъ, въ это владѣніе привезено кукурузы и другихъ сортовъ хлѣба изъ обществъ Джигетин и земли убуховъ столько, что его достаточно было для прокормленія Бзыбскаго, Сухумскаго и части Кодорскаго округовъ, и только небольшая часть послѣдняго получала этотъ продуктъ изъ Мингреліи и Самурзаканъ.

Около трехъ часовъ по полудни 18-го іюля, корветъ и шхуна снова входили въ гагринскій рейдъ.

Вечеромъ, часовъ около десяти, началась посадка стрѣлковой роты Гагринскаго баталіона, на транспортъ «Эльборусъ». Въ половинѣ одиннадцатаго, эскадра снялась съ якоря и вышла въ море, впрочемъ, не теряя изъ виду береговъ. Мы подвигались впередъ медленно, да и поспѣшать къ мѣсту предполагавшейся высадки не представляло надобности; можно было дойти до утра, двигаясь самымъ малымъ ходомъ.

О томъ, куда идемъ и зачѣмъ, въ то время знало только начальство, да, вѣроятно, проводникъ, взявшійся указать избранный

пунктъ; для всѣхъ же остальныхъ это было пока тайпой. О предстоящемъ толковали не только офицеры, но и солдаты, расположившись на палубѣ сидя и лежа группами. Немногіе изъ нихъ спали, придерживаясь, вѣроятно, малороссійской пословицы: що було, то бачили, а що буде, то побачимо (*). Мнѣ тоже не спалось, и по неводѣ приходилось прислушиваться къ толпамъ.

— А фельдфебель сказывалъ, што будто Новороссейскъ въ атаковкѣ, слышался свадн меня голосъ полупешотомъ.

— Нешто тамъ войскъ мало; тамъ ихъ, пожалуй, побольше здѣшняго, отвѣтилъ другой.

— Зачѣмъ же насъ такъ спѣшно подхватили?

— Начальство про то знаетъ.

— Вотъ оно и выходитъ, что Новороссейскъ черкесы окружили, и мы идемъ на выручку.

— Не Новороссейскъ, а, говорятъ, графъ Евдокимовъ съ отрядомъ въ атакѣ — отозвался третій, повидимому, также принадлежавшій къ бесѣдующей группѣ.

— Графъ Евдокимовъ въ горахъ,—на это объяснялъ первый голосъ, а мы нешто въ горы пойдемъ съ тремя ротами безо всякаго припасу; ни провѣянты, ни вычюныхъ лошадей у насъ нѣтъ.

— Такъ отрядъ-то, значить, подошелъ къ морю, черкесы его и окружили со всѣхъ сторонъ, онъ и потребовалъ помощи отсюда, — утверждалъ третій.

— Отсюдова-то оно ближе—замѣтилъ второй.

— Не то что ближе, а, значить, лазутчику нельзя было назадъ пройти, на ту сторону горъ, ну онъ, должно, и извѣстилъ наше начальство, чтобы спѣшили туда на выручку, — продолжалъ убѣждать слушающихъ третій.

Нѣкоторые изъ стрѣлковъ стояли около борта корвета, обращеннаго къ берегу, какъ бы стараясь разглядѣть въ темнотѣ очертанія его. Замѣтно было почти у каждаго, не то, что беспокойствіе, а какое-то напряженное вниманіе, въ ожиданіи чего-то. Я, быть можетъ, тоже былъ бы занятъ вопросомъ о цѣли плаванія десантнаго отряда, но, къ несчастью, мнѣ было не до того. Одѣтый въ казакянъ, я съ удовольствіемъ вспоминалъ о шинели, которую я не успѣлъ захватить при выѣздѣ ихъ Сухума. Спускаться въ каюту, гдѣ страшная духота, отъ сосѣдства пароваго котла, и спертый воздухъ, я не захотѣлъ, почему прилегъ къ борту, противъ трубы парохода, отъ которой было тепло, и почти безсознательно смотрѣлъ на берегъ.

(*) Что было, то видѣли, а что будетъ—узнадимъ.

По въ темпотѣ пельзя было ничего различить. Только горы съ ихъ причудливыми вершинами, мрачнымъ силуэтомъ вырѣзывались на темпо-сипемъ фонѣ сѣверо-восточнаго горизонта, и по мѣрѣ удаленія судна отъ береговъ постепенно исчезали. Фонарь надъ вахтой разливалъ вокругъ себя дрожащій свѣтъ по палубѣ, гдѣ уже кучами спали стрѣлки, громоздясь около мачтъ, или около бортовъ, между орудіями. Съ полуночи все уже стихло и кромѣ шума выпта, да стука машины, слышались только мѣрные шаги вахтеннаго офицера, расхаживавшаго взадъ и впередъ по площадкѣ, устроенной выше палубы, поперекъ судна. Порой отдавалась команда рулевому штурманомъ, слѣдившимъ за движеніемъ корвета по картѣ.

По пробитіи стлянокъ, бросали за бортъ лоть (*), раза два зажигали фалшфейеры (**). Изъ люка на палубу вышли два земляка, стрѣлокъ съ матросомъ, которые разсуждали между собой, вспоминая далекую родину.

— У насъ, сказываютъ, скоро и въ безсрочный будутъ отпущать,—говорилъ пѣхотинецъ.

— Нѣшто у васъ, а нашего брата не пустятъ, выслужи въ чистую, тогда и ступай, отвѣтилъ морякъ.

— Слава Богу; што срокъ-то сократили.

— Да, это хорошо для молодыхъ пекрутовъ; тѣмъ должно только по пятнадцати служить, совсѣмъ съ отпускомъ, а мы поступили раньше манифеста.

— А у насъ слухи идутъ, што на всѣхъ положено пятнадцать. Слѣдуетъ небольшая пауза.

— Ты не зналъ земляка съ Орѣховки, Таранковъ по фамиліи, онъ до-прежде при адмиралтействѣ служилъ въ Николаевѣ, а послѣ тутъ былъ, въ кампанію, на «Келасурѣ»,—началъ снова матросъ.

— Знаю.

(*) Для измѣренія скорости движенія судна, черезъ часъ или въ опредѣленный срокъ времени бросается за бортъ свицовый лоть съ поплавкомъ; тяжесть свинца удерживаетъ поплавокъ на мѣстѣ, къ поплавку прикрѣпленъ снурокъ, намотанный на свободно вращающійся валъ. Снурокъ на каждыхъ восьми саженихъ имѣетъ записанные узелки. По мѣрѣ того, какъ движется судно, а лоть остается на мѣстѣ, разматывается снурокъ съ валика; сколько въ минуту размотается узловъ съ вада, столько, слѣдя этимъ ходомъ, судно проходитъ морскихъ миль въ часъ.

(**) Фалшфейеры бываютъ: полминутные, минутные и двухминутные; они употребляются на судахъ ночью для передачи командныхъ или условленныхъ сигналовъ другимъ судамъ, что во время дня передается флагами, а въ туманы орудійными выстрѣлами, повторяемыми въ условномъ числѣ и черезъ извѣстные промежутки.

— Ушелъ тоже въ отставку этой весной.

— По зеленому, али по красному (*).

— По зеленому.

— Жаль, што я не зналъ, а то можно бы и писульку роднымъ послать.

— Зачѣмъ же пересылать, года черезъ полтора самъ будешь дома; вотъ мое дѣло другое, мнѣ еще не скоро, хоть бы на срокъ пустили.

— Письма посылаешь домой?

— Да, ужъ года два назадъ, какъ писалъ.

— И получаешь изъ дому?

— Мѣсяцевъ пять назадъ получилъ.

— А я ужъ годовъ десятокъ ничего не пишу и не получаю; батка и мать померли, у братьевъ своя семья, хозяйки (жены) нѣтъ и некому писать.

— Тебя, значить, и домой-то не тянетъ.

— Эге, братуха, пора ужъ перестать. Покончу службу царскую, то, можетъ, найду мѣстечко, пріючусь и обзаведусь женой, а во-свои-то тащиться ужъ больно далеко, да мѣста-то у насъ хоть и хлѣбородныя, да земли больно мало, не стоитъ тамъ жить.

— А у меня, братъ, жена; когда шелъ въ пекрута, дѣвочка году оставалась, а теперь жена пишетъ, што два сына есть, — пояснилъ стрѣлокъ — старшій теперь по девятому году, приду домой, хозяйничать буду. Жена-то при батькѣ живетъ.

Снова минутная пауза.

— Ну, а служба у васъ?

— Служба ништо, сначала трудная была, а теперь маленько попривыкъ, меня ужъ съ годъ какъ перевели въ первый разрядъ.

— Стало больше жалованья получаешь?

— Да. Я недавно переведенъ на «Рысь»; нашего прежняго экипажа командиръ былъ хорошъ; у него я теперь, пожалуй, былъ бы ундеромъ. А этотъ меня еще мало знаетъ; кормятъ хорошо, только въ морѣ скука большая; другое дѣло при станціи, тамъ всегда можно въ городѣ побывать.

Къ утру начало свѣтлѣть; надъ горами, находившимися отъ насъ къ сѣверо-востоку, сводъ неба окрашивался въ блѣдно-розовый цвѣтъ. Тутъ только мы замѣтили, что мѣсто предполагаемой посадки пройдено уже болѣе двухъ верстъ, почему суда сейчасъ же повернули назадъ,

(*) Цѣнга билетовъ, выдававшихся въ то время людямъ, выходявшимъ въ безсрочный отпускъ или въ чистую отставку.

по направлѣнію къ уроч. Псахе. Шли, такъ же, какъ и ночью, малымъ ходомъ, соблюдая всевозможную тишину. Пароходы стали въ одну линію: корветъ и шхупа на ближайшій орудійный выстрѣлъ, а транспортъ на дальній. Затѣмъ, весь десантъ пересажень съ судовъ на барказы. На всѣхъ барказахъ, составившихъ десантную гребную флотилію, на кормахъ были поставлены флаги разныхъ цвѣтовъ, которые велѣно примѣчать солдатамъ, чтобы не могло быть замѣшательства при обратной посадкѣ, когда каждый долженъ былъ по цвѣту флага бѣжать къ своему барказу.

Всѣ лодки почти одновременно подошли къ берегу; стрѣлки высочили на прибрежный песокъ, а барказы, отойдя сажень на 15, бросили якоря, и выстроили также линію.

Въ этомъ мѣстѣ прибрежная полоса песку и щебня была шаговъ на 30 ширины, а затѣмъ возвышался крутой скалистый подъемъ, покрытый лѣсомъ. На лѣвой сторонѣ шель отъ моря глубокій, также лѣсистый оврагъ. Небольшая тропа отъ береговой полосы пролегала по дну оврага, затѣмъ начинала подниматься косвенно по лѣвому обрыву его, изгибаясь между громадными пнями деревъ и грудами камней и скалъ. Весь подъемъ составлялъ сажень 70. Послѣ того дорожка выходила на ровную площадь, покрытую густымъ, хотя и молодымъ лѣсомъ, перепутаннымъ плющами и лианами. Сбившись съ этой тропинки, трудно было выбраться на нее снова. Далѣе дорожка вела небольшимъ кособоромъ къ площадкѣ, очищенной отъ лѣсу, на которой стояло три деревянныхъ здавія съ дранчпыми крышами. Эти домики и составляли присутственные мѣста администраціи горцевъ, или мѣнджлнса «великаго и свободного застѣванія», гдѣ, кромѣ залы парламента, стояли еще кунакская и модельная.

Построившись по-ротно, стрѣлки начали подниматься на гору; по неудобству подъема, нужно было всходить по одному человѣку. Было еще очень рано, и сторожа построекъ мекеме, лѣтроятно, еще спали. Только тогда, когда стрѣлки поднялись на площадку, почти на виду ихъ, сторожа успѣли запереть всѣ двери здавій. Спасаясь, они не могли подавать своихъ сигналовъ, изъ болѣзни пасть въ руки солдатъ.

За здавіями правительственныхъ учреждений горцевъ разстилалась ровная, мѣстами волнистая возвышенность, расходясь на обѣ стороны за оврагъ. Мѣстность эта была густо заселена горцами до крутыхъ подъемовъ подходящихъ сюда горныхъ отроговъ; горцы занимали также котловины ущелій, выходящихъ изъ горъ и долины рѣчекъ. Тутъ былъ центръ населенія убухскаго племени, гдѣ и избрапо мѣсто для

постройки помѣщеній народныхъ собраній. Отсюда имѣлись прямыя сообщенія съ землями абадзеховъ и натухайцевъ, и вели также ближайшіе пути въ сосѣднія общества ахчипсхоу и ангба. Противъ зданій былъ еще спускъ къ морскому берегу, но крутой и мѣстами обрывистый, поросшій лѣсомъ и загроможденный скалами, по которому даже горцы могли съ трудомъ пробираться.

Выйдя на гору, стрѣлки разсыпались по лѣсу и образовали цѣпь вокругъ площадки. Солдатамъ еще на судахъ даны были смоляные кранцы, гвозди для прибивки ихъ къ стѣнамъ и спички со свѣчами изъ состава, который могъ горѣть и на вѣтрѣ. Почему сейчасъ же начали поджигать дома со всѣхъ сторонъ. Только въ это время слышались въ отдаленіи крики, а затѣмъ и нѣсколько выстрѣловъ. Между тѣмъ, работа по зажиганію зданій дѣлательно продолжалась; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ загорались уже стѣны и сообщали огонь драпичнымъ крышамъ.

— Поджигай вошь ту саклю, приказывалъ одинъ солдатъ другому, а то она запазена только съ одной стороны, а я отобью двери, пѣтъ-ли тамъ въ срединѣ какой бритой головы.

Послѣдній началъ прибивать кранцы къ указанной ему стѣнѣ и зажигать, а распорядитель отбивалъ двери камнемъ, что, однако, ему не удалось; двери оказались на столько крѣпкими, что онъ ихъ не могъ отбить. Взобравшись по углу до крыши, еще не занятой огнемъ, онъ отворотилъ часть ея, по домъ оказался съ потолокомъ, замощеннымъ досками.

— Что тамъ смотришь, дядя Сысончъ, спросилъ стрѣлокъ, поджигавшій сосѣднее зданіе.

— Какія-то подушки; постель, должно быть, а палаты замощены; хотѣлъ пролѣзть въ середину, да нельзя, а тамъ, навѣрное, черкесы есть.

— Экіе они дураки, что тебя не подождали; когда мы первые взбѣгали на гору, то два или три черкесика, какъ есть раздѣвши, побѣжали вотъ отъ этой самой сакли.

— Мы пѣтъ, бѣдьяжкамъ, не дали и соснуть зорькой; самый хорошій сонъ, ворчалъ Сысончъ, слѣзалъ съ крыши.

— Какъ есть раздѣвши—повторилъ стрѣлокъ, съ ружьями только, да съ шашками въ рукахъ.

— Отчево же вы по нимъ не стрѣляли.

— Гдѣ тамъ было стрѣлять, они какъ чикалки (шакалы) проскользнули промежъ деревъ, такъ что мы не успѣли и ружей съ плечъ схватить.

Огонь началъ охватывать дома со всѣхъ сторонъ и клубы чер-

наго дыма высокими столбомъ поднимались къ верху; въ это время было совершенно тихо.

Перестрѣлка въ цѣпи начала учащаться; къ мѣсту пожара стали сбѣгаться горцы со всѣхъ сторонъ. Вокругъ насъ по лѣсамъ поднялся страшный вой сигналовъ, которые все больше и больше расходились по побережьямъ и въ глубину ущелій. Слышно было, какъ кричали сбѣгавшіеся туда пѣшие и съ гиками скакавшіе всадники.

— Вишь ты, какъ на крыльяхъ ихъ песеть, какал легкая на поминъ, проклятая орда, говорилъ солдатъ, пуская выстрѣлъ черезъ оврагъ, по направленію гиковъ.

— Не трать зарядовъ по пустому, замѣтилъ ему старый унтеръ-офицеръ, тамъ на берегу еще пастрѣляешься.

Сакли совсѣмъ ужъ загорѣлись, такъ что ихъ не было никакой возможности потушить, почему мы сбѣжали внизъ, на прибрежную полосу, а вслѣдъ за нами сошли и стрѣлки, находившіеся въ числѣ зажигателей домовъ менджлиса; осталась только въ цѣпи рота № 33-го баталіона, которая вела дѣятельную перестрѣлку со скопищемъ горцевъ, все больше и больше собиравшихся къ этому мѣсту. Они стали уже показываться и на спускахъ къ морю, съ обѣихъ сторонъ оврага; особенно много ихъ появилось съ лѣвой стороны его отъ берега. Непріятель засѣлъ за камнями и пнями деревъ, стрѣляя по насъ.

На пескѣ, недалеко отъ спуска, лежали два громадныхъ полустлѣвшихъ дерева, за которыми расположились солдаты и начали отвѣчать на огонь горцевъ. Съ каждой мигутой выстрѣлы учащались, но намъ нельзя было садиться на барказы, не дождавшись спуска цѣпи съ возвышенности на берегъ. Почти изъ-за каждого камня, пня и куста сверкалъ огонь, взвивался дымокъ и около насъ съ визгомъ летѣли винтовочныя пули, по горцевъ мы почти не видѣли, не смотри на то, что насъ раздѣлялъ промежутокъ отъ 40 до 60 шаговъ. Отъ колоды, подъ которой мы сидѣли или, лучше сказать, лежали, потащили подъ руки одного раненаго, другаго и третьяго на барказы, подошедшіе къ берегу для принятія десанта. Дальше начали таскать и убитыхъ, то изъ подъ одного дерева, то изъ подъ другаго.

Когда двѣ роты, лежа подъ завалами, на пескѣ, перестрѣливались съ горцами, въ ожиданіи спуска съ горы третей, никому нельзя было стоять на ногахъ: какъ только кто поднимался, десятки пуль осыпали его. Почти не проходило безъ того, чтобы одного изъ двухъ носившихъ на барказы убитыхъ и раненыхъ не подстрѣливали. Почему каждый изъ насъ, по инстинкту самосохраненія, прижимался къ песку, укрываясь подъ гнилыми колодами, выглядывая изъ-за

нихъ только тогда, когда нужно было сдѣлать выстрѣлъ. Въ это время начальникъ десанта, капитанъ Бараховичъ, ходилъ взадъ и впередъ сзади нашихъ заваловъ. Пули сыпались на него со всѣхъ сторонъ, какъ дождь, взрывая и клубя песокъ, но не обращая на то вниманія, онъ продолжалъ ходить, дѣлая необходимыя распоряженія.

Горцы особенно сильно наседали на насъ съ лѣвой стороны, т. е. съ оврага и высотъ, тянувшихся за нимъ, почему правый флангъ гребенныхъ судовъ открылъ по нимъ огонь изъ своихъ орудій. Осыпавшись картечью шести или семи орудій съ азовскихъ барказовъ и пулями двухъ ротъ, черкесы не оставляли своихъ мѣстъ и, по прежнему, почти изъ-за каждаго куста, куста или камня, пули продолжали сыпаться, такъ что отъ песка и дыма нашихъ выстрѣловъ почти не было возможности видѣть мѣста ихъ засады, откуда не подулъ небольшой вѣтеръ съ моря, разсѣявшій дымъ съ пылью.

Черкесы съ гиками и воемъ все бѣжали со всѣхъ сторонъ къ мѣсту перестрѣлки, а рота съ горы не сходила, заведя жаркую перестрѣлку съ непріателемъ, съ цѣлю не допустить его къ горѣвшимъ домамъ. Пожаръ былъ уже въ такомъ видѣ, что не только не возможно было его погасить, но и спасти что нибудь изъ горѣвшихъ строеній не имѣлось возможности. Подавъ былъ уже второй сигналъ къ отступленію и рота показала въправо, по другой тропинкѣ, шедшей также отъ здаій суда къ морю, которая, къ счастью, была отыскана. Возвращаясь прежнимъ путемъ, при большомъ скопищѣ черкесовъ на днѣ оврага и правой сторонѣ ската его, рота могла бы имѣть значительныя потери, и должна бы была пролагать себѣ путь штыками.

Пѣшія и конныя партіи горцевъ бѣжали изъ далекихъ мѣстъ отъ Сочи и Варданъ, по прибрежной полосѣ щебня. Корветъ посылалъ иногда, въ ту и другую сторону, граматы, что заставляло приближающіяся шайки скрываться въ лѣсу возвышенностей или всходить на верхъ береговаго ската и по немъ уже продолжать путь.

Не смотря на усиливающійся огонь непріателя, отъ котораго стали чаще уносить нашихъ убитыхъ и раненыхъ, на лицахъ солдатъ изображалось невозмутимое спокойствіе.

— Ишь ты, сколько собралось ихъ нечистой силы, слышалось порой замѣчаніе подъ какимъ нибудь бревномъ. Или:

— И откуда такъ скоро набирается ихъ столько.

Но подобныя фразы вырывались рѣдко, большею частію всякій солдатъ молча заряжалъ ружье и стрѣлялъ въ тѣ мѣста, гдѣ показывался дымокъ черкесской винтовки, сосредоточивая все вниманіе на происходившее впереди.

Какъ только стала спускаться съ горы рота, бывшая въ цѣпи, остальные двѣ, ожидавшіеся ся на берегу, побѣжали къ барказамъ и начали садиться на нихъ. Но, сойдя съ возвышенности, цѣпь наша опять остановилась, продолжая жаркую перестрѣлку. Усердіе начальника ея въ этомъ случаѣ было совершенно неумѣстно, потому что десантный отрядъ, сдѣлавъ свое дѣло, долженъ былъ уходить какъ возможно поспѣшнѣе. Если горцы не бросились въ шашки при первой посадкѣ двухъ ротъ, то этимъ мы обязаны картечи съ барказовъ, которые, не смотря на сдѣлавшуюся хотя и небольшую качку отъ начинавшагося волненія, держали до этого времени непріятеля на почтительномъ разстояніи. Впрочемъ, черкесы за своими завалами несли потери меньше въ сравненіе съ нашими. Они боялись только гранатъ съ судовъ и картечи съ лодокъ.

Принявъ двѣ роты, барказы не могли отходить отъ берега далеко, такъ какъ на оставшуюся тамъ третью роту горцы могли кинуться въ шашки и, пользуясь громаднымъ численнымъ перевѣсомъ, всю уничтожить. Какъ только эта послѣдняя спустилась на прибрежную полосу, суда начали обстрѣливать высоты; особенно удачно стрѣляла «Туапсе», подошедшая ближе къ берегу. «Рысь», поворачиваясь на обѣ стороны, изрыгала съ бортовъ своихъ массы чугуна въ видѣ ядеръ, гранатъ и картечи. Азовскіе барказы также осыпали картечью мѣста, занятые непріятелемъ, гдѣ замѣчалось больше дыму отъ ихъ выстрѣловъ. Стрѣлки съ берега и лодокъ продолжали поддерживать ружейную перестрѣлку. Не смотря на то, что возвышенность, осыпаемая пулями и артиллерійскими снарядами, отъ которыхъ трещалъ и ломался лѣсъ и сыпались осколки и листья, а земля и камни, взрываеваемые ядрами и гранатами, поднимали пыль, у горцевъ пальба все болѣе и болѣе усиливалась. За грохотомъ орудій мы уже не слышали ихъ гиковъ. Особенно сильный огонь черкесовъ былъ изъ-за оврага, при устьѣ его, куда пароходы не могли стрѣлять.

Пока мы были на берегу, то имѣли возможность скрываться за колодами; на барказахъ же, сидя кучами, мы представляли хорошую цѣль для горцевъ, чѣмъ они и съумѣли воспользоваться. Тамъ у насъ было больше раненыхъ и мало убитыхъ, здѣсь же всѣ рапы, за рѣдкими исключеніями, были смертельны. До пояса мы были закрыты бортами барказовъ, оставалась для прицѣловъ горцевъ грудь и голова.

Какъ только нашъ барказъ сталъ отходить, мы опять начали стрѣлять въ лѣсъ и камни, скрывавшіе непріятеля. Сначала былъ убитъ стрѣлокъ, сидѣвшій около меня съ лѣвой стороны; пуля попала въ високъ, и онъ молча повалился на меня всею тяжестью тѣла; вслѣдъ

затѣмъ рапсень въ животъ милиціонеръ-имеретипъ, который схватился за рану и прилегъ ко мнѣ на ноги, онъ жилъ только четверть часа послѣ того. Во все это время на лицѣ его была замѣтна болѣзненная улыбка, съ которой онъ и скончался; я не слышалъ отъ него ни стона, ни жалобы. Въ первое мгновеніе, когда онъ схватился за животъ, мы только взглянули одинъ на другаго... и въ этомъ взглядѣ выражалось все... Мы оба понимали, что рана его смертельна. Едва только онъ улегся ко мнѣ на ноги, потому что на барказѣ была сильная тѣснота, какъ сидѣвшій съ правой стороны гребецъ, молодой азовецъ, съ тихимъ стономъ «охъ», навалился тоже на меня. Пуля попала ему въ лѣвую сторону груди; смерть также была быстрая, мгновенная. Я почти до пояса былъ измоченъ кровью убитыхъ; а въ это время у моего ружья, захваченнаго у азовцевъ-гребцовъ, совершенно избился кремль (*), и мнѣ уже нельзя было стрѣлять. Я бросилъ бесполезное ружье въ лодку и повернулся, на сколько то было возможно, спиной къ непріятелю. На барказѣ находился начальникъ десанта, почему намъ невозможно было отъѣзжать отъ берега, вдоль котораго мы тихо двигались для отдачи приказаній ротѣ № 33-го баталіона, бывшей еще на берегу; остальные же гребцы суда были дальше.

Сядься спиною къ непріятелю, думалъ ли я что-нибудь въ то время, не знаю; но, припоминая этотъ случай, приходится невольно вспомнить, что не даромъ говорятъ: «смерти страшно въ глаза смотрѣть»; такъ и мнѣ, по какой-то странной прихоти, не хотѣлось, чтобы пуля попала въ лобъ или грудь. Ужь если намѣтитъ какая, такъ пусть бьетъ въ затылокъ или спину; все не такъ страшно, вѣроятно я разсуждалъ въ то время. Пули, между тѣмъ, какъ пчелы жужжали между ушей и волны шинѣли вокругъ лодки, обдавая насъ брызгами. Лѣвый бортъ барказа впоследствии оказался избитымъ, какъ рѣшето. Смерть носилась кругомъ: то съ той, то съ другой стороны кто-нибудь со стопами валился на дно барказа. Въ этотъ моментъ я почувствовалъ, что меня кто-то дергаетъ за полу сюртука, а затѣмъ усмьшалъ и голосъ:

— Лѣзь сюда.

Это былъ докторъ № 33-го баталіона, который съ Г—вымъ, найдя свободное мѣсто подъ башкой (**), лежали на дни лодки. Я отвѣтилъ, что не только лѣзть туда, но мнѣ и повернуться-то трудно, такъ какъ я со всѣхъ сторонъ заваляенъ убитыми.

(*) У нихъ въ то время еще были ружья со штыками и кремнемъ, гладкоствольныя, которыми прежде были вооружена наша пѣхота.

(**) Перекладныя изъ досокъ на барказахъ, на которыхъ сидятъ гребцы; подъ ними можно свободно лежать.

Но я сказать неправду; если бы захотѣлъ пробраться туда, то, безъ сомнѣнїа, могъ бы разворочать тѣла и выбраться изъ-подъ нихъ. Доктора я видѣлъ въ первый разъ, когда сѣлились мы съ корвета на барказъ и онъ, изъ чувства человѣколюбія, сдѣлалъ мнѣ это предложеніе, такъ какъ мы почти уже не стрѣляли, служа бесполезною мишенью пулямъ непріятеля. Въ то время я сознавалъ всю справедливость и искренность совѣта, но не знаю почему отказался. Въ такія минуты является полное равнодушіе ко всему. Можетъ быть на меня подѣйствовало еще и то, что, вмѣстѣ съ предложеніемъ медика, я случайно взглянулъ на начальника десанта, стоявшаго на кормѣ и правившаго рулемъ, выходя почти во весь ростъ изъ-за бортовъ баркаса, на которомъ была перебита прислуга, и мнѣ показалось нехорошимъ прятаться подъ банку. Впрочемъ, я тогда не сообразилъ, что начальнику десанта нужно было распоряжаться, а если бы я легъ въ лодку, то отъ этого уменьшилось бы однимъ предметомъ для прицѣловъ горцевъ.

Черкесы больше мѣтили въ азовцевъ, стараясь перебить гребцовъ, рулевыхъ и прислугу орудій. Оттого и потеря у азовцевъ была больше, сравнительно съ милиціонерами и стрѣлками. Командиръ барказа, сотникъ Перетяткинъ, когда убили у него рулевого, сталъ на его мѣсто управлять лодкой, но тотчасъ же былъ раненъ въ ногу. Передавъ гребцу руль, сотникъ перешелъ къ орудію, прислуга котораго была перебита, и началъ заряжать его, но тутъ ранили его въ руку. На другомъ барказѣ урядникъ, находясь при орудіи, бывъ раненнымъ легко, и видя, что убить рулевого, сталъ самъ править лодкой, но черезъ нѣсколько минутъ былъ также убитъ. Командиръ, ссауль Козленко, ставъ послѣ урядника на руль, былъ раненъ въ руку. На одномъ барказѣ до того перебили гребцовъ, что, не успѣвъ къ нему на помощь катеръ съ матросами, онъ остался бы, подъ выстрѣлами непріятеля, на производъ морскаго теченія. На нѣкоторыхъ барказахъ находились солдаты, бывшіе прежде прикомандированными къ азовскимъ командамъ по некомплекту въ нихъ людей, умѣвшіе грести, причемъ знаніе ихъ тутъ вполне пригодилось.

Наконецъ, стала садиться на барказы и рота, бывший въ цѣпи, которая меньше всѣхъ понесла потерь, пользуясь закрытіемъ небольшою песчаной возвышенности со стороны оврага, что и дало ей возможность такъ долго оставаться на берегу и перестрѣливаться съ горцами, провожавшими ее отъ горѣвшихъ зданій.

По мѣрѣ того, какъ мы отходили отъ берега, горы шайками высыпали на песокъ, но выстрѣлы ихъ были уже неэффективны.

Барказы, имѣя орудіа впереди (т. е. въ кормовой части), не могли уже по нимъ стрѣлять, да почти и не было для того прислуги; если на какомъ изъ нихъ она и оставалась, то употреблена была взамѣнъ убитыхъ гребцовъ. Пароходамъ также нельзя было стрѣлять черезъ носъ, и потому они ограничивались обстрѣливаніемъ возвышенностей и скатовъ ихъ къ морю.

По выгрузкѣ съ барказовъ десанта съ убитыми и ранеными, эскадра пошла въ обратный путь, взявъ опять гребныя суда па буксиръ. Горцы, собравшись въ большомъ количествѣ, продолжали выбѣгать на берегъ пѣшіе и выѣзжать конные. Но мѣръ того, какъ суда двигались вдоль береговъ, скакали и они на лошадяхъ, по направленію къ Сочѣ, предполагая, вѣроятно, какъ бы мы тамъ не сдѣлали новую высадку. По временамъ, чрезъ небольшіе промежутки, корветъ на ходу бросалъ въ нихъ гранаты. При этомъ мы замѣтили только двухъ всадниковъ, опрокинутыхъ съ лошадыми ядрами, но черкесы, оставляя убитыхъ на мѣстѣ, продолжали бѣжать, почти не отставая отъ пароходовъ. Шхуна, подойдя ближе къ берегу, оставила одинъ азовскій барказъ, который, сдѣлавъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, вставилъ горцевъ на долгое время остановиться и укрыться въ лѣсу ската, спускавшагося къ морю. Но какъ только барказъ былъ забуксированъ, они снова появились на прибрежной полосѣ песку. Преслѣдовавшихъ насъ по берегу было около 500 всадниковъ. Погоня за судами продолжалась почти до самой Сочи, гдѣ пароходы пошли полнымъ ходомъ, а у горцевъ устали копн, пробѣжавшіе по песчаному христу около 20 верстъ.

Всей потери съ нашей стороны было болѣе 70 человѣкъ, выбывшихъ изъ фронта, въ томъ числѣ три оберъ-офицера. На берегу мы потеряли около 20 человѣкъ—большею частію раненыхъ и очень мало убитыхъ. Остальные убиты и ранены на лодкахъ. Если бы рота № 33-го баталіона не оставалась такъ долго на берегу и не задержала остальной десантъ подъ выстрѣлами горцевъ, уронъ нашъ могъ бы быть на половину меньше. Хотя остановка эта была всего на нѣсколько минутъ, но каждая минута не дешево обошлась намъ.

У горцевъ, пользовавшихся выгодною въ сравненіи съ нашею позиціею, по достовѣрнымъ справкамъ, собраннымъ въ то время, было убитыми и ранеными около 50 человѣкъ. И если у насъ изъ раненыхъ не такъ много осталось въ живыхъ, то у нихъ былъ ихъ еще меньшій процентъ. Нарѣзное оружіе на самой близкой дистанціи, а также картечь и гранаты почти каждую рану дѣлали смертельною.

Хотя паша потеря превышала убыль горцевъ въ дѣлѣ у Псахе, за то нравственный перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ. Мы явились тамъ, гдѣ они насъ не ожидали, и напали совершенно врасплохъ, какъ говорится. Узнай они днемъ раньше, во время рекогносцировки, о мѣстѣ предполагавшейся высадки, то изъ трехъ ротъ едва ли кто бы возвратился на суда. Съ такимъ небольшимъ числомъ людей можно было рисковать высадиться въ центрѣ населенія одного изъ самыхъ воинственныхъ и многочислѣннѣйшихъ племенъ Западнаго Кавказа, только рассчитывая на печальность и слѣпую панадентность.

Высадкой 19-го іюля была достигнута также и самая главная цѣль, какая предполагалась. Убыхи, находившіеся съ сѣверной стороны хребта противъ нашихъ отрядовъ, узнавъ о сожженіи аданій «великаго и свободнаго засѣданія», немедленно отправили въ землю свою 80 всадниковъ, которые привезли оттуда болѣе 100 убитыхъ и раненыхъ. Они также приостановили высылку подкрѣпленій, подъ предлогомъ, что русскіе крейсера стали постоянно появляться у ихъ береговъ. Кроме того, у нихъ начались частыя возвращенія изъ скопищъ, сосредоточенныхъ въ землѣ абадзеховъ, и вслѣдствіе этого начались раздоры послѣднихъ съ убыхами.

Пока мы шли близъ береговъ земли джигетовъ, насъ почти всюду встрѣчали горцы, выглядывавшіе изъ лѣсовъ. Они слышали канонаду и перестрѣлку и, видя пожаръ, выбѣгали къ берегу, узнать въ чемъ дѣло.

Часамъ къ четыремъ пополудни мы прибыли въ Гагры, гдѣ сдали убитыхъ для отдачіи имъ послѣдняго долга по обряду христіанскому, а раненыхъ въ лазареты для леченія. Транспортъ «Эльборусъ» на рейдѣ укрѣпленія не долго задержался и отправился въ Сухумъ, такъ что къ утру былъ уже тамъ. Мы же выѣхали въ 11 часовъ ночи; въ Гаграхъ я пересѣлъ на «Туапсе». Для меня ночь прошла не совсѣмъ спокойно. Мнѣ пришлось лежать рядомъ съ ранеными азовскими офицерами, которыхъ везли въ Сухумскій лазаретъ. Часовъ около 12-ти дня, 20-го іюли, мы уже огибали Сухумскій мысъ и входили въ бухту.

Сойдя на набережную, я узналъ, что мою особу въ городѣ считали убитою. Когда спосили съ барказа на пароходъ сотника Перетяткина, солдаты расположенные въ Сухумѣ, почти всѣ знала меня, по росту и цвѣту казачьяго мундира, сочли азовскаго офицера за меня. Когда прибылъ «Эльборусъ», то въ числѣ списковъ убитыхъ и раненыхъ, разнесенныхъ молвой по городу, значилось и мое имя.

С. Смоленскій.

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗЦА. (*)

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ДАЛѢ.

(Изъ походнаго дневника.)

I.

Отъ границъ Турціи до Новороссійска, по берегу Чернаго моря весна пачинается почти одновременно, въ началѣ марта, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ высокія горы со снѣговыми вершинами, упираясь въ море, спускаются къ нему крутыми и обрывистыми скалами, покрытыми лѣсомъ или отвѣсными скалами. Суровое сосѣдство ихъ еще нѣсколько времени поддерживаетъ въ долинахъ холодъ зимы; срывающіеся съ ледяныхъ вершинъ вѣтры, сталкиваясь съ теплымъ, весеннимъ дыханіемъ юга, оспариваютъ, пока возможно, свои владѣнія; поэтому въ тѣхъ мѣстахъ поздно начинается пробужденіе природы отъ зимняго, летаргическаго усыпленія.

Войска, находясь на дорожныхъ работахъ, или для военныхъ цѣлей въ горахъ все лѣто и осень, возвращались въ свои штабъ-квартиры только съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ.

— Ну, слава Богу, говорятъ кавказцы, воротившись въ свои казармы, — зима наступаетъ.

Передъ наступленіемъ весны, солдатъ опять складываетъ въ свою дорожную сумку скудные пожитки, составляющіе его хозяйство, навьючивается. Подвизавъ сверхъ сумки котелокъ, привѣсивъ къ нему или къ поясу ложку, набросивъ на плечи скатанную шинель и накинувъ на шею полотенце, для утиранія потнаго лица въ дорогѣ, онъ взбрасываетъ на плечо ружье и отправляется, помолясь Богу, въ путь-дороженьку, вверхъ по ущельямъ горъ, по знакомымъ тропамъ. Вѣрный признакъ, что весна наступаетъ.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, войска и зимой не оставляли дорож-

(*) См. «Военный Сборникъ» № 10-й.

ныхъ работъ (*). Для людей, втянувшихся въ походный, кочевой бытъ, это, впрочемъ, было почти все равно. Зимнею порой лагерная жизнь, конечно, хуже; холоду, грязи и дождей больше, чѣмъ лѣтомъ; но и зимой, лишь только раздвинуты тяжелыя груды облаковъ, нависшихъ надъ горами, зима тотчасъ исчезаетъ и въ воздухѣ разливается весенняя теплота; дуга, почти всегда одѣтые травой, начинаютъ ярче зеленѣть, появляются желтые и голубые цвѣтки и распускаются дикія розы. Такъ и пахнетъ весной, не смотря на то, что на дворѣ декабрь, январь или февраль. Но едва небо насунилось и пошелъ дождь—декорація перемѣняется, и снова является зима съ своими прихотливыми метаморфозами: ярко зеленѣвшій вчера лугъ покрывается мокрымъ снѣгомъ, или, залитый водой, представляетъ топкое болото, съ пожелтѣвшей отъ сырости зеленью; цвѣты осыпаются, розы судорожно свертываются, пряча отъ холода свои нѣжныя почки. Дожди, продолжаясь сряду по нѣсколько дней и недѣль, производятъ холода, по какъ только перестаютъ, среди зимы, дней на пять, на шесть, опять является весна во всемъ своемъ блескѣ. Морозы тамъ рѣдки, по бываютъ, хотя не свыше четырехъ градусовъ по Реомюру, и это уже считается рѣдкимъ явленіемъ, въ теченіе нѣсколькихъ зимъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, среди лѣтнихъ жаровъ, если пойдутъ на недѣлю дожди, если нижнія вершины горъ покроются снѣгомъ, на низменностяхъ дѣлаются такіе холода, что можно замерзнуть безъ теплой одежды. Сосѣдство, съ одной стороны, жаркаго юга, съ другой — ледяныхъ горъ, всегда вѣющихъ холодомъ и туманами, постоянно разнообразитъ тамъ температуру воздуха, развивающаго чрезъ это, во всякое время года, лихорадки и другія климатическія болѣзни, отъ которыхъ иногда страдаютъ и туземцы, не смотря на то, что они съ дѣтства и до старости ходятъ лѣтомъ, въ жаръ, и зимой, въ холодъ, полуодѣтые, съ босыми ногами, слѣдовательно, больше подготовленные къ перенесенію непостоянства атмосферныхъ явленій края.

Доказательствомъ того, что быстрыя перемѣны температуры въ лѣтнее время за Кавказомъ совершенно зависятъ отъ расположенія мѣстности, можетъ служить Сухумъ-Кале, гдѣ мнѣ довелось прожить нѣсколько лѣтъ. Городъ раскинутъ на ровной, низменной площади, образовавшейся изъ ила, наносимаго въ море рѣкой Беслетой, и прилегающей къ обширному болотистому лугу, покрытому лѣсомъ и труднопроходимыми топями, среди которыхъ находится устье р. Гу-

(*) Не въ горахъ, конечно, а на плоскостяхъ и въ ближайшихъ къ нимъ ущельяхъ.

мисты. Хотя самый городъ осушенъ посредствомъ дренажа, но при дождяхъ грязи въ немъ бываетъ вдоволь. Въ лѣтніе жары, близъ такъ называемой Подгорной слободки, изъ небольшого ущелья, замыкаемаго городскимъ садомъ, постоянно дуетъ легкій, освѣжающій вѣтерокъ. Но, пройдя это ущелье дальше въ городъ, вась встрѣчаетъ, хотя тоже тихій, но уже горячій вѣтеръ юга, несущійся черезъ бухту и дѣлающій воздухъ удушливымъ. Это въ своемъ родѣ «сироко»; пробыть нѣсколько часовъ подъ вліяніемъ этого вѣтра и привычному человѣку вредно: онъ замѣтно ослабляетъ организмъ. Но за рѣкой Беслетой (*), откуда почти всегда тянетъ сильный вѣтеръ, вась сразу обдаетъ холодомъ, отъ котораго безъ предосторожности легко простудиться (**). Последнее ущелье, углубляясь далеко въ горы и имѣя сообщенія съ другими ущельями, выходящими отъ сѣвѣра хребта, всегда пронизано рѣзкимъ и холоднымъ вѣтромъ.

Самый городъ въ то время состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, большею частію деревянныхъ, и ряда лавокъ, обращенныхъ лицевою стороною къ морю, начиная отъ адмиралтейства до крѣпости. Это набережная. Въ прежнее время существовалъ еще рядъ лавокъ у моря; но онъ былъ подмытъ волнами. Съ тѣхъ поръ берегъ, вмѣсто строеній, заставленъ рядомъ кочермъ и фелукъ, которыя турки всегда вытаскиваютъ на песокъ, не смотря на то, что многія изъ нихъ могутъ поднимать грузу по нѣсколько тысячъ пудовъ. Два шоссе идутъ отъ центра города (близъ пристани), по направлению: одно на сѣверо-востокъ, къ Карантинной слободкѣ, а другое отъ пристани на сѣверъ, къ Подгорной. Населенныя семейными, служащими въ войскахъ, расположенныхъ въ городѣ, обѣ слободки поровню превосходили почти все населеніе города. За рѣкой Беслетой располагались постройки Кавкасскаго линейнаго № 35-го баталіона; въ ущельѣ ея, по правую сторону теченія рѣки, казармы № 36-го. Рядомъ съ Карантинною слободкой, къ горѣ, занимали небольшой скатъ бараки № 34-го баталіона и мѣстной инвалидной полуроты. За Подгорною слободкой, на возвышенности, составляющей трапецію, находились бараки № 37-го баталіона и лазаретъ № 36-го, а рядомъ съ нимъ въ ущельѣ, повыше городского ботаническаго сада, были казармы воевно-рабочей № 5-го роты. За крѣпостью располагались помѣщенія Сухумской крѣпостной артилерійской № 14-го роты и азовскихъ

(*) Солдаты называли рѣчку эту Карантинкой, вѣроятно отъ существовавшего когда-то, по соседству ея, карантинъ.

(**) Имеретинъ и другіе народы грузинскаго происхожденія, лѣтомъ, почти всегда одѣваются въ два бешмета, а если въ одинъ, то сверху надѣваютъ чоху; зимой къ послѣдней одеждѣ добавляется еще одинъ или два бешмета.

казачьихъ командъ, состоявшихъ при Сухумской морской станціи (*). Сотенная квартира Донской «разгонной» сотни находилась на Каран-типной слободкѣ, противъ адмиралтейства (**).

Городъ, вообще, имѣлъ полуазиатскую и полугеопольскую физіономію. Лавки всѣ были на одинъ покровъ: одна половина ихъ занята мануфактурнымъ или бакалейнымъ товаромъ, а другая уставлена рядами бутылокъ разныхъ винъ и водокъ, съ ярлыками на всевозможныхъ нарѣчійхъ. Рядомъ съ такими лавками помѣщаются «пурни» (***), кофейни и духаны, гдѣ вмѣстѣ съ кулемъ муки и макаронъ стоятъ боченки съ водкой и бурдюки съ виномъ; вмѣстѣ съ развѣшеннымъ по стѣнамъ оружіемъ разнаго рода, иконами, картинами, красуются бутылки съ ромомъ, элемъ, портеромъ, а дальше разставлена мѣдная кухонная посуда, даже стеклянная, противъ симметрически расположенныхъ салныхъ свѣчей, мыла и желѣза.

Въ ряду лавокъ находилось двѣ, пашквозы прокопченные табачнымъ дымомъ, кофейни,—необходимая принадлежность жителей востока. Тамъ, во всякое время дня и ночи, можно было встрѣтить грековъ, армянъ и турокъ, важно и степенно сидящихъ вокругъ низкихъ столовъ, поджавши ноги, и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ играющихъ въ лото, шахматы, «кончину» (****) и тому подобное. Здѣсь съ комфортомъ азиатской лѣни проводить часть своей жизни турокъ, заходящій сюда послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ лавкѣ, на работѣ или на рыбной ловлѣ; здѣсь онъ спѣшитъ предаться забвенію житейской суеты и пѣгѣ. Страстный охотникъ до всякой игры, онъ медленно, не торопясь, перебираетъ карты или передвигаетъ шахматы, выпуская въ тоже время огромные клубы дыма, который онъ съ такою же лѣнью тяплетъ изъ стамбульской трубки, съ двухаршиннымъ черешпевымъ чубукомъ, или изъ «паргиле» (*****), прихлебывая маленькими глотками кофе.

Торговлей занимались большею частію мипгрельцы и греки, по были и имеретины, и армяне, и турки. При входѣ въ лавку, всегда слышится одинъ и тотъ же лакопическій вопросъ.

— Што, братъ, нада?

(*) Находившіеся въ то время въ Сухумѣ два сводно-стрѣлковыхъ баталіона, т. е. восемь стрѣловыхъ ротъ отъ линейныхъ баталіоновъ, въ Имеретіи и Грузіи расположенныхъ, разбиты были въ казармахъ мѣстныхъ войскъ.

(**) Такъ назывались хозяйственные и мастерскія постройки Сухумской морской станціи.

(***) Халыбекарни.

(****) Грузинская или, вообще, азиатская игра въ карты.

(*****). Кальиль, который вообще въ Кавказомъ носить названіе: паргиле.

Объявляется.

— Сколько пада, — повторляетъ торговецъ, тѣмъ же самымъ тономъ.

Ему говорятъ: столько-то.

Торговецъ показываетъ товаръ и объясняетъ стоимость его, а затѣмъ спрашивается:

— А теньга мелкой? подъ этимъ словомъ онъ понимаетъ: деньги въ расплатку, безъ всякой сдачи.

Ему отвѣчаютъ, что деньги бумажныя.

— Сдачи, братъ, нѣту, объявляетъ продавецъ, преспокойно беретъ товаръ и кладетъ на свое мѣсто. Убѣжденія и просьбы на него не дѣйствуютъ. Со спокойной позою стоитъ онъ сложа руки и не слушаетъ доводовъ покупателя, что нельзя всегда имѣть деньги въ расплатку. Дабы избавиться отъ докучливаго посѣтителя, торговецъ флегматически повторяетъ:

— Нѣту, братъ! нѣту; ступай на другой лавка.

Въ другой и третьей лавкѣ покупатель встрѣчаетъ тоже самое, покуда онъ не согласится оставить сдачу у торговца и вмѣсто ея получить клочокъ бумаги, исписанный грузинскими или греческими каракулями. Это тоже своего рода афера: по такой роспискѣ денегъ никогда нельзя было получить, а нужно забирать товаромъ. Турки въ этомъ отношеніи сговорчивѣе.

Жизнь въ городѣ была скучная и однообразная. Сухумъ, заброшенный въ глушь полудикой Абхазіи, не имѣлъ тогда не только почтового сухопутнаго сношенія съ остальнымъ міромъ, но даже и колесной дороги за пять верстъ отъ города (*). Въ немъ проявлялись оживленіе и дѣятельность лишь въ дни прибытія на рейдъ компанейскихъ пароходовъ, которые дѣлали регулярно два рейса въ мѣсяцъ до Требизонда; слѣдовательно, въ одну недѣлю пароходъ останавливался идя изъ-за границы, привозилъ закавказскую почту, а въ другую—почту изъ Россіи. Въ это время городъ оживлялся; вслѣдствіе спѣшили на берегъ взглянуть на пріѣзжихъ пассажировъ, узнать новости и проч. Почти цѣлыя сутки на берегу движеніе: сгрузка и погрузка товаровъ и людей; бракъ лодочниковъ грековъ и турокъ, приглашающихъ пассажировъ, каждый на свою скорлупу, чтобы свезти на судно или съ него на берегъ. Набережная усыяна разноцвѣтными

(*) Въ то время, кромѣ сообщенія по казачьимъ постанамъ (не иначе какъ верхомъ), можно было выѣхать въ Россію или въ Закавказье только на пароходахъ: военныхъ, или принадлежащихъ компаніи «Русскаго общества».

группами гуляющихъ барынь, преимущественно военныхъ, офицеровъ и празношатающагося люда разныхъ національностей, движущихся взадъ и впередъ по пристани. Но какъ только пароходъ начинаетъ выпускать изъ трубы густые клубы черного дыма и, просвиставъ обычные сигналы, уходитъ въ море, набережная пустѣетъ и Сухумъ снова погружается въ однообразную жизнь на цѣлую недѣлю. Въ такое время на улицахъ становится почти пусто, встрѣчаешь однихъ солдатъ съ загорѣлыми физиономіями, или полупьяныхъ матросовъ, которые, выпросившись на берегъ, успѣли отвести душу и потерять равновѣсіе. Рѣдко когда встрѣтишь неуклюжаго деньщика-фрахта, любезничающаго съ кухаркой, или подрумяненной солдаткой. Еще рѣже встрѣчается лѣнливо переваливающійся съ ноги на ногу, съ граціей буйвола, правовѣрный чалмоносецъ, почти всегда лѣтомъ задыхающійся отъ жару и, вѣролтно въ это время мечтающій о прохладѣ рая, обѣщаннаго пророкомъ, и о его прелестныхъ гуріяхъ. Встрѣчаются и греки съ озабоченными физиономіями, окидывающіе прохожихъ лисьимъ взглядомъ, мингрельцы въ оборванныхъ чохлахъ, съ простодушными на взглядъ физиономіями, но съ лукавымъ взглядомъ. За то полунагіе и вѣчно босые абазины, легкіе какъ горпыя козы, съ бурдюкомъ за спиной, наполненнымъ кукурузой, молокомъ и другимъ деревенскимъ продуктомъ для продажи, всегда бѣгаютъ по городу, будто поспѣвая куда нибудь съ экстреннымъ порученіемъ. Въ извѣстное время дня можно встрѣтить солдатъ въ разныхъ костюмахъ, а большею частію въ однѣхъ рубашкахъ, тихо и съ неохотой идущихъ на казенную работу, впрочемъ въ погу и шеренгой, и лѣнливо пережевывающихъ куски черного хлѣба, вмѣсто завтрака. Но солдаты лѣнливо идутъ только изъ казармъ; лишь только барабанъ затрещитъ нетерпѣливо ожидаемый сигналъ: «съ работъ», они шумною толпою спѣшатъ въ казармы на обѣдъ или ужинъ, смотря по времени дня. Тутъ даже и уперы не въ состояніи поддержать дисциплину и вести ихъ шеренгой. Погода какъ будто сочувствуетъ вѣчной скукѣ города; во время лѣта, здѣсь почти всегда нестерпимые жары, отъ которыхъ спирается въ груди дыханіе, и лѣнливо, апатично смотрятъ глаза на міръ Божій. А въ остальное время года постоянно пасмурное небо, съ сѣро-свинцовымъ отливомъ, облекаетъ городъ въ трауръ, а безсмѣнные дожди, льющіе безъ устали, наводятъ еще большую скуку.

Городъ получилъ свое названіе отъ крѣпости Сухумъ-Кале, построенной турками въ 1578 году и занимаемой ихъ гарнизономъ до 1771 года, когда ввунтовавшіеся абхазцы, съ владѣтелемъ во главѣ,

выгнали турокъ. Но князь Леванъ Шервашидзе, неудачно пытавшійся войти въ переговоры о покровительствѣ Россіи и поддавшійся общепіямъ стамбульскаго правительства, снова впустилъ турокъ въ крѣпость, послѣ чего, самъ принявъ магометанство, былъ назначенъ комендантомъ Сухумъ-Кале. Съ тѣхъ поръ крѣпость хотя и занималась турецкимъ гарнизономъ, но онъ находился въ нѣкоторой зависимости отъ владѣтелей.

Въ 1806 и 1807 годахъ, Келишъ-бей, по дружбѣ и родству, далъ у себя убѣжище попавшему подъ опалу султану требизондскому Таеръ-нашъ, извѣстному въ исторіи Кавказа подъ именемъ Баталь-наши. Турецкое правительство требовало выдачи его, но владѣтель, ссылаясь на невозможность нарушить право гостепріимства, не исполнилъ требованія турокъ и далъ возможность гостю бѣжать въ Россію. Обстоятельства эти и тайныя сношенія Келишъ-бея съ нашимъ правительствомъ были причиною подстрекательства Порты, вслѣдствіе которыхъ Асланъ-бей, совершивъ отцеубійство (2-го мая 1808 года), заперся съ награбленнымъ имуществомъ семейства Шервашидзе въ Сухумъ-Кале. Однако, не встрѣчая сочувствія въ народѣ, онъ бѣжалъ сначала въ горы, а затѣмъ и въ Турцію. Русскія войска хотя и занимали съ 1808 года Абхазію, но Сухумъ былъ въ рукахъ турокъ, и только въ 1810 году былъ блокированъ русскимъ отрядомъ; въ то же время эскадра нашего Черноморскаго флота громила съ моря стѣны и постройки крѣпости. По взятіи Сухума, гарнизонъ, въ числѣ 700 человекъ, въ ночь съ 9-го на 10-е іюля, потайнымъ выходомъ въ сѣверной куртипѣ, примыкавшей къ болоту, вышелъ изъ крѣпости не замѣченнымъ и разсѣялся по Абхазіи, не имѣя возможности возвратиться моремъ въ Турцію. Во время бунта въ 1824 году, въ Сухумъ скрылась вдова владѣтеля Сеферъ-бея (по принятіи христіанства названнаго Георгіемъ), княгиня Тамара, послѣ неудачной попытки сухумскаго коменданта подполковника Михена, выступившаго изъ крѣпости съ одною ротою пѣхоты въ деревню *Аканъ*, отстоящую въ 15 верстахъ отъ Сухума, съ намѣреніемъ захватить мятежниковъ, укрывшихся въ ней; причемъ, во время отступленія по лѣсамъ, потеряно до 60 человекъ убитыми (въ томъ числѣ самъ Михенъ) и ранеными. Между тѣмъ, новый владѣтель, князь Михаилъ, съ ротою пѣхоты, заперся въ укрѣпленіи близъ сел. Сауксу.

Съ теченіемъ времени, возлѣ крѣпости образовались поселенія женатыхъ нижнихъ чиновъ и, частію, турокъ и мингрельцевъ, имѣвшихъ торговля сношенія съ абхазами, чему способствовалъ Сухумъ-

скій рейдъ, считающійся самымъ удобнымъ и безопаснымъ для судовъ, на всемъ протяженіи отъ границъ Турціи до Новороссійска.

Крѣпость Сухумъ-Кале выстроена на берегу моря изъ дикаго камня на извести; четыре ея бастіона, на которые можно поставить по пяти орудій, соединены между собой прямыми куртипами саженьей до четырехъ вышины. Куртины эти имѣютъ узкіе банкеты и бойницы для ружейной обороны. Два южные бастіона примыкаютъ къ морю, а сѣверные къ топкому, никогда не высыхающему болоту. Амбразуры ихъ приспособлены къ флажковой оборонѣ стѣнъ по бухтѣ и по выходамъ изъ ближайшихъ ущелій. Примыкающіе къ морю бастіоны обрушены частію выстрѣлами нашего флота, при взятіи крѣпости въ 1810 году, частію отъ времени. Крѣпость, по занятіи русскими, почти не исправлялась: банкеты при стѣнахъ и деревянные въѣзды на углахъ, остались въ полуразрушенномъ состояніи. Притомъ, когда обрушились южные бастіоны, въ стѣнахъ крѣпости съ обѣихъ сторонъ образовались трещины. Но стѣны эти до того прочны, что представляютъ видъ природной окаменѣлой скалы. Отвалившіеся въ море части ихъ, не смотря на постоянный прибой, перебрасывающій черезъ нихъ волны, въ теченіе полулѣтка, до сихъ поръ сохранились цѣлыми. Въ то время въ крѣпости помѣщались: пороховой паркъ, полевая и горная орудія мѣстной артилерійской роты, комендантское управленіе, гауптвахта и казематъ для арестантовъ. До постройки новой деревянной церкви въ 1861 году среди города, въ крѣпости же находился и деревянный православный храмъ.

26-го марта 1862 года изъ Сухума въ Цебельду выступилъ отрядъ русскихъ войскъ. Хотя въ это время листья на деревьяхъ только что начали развертываться, но день былъ знойный, и солнце жгло безъ пощады; даже во время привала нельзя было укрыться отъ жары подъ тѣнью не совсемъ одѣвшагося лѣса. Отъ Сухума дорога тянется верстъ шесть по берегу моря между кустарниками барбариса, лавра и мелкаго орѣшника. Пройдя торговое мѣстечко Келасуры, состоящее изъ десятка небольшихъ лавокъ и мечети, съ покривившимся минаретомъ, и служащее обиталищемъ потомкамъ турокъ, принадлежавшихъ къ остаткамъ сухумскаго гарнизона, ушедшаго изъ крѣпости въ 1810 году, дорога входитъ въ угрюмое, крутое и поросшее лѣсомъ ущелье рѣки Маджары, впадающей за мѣстечкомъ въ море. Пройдя нѣсколько верстъ вверхъ по рѣкѣ, которую тутъ нужно перейти въ бродѣ раза три, дорога поворачиваетъ къ сел. Гервеуду, гдѣ виды становятся хотя еще угрюмѣе, но разнообразнѣе. Отсюда,

сквозь ущелья, идущія отъ Цебельды, открывается панорама спѣжныхъ высотъ, которыя тлутся пестройными группами отъ востока къ западу и теряются въ далекомъ туманѣ.

Пролагаемая въ то время отъ Сухума до Цебельды колесная дорога была почти окончена. Много трудовъ и затратъ стоила она; каждый годъ полотно ея исправлялось войсками, безъ чего опа, навѣрное, скоро бы превратилась въ первобытное состояніе—вычную тропу. Грунтъ, по которому она пролегаетъ до Герзеула—камень и болото, такъ что приходилось то выскатъ дорогу въ скалахъ, то строить гати и мостки. Сквозь neodѣвшийся лѣсъ можно было разсматрѣть абхазское селеніе, которое лѣтомъ, при листвѣ, совершенно скрывается отъ глазъ. На лѣвой сторонѣ дороги разбросаны по дну ущелья или лѣплятся по его кручамъ сакли. Но никакой жизни или движенія не было замѣтно въ аулѣ; можно было подумать, что тамъ не было ни одной живой души. Только два или три оборванныхъ, босоногихъ пастуха перешли черезъ дорогу, гоня козъ, рѣзавшихся и прыгавших по шлямъ и камнямъ, да паслись надъ дорогой десятокъ лѣнивыхъ и грязныхъ буйволовъ, которые, поднявъ головы, съ удивленіемъ смотрѣли на насъ. Кто-то изъ солдатъ, набросивъ шинель себѣ на голову, пугнулъ ихъ и они съ ревомъ побѣжали въ болотистую типу, гдѣ обыкновенно валяются, укрываясь отъ жары и насѣкомыхъ.

Близъ Герзеула находилось нѣсколько линейныхъ и стрѣлковыхъ ротъ, бывшихъ уже тамъ на работахъ; часть изъ нихъ присоединилась къ выступившимъ изъ Сухума (*) и направилась также на гору Апіанчу, куда дорога шла къ Цебельдинскому укрѣпленію.

II.

Гора Апіанча составляетъ естественную границу между Абхазією и Цебельдой и не разъ служила ареной кровопролитій, выпадавшихъ на долю русскихъ. Послѣ занятія нашими войсками, въ 1837 году, Цебельды и постройки укрѣпленія Марамбы въ 1840 году, явились недовольные новыми порядками; вспыхнулъ мятежъ. Не имѣя возможности защищаться открыто, многіе изъ жителей, бросивъ свои дома, ушли въ сосѣднія горы, образовавъ тамъ шайки абрековъ. Молодежь, почти изъ всѣхъ богатыхъ фамилій въ краѣ, составляла эти

(*) Изъ Сухума выступило всего двѣ стрѣлковыхъ роты №№ 35-го и 36-го баталіоновъ. Изъ Герзеула и войскъ, бывшихъ на работахъ противъ этого селенія, на р. Кодоръ, присоединилось къ отряду шесть ротъ, въ томъ числѣ двѣ стрѣлковыя.

партіи, скрываясь въ недоступныхъ тѣснинахъ Дала, откуда онѣ пробирались на дорогу, идущую изъ Цебельды въ Сухумъ, нанося при каждомъ удобномъ случаѣ вредъ проходившимъ колоннамъ, и почти всегда выжидая ихъ на горѣ Апіанчѣ, какъ самомъ удобномъ мѣстѣ для нападенія. Жители, оставшіеся въ домахъ, также находились подѣ страхомъ, особенно тѣ изъ нихъ, которые считались преданными нашему правительству.

Между горцами Западнаго Кавказа, званіе абрека было почти въ такомъ же уваженіи и почетѣ, какъ званіе наѣздника-джигита. Живя грабежомъ и разбоемъ, скрываясь въ недоступныхъ ущельяхъ, абреки, въ то же время, имѣли сношенія съ жителями, между которыми у нихъ были пріатели, помогавшіе имъ въ воровствѣ и сообщавшіе необходимыя по ихъ ремеслу свѣдѣнія. Пробираясь къ этимъ послѣднимъ секретнымъ образомъ, они гостили тамъ по нѣскольку дней, находясь въ безопасности отъ мщенія враговъ, въ которыхъ у нихъ никогда не было недостатка. Абрекъ, добравшись до двора своего пріателя, считаетъ себя огражденнымъ отъ встрѣчи съ лицами, которыхъ ему не желалось бы видѣть, и находится подѣ покровительствомъ освященнаго пародомъ обычая — гостепримства; обида, нанесенная гостю, равняется оскорбленію хозяина, и всякій, находящійся подѣ кровомъ сакли горца, могъ быть увѣренъ, что преслѣдующій его врагъ не доберется до него иначе, какъ переступивъ черезъ трупъ хозяина. За оскорбленіе гостя возникали канлы, такъ же какъ и за оскорбленіе кровнаго родственника.

Отправляясь на разбой, абрекъ постоянно преслѣдовалъ предпринятую цѣль, переносилъ лишения, проводя ночи безъ сна, пужаясь въ пищу. Чѣмъ труднѣе и опаснѣе предстояло предпріятіе, тѣмъ охотнѣе онъ на него пускался. Послѣ удачнаго поиска, онъ дѣлился добычей съ товарищами по ремеслу и посылалъ подарки знакомымъ. Въ это время онъ дѣлался богачомъ. Но вслѣдъ за нѣсколькими днями роскоши, когда истощалось награбленное, онъ перекочевывалъ въ другое мѣсто и снова пускался на промыселъ. Переселенія для него были необходимы; они позволяли ему уходить отъ враговъ. Гражданское неустройство народа породило подобный родъ ремесла, конечно, отлпчавшійся отъ простаго воровства, которымъ занимался почти всякій горецъ. Абрекъ, проводя хищническо-кочевую жизнь, меньше всего заботился о завтрашнемъ днѣ. Все добытое, сверхъ необходимаго для пропитанія на нѣсколько дней впередъ, онъ передавалъ другимъ съ такимъ же равнодушіемъ, съ какими и грабилъ. Являясь всюду оборванымъ, абрекъ не могъ имѣть ничего

лишняго, кромѣ завѣтнаго, дорогаго оружія; за сребролюбіе отъ него отступились бы, какъ товарищи, такъ и знакомые, которые привыкли уважать въ немъ молодаго, разгульнаго, по рыцарски безкорыстнаго и смѣлаго джигита.

Проведя молодость въ такой суровой и безпокойной, а вмѣстѣ съ тѣмъ праздною и безпечною жизни, абрекъ оставилъ свое ремесло, обзаводился оскѣдностію и женой. Знакомые обязаны были дарить ему на устройство хозяйства домашній скотъ и все необходимое въ домѣ. Покинувъ разбойничью жизнь, эти люди всюду уважались въ обществахъ.

Причины поступленія горцевъ въ абреки большею частію бывали: кровомщеніи и ссоры между семействами, причемъ они старались, конечно, разорять и грабить все, принадлежащее враждебной имъ фамиліи; но иногда просто разгульная жизнь привлекала молодыхъ горцевъ, покидавшихъ изъ-за нея родную саклю и вступавшихъ въ эти шайки, о подвигахъ которыхъ повсюду гремѣла слава.

Подъемъ на Апіанчу со стороны Герзеула крутъ и скалистъ, но дорога, вытѣченная въ камнѣ, широка и удобна. На половинѣ подъема она выходитъ на небольшую площадку, откуда круто перемѣняетъ направленіе съ сѣверо-востока на сѣверо-западъ. На этой площадкѣ сохранилось еще нѣсколько полусгнившихъ деревянныхъ крестовъ, свидѣтельствовавшихъ о кровавой катастрофѣ, постигшей здѣсь одну изъ нашихъ ротъ въ 1841 году. Эта рота сопровождала транспортъ, или такъ называемую «оказію», шедшую изъ Сухума въ Цебельду. Абреки, узнавъ заранѣе о ея выступленіи и пробравшись на площадку, устроили тамъ завалы и ожидали прохода транспорта. Лишь только половина роты, шедшая впереди, вышла на площадку, не подозрѣвая засады, съ пѣсенниками впереди, какъ залпъ встрѣтилъ ее изъ-за заваловъ. Передніе люди были перебиты; второй залпъ изъ пистолетовъ совершенно ошеломилъ и разстроилъ солдатъ. Хищники, воспользовавшись моментомъ паники, бросились въ шашки. Хотя побѣда эта и дорого стоила абрекамъ, но рота была уничтожена: въ плѣнъ никого не было взято, всѣ умирали съ оружіемъ въ рукахъ; остались только тяжело раненые, которыхъ сочли убитыми. Отъ этого мѣста дорога проходитъ по безлѣсной полянѣ и затѣмъ скрывается между гигантскими буками, опушенными мелкимъ орѣшникомъ. Въ послѣднее время здѣсь сдѣлана просѣка по обѣ стороны дороги, но прежде въ этомъ мѣстѣ абреки не разъ нападали на

наши маршевыя колонны, переходившія изъ Цебельды въ Сухумъ и обратно.

Въ 1845 году, большая часть цебельдинскихъ абрековъ вошла въ переговоры съ русскою властью, и была прощена. Въ послѣднее время, многіе изъ нихъ имѣли офицерскіе чины и занимали должности мдиванбеговъ въ народномъ судѣ, какъ люди болѣе другихъ развитые и считавшіеся намъ преданными. Остальные, не желая возвращаться въ дома и покинуть свое опасное ремесло, еще нѣсколько лѣтъ производили грабежи и разбои, пока не были пойманы, убиты или вытѣснены въ непокорныя общества.

По спускѣ съ Апіанчи разстилается долина, окруженная возвышенностями, изрѣзанная оврагами, совершенно безлѣсная и покрытая пахотными полями. Надъ спускомъ въ одну изъ ложбинъ, видны остатки укрѣпленія Марамбы, построеннаго въ 1840 году, и которое занималось гарнизономъ отъ одной до двухъ ротъ.

Въ концѣ XVII вѣка, а именно около 1680 года, выходецъ изъ Ахчисхоу (Медозюи), князь Хрипсъ-Эсшау-ипа-Маршанія овладѣлъ землями, составляющими Цебельду и Дальское ущелье, которыя и раздѣлилъ между сыновьями своими: Учаномъ, Учардіемъ, Тлапсомъ и Ахтоуломъ. Эти послѣдніе и были родоначальниками цебельдинскихъ и дальскихъ князей. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ поселенія въ этой мѣстности Хрипса, прибылъ изъ Ахчисхоу въ Цебельду и двоюродный братъ его, Багиръ-ханъ-Таписъ-ипа-Маршанія, но не находя для себя удобнымъ оставаться тамъ, купилъ у самостоятельнаго владѣльца Джгерды, князя Таскаль-Очьба, землю, оцѣненную въ двадцать человѣкъ, что, по существовавшему у абазинъ счету, составляло около 10,500 руб. сер. Цебельда оставалась независимою до 1837 года; а деревня Джгерды въ 1839 году также потеряла свою самостоятельность отдѣльнаго общества и вошла въ составъ абхазскаго владѣнія.

Въ первый разъ русскіе явились въ Цебельду подъ начальствомъ генерала Розена, покорили ее, а въ маѣ 1837 года образовали изъ нея приставство. Въ 1840 году тамъ вспыхнулъ бунтъ; почему въ томъ году и выстроено было укрѣпленіе Марамба. Это былъ небольшой фортъ, окруженный рвомъ и палисадами, о двухъ бастіонахъ, расположенныхъ по діагонали. При укрѣпленіи возникло въ послѣдствіи поселеніе, считавшееся въ 50 дворовъ или 200 душъ обоюго пола, составленное изъ разнаго званія русскихъ людей: бѣглыхъ и плѣнныхъ съ ихъ семействами, бывшихъ въ Цебельдѣ и Далѣ до занятія ихъ нашими войсками. Въ Далѣ, впрочемъ, только въ 1841 году генераломъ Муравьевымъ утверждена русская власть; въ этомъ же году

въ Далѣ было освобождено много нашихъ плѣнныхъ, которыхъ водворили на жительство въ поселеніи Боголюбенскомъ, при Марамбѣ.

За исключеніемъ абрековъ, нападавшихъ на наши войска, со времени бунта въ Цебельдѣ въ 1840 году, жители этого общества вели мирную жизнь до появленія, весной 1854 года, въ Черномъ морѣ союзнаго флота; когда стали сниматься наши береговыя укрѣпленія, между мирными горцами абазинскаго племени возникли волненія. Войска, бывшія въ Абхазіи, вообще приготовлялись къ выступленію, вслѣдствіе чего приказано было и гарнизону Марамбы оставить фортъ и прибыть въ Сухумъ для движенія въ Мингрелію. Хотя распоряженіе объ отступленіи старались держать въ секретѣ, но жители за нѣсколько дней до этого стали зорко слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось въ укрѣпленіи. Сухумъ-Кале, какъ неукрѣпленный пунктъ, былъ ограбленъ абхазцами еще до выхода войскъ изъ него, но цебельдинцы съ огороженнымъ фортомъ не могли ничего сдѣлать и ожидали, пока гарнизонъ выйдетъ изъ-за его стѣнъ. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ князей-помѣщиковъ, бывшихъ на хорошемъ счету у мѣстныхъ властей, старались остановить развитіе мятежа, горцы толпами бродили около Марамбы и заняли важнѣйшіе пункты на сообщеніяхъ съ Сухумомъ, не пропуская туда ни чапаръ, ни лазутчиковъ. Въ Абхазіи подозрѣвали причину замедленія роты въ Цебельдѣ, почему 4-го апрѣля изъ Сухума послано было нѣсколько ротъ пѣхоты для выручки задержаннаго гарнизона, въ сопровожденіи лицъ владѣтельной фамиліи, которыя должны были убѣдить цебельдинцевъ пропустить марамбицкую роту. Наканунѣ этого дня, т. е. 3-го апрѣля, вечеромъ, появилась передъ укрѣпленіемъ буйная толпа мятежниковъ и окружила его; захвативъ скоть, бывшій въ поселеніи Боголюбенскомъ, и зажегши форштадтъ, толпа, съ помощью канатовъ, свалила часть стѣны, огороженной частоколомъ, и бросилась въ сдѣланную брешь; но бунтовщики вскорѣ были отбиты поставленными противъ сдѣланнаго отверстія орудіями и ружейными выстрѣлами роты.

Ночь прошла въ большомъ безпокойствѣ; но горцы до разсвѣта не осмѣливались сдѣлать на укрѣпленіе серьезнаго нападенія, изрѣдка тревожа нашихъ одиночными ружейными выстрѣлами. На утро орудія были заклепаны, а собравшіеся князья, изъ числа преданныхъ русскимъ, окруживъ гарнизонъ своимъ конвоемъ, повели его черезъ Апіанчу. Сначала толпы мятежниковъ бросились въ оставленное укрѣпленіе, въ надеждѣ пограбить, но найдя тамъ почти все уничтоженнымъ, захвативъ все, что наши войска, за поспѣшностью, не успѣли истребить, шайки цебельдинцевъ бросились вслѣдъ за отступавшимъ

гарнизонѣмъ, причемъ нѣсколько разъ прорывали цѣпь конвоя, бросались на солдатъ, срывали съ нихъ сумки, патронташи и даже ружья. На просьбу воинскаго начальника Марамбы обороняться отъ такого нахальнаго грабежа вооруженной рукой, князя, не смотря на эти дерзкія попытки, не допускали наши войска дѣйствовать оружіемъ, отказываясь, въ противномъ случаѣ, отвѣчать за послѣдствія. Пришлось, по неволѣ, согласиться на эти условія. Князь Д. Шервашидзе (прибывшій изъ Абхазіи), разлѣзая между рядами солдатъ, угрозами и даже нагайкой удерживалъ готовыхъ броситься въ свалку, не смотря на явную опасность. Абазинцы, легкіе и проворные, выбѣгали изъ чащи орѣшника на дорогу и обрѣзывали на солдатахъ сумки съ хлѣбомъ, имуществомъ или патронами, такъ что послѣдніе не успѣвали и оглянуться, какъ горцы въ одинъ прыжокъ скрывались въ лѣсъ. На угрозы грабители не обращали вниманія.

Перейдя лѣсъ и взойдя на площадку при спускѣ къ Герзеулу, рота остановилась; люди, выведенные изъ терпѣнія дерзостью цебельдинцевъ, роптали на непозволеніе обороняться оружіемъ отъ горцевъ и настаивали, чтобы имъ позволили стрѣлять. Но въ это время показалась голова колонны, шедшей на встрѣчу марамбинскому гарнизону. Увидя подкрѣпленіе, бунтовщики остановились, скрылись въ лѣсу и не беспокоили уже войска до Сухума.

Къ девяти часамъ вечера наша колонна прибыла въ укрѣпленіе Цебельдинское, состоявшее въ то время изъ двухъ рядовъ плетни и частью частокола, между которыми была насыпана земля. Постройка укрѣпленія изъ камня начата была на томъ же мѣстѣ, только просторнѣе существовавшего. Внутри укрѣпленія помѣщались: лазаретъ, ротная казарма съ домомъ воинскаго начальника и цейхгаузъ; кухня и нѣкоторыя другія хозяйственныя постройки гарнизона находились за стѣнами крѣпости.

На утро, 21-го марта, начальникъ отряда сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ туземной цебельдинской милиціи, которая должна была присоединиться къ отряду на походѣ въ Дальское ущелье, образуемое рѣкою Кодоромъ. Это движеніе войскъ было вызвано возмущеніемъ князей дальскаго общества, еще зимой объявившихъ себя абреками, и сдѣлавшихъ нѣсколько нападеній на одичавшихъ солдатъ близъ укрѣпленія Цебельдинскаго. Съ наступленіемъ же весны, предводители ихъ, сыновья знаменитаго абрека сороковыхъ годовъ, князя Баталь-бел-Маршани, бывшаго впоследствии майоромъ русской службы, начали притѣснять жителей и грабить тѣхъ изъ нихъ, которые не соглаша-

лись вступать въ ихъ шайки. Населеніе Дала волновалось и уходило въ Цебельду, бросивъ дома, забравъ скотъ и тѣ изъ пожитковъ, которые можно было захватить при такихъ обстоятельствахъ. Во время прибытія отряда въ Цебельдинскую долину, туда уже переселилась большая часть дальскихъ жителей.

На разсвѣтъ, 23-го марта, мы выступили изъ укрѣпленія къ рѣкѣ *Амткелю*, переправа черезъ которую продолжалась часовъ около двухъ; для переправы служили два мостика, сплетенные изъ винограда; по нимъ пужно было идти по одному человѣку, на разстояніи не меньше двухъ сажень одинъ отъ другаго. Непривычные къ такой переправѣ перѣдко теряли равновѣсіе и падали въ рѣку, которая, къ счастью, не была слишкомъ глубока.

Мостики изъ виноградныхъ лозъ устраиваются такъ: концы лозъ отъ корней прикрѣпляются на берегахъ къ деревьямъ или камнямъ, а вершины ихъ связываются на срединѣ рѣки. Сверхъ лозъ кладется плетень изъ тонкаго хвороста, по ширинѣ моста, почему послѣдній, при переходѣ черезъ рѣку, качается, опускаясь почти къ самой водѣ. Перейденные нами мостики были сажень въ пять или шесть длины.

За рѣкой жители Дала толпами стали встрѣчаться съ отрядомъ. Грустно было видѣть этихъ бѣдняковъ, которые, бросивъ свои родныя пенеища и завьючивъ буйвола большими плетеными корзинами, гдѣ помѣщались кукуруза и гоми, а сами, обвѣшавшись курами, связанными по ногамъ, гнали корову или нѣсколько штукъ козъ. Женщины тащили за плечами дѣтей; разорванныя одѣяла и разное тряпье, навѣшенное на пихъ, отчасти замѣняло имъ одежду и защищало отъ холода. Хотя горцу не въ диковину перскочевка, но на этотъ разъ всѣ были въ уныніи, особенно женщины; всѣхъ занимала мысль о будущемъ, которое не представлялось въ розовомъ свѣтѣ, такъ какъ, кромѣ саклей, горцы принуждены были бросить и кукурузу, единственный источникъ прокормленія семьи до попой жатвы. Цебельдинцы хотя и могли дать имъ пріютъ, но какъ небогатый народъ, имѣли запасы хлѣба только для себя.

Женщины, при встрѣчѣ съ нами, садились на землю и закрывали лохмотьями обнаженныя части тѣла, а нѣкоторыя и лица, что дѣлала особенно старухи. Бѣдность жителей Дала объясняется тѣмъ, что въ то время доступъ въ Дальскую долину товаровъ и вывозъ оттуда мѣстныхъ произведеній былъ слишкомъ труденъ. Стоимость кукурузы, кожъ, воску, пальмы и орѣха была на мѣстѣ отъ 50% до 60% ниже противъ цѣнъ, существовавшихъ на берегу моря. На столько же почти процентовъ увеличивалась стоимость ввозимыхъ

товаровъ при перевозкѣ ихъ изъ прибрежныхъ торговыхъ мѣстечекъ въ горы.

Часовъ около 11 утра мы подошли къ рѣчкѣ *Джамгалъ-Амт-хель*. Тутъ переправа была еще затруднительнѣе; виноградный мостикъ былъ перекинутъ съ праваго берега на лѣвый, превышеніе котораго надъ правымъ было не менѣе 12 аршинъ. Вьюки и тяжести направлены были въ обходъ къ устью рѣчки, впадающей въ Амткелю, а пѣхотѣ пришлось взбираться по крутому мосту по одинокѣ; вмѣсто плетня на немъ устроены были ступни.

— Ну, ужъ сторонка—говорили между собой солдаты,—тамъ переходили рѣчку по живому мосту, а теперь приходится перелѣзать по лѣстницѣ.

Лѣстница эта хотя была и невысока, но гибкая и крутая; она качалась подъ тяжестью человѣка надъ сердитою струею горнаго потока, спертаго камнями и обдававшего насъ пѣпой и брызгами. При переправѣ я засмотрѣлся на ея быстроту и тотчасъ почувствовалъ головокруженіе, такъ что выбрался на скалу ощупью, зажмурилъ глаза.

Отъ этой переправы отдѣлились изъ отряда: стрѣлковая рота и двѣ сотни милиціи для занятія дороги, ведущей изъ Дала въ Абхазію и Цебельду у *Багадскаго* моста, о которой будетъ сказано ниже; мы же направились на деревню *Джердгелъ* по тропинкѣ, проложенной жителями и перерѣзанной обрывистыми оврагами и скалами. Каждому, кто знакомъ съ общимъ типомъ горъ южнаго склона Западнаго Кавказа, кажется знакомою всякая проходимаая мѣстность; вездѣ одни и тѣ же виды: тѣ же каменистыя возвышенности, одѣтыя лѣсомъ и оканчивающіяся голыми остроконечными скалами, за которыми выглядываютъ ряды блестящихъ на солнцѣ снѣговыхъ вершинъ.

Во время привала, я засмотрѣлся на противоположную обрывистую скалу, мелькавшую разноцвѣтными слоями формаціи. Снизу лежалъ пластъ, завимавшій почти одну треть обрыва, съ темносинимъ, почти чернымъ отливомъ, изрѣзанный бѣловатыми полосками по прямому, горизонтальному направленію; выше тянулись ряды красноватыхъ скалъ съ сѣрыми крапинами, выдающимися въ видѣ камней изъ поверхности вертикальнаго обрыва; еще выше лежала бѣловатая полоса, а за нею, уже до самой вершины, начиналъ расти лѣсъ. Обширное поле для наблюденій ученаго изслѣдователя, который, не трудясь надъ разрытіемъ нѣдръ земли, могъ бы изучать эти горы, разрѣзанныя самою природою.

Горцы, бывшіе жители этихъ мѣстъ, хотя не имѣли никакого понятія о геологіи, но умѣли хорошо различать грунтъ земли; они знали, гдѣ лучше уродится гоми и гдѣ кукуруза; какой камень больше годенъ для жернова, а какой для построекъ или для надгробныхъ памятниковъ, которые они обыкновенно складывали на своихъ кладбищахъ. Неужели, думалъ я, потомки этихъ полудикихъ дѣтей горъ, чрезъ нѣсколько времени сдѣлаются образованнымъ народомъ и будутъ изслѣдовать свои ущелья и горы съ научной и промышленной цѣлью (*). Мысль эту вызвалъ стоявшій передо мной цебелдинецъ, житель сосѣдней деревни, съ босыми ногами, въ изодранной до невозможности одеждѣ, съ зачерствѣлой отъ стужи и жара кожей на лицѣ, рукахъ и тѣлѣ, которая, особенно на ногахъ, сильно грубѣетъ, такъ что онъ смѣло ступаетъ на острый камень, колющій кустъ, раскаленный на солнцѣ щебень и холодную, смѣшанную со снѣгомъ, грязь. По его наивно улыбающейся физіономіи замѣтно было, что онъ считаетъ себя счастливымъ и довольнымъ; дѣйствительно, имѣя нѣсколько десятковъ квадратныхъ сажень или цѣлую десятину пахотной земли, корову, двухъ-трехъ козъ и пару буйволовъ съ сохой, онъ считаетъ себя вполне обеспеченнымъ въ первыхъ потребностяхъ жизни, рассчитывая на то, что, въ случаѣ крайности, когда не достанетъ хлѣба, можно и украсть нѣсколько барановъ. По глазамъ горца было замѣтно его недоумѣніе относительно нашего прихода въ неприступныя ущелья, которыя онъ считалъ своими; онъ не понималъ, зачѣмъ терять силы и даже головы, понапрасну лазя по горамъ и трущомамъ.

— «Должно быть у васъ земля не хороша», часто слышалъ я отъ нихъ, «вы пришли сюда отобрать нашу и сами хотите вѣдѣсь поселиться».

Абазинъ вообще весьма выносливъ; жары и стужа ему нипочемъ; онъ не тужитъ ни объ одеждѣ, ни объ обуви. Послѣ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, онъ больше всего печется объ оружіи, да о достаточномъ запасѣ свинцу и пороху. Все остальное на свѣтѣ мало беспокоило его, если только онъ не имѣлъ съ кѣмъ либо канѣй. Вообще, типъ первобытной патріархальной жизни вполне сохранился у горцевъ Западнаго Кавказа.

(Окончаніе будетъ.)

С. Смоленскій.

(*) Впоследствии, какъ извѣстно, жители Цебелды и Дала все переселились въ Турцію.

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗЦІ. (*)

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ДАЛѢ.

(Изъ походнаго дневника.)

(Окончаніе).

III.

Къ вечеру отрядъ спустился въ широкую котловину, окруженную съ трехъ сторонъ обрывистыми горами, перерѣзанными глубокими ущельями, гдѣ и остановился на ночлегъ. По котловинѣ и нижнимъ скатамъ возвышенностей разбросана въ безпорядкѣ деревня *Джерд-гелъ*. Поселенія горцевъ того края вообще состоятъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дворовъ, разбросанныхъ, большею частью, на значительномъ раастояніи. При каждомъ дворѣ, обыкновенно, находится садъ и пахатное поле съ сѣнокосомъ, которые, большею частію, огораживаются. Такимъ образомъ, всѣ хозяйственныя запятія абазина у него подъ рукой: посѣвы кукурузы, гречи, бобовъ и сѣнокося—если кто имѣетъ его. Протекающіе мимо двора ручейки, выбѣгающіе по углубленіямъ почти изъ подъ каждаго камня, снабжаютъ его семью водой. По богатству лѣсовъ, житель также обезпеченъ дровами; онъ ихъ можетъ рубить въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ двора. На спускахъ съ горъ, ни одна тераса не остается незанятою; туда ведетъ лишь пѣшеходная тропинка, такъ какъ колесной дороги для горца не надо: полевныя работы у него подъ рукой, лѣсу вокругъ достаточно, и арба ему совсѣмъ не нужна.

На утро, вслѣдъ за пробитіемъ зори, едва солдаты принялись за свой походный обѣдъ, какъ барабанъ уже напоминалъ о выступленіи. Отсюда начинается подъемъ по одному изъ ущелій, входящихъ въ котловину Джердгелъ, къ перевалу горы того же названія. Восхожденіе по отлогому скату, растянутаго верстъ на десять, продолжалось

(*) См. № 11-й «Военнаго Сборника».
Т. СѢ. Отд. I.

болѣе трехъ часовъ; чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось холоднѣе, а на самомъ перевалѣ и на ближайшихъ къ нему спускахъ лежалъ толстыми пластами только что пачавшій таять снѣгъ; ни одно дерево изъ породы лиственныхъ не начинало распускать листья.

При началѣ спуска къ р. Кодоръ, подъ равнѣснымъ букомъ, мы нашли скамейку для сидѣнья и нѣсколько врытыхъ въ землю сучковатыхъ сошекъ, на которыя горцы обыкновенно, при отдыхѣ, вѣшаютъ свое оружіе; свади ланочки были поставлены такіе же колья для коновязей. Подобные пріюты для отдохновенія путниковъ встрѣчаются перѣдко въ Абхазіи и Цебельдѣ; жители считаютъ свято-татствомъ разрушеніе подобнаго пріюта и строго охраняютъ деревья, которыя поэтому разрастаются до гигантскихъ размѣровъ; подъ тѣною широко раскинувшагося бука или орѣха можетъ помѣститься нѣре баталіона. Нужно полагать, что эти деревья пережили много столѣтій, служа горцамъ гостепріимнымъ прибѣжищемъ отъ зноя, такъ какъ лучи солнца не проникаютъ сквозь толстую броню листьевъ, подъ тѣною которыхъ сохраняется живительная влага, охлаждающая воздухъ.

Спускъ къ р. Кодоръ крутъ и скалистъ, дорога идетъ внизъ съ уступа на уступъ по густому, мелкому лѣсу, крѣпко спутанному ліанами и колючкой. Своротить съ дороги въ сторону не было никакой возможности; лѣсъ по обѣ стороны стоялъ сплошнымъ, непроницаемымъ стѣнами, въ чашу которыхъ, кромѣ дикихъ козъ и свиней—постоянныхъ жителей этихъ мѣстъ, едва ли кто пробирался. Если бы абреки сидѣли въ этомъ мѣстѣ завалы и встрѣтили тутъ нашъ отрядъ, то каждый шагъ впередъ стоилъ бы намъ кропи. Впослѣдствіи, по собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что абреки, дѣйствительно, имѣли въ виду защищать этотъ спускъ и Багадскую тѣснину. Но такъ какъ отрядъ двигался двумя путями, которые сходятся, по спускѣ съ горы Джердгелъ, у самого Кодора, то дальцы, не зная численности направленныхъ по дорогамъ войскъ, опасались быть отрѣзанными въ томъ или другомъ мѣстѣ, если бы какая либо изъ двухъ колоннъ успѣла скорѣе пробиться по своему пути. Кромѣ того, по распоряженію кутанскаго генералъ-губернатора, для демонстраціи, были двинуты изъ мѣстечка Зугидъ (въ Мингреліи) три роты пѣхоты въ Абживскій округъ, хотя и отдѣлявшійся отъ Дада горами, но бывшій по сосѣдству съ нимъ, ближайшею населенною мѣстностью. Наконецъ, въ Джердахъ и другихъ мѣстахъ

округа пропавденъ сборъ милиціи, хотя и въ видахъ огражденія границъ Абхазіи отъ вторженія абрековъ, но какъ мѣра эта была навѣстна бунтовщикамъ, то и послужила также одной изъ причинъ, почему они оставили два важныя прохода изъ Цесельды въ ущелье Кодора, отдавъ ихъ намъ безъ сопротивленія, и удалились въ верховья Дала, оставивъ только наблюдательную партію, пробиравшуюся за отрядомъ по лѣсамъ.

Рота стрѣлковъ и двѣ сотни милиціи, направленные къ Багадѣ, оставлены тамъ до возвращенія отряда, чтобы не допустить горцевъ занять эту тѣснину и прекратить для нихъ всякое сообщеніе съ Абхазією, куда они, въ случаѣ неудачи, могли уйти. Дорога эта была единственнымъ сообщеніемъ владѣнія съ Даломъ; при движеніи черезъ Цесельду ихъ встрѣтили бы несомнѣнно дружелюбно.

По мѣрѣ того, какъ мы начали спускаться съ перевала, стали все яснѣе показываться признаки весны: на половинѣ спуска снѣгу уже не было, и листья на деревьяхъ разворачивались, внизу же было жарко. Дойдя до Кодора, мы направились вверхъ по его теченію, по ровной и широкой долинѣ, равнившейся по обоимъ берегамъ, верстѣ на десять въ длину, на которой и была поселена большая часть жителей этого общества.

Вечеромъ, мы остановились близъ селенія *Лата* — главное убѣжище абрековъ, у которыхъ тутъ были заготовлены большіе запасы кукурузы. Селеніе это принадлежало князю Баталь-бею, по смерти котораго наслѣдниками оставались сыновья покойнаго, предводители мятежниковъ, почему у нихъ былъ тутъ и пригонъ. Жителей въ Лата ни одной души не оказалось: всѣ они ушли съ своими князьями, отираивъ впередъ женъ и дѣтей въ верховья Кодора.

Деревушка была расположена на ровной, безлѣсной площадкѣ; съ одной стороны ея протекаетъ Кодоръ въ пологихъ берегахъ, а съ другой, раскинулся роскошный лугъ, примыкающій къ горѣ. Постройки, хотя большею частію и плетевыя сакли, сдѣланы были чисто и расположены правильно, даже улицами: покойный князь устранивалъ это селеніе по русски. Внизу къ рѣкѣ, красовался княжескій домъ, обыкновенной турецкой постройки, въ два этажа: нижній каменный, верхній деревянный, съ рѣшетчатыми окнами; верхъ покрытъ драхью. Въ кукурузникахъ деревни найдены большіе запасы хлѣба, которые начальникъ отряда приказалъ уничтожить.

Въ день Благовѣщенія, 25-го марта, назначена была дневка. Утромъ, отъ нечего дѣлать, я пошелъ бродить по помѣщичьему двору и нечаянно забрелъ на фамильное кладбище дальскихъ князей Мор-

шани. Мое вниманіе привлекъ мавзолей на могилѣ князя Баталь-бей. Горцы обыкновенно дѣлаютъ надгробные памятники изъ дерева или простаго камня, огораживая могилу деревяннымъ срубомъ; надъ обоими концами могилы они ставятъ деревянные доски, на которыхъ вывѣшиваютъ листы бумаги, обдѣланные въ рамки, исписанные по арабски, а надъ могилою устраивается досчатый навѣсъ; нѣкоторые ограду дѣлаютъ и каменную, хотя такая честь дѣлается только останкамъ лицъ княжескихъ, или вообще богатыхъ фамилій. Стѣны ограды памятника Баталь-бея выведены красиво и правильно, съ двумя входами отъ сѣвера и запада. На могилѣ положенъ продолговатый мраморный пьедесталъ въ аршинъ вышины, такой же ширины и аршина въ два съ половиной длины. На концахъ его поставлены двѣ плиты съ полукруглымъ верхомъ. Хотя все это сдѣлано изъ мрамора несовсѣмъ высокаго достоинства, но какъ пьедесталъ, такъ и плиты испещрены крупными золотыми надписями, на арабскомъ языкѣ, съ изображеніемъ полумѣсяца. Памятникъ дѣлался по заказу въ Турціи.

Часа въ два по полудни, абреки зажгли нѣсколько саклей на высотахъ, по правому берегу Кодора, въ горной деревушкѣ, расположенной противъ селенія Лата. Спустился затѣмъ съ горы, они начали стрѣлять по лагерю, запавъ въ концѣ селенія, повыше помѣщичьяго двора, росшіи на берегу рѣки тальникъ и мелкій лѣсъ. Пули ихъ едва достигали до нашего бивака; тѣмъ не менѣе, были приняты мѣры для удаленія абрековъ: нѣсколько человѣкъ отборныхъ стрѣлковъ, посланные въ деревню, застѣвъ за саклями, сдѣлали по нимъ десятка два выстрѣловъ и разогнали шайку.

Съ утра день былъ солнечный, но къ полудню небо заволочло тучами; на обѣихъ сторонахъ рѣки въ горахъ пошелъ снѣгъ, а по ущелью, отъ вершинъ Кодора, несяся рѣзкій и холодный вѣтеръ. Къ вечеру на возвышенностяхъ сдѣлалась сильная мятель, и долину укутала тяжелая масса тумана, скоро превратившаяся въ сильный дождь, который шелъ почти всю ночь.

Палатокъ почти не было въ отрядѣ (*), а балаганы, сдѣланные на-скоро и покрытые папоротникомъ, снятымъ съ крышъ, служили плохую защитой отъ дождя. Я и товарищъ мой О—новскій, промоченные, какъ говорится, до костей, искушаемые стоявшимъ саженьяхъ въ 150 отъ лагеря помѣщичьимъ домомъ, который въ то время занимала цесельдинская милиція, рѣшились идти туда, не мнясь съ перспективою сидѣть ночь въ мокромъ балаганѣ. Къ намъ

(*) Палатки не были взяты по недостатку переносочныхъ средствъ.

присоединился больной унтеръ-офицеръ, состоявшій постояннымъ ординарцемъ при начальникѣ отряда (*); у него въ это время былъ склыный пароксизмъ лихорадки.

Нижній этажъ виллесаго дома раздѣлялся на двѣ половины: въ одной изъ нихъ, вѣроятно, жила прислуга, а другая служила конюшней. На верхній этажъ снаружи вела каменная лѣстница, выходящая на балконъ, сдѣланный во всю ширину дома и покрытый, также какъ и домъ, дранью, въ видѣ навѣса. На верху узкій коридоръ раздѣлялъ домъ на двѣ, совершенно равныя половины. По величинѣ зданія, обѣ эти комнаты были довольно просторны и въ каждой изъ нихъ, противъ дверей, устроенъ былъ каминъ. Когда мы вошли туда, то обѣ половины были наполнены щельдинцами; въ каминахъ пылалъ яркій огонь. Мы объявили начальнику милиціи причину нашего визита, и онъ помѣстилъ насъ въ коридоръ, откуда абазины, занявшіе было его, полѣзли на чердакъ, въ сдѣланное въ томъ коридорѣ отверстіе, взбирался туда по стѣбѣ, за немѣлемъ лѣстницы. Во всемъ домѣ лежало много сору; нѣсколько русскихъ стульевъ и диванъ стояли въ безпорядкѣ по угламъ. Повидимому, домъ этотъ долго стоялъ опустѣлымъ, нрѣдка посѣщаемый бывшими своими хозяевами. Ложась спать, мы зажгли стеариновую свѣчу, которою запасся больной, поставили ее въ мѣдномъ подсвѣчникѣ на стоявшій тамъ столикъ и, выпивъ на сонъ грядущій по крышкѣ спирта, вмѣсто ужина, раскинулись на буркахъ и заснули крѣпкимъ сномъ.

Когда мы проснулись, былъ уже день, и хотя горизонтъ задернулся тучами, но замѣтно было, что солнце всходило. Свѣча догорала, и больной, которому къ утру сдѣлалось легче, въ состояніи уже былъ подняться и сидѣть, прислонясь къ стѣбѣ. Тутъ онъ намъ разсказалъ, что около полуночи на бивакѣ была тревога: послышались выстрѣлы отъ рѣки; милиціонеры, схвативъ оружіе, выбѣжали изъ дома и завязали съ абреками перестрѣлку. Больной не могъ насъ добудиться, а также не въ состояніи былъ подняться, чтобы погасить свѣчу, свѣтъ отъ которой могъ быть замѣченъ сквозь ставни мятежниками и могъ подвергнуть насъ неминуемой опасности. Перестрѣлку начали абреки противъ лагеря; но имъ оттуда не отвѣчали, чтобы не указать мѣста, куда стрѣлять; щельдинцы же, выскочивъ изъ дома и открывъ перестрѣлку, лишь увеличили суматоху. Однако, тревога продолжалась всего минутъ 20, послѣ чего выстрѣлы смолк-

(*) Онъ же и командующій войсками въ Абхазіи.

ли. Раненыхъ и убитыхъ не было; только десятка три пуль засѣло въ стѣнахъ дома, въ которомъ мы почевали.

Еще съ вечера 25-го марта на лѣвую сторону Кодора переправлено было на лошадяхъ 25 человекъ стрѣлковъ при офицерѣ. Переправа была весьма опасная; только благодаря привычнымъ цебелдинскимъ лошадямъ, можно было преодолѣть глубину рѣки и быстроту ея теченія. Перѣезды чрезъ горныя рѣки, вообще, возможны лишь тогда, когда вода не захватываетъ брюха лошади; кромѣ того, нужно знать хорошо броды. Въ противномъ случаѣ, предпочитаютъ совершенно глубокія мѣста, гдѣ нѣтъ камней и лошади могутъ плыть. Но въ горахъ, глубокихъ и чистыхъ мѣстъ въ рѣчкахъ почти нѣтъ; они встрѣчаются только по выходѣ рѣкъ на равнины. При переправахъ черезъ горныя ручьи, нужно также присутствіе духа и искусство сѣдока, чтобы держать коня противъ воды или за водой, наискось, круто дѣлая повороты и не оставляя его поперекъ теченія. Отъ быстроты теченія съ непривычнымъ дѣлается головокруженіе. Большинство бродовъ въ здѣшнихъ ручьяхъ и рѣчкахъ бываетъ шириной въ нѣсколько сажень; броды почти всегда бываютъ на перекатахъ главной струи; ударившись въ одинъ берегъ и, затѣмъ, переходя къ другому, она образуетъ отмели изъ наносовъ песку и камня, которыя бываютъ видны при свѣтлой водѣ, но при мутной нужно много осторожности, чтобы не понасть на глубину. Отмели эти болѣею частію располагаются въ видѣ зигзаговъ, отъ одного берега къ другому, поэтому сѣдоку сначала нужно пускать лошадь противъ воды, когда у нея больше силы бороться съ теченіемъ, а затѣмъ за водой, по направленію отмели. Теченіе Кодора противъ Мата до того быстро, что струя воды, набѣгая на большіе камни, разбросанные по руслу, бьетъ черезъ нихъ каскадами отъ двухъ до трехъ аршинъ вышиной. Мосты изъ виноградныхъ лозъ, по которымъ происходило сообщеніе между обими берегами рѣки, при извѣстіи о движеніи отряда, были уничтожены мятежниками.

Съ разсѣтомъ, 150 человекъ отборныхъ милиціонеровъ были направлены по горамъ, въ обходъ позиціи, занимаемой абреками. Вслѣдъ за ними по дорогѣ, лежавшей надъ русломъ Кодора, двинулись и стрѣлковыя роты; линейный баталіонъ былъ оставленъ на мѣстѣ bivака у Мата. За этимъ селеніемъ долина Мата становится волнообразнѣе, горы подходятъ ближе къ рѣкѣ, въ видѣ пологихъ скатовъ, накрѣпленныхъ небольшими уцелями, а еще далѣе, верстахъ въ шести, онѣ совсѣмъ стѣспяютъ русло Кодора, такъ что намъ приходилось

перелѣзать чрезъ ихъ скалистыя ребра. Не доходя урочища Арачарастоу, колонна остановилась, чтобы дать время милиціи, отправившейся въ обходъ безъ дорогъ, войти въ тылъ заваловъ, устроенныхъ абреками.

Минуть черезъ сорокъ слышались выстрѣлы, и мы двинулись впередъ. Но, какъ оказалось впоследствии, обходное движеніе цебельдинцевъ въ это время еще не было окончено. Перестрѣлка же была затѣяна командой стрѣлковъ, переправленныхъ на лѣвый берегъ рѣки, которые, занявъ спускъ противоположнаго берега, противъ главнаго завала мятежниковъ, наносили имъ чувствительный вредъ. Дальцы, устраивая большой завалъ въ тѣснинѣ прохода, не предвидѣли этого маневра и оставили эту сторону своей позиціи совершенно открытою. Пули ихъ винтовокъ не перелетали даже чрезъ рѣку, или, обезсиливши, падали на песокъ берега, не нанося нашимъ стрѣлкамъ никакого вреда.

Позиція у Арачарастоу занимаетъ отрогъ цебельдинскихъ горъ, падающій отвѣсными скатами къ р. Кодоръ. Дорога изъ Лата, не доходя этой тѣсины, спускается къ старому руслу рѣки и, по приближеніи къ горѣ, идетъ параллельно ея подошвѣ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ гребня. Круто поднимаясь, ватѣмъ, на нижній уступъ горы, она тянется подъ нависшими скалами, пробираясь между большими камнями и густымъ орѣшникомъ. Эту-то мѣстность, укрѣпленную самой природой, дальцы усилили еще завалами, устроенными изъ толстыхъ деревянныхъ срубовъ и камней.

Три завала были расположены у подошвы горы и могли обстрѣливать фронтальнымъ огнемъ войска, двигающіяся къ подъему на Арачарастоу. Большой завалъ, въ четыре фута вышиною, былъ устроенъ на срединѣ подъема, а на самой вершинѣ прохода тѣсины находился главный завалъ, сдѣланный, въ видѣ редута, въ пять футовъ вышиною, сложенный изъ толстыхъ деревьевъ и большихъ камней. По сосѣднимъ скатамъ расположено было еще нѣсколько малыхъ заваловъ, на кручахъ, почти недоступныхъ для фланжированія главнаго и нижнихъ. Атака этой позиціи безъ обхода могла намъ обойтись очень дорого.

По прибытіи на Арачарастоу, противъ линіи заваловъ направлена была цѣль стрѣлковъ, по которой абреки сейчасъ же открыли огонь. Не смотря на то, что нижнія засѣки, устроенныя параллельно дорогѣ на крутомъ скатѣ, находились отъ цѣли въ самомъ близкомъ разстояніи, наши стрѣлки, закрытые молодымъ ольшаникомъ, уже опущеннымъ листвою, весьма мало терпѣли отъ выстрѣловъ. Нашъ

огонь, къ сожалѣнiю, былъ также безвреденъ для абрековъ; защищенные деревянными срубамн, они безопасно стрѣляли чрезъ устроенныя бойницы; но за то, едва только издумаетъ абрекъ перейти изъ одного мѣста въ другое, или перебѣжать изъ завала въ сосѣднiй, десятки мѣтко направленныхъ выстрѣловъ укладывали его на подорогѣ. Перестрѣлка продолжалась, такимъ образомъ, около часу, почти безъ всякихъ послѣдствiй; наши ожидали окончанiя обходнаго движенiя милицiи, которая къ этому времени, зайдя съ тылу главнаго завала, съ той стороны ничѣмъ незащищеннаго, бросилась въ шашки. Мятежники, бывшiе въ остальныхъ завалахъ, подъ выстрѣлами стрѣлковъ, не могли дать никакой помощи перхнему редуту.

IV.

Цебельдинцы въ этотъ день сдѣлали слишкомъ трудный, даже для привычныхъ горцевъ, обходъ. Они прошли верстѣ 15 совершенно безъ дорогъ, по едва доступной мѣстности, выбираясь на скалы ползкомъ и скатываясь съ кручъ, какъ попало. Шедшiй съ ними русскiй офицеръ, пройдя версты три, не могъ уже дальше слѣдовать; они повели его, сначала поддерживая подъ руки, а подъ конецъ пути переносили почти на рукахъ, съ одного обрыва на другой. Зайдя въ тылъ завала и встрѣченные залпомъ мятежниковъ, милиционеры бросились въ шашки и въ нѣсколько минутъ овладѣли имъ. Абреки, кто остался цѣлъ, разбѣжались на ближайшiя высоты и застѣли тамъ за камнями; завалъ сейчасть же былъ разобранъ.

Усердiе цебельдинцевъ, выказанное ими въ дѣлѣ прекращенiя смуты въ краѣ, кромѣ сочувствiя интересамъ русскихъ, вызвано было еще и другою причиной: они сводили старые счеты, накопившiеся во время вѣковой вражды, за кровомщенiе между потомками цебельдинскихъ князей и предводителями абрековъ. Подъ развалинами укрѣпленiя нашли нѣсколько тѣлъ абрековъ, въ томъ числѣ и тѣло князя Астамира, главнаго вождя и зачинщика мятежа, который былъ убитъ, еще до ваятiя завала, пулями стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ съ лѣвой стороны Кодора.

Вслѣдъ за ваятiемъ большаго завала, усиленный огонь стрѣлковъ принудилъ мятежниковъ оставить еще два, а въ третьемъ, ближайшемъ къ цѣпи, они оставались, по невозможности выбѣжать безъ того, чтобы не быть сейчасть же перебитыми. Штурмовать этотъ завалъ, по причинѣ крутизны горы, не стоило; туда нужно было избираться ползкомъ, цѣпляясь за кусты и траву. Излишняя потеря людей не могла окупиться пользою уничтоженiя этого завала, такъ

какъ и съ остальныхъ дальцы понемпогу уходили. Съ тому же, къ концу дѣла пошелъ частый дождь, еще болѣе затруднившій подъемъ на кручу.

Въ половинѣ четвертаго пополудни мы двинулись въ обратный путь къ селенію Лата, куда и прибыли въ сумерки. Потеря паша состояла въ этотъ день изъ 9 пижнихъ чиновъ ранеными, а изъ милиціи пашъ 3 оберъ-офицеровъ и 4 милиціонеровъ также ранеными. За то у абрековъ однихъ убитыхъ насчитали болѣе этого числа.

День 27-го марта прошелъ спокойно; по извѣстіямъ, собраннымъ чрезъ цебельдинцевъ, мы узнали, что большая часть мятежниковъ разсѣялась, вслѣдствіе потери своего предводителя. Нѣкоторые изъ нихъ, еще державшіеся въ окрестностяхъ Лата, уже не въ страхъ были препятствовать движенію отряда въ верховья Дала или внизъ по теченію рѣки.

Вечеромъ этого дня похоронили Астамира въ оградѣ, рядомъ съ могилою отца.

Предводителю абрековъ въ то время было около 22-хъ лѣтъ; стройный и красивый, онъ считался первымъ джигитомъ въ Далѣ. Астамиръ воспитывался въ сухумской школѣ, учрежденной для туземцевъ (*), чисто говорилъ по русски и умѣлъ писать. Причина, побудившая его сдѣлаться абрекомъ, была смерть отца, который въ послѣдніе годы жизни считался однимъ изъ преданнѣйшихъ русскимъ и хотѣлъ отдать сына на службу въ одинъ изъ нашихъ кавказскихъ полковъ. Послѣ смерти Баталь-бел, сына его, по имени, личнымъ качествамъ и значенію, наследованному отъ отца, были весьма популярны и имѣли большой вѣсъ между дальскими князьями. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала и смерть матери ихъ, княгини Эмосханъ, послѣ которой молодые люди остались совершенно безъ руководителей. Безъ покойный и предпримчивый Астамиръ не устоялъ противъ искушенія блистать своею отвагою и паѣздничествомъ и рѣшился сдѣлаться абрекомъ, увелъ со собою и 13-ти лѣтняго, младшаго своего брата Ардашила (**). Находясь постоянно въ сношеніяхъ съ сосѣдними обществами непокорныхъ горцевъ, склонявшихъ его къ бунту, онъ сначала присоединилъ къ себѣ выходцевъ изъ Псхоу и Ахчипсхоу, поселившихся въ верховьяхъ Кодора за Чхалтой, въ урочищѣ Атагара и ближайшихъ къ нему ущельяхъ, а затѣмъ началъ вербовать и жителей Дала. Сдѣлавъ еще осенью нападеніе на команду солдатъ

(*) Школа эта существовала только до восточной войны, т. е. до оставленія русскими Сухума въ 1854 году.

(**) Въ дѣлѣ 26-го марта онъ былъ раненъ.

близъ укрѣпленія Цебельдинскаго, опъ началъ разорять и грабить жителей, которые не соглашались возставать противъ русскихъ. Впослѣдствіи къ нему присоединился и старшій братъ Аздамиръ.

При похоронахъ присутствовали и нѣкоторые изъ цебельдинскихъ князей. Завернувъ трупъ въ полотно, они положили его въ могилу, оборотивъ лицомъ къ Меккѣ. Дряхлый старикъ абазинъ, дядька покойнаго, бывшій съ ними въ сухумской школѣ, неутѣшно плакалъ надъ прахомъ своего питомца.

— Ну вотъ, теперь будетъ лежать смирно, не будетъ больше бунтовать, сказалъ одинъ солдатъ, занавыпавшій могилу Астамира.

— Да, замѣтилъ на это другой, опъ, должно, забылъ благодарность къ русскимъ, которые его учили уму-разуму, кормили даромъ, ничего для него не жалѣли. А все жаль его бѣднягу, продолжалъ опъ, немного помолчавъ, умный и красивый мальчикъ былъ; кто бы подумалъ тогда, какъ опъ жилъ въ городѣ, что его придется усыпить съ цѣлымъ отрядомъ...

Это было надгробнымъ словомъ, сопровождавшимъ въ вѣчность предводителя дальцевъ.

На слѣдующій день, 28-го марта, свѣдѣнія объ окончательномъ разсѣяніи абрековъ подтвердились, и отрядъ двинулся обратно въ Цебельду. Долина Кодора, ниже Мата, подобно тому, какъ и выше этого селенія, начинаетъ постепенно суживаться, хотя здѣсь мѣстность идетъ ровнѣе, и разстлана, въ видѣ луговъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки. Приближаясь къ Багадскому мосту, горы, отрывистыми утесами, плотно упираются въ берега Кодора.

Дойдя до деревни Хенги, у спуска съ горы Джердгелъ, по которому войска вступали въ Далъ, отрядъ, минуя деревню, пошелъ по дорогѣ къ Багадѣ. Единственная оставшаяся партія мятежниковъ устроила было завалы на этомъ подъемѣ, но, видя неудачу на другихъ пунктахъ, разсѣялась по высотамъ надъ правымъ берегомъ, тревожа насъ во время пути выстрѣлами, не причинявшими намъ, впрочемъ, никакого вреда.

Пройдя гору Палъ, версты за двѣ до Багады, начинается тропинка, выстѣченная узкимъ карнизомъ въ обрывисто спускающейся къ рѣкѣ скалѣ. Къ счастью, абреки уже не имѣли возможности взобраться на вершину обрыва, откуда могли бы нанести намъ довольно чувствительный вредъ, сбрасывая сверху камни. Въ этомъ мѣстѣ намъ пришлось сѣсть на сѣдла и вьюки, а лошадей пустить впасть по руслу Кодора; направляемые цебельдинцами, опъ переплыли рѣку четыре

рава, и присоединились къ намъ, верстахъ въ двухъ ниже осыпей Гоначхери, у подошвы подъема Асыснара (*).

По мѣрѣ подъема по карнизу Пскала, постепенно поднимавшагося надъ пропастью, нависшей надъ Кодоромъ, тропа, высѣченная, вѣроятно, очень давно, и съ тѣхъ поръ не исправлявшаяся, становилась труднѣе и труднѣе; огромные камни, срывавшіеся сверху, загораживали ее, такъ что трудно было пробраться по ней и пѣшеходу. Въ пѣкоторыхъ мѣстахъ скалы обваливались, и дорога шла надъ пропастью по тренетававшимъ мостикамъ, имѣвшимъ основой длинныя жерди, перекинутыя со скалы на скалу, и покрытыя узкимъ плетнемъ. Одинъ изъ такихъ мостовъ былъ такъ крутъ, что намъ нужно было всходить, какъ по лѣстницѣ и, не иначе, какъ держась за него руками, такъ какъ перилъ на немъ не было. Мостики сдѣланы были весьма не прочно; брусля, положенные на скалы, ничѣмъ не прикрѣплялись къ нимъ, кое какъ привязанные виноградными лозами къ пальмамъ, растущимъ по разщелинамъ камней, выдающихся надъ тропой. При переходѣ по мосткамъ, они качаются, висятъ надъ Кодоромъ на четырехсотъ-футовой высотѣ. Абазинны, къ удивленію нашему, провели по этой дорогѣ даже пѣсколько лошаковъ; эти животныя замѣчательны по своей смѣлости и привычкѣ къ горнымъ тропамъ.

Взойдя на небольшую площадку, дорога круто спускается къ Багадскому мосту. Для охрапелія ведущихъ сюда тѣснинъ, извѣстныхъ подъ именемъ урочища Пскалъ, при выступленіи отряда изъ укрѣпленія Цебельдинскаго, сюда была послана рота стрѣлковъ и двѣ сотни милиціи, которыя и занимали ихъ до нашего возвращенія. Если бы человекъ тридцать абрековъ заняли ранѣе эту мѣстность, уничтоживъ воздушныя мостики, перекинутыя черезъ пропасти, то дорога отряду была бы совершенно отрѣзана по этому направленію, и никакая храбрость не могла бы преодолѣть естественныхъ препятствій. Эти Чермпины своего рода могутъ, справедливо, назваться воротами Дала, со стороны Абхазіи и Цебельды (**).

На площадкѣ у Багады сдѣланъ былъ небольшой привалъ. Я воспользовался случаемъ осмотрѣть замѣчательный Багадскій мостъ, который въ то время былъ, впрочемъ, испорченъ абреками, при слу-

(*) Переправы черезъ Кодоръ въ этомъ мѣстѣ возможны только въ зимнее и весеннее время, т. е. до осеннихъ дождей и таянія снѣговъ въ горахъ.

(**) Зимой, прѣжній путь, по которому шелъ отрядъ, почти недоступенъ. Въ это время болѣе удобное сообщеніе съ Даламъ идетъ лѣвкою стороною Кодора, изъ Абтискаго округа.

хахъ о движеніи отряда. Рѣка Кодоръ отъ деревни Хенги постепенно начинаеть входить въ обрывистые берега, тѣснѣе ея, по мѣрѣ приближенія къ Пскалу, съ обѣихъ сторонъ. Противъ этого урочища берега Кодора, поднявшіеся футовъ на тысячу (*), быстро затѣмъ понижаются къ Багадѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще болѣе суживаютъ русло рѣки, которое, наконецъ, сжимается двумя скалами, оставляя промежутокъ отъ четырехъ до пяти аршинъ шириною. На этомъ мѣстѣ устроенъ Багадскій мостъ. Вода, вырываясь изъ этой тѣснины, съ неимоверной быстротою разсыпается по болѣе свободному ложу, противъ осыпей Гопачхери. Скалы съ обѣихъ сторонъ спускаются къ водѣ отвѣсно, а внизу расходятся нѣсколько шире, подмытыя теченіемъ. Штукъ пять толстыхъ бревенъ, переброшенныхъ съ одного берега на другой, и составляютъ основаніе моста. На обонхъ берегахъ, у самого моста, стоятъ по два или по три гигантскихъ дуба, вѣтви которыхъ вверху совершенно перепутаны между собой, такъ что небельдицы перелѣзаютъ по нимъ съ одного берега на другой. Деревья эти, вѣроятно, посажены; кругомъ лѣса блиако нѣтъ, или, быть можетъ, остальной лѣсъ уничтоженъ, а дубы эти пощажены даже рукою дикари-абазина, изъ уваженія къ граціозному ихъ виду, дополняющему величественную картину этого мѣста.

Отъ Багадскаго моста мы потянулись опять, по одиночкѣ, мимо осыпей Гопачхери (**), идущихъ вдоль клокочущаго потока Кодора, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропинка шла въ уровень съ теченіемъ. Путь въ этомъ мѣстѣ, во время полноводія рѣки лѣтомъ, при таяніи снѣговъ въ горахъ, и осенью, отъ дождей, не удобенъ; тогда приходится пробираться по кручѣ, которая хотя и поката, но усыпана камнями, могущими, подъ тяжестію человека, оторваться, скатиться въ рѣку и увлечь за собой смѣлаго пѣшехода.

Гопачхери представляютъ гору, тысячи въ двѣ футовъ вышиною, съ небольшою покатостію, спускающуюся къ Кодору. Грунтъ горы состоитъ, на всемъ скатѣ, изъ мягкаго синяго камня-плитника (***), до того рыхлаго, что опъ осыпается самъ собою и иногда запруживаетъ рѣку. Если пустить нѣсколько камней съ вершины горы по разнымъ направленіямъ, то тропа надъ Кодоромъ, на разстояніи версты, будетъ совершенно засыпана до тѣхъ поръ, пока поднявшаяся рѣка не унесетъ теченіемъ этого мусора. Вершина горы, во время движенія

(*) Съ правой стороны горъадо выше.

(**) Слово *Гопачхери*, по абхазски, имѣетъ то же значеніе, что по-русски слово: *осыпи*.

(***) Нѣчто въ родѣ песчаннаго сланца, называемаго также «нѣловкою» — минералъ, сопровождающій породы каменнаго угля и антрацита.

отряда, была занята милиціонерами; безъ этой предосторожности, чело-
вѣкъ десять абрековъ и здѣсь могли бы остановить отрядъ или,
по крайней мѣрѣ, нанести ему значительный вредъ. Нѣсколько чело-
вѣкъ цебельдинцевъ, стоявшіе на гребнѣ Гоначери, черпали снизу
чуть замѣтными точками. При описаніи этой мѣстности, невольно
припоминается сложившаяся у солдатъ Закавказья поговорка, что они
«воюють не съ черкесами, а съ ихъ горами».

Отъ Гоначери мы начали взбираться на подъемъ Асыспара, то
карабкаясь на выдающіеся скалы, то опускаясь къ руслу рѣки. Зна-
чительнѣйшій подъемъ послѣ Асыспара — Агвашла — находится у
деревни Джалъ. Дорога и здѣсь пролежала по узкимъ скалистымъ
выступамъ, извивалась между огромными камнями, почти до самого
устья Амткелю, впадающаго въ Кодоръ. Къ вечеру собрался здѣсь
растянувшійся отрядъ, и въ сумерки отправился къ такъ-называе-
мымъ «Дальскимъ воротамъ», проходу, вырубленному въ скалѣ, дли-
ною семь сажень, вышиной полторы сажени и шириной одна сажень.

Отрядъ остановился почевать близъ деревни Амткель, противъ уро-
чища Шукурапа, на переправѣ черезъ рѣку. Насъ же, съ О—вскимъ,
цебельдинцы провели отъ вышеченныхъ воротъ чрезъ рѣчку по клад-
камъ, примымъ путемъ. Взобравшись на кручу праваго берега Амтке-
лю, футовъ въ чetyреста, мы добрались, часамъ къ девяти вечера,
въ укрѣпленіе Цебельдинское.

Часовъ въ десять утра прибыли туда же и отрядъ; милиція раслу-
щена по домамъ.

На другой день утромъ роты выступили изъ укрѣпленія въ Су-
хумъ. Начальникъ отряда, съ своимъ штабомъ и конвойной командой,
поѣхалъ впередъ, къ нему присоединился и я. Во время пути до
Марамбы, бывшій старшимъ медикомъ войскъ въ Абхазіи Ф. О.
С—вичъ разсказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ жизни своей въ Це-
бельдѣ и между ними одинъ случай, характеризующій вполнѣ фа-
мильную гордость князей Моршани, который я здѣсь повторю. Но,
чтобы пояснить значеніе событія, нужно сказать, что С—вичъ въ то
время считалъ уже болѣе 20-ти лѣтъ службы въ этомъ краѣ, куда
поступилъ почти со школьной скамьи. Вскорѣ по занятіи русскими
Цебельды и съ устройствомъ Марамбы, онъ былъ прикомандированъ
къ гарнизону этого укрѣпленія. Страстный охотникъ, онъ для этого
удовольствія готовъ былъ пренебречь всеми опасностями, и въ послед-
нее время приобрѣлъ такую навѣстность между жителями Абхазіи и
Цебельды, что одинъ безопасно заходилъ въ самыя отдаленныя мѣста.
Туземцы всюду встрѣчались съ нимъ, какъ съ знакомымъ и, одпажды,

потерянный имъ охотничій рожокъ, найденный чрезъ полгода абазинами въ лѣсу, былъ доставленъ ему въ цѣлости.

«Охотился я вотъ на этомъ скатѣ, въ опушкѣ лѣса», началъ С—вичъ свой рассказъ, указывая рукой по направленію къ лѣсу, «и, убивъ двухъ зайцевъ, рассчитывалъ уже воротиться назадъ въ укрѣпленіе, какъ вдругъ, между рѣдко разбросанными деревьями, замѣтилъ, саженихъ въ 20-ти, человекъ 15 абрековъ, которые смотрѣли на меня, держа въ рукахъ ружья, выпнуты изъ чехловъ. Понявъ опасность своего положенія, я прислонился къ ближайшему ко мнѣ дереву и приготовилъ двухстволку на случай надобности. Между горцами завязался споръ, продолжавшійся нѣсколько минутъ, причѣмъ они указывали на меня; я въ то время еще ни слова не понималъ по абазински и потому не зналъ, въ чемъ дѣло. Споръ у нихъ дошелъ до крупной брани, послѣ которой абреки вложили ружья въ чехлы и ушли, а я отправился въ укрѣпленіе.

«Лѣтъ черезъ 15 послѣ этого, случилось мнѣ быть здѣсь при собраніи цебельдинскихъ князей, когда многіе изъ бывшихъ абрековъ считались уже штабъ и оберъ-офицерами русской службы. Я вспомнилъ случай въ лѣсу и обратился съ вопросомъ къ князю Батомъ-бею и нѣкоторымъ другимъ, считавшимся прежде абреками: не припомнятъ-ли они охотника, встрѣтившагося съ ними въ такомъ-то мѣстѣ и тогда-то.

— «Да это мы были», отозвалось нѣсколько человекъ, «мы хорошо помнимъ встрѣчу съ охотникомъ.»

«Объяснивъ имъ, что случай этотъ былъ со мною, я просилъ ихъ рассказать, какой именно споръ происходилъ въ то время между ними.

— «Дѣло было такъ», отвѣчали они, «когда васъ увидѣли, многіе изъ насъ схватились за ружья и хотѣли стрѣлять, но нѣкоторые воспротивились тому, говоря, что русскій, какъ охотникъ, оружіе имѣетъ въ исправности и, безъ сомнѣнія, мѣтко стрѣляетъ. Положимъ, мы его убьемъ, но онъ не допуститъ насъ выстрѣлить безъ того, чтобы не разрядить у себя, по крайней мѣрѣ, одинъ стволъ ружья. А десять человекъ русскихъ не стоятъ одного изъ фамилін Моршанин. Почему большинствомъ голосовъ порѣшили: оставить охотника въ покоѣ».

Не доѣзжая до бывшаго укрѣпленія Марамбы, слышался жалобный и дикій вой. Въѣхавъ на возвышенность, мы увидѣли толпу женщинъ, стоявшихъ надъ дорогой, которыя колотили въ лицо руками и выли голосомъ, сильно напоминающимъ крики шака-

ловъ. Съ приближеніемъ нашихъ, онѣ замѣтно возвышали голоса и сильнѣе били себя по лицу. Загадка скоро разъяснилась: посреди ихъ стояла лошадь, навьюченная тѣломъ скоростижно умершаго милиціонера, котораго везли въ Сухумъ для похоронъ. Здѣсь собрались его родственники, жена и знакомые, услышавшіе о его смерти и вышедшіе на встрѣчу. По просьбѣ ихъ, лошадь была остановлена на полчаса, и онѣ принялись оплакивать покойнаго, по народному обычаю, ставъ полукругомъ возлѣ лошади; съ лица тещи и старшей сестры жены умершаго кровь лилась ручьями; на нихъ нельзя было смотрѣть безъ содроганія, до того онѣ изуродовали себя. Абазинскъ тутъ было около 15; онѣ были протяжнымъ голосомъ съ отрывистымъ окончаніемъ, и въ тактъ всѣ разомъ ударили обѣими руками въ лицо.

По народному понятію абазинъ, степень сожалѣнія о покойномъ должна выражаться въ количествѣ синяковъ на лбу, царапинъ на лицѣ и потоками льющейся изъ ранъ крови. Если родные не будутъ такъ жалѣть о покойномъ, то ихъ заподозрятъ въ томъ, что они рады его смерти.

Я остановился, чтобы до конца досмотрѣть обрядъ причитанія, причемъ замѣтилъ, что многіе хотя и плакали, но не царапали лицъ и не съ такимъ усердіемъ колотили себя по лбу; а у молодыхъ женщинъ глаза были совершенно сухи.

— Посмотри-ка, сказали мнѣ при этомъ О—вскій, вотъ той молодой женщины, которая въ пестромъ платьѣ, и дѣвушкѣ, стоящей съ краю, вѣроятно, песовѣмъ жаль покойника; видишь, съ какой неохотой онѣ поднимаютъ руки для ударовъ по лицу и будто насильно кричатъ; да онѣ совѣмъ и не смотрятъ на умершаго, а глазѣютъ по сторонамъ.

Дѣйствительно, многіе абазинки, вышедшія исполнить мѣстный обычай, совѣмъ безъ усердія занимались имъ, а были только для того, чтобы не отстать отъ другихъ. Дѣвушка, на которую указывалъ мнѣ О—вскій, хотя и не отставала отъ такта криковъ и ударовъ въ лицо, но часто посматривала въ нашу сторону, пока кто-то изъ солдатъ погрозилъ на нее пальцемъ, и тогда проказница, покраснѣвъ, отвернулась въ другую сторону. Поодаль отъ группы, безмолвно стоялъ отецъ жены покойника.

Умершій мингрелецъ, бывшій нѣсколько лѣтъ переводчикомъ у инженернаго офицера путей сообщенія, занимавшагося проложеніемъ дороги на Самурзаканъ и Цебельду, извѣстенъ былъ почти во всѣхъ деревняхъ Абжискаго округа и близъ укрѣпленія Цебельдинскаго, гдѣ

и женился на абазинкѣ (*). По переходѣ Аніанчи, гдѣ пачинается селеніе Герзеуль, протянувшееся до самой р. Маджары, женщины толпами выходили къ дорогѣ и съ такими же криками встрѣчали и провожали тѣло покойника. Мингрелецъ, ведшій лошадь съ печальной ношей, останавливался передъ каждой группой на четверть часа, давая бабамъ время вволю накричаться. Этотъ вой неотступно преслѣдовалъ насъ до самаго Сухума.

С. Смоленскій.

(*) Абазинцы, магометане, нисколько не стѣнялись выдавать дочерей своихъ за христіанъ.

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗЦА (¹).

Крейсерство у береговъ непокорныхъ горцевъ.

(Изъ походнаго дневника.)

I.

29-го мая 1863 года, въ три часа по полудни, корветъ «Кречетъ» и шхуна «Соуксу», находившіеся при сухумской морской станціи, снялись съ якоря для осмотра береговъ непокорныхъ горцевъ, взявъ на буксиръ шесть азовскихъ баркасовъ. Часа черезъ полтора пароходы, на одномъ изъ которыхъ находился и я, были уже далеко въ морѣ, хотя держались въ виду береговъ. Воздухъ, рѣдко бывающій здѣсь безъ мглы даже при солнцѣ, былъ въ этотъ день особенно прозраченъ, такъ что очертанія береговъ, отъ Сухума до устья рѣки Кодора, отчетливо рисовались на горизонтѣ. Все побережье Мингреліи окаймлялось темной рамкой дремучихъ лѣсовъ, зади которыхъ, въ далекой снѣгѣ, покрытой тонкою дымкой, видѣлись вершины горъ. Лагура морской поверхности куталась въ чуть бѣлѣвшую пелену испареній.

Направо, противъ пщундскихъ высотъ, открывалась бухта, образуемая мысами: Бомборы и Пщунды. Въ бухтѣ море чернѣло и бѣлѣло отъ густыхъ стаи пеликановъ, баклановъ и другихъ морскихъ птицъ, преслѣдующихъ рыбу.

Часовъ около шести по полудни, мы проходили Бомборскій мысъ, изъ-за угла котораго укрѣпленіе Гагры рѣзко выдѣлялось на темномъ фонѣ круто поднимавшагося берега. Крѣпость, сжатая съ одной стороны моремъ, а съ другой—обрывистымъ отрогомъ Абхазскаго хребта, обозначалась бѣлою точкою и видѣлась издали съ моря.

Въ Гаграхъ мы пробыли почти до полуночи, гдѣ, взявъ три взвода стрѣлковой роты Кавказскаго линейнаго № 33-го баталіона, снялись съ якоря вмѣстѣ со шхуной и направились къ мысу Адлеръ.

(¹) См. «Военный Сборникъ» 1875 г. № 12.

Небо, покрытое облаками, было пасмурно; нѣрѣдка, между тучъ, слабо мерцали звѣзды.... На кормовой части, близъ рулевого, и на площадѣ вахтеннаго офицера горѣли фонари, бросавшіе блѣдный свѣтъ на палубу. Такой же фонарь, высоко поднятый на бугшпритѣ, освѣщалъ небольшое пространство впереди, а вокругъ глядѣла ночь «тюрьмы черной». Хотя мы находились и не въ далекомъ разстояніи отъ береговъ, но ихъ совершенно закрывала темь. Свѣжій зюль-вѣсть, сталкивавшійся съ береговымъ, горнымъ нордъ-остомъ, производилъ значительное волненіе. Буруны, набѣгая на судно, разрѣзавшее ихъ, то опускались, обнаруживая всю носовую его часть, то поднимались, закрывая почти половину корпуса; началась сильная, кипевая качка. Съ боковъ корвета и кормовой части вода видна была только по фосфористымъ блесткамъ, искрившимся на гребняхъ пробѣгавшихъ волнъ, да по ярко свѣтившейся полосѣ кипевой линіи; взборожденная винтомъ парохода вода рассыпалась мпіадами искръ и, выбѣгая изъ-подъ судна, блестѣла огненной лентой на разстояніи нѣсколькихъ сажень.

Къ утру небо стало очищаться отъ тучъ и мглы, звѣзды ярче заблистали, и очертанія береговъ начали открываться. На разсвѣтѣ суда проходили мысъ Адлеръ. Вѣтеръ стихъ; ближайшія свѣжныя вершины стали выплывать изъ голубоватаго, полупрозрачнаго тумана, подобно гигантскимъ островамъ. Къ восходу солнца вершины очистились отъ тумана и облаковъ, хотя внизу, надъ береговыми равнинами, все еще носилось синеватое марево, разсѣявшееся съ первыми лучами солнца, заигравшими на блестящихъ вершинахъ льдовъ.

Берега видны были на далекое разстояніе, и намъ открывался роскошный видъ побережья, заселеннаго племенами убыховъ и джигетовъ. Главный Кавказскій хребетъ, приближаясь къ морю, раздѣляется на три вѣтви, окруженныя отрогами. Изъ нихъ крайняя близко подходитъ къ берегамъ, упираясь въ море крутыми, отвѣсными скатами, тогда какъ средняя, вѣстѣ съ боковыми вѣтвями, спускается полого, въ видѣ терасъ, нагроможденныхъ одна на другую, заканчиваясь у береговъ небольшими равнинами или волнообразными, но не крутыми спусками.

Это побережье въ то время имѣло довольно густое населеніе. Около мыса Адлеръ видны были деревни, разбросанныя по берегу на возвышенностяхъ горныхъ скатовъ. Также, какъ и въ Абхазіи, дворы горцевъ располагались здѣсь среди виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, а вокругъ ихъ разстилались зодотистыя полосы поспѣвавшей пшеницы и зеленые султаны недозрѣлой кукурузы. Помѣщичьи дворы почти всегда расположены на мѣстахъ видныхъ и состоятъ изъ двухэтажныхъ, деревянныхъ домиковъ турецкой постройки. Всякій свободный отъ лѣса и

садовъ уголокъ земли занять хлѣбнымъ полемъ. Въ этихъ мѣстахъ могутъ быть заставляемы всѣ сорта хлѣба, обрабатываемаго въ южно-русскихъ губерніяхъ, какъ-то: пшеница, ямень, овесъ, просо, кукуруза, даже рожь и рисъ. Сады здѣсь замѣчательны по своему плодородію.

Мѣстность, занимаемая убыхами, менѣе открыта со стороны моря: густые лѣса покрываютъ все побережье и подъемы горъ, горные отроги чаще вступаютъ въ долину. Начиная отъ Сочи, берегъ значительно возвышается, образуя у Вардане крутой каменистый скатъ, покрытый густымъ кустарникомъ и отдѣляющійся отъ моря узкою песчаною полосой. Далѣе, скалистые обрывы врѣзываются въ самое море.

Здѣсь, кстати сказать нѣсколько словъ о переселеніи горцевъ и о торговлѣ плѣнными и невольниками.

Переселеніе горцевъ началось еще съ весны 1863 года. Нѣсколько турецкихъ вочермъ, перевозившихъ ихъ, были захвачены нашими крейсерами и доставлены въ Сухумъ; но случалось, что, при попутномъ вѣтрѣ, онѣ уходили. Одна изъ нихъ была поймана шхуной, экипажъ которой былъ малочисленнѣе горцевъ, бывшихъ на суднѣ. Случилось такъ, что одинъ удачный выстрѣлъ перебилъ мачту турецкаго судна, и когда черкесы было ваялись за весла, то ихъ скоро догнали. По требованію крейсеровъ, они сбросили все оружіе въ море и были на буксирѣ доставлены на станцію.

Захваченныхъ черкесовъ сначала обмѣнивали на нашихъ плѣнныхъ, бывшихъ въ горахъ: давали по два человѣка за одного русскаго. Последніе привозились въ самомъ жалкомъ видѣ, полунагіе и пануренные. Большая часть изъ нихъ были солдаты и казаки, остальные—крестьяне внутреннихъ губерній, заходившіе на Кубань для работъ. Въ числѣ ихъ находился мальчикъ, одиннадцати лѣтъ, прожившій въ горахъ три года, послѣ того, какъ его взяли въ плѣнъ, гдѣ былъ убитъ его отецъ; маленкій плѣнникъ говорилъ на горскомъ нарѣчій не хуже черкеса. Крестьянка Саратовской губерніи, лѣтъ тридцати пяти, взятая въ казачьей станицѣ, пробыла въ горахъ около восьми лѣтъ; по выходѣ изъ неволи, она заразилась горскими привычками и безпрестанно курила табакъ изъ глиняной трубы съ короткимъ чубукомъ. По рассказамъ выходцевъ, большинство черкесскихъ женщинъ, во время отсутствія мужей, злоупотребляютъ этимъ зельемъ до одуренія.

Русскіе невольники и невольницы выходили и вывозились изъ горъ въ Сухумъ-Кале и Гагры; при началѣ выселенія горцы иногда отпускали ихъ добровольно. Солдаты и казаки снабжали плѣнныхъ бѣльемъ и

одеждою, взаимѣнъ лохмотьевъ, вынесенныхъ изъ горъ. Поэтому, въ городѣ можно было нерѣдко встрѣтить оборванные личности въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ. Припоминаю еще одного старика, бывшаго въ неволѣ 28 лѣтъ; служа на Кубанской линіи въ пѣхотномъ полку, онъ былъ взятъ въ плѣнъ почти рекрутомъ. Проживъ въ горахъ столь долгое время, онъ сталъ совершеннымъ горцемъ, съ бритой головой, съ привычками и взглядами черкеса; не смотря на то, что ему было только 52 года отъ роду, онъ казался семидесятилѣтнимъ старикомъ; тяжкая неволя, изнурительныя работы и побои за попытки къ побѣгамъ преждевременно состарили его, согнули станъ и изобразили лицо морщинами; по-русски онъ говорилъ плохо, причемъ на половину принималъ черкесскія слова.

Освобожденныхъ, если то были солдаты или казаки, сейчасъ же отправляли въ полки, а остальныхъ—кто куда пожелаетъ. Самое большое число плѣнныхъ, обмѣненныхъ и вышедшихъ изъ горъ, были жители одной казачьей станицы на р. Лабѣ, которая, года за три до того, была разграблена напавшими на нее горцами, причемъ уведено значительное число стариковъ, женщинъ и дѣтей. Далѣе, вслѣдствіе того, что черкесамъ трудно было покупать нашихъ плѣнныхъ въ другихъ обществахъ для обмѣна, оставшихся необмѣненными горцевъ освободили, а къ осени 1863 года, было сдѣлано распоряженіе, чтобы переселенію горцевъ больше не препятствовать, о чемъ и объявлено обществамъ.

Кромѣ переселенцевъ, въ теченіе этого же лѣта было поймано два судна съ невольниками: дѣвочки отъ 9-ти до 16-ти лѣтъ и мальчики отъ пяти до 12-ти. Между ними были и двѣ женщины, также черкешенки. На одной кочермѣ находилось этого товара 36 *голово*, а на другой болѣе 20. Дѣвушки почти всѣ были красивы и стройны. Но, по причинѣ обычая, существующаго въ нѣкоторыхъ племенахъ, зашивать съ семи лѣтъ талии въ корсеты и не снимать ихъ до выхода замужъ или до совершеннаго возраста, онѣ вырастаютъ безобразно тонкими. Большинство изъ нихъ имѣли волосы русые и даже золотистые, съ совершенно правильнымъ лицомъ, какъ и вообще у всѣхъ жителей горъ Западнаго Кавказа, принадлежавшихъ къ индо-европейской расѣ, не смѣшанной съ тюркской породой.

Почти всѣ малолѣтніе невольники и невольницы были проданы родителями. По рассказамъ, прежде продавались тамъ только плѣнные внопѣрцы, а затѣмъ вошелъ обычай захватывать людей въ другихъ селеніяхъ и обществахъ, даже во время мира. Ловкость и проворство горцевъ въ этомъ ремеслѣ, какъ впрочемъ и во всякомъ другомъ воровствѣ, считались почетомъ и молодецествомъ. Съ теченіемъ времени, спросъ на

живой товаръ усилился и особенно плѣнницы становились дороже, по большому требованію ихъ для наполненія гаремовъ сосѣдей — турокъ. Поэтому горцы, не довольствуясь захватомъ чужихъ дѣтей, начали продавать и своихъ, отчасти изъ корыстолюбія, отчасти побуждаемые тѣмъ, что проданныя могутъ имѣть блестящую участь, такъ какъ дѣвушки нерѣдко попадали въ серали султана или знатныхъ людей, а пѣзъ мальчиковъ, поступавшихъ сначала въ прислугу къ богачамъ, а затѣмъ въ отборныя войска, при покровительствѣ вельможъ, выходило много лицъ, еще и въ настоящее время занимающихъ важныя и почетныя должности въ Портѣ, Тунисѣ и Египтѣ.

Распространеніе этой торговли заставило горцевъ дѣлать набѣги и на землю христіанъ. Но въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, лицъ, захваченныхъ въ Мингреліи, Самураканіи и Осетіи, нельзя уже было продавать въ Турцію, такъ какъ съ учрежденіемъ нашихъ консульствъ въ важнѣйшихъ пунктахъ турецкаго черноморскаго побережья и въ ближайшихъ городахъ, плѣнники могли являться къ консуламъ и возвращаться въ Россію. Такъ, въ 1862 году, одна дѣвушка, принадлежавшая къ непокорному племени шапсуговъ, явившись въ трезизондское консульство, объявила, что три года тому назадъ, она была украдена изъ дому родителей и продана. По сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, она была доставлена въ Сухумъ и отправлена на родину.

Особенно сильно была развита торговля плѣнными у горцевъ, жившихъ близъ береговъ, гдѣ для нихъ было болѣе удобствъ вести это дѣло, чѣмъ для жителей горныхъ обществъ, которые должны были вести торговлю черезъ посредниковъ. Не въ далекомъ разстояніи отъ Гагръ, въ 1861 году, поймалъ горецъ, шедшій ночью берегомъ моря, съ двумя грудными дѣтьми. Повидимому, онъ пробирался изъ Джигетіи въ Абхазію; ребятишекъ онъ несъ, посадивши на переметвыя сумы и переплывъ ихъ черезъ плечо. Солдаты, схвативши вора, отобрали у него дѣтей, за которыми черезъ нѣсколько дней явились родители, по сдѣланному заявленію въ ихъ общества. Невольниковъ и невольницъ, захваченныхъ крейсерами, также обмѣнивали на нашихъ плѣнниковъ, хотя то было и противъ желанія ихъ. Ни одна изъ дѣвочекъ не была рада возвратиться въ горы, такъ какъ ихъ снова ожидала участь быть проданными.

Съ того времени, какъ черкесы начали съ семействами эмигрировать въ Турцію, прекратился и вывозъ изъ горъ дѣвочекъ, а затѣмъ уничтожилась и плѣннопромышленность, существовавшая у восточныхъ береговъ Чернаго моря нѣсколько столѣтій.

Шхуна слѣдовала хотя и не вмѣстѣ съ корветомъ, но на такомъ разстояніи, что оба судна не теряли одно другого изъ виду, причемъ корветъ держался ближе къ берегамъ.

Цѣлью плаванія этихъ военныхъ паровыхъ судовъ было наблюденіе за берегами отъ Гагръ до Новороссійска. Нѣсколько дней ранѣ этого было получено извѣстіе, что въ Требизондѣ ожидается англійскій пароходъ съ порохомъ, боевыми снарядами, оружіемъ и проч., который тамъ долженъ сгрузить ихъ на турецкія кочермы для доставки въ землю непокорныхъ горцевъ.

Когда подтвердилось это извѣстіе, съ присовокупленіемъ къ нему, что пароходъ перекладываетъ свой грузъ на двѣ кочермы, которыя въ скоромъ времени должны пуститься въ путь, то наличныя суда, находившіяся при сухумской морской станціи, были тотчасъ же назначены для крейсества. Военная контрабанда, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ доставлялась сюда чрезъ Турцію; но въ 1861 — 1863 годахъ, когда всѣ горныя общества вели энергическую войну противъ нашихъ отрядовъ, двигавшихся хотя и медленно, но непрерывно въ глубину горъ, ввозъ ея значительно успился. Кромѣ пороха и свинца, сюда доставлялось значительное число повторительнаго оружія, съ патронами къ нему, и привозились даже орудія. Въ послѣднее время войны, очень многіе изъ горцевъ обзавелись револьверами, вмѣсто пистолетовъ, въ дорогой оправѣ, съ золотой и серебряной насѣчкой и обдѣланныхъ въ словенскую кость.

Ожидаемыя кочермы съ военными снарядами, по предположенію, скорѣе всего могли пристать къ убухскимъ береговымъ селеніямъ, жители которыхъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ турками; почему тутъ и слѣдовало сосредоточить наблюденіе, давши знать объ этомъ новороссійской морской станціи.

Мы подходили къ Сочѣ.

Начиная съ 1830 года, наше правительство старалось упрочить свою власть на берегахъ непокорныхъ горцевъ и не допускать сношеній съ ними турокъ. Со времени вступленія въ Гагры по 1840 годъ, занята была цѣлая линія укрѣпленій до Новороссійска. Не смотря на то, что черкесы отчаянно защищали свои берега, дѣлали частыя нападенія, и даже штурмовали и уничтожали наши форты, линія эта удержалась до марта 1854 года. Всѣ занятыя нами пункты сообщались между собой моремъ, на судахъ, и большею частію на азовскихъ баркасахъ.

Желая завести мѣховую торговлю съ жителями горъ, которую послѣдніе до тѣхъ поръ вели съ турками, во многихъ укрѣпленіяхъ были

учреждены мѣстовые дворы, куда доставлялись всѣ необходимые для горцевъ предметы. Кромѣ того, отпускалось отъ казны ежегодно большое количество соли — продукта, получавшагося горцамъ также отъ турокъ. Во многихъ мѣстахъ горцы охотно вступали въ торговые сношенія; на товары, требовавшіеся для нихъ, они мѣняли свои пронаведенія, прѣлажаая не только пзъ окрестныхъ селеній, но даже изъ далекихъ обществъ, близъ которыхъ не существовало подобныхъ рынковъ.

Но такая мѣра мало способствовала, такъ сказать, *прирученію черкесовъ*; они были мирными или считали себя такими до тѣхъ поръ, пока были на мѣстовыхъ дворахъ; удовлетворивъ свои надобности, забравъ товаръ и выйдя изъ укрѣпленія, горецъ становился снова хищникомъ и врагомъ русскихъ. Нѣкоторыя селенія иногда изъявляли покорность и считались мирными, но, конечно, до перваго волненія, возбужденнаго между ними какимъ нибудь агитаторомъ или вмѣшательствомъ сосѣдей. Мирныя отношенія черкесовъ органичивались только тѣмъ, что они, въ теченіи нѣкотораго времени, не нападали открыто на наши укрѣпленія, не считая, впрочемъ, за преступленіе убивать часовыхъ, хищнически подползая къ фортамъ. Одиночные люди вѣѣ форта были также не въ безопасности; ихъ убивали или забирали въ плѣвъ и продавали въ дальнія горныя общества.

Вслѣдствіе этого, наши укрѣпленія по берегу моря оставались всегда въ изолированномъ положеніи; вѣѣ стѣнъ укрѣпленій невозможно было устроить не только какой-нибудь слободки, но даже нельзя было завести никакой хозяйственной постройки; это сильно стѣсняло наши гарнизоны. Замкнутые среди стѣнъ укрѣпленія, они были отчуждены отъ остальнаго міра. Да и въ самомъ укрѣпленіи никто не былъ гарантированъ, ни днемъ ни ночью, отъ шальной пули какого-нибудь абрека, застѣвшаго на возвышенности и совершавшаго канда за убитаго, гдѣ нибудь въ стычкѣ съ русскими войскамъ, родственника.

При нѣкоторыхъ фортахъ, во избѣжаніе подобныхъ случаевъ, были построены изъ кирпича и камня отдѣльныя башни. Для этого забирались открытыя возвышенныя мѣста, откуда впадали были пути и подступы къ фортамъ. Но сообщеніе съ такими пунктами возможно было не иначе, какъ только по рву, проведенному отъ башни къ укрѣпленію. Иначе, горцы подстерегали смѣны карауловъ и нападали на нихъ.

Въ 1840 году, черкесы съ особеннымъ ожесточеніемъ нападали на наши укрѣпленія, собираясь огромными скопищами, причемъ ваяты были: Вельминовское, при устьѣ р. Туапсе, Лаазаревское, при р. Псевауане, а ватѣмъ Михайловское, на устьѣ р. Вулани, и Николаевское. Эти укрѣп-

ленія пали вслѣдствіе малочисленности гарнизоновъ, въ которыхъ третья часть была больныхъ, а также вслѣдствіе ветхости валовъ укрѣпленій.

Приведу, кстатѣ, одинъ изъ примѣровъ отчаянной обороны нашихъ войскъ. Фортъ Навагинскій (у Сочи), одно изъ самыхъ малыхъ полевыхъ укрѣпленій, бывшихъ на Черноморской береговой линіи, въ продолженіе весны 1840 года, подвергался неоднократнымъ нападеніямъ; но, всякій разъ, покушенія горцевъ были отбиваемы успѣшно. Однажды, пользуясь темнотою ночи и шумомъ бурн, черкесы, незамѣченные часовымъ, подползли къ укрѣпленію и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, внезапно бросились къ нему съ лѣстницами и крючьями. Неожиданность нападенія помогла имъ овладѣть частью вала и ворваться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ самое укрѣпленіе. Военскій начальникъ капитанъ Подгурскій и поручикъ Яковлевъ, съ частью гарнизона, первые встрѣтили нападеніе. Но горсть храбрецовъ была подавлена многочисленностью нападавшихъ и парублена. Тѣмъ не менѣе, собравшійся гарнизонъ дружно ударилъ въ штыки на горцевъ и опрокинулъ ихъ за валъ. На другихъ фасахъ, также атакованныхъ непріятелемъ, нападеніе отражали состоявшіе при фортѣ нестроевые и даже больные, оставившіе лазаретъ безъ всякихъ приказаній, по собственному побужденію. Бой длился около трехъ часовъ, т. е. до самого разсвѣта; черкесы пытались не разъ снова взобраться на валъ, но каждый разъ были отбрасываемы назадъ. Видя неудачу, они удалились, оставивъ въ самомъ укрѣпленіи значительное число убитыхъ и раненыхъ.

Подходя къ бывшему укрѣпленію Навагинскому, корветъ шелъ весьма близко отъ береговъ, на ружейный выстрѣлъ. Изъ-за полуразрушенныхъ каменныхъ стѣнъ форта сдѣлано было по насъ нѣсколько винтовочныхъ выстрѣловъ, не ранившихъ, впрочемъ, никого. Брошенное туда ядро и нѣсколько штурцующихъ пуль заставляли горцевъ скрыться въ лѣсу.

Отъ Сочи мѣстность становится лѣсистѣе и потому угрюмѣе равнинъ Джигетин. Небольшія хижинны или клочки зеленѣющаго поля показывались здѣсь лишь нарядка. Только на границѣ земель убыховъ и шапсуговъ, на самомъ берегу моря, въ незначительной бухтѣ, расположилось торговое мѣстечко, гдѣ приставали контрабандныя суда и проживали турки и горцы, служившіе агентами для сношеній съ внутренними аулами черкесскихъ обществъ. Мѣстечко совсѣмъ не походило на деревню, обыкновенно разбросанную между садами; напротивъ, домики въ немъ тѣсно сплочивались между собой, раздѣляемые только тѣсными улицами. Тутъ были ряды лавочекъ, а также зданія, каменные и турлучныя, съ плоскими или односкатными глиняными крышами. Въ мѣ-

стекля продавался мануфактурный и вообще мелочной товаръ, приспособленный къ немногосложнымъ потребностямъ суроваго быта горцевъ. Сюда, большею частью, привозилась соль, доставлявшаяся въ горныя общества уже сухимъ путемъ.

Подходя къ бухтѣ, корветъ сталъ держаться подальше отъ береговъ, такъ что мѣстечко трудно было рассмотреть; мы видѣли его вблизи, уже на обратномъ пути. Сзади мѣстечка располагались сады, которые почти скрывали прилегающее къ нему селеніе мѣстныхъ жителей, тянувшееся по ложбинѣ и закрытое высотами. Нѣсколько далѣе чернѣло устье глубокаго и крутаго ущелья, уходящаго въ горы, по которому р. Туапсе вливалась въ море. При устьѣ этой рѣчки, до 1854 года, находилось укрѣпленіе Вельяминовское.

Туапсе, пдущая изъ глубины хребта, одна изъ значительнѣйшихъ рѣкъ въ землѣ непокорныхъ горцевъ. При устьѣ она образуетъ значительный и довольно глубокой заливъ, съ берегами, закрытыми съ моря лѣсомъ. Фарватеръ рѣки на столько глубоокъ, что туда могли проходить турецкія кочеры, нагруженные товаромъ; эти кочеры возвращались обратно съ грузомъ кукурузы и невольниковъ. Въ послѣдніе годы, мѣстечко служило чѣмъ-то въ родѣ депо для плѣннопромышленниковъ.

Въ заливѣ Туапсе скрывалась также цѣлая флотилія небольшихъ гребныхъ судовъ, на которыхъ горцы выѣзжали на грабежъ въ море. Примѣтивъ не въ далекомъ разстояніи отъ береговъ русское судно, они часто подстерегали его. Наши торговые шхуны и клиперы, употребляемые для каботажнаго плаванія въ Черномъ морѣ, почти всегда можно отличить, какъ только они покажутся на горизонтѣ, отъ турецкихъ кочеръ и фелукъ. Послѣднія продолговаты и узки, какъ и кочеры, и съ одною мачтою, тогда какъ русскія суда строятся съ двумя и тремя мачтами. Особенно опасно было послѣднимъ показываться въ зимнее время, когда горный нордъ-остъ становится недействительнымъ противъ теченія сильныхъ вѣтровъ съ моря, а лѣтомъ—при штеляхъ.

Примѣтивъ такое судно, горцы дожидались ночи, садились на свои легкія галеры и, пользуясь темнотою, окружали его. Изъ всѣхъ купеческихъ судовъ, подвергавшихся такому нападенію, только одному удалось уйти отъ пиратовъ, пользуясь подувшимъ въ это время попутнымъ вѣтромъ. Горцами даже было сдѣлано нападеніе на казенный парусный транспортъ, везшій камень изъ Севастополя на постройку адмиралтейскихъ зданий при сухумской морской станціи. Завязавъ ружейную перестрѣлку, матросы едва успѣли отбиться отъ значительнаго числа черкесовъ, помѣщавшихся на стругахъ, вытащивъ изъ трюма одно изъ бывшихъ тамъ орудій, назначенныхъ къ вооруженію судна, но за не-

годностью составлявшихъ баластъ судна. Нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ (сдѣланныхъ за неимѣніемъ боевыхъ) заставили разсѣяться горцевъ и удалиться къ берегу.

На зашитлѣвшихъ коммерческія суда горцы нападали даже днемъ, такъ какъ на тавихъ судахъ обыкновенно находилось не болѣе 4—8 чело-вѣкъ матросовъ, быть можетъ и имѣвшихъ въ запасѣ оружіе и боевые снаряды, но не всегда умѣвшихъ обращаться съ нимъ. Окруживъ шхуну, пираты хваталсь за борты брючьями и всходили на нее, а забравъ людей и какой можно грузъ, зажигали судно. Въ послѣдніе три года, предшествовавшіе выселенію, случаи ограбленія повторились не разъ.

Послѣднимъ изъ захваченныхъ горцами въ этомъ мѣстѣ судовъ была шхуна «Св. Николай», на которой находилось только четыре матроса. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ при abordажѣ, остальные забраны вмѣстѣ съ грузомъ, но хитрости не успѣли зажечь судно, вѣроятно, въ виду показавшагося въ морѣ парохода, или же, зажигая второпяхъ, не дождались, пока оно загорится. Его выбросило на берегъ близъ Батума, недалеко отъ нашей границы, а плѣнныхъ матросовъ «Св. Николая» обмѣняли впоследствии въ Сухумѣ.

Осенью 1863 года, одинъ изъ корветовъ сухумской ставціи, крейсируя вдоль этихъ береговъ, подошелъ къ устью Туапсе и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій по кочермамъ, стоявшимъ на открытомъ мѣстѣ залива и по берегамъ его, скрывавшимъ гребную флотилію черкесовъ. Къ удивленію, съ берега начали отвѣчать тоже пушечными выстрѣлами и притомъ такъ удачно, что пароходъ долженъ былъ отойти отъ берега.

«Креchetъ» шелъ медленно и, при попутномъ вѣтрѣ, поднималъ паруса, уменьшая пары на столько, на сколько это было возможно, что дѣлалось не изъ экономіи, а для занятій экипажа ученіями⁽¹⁾, да ему и поспѣвать не предстояло надобности.

За мысомъ Туапсе начинало темнѣть; корветъ отошелъ отъ береговъ и, пройдя нѣсколько миль, легъ въ дрейфъ, оставаясь до разсвѣта на мѣстѣ. Съ наступленіемъ утра мы продолжали плаваніе, приблизясь снова къ матерку на близкій пушечный выстрѣлъ.

Эти мѣста заселены шапсугами, принадлежащими къ одному изъ храбрѣйшихъ кавказскихъ племенъ, не уступающему убыхамъ, славившимся своею удалію между обществами западныхъ горъ. Ауловъ почти не было видно близъ морскихъ береговъ; они лѣпились по ближайшимъ

(1) Черноморскіе вѣнтовые корветы были такой же танельажъ, какъ у парусныхъ судовъ, почему, при вѣтрѣ, они могли идти безъ паровъ.

ущельямъ и долинамъ рѣкъ. Лѣсовъ было мало; голые скаты, состоящіе большею частью изъ сѣраго и желтаго суглинка, всюду подходятъ къ морю крутыми спусками или отвѣсными обрывами, придавая мѣстности суровый и печальный видъ. Противъ Новороссійска, на восторѣ, были замѣтны большія движенія; на горизонтѣ показывались суда, слѣдовавшія отъ Анапы и фанаторійскихъ береговъ въ Одессу, Севастополь и проч.

Къ Цемесской бухтѣ, называвшейся по-турецки Суджакъ-Кале, мы подошли часовъ около 11 утра. Бухта эта, сначала тупымъ угломъ входящая въ материкъ, въ послѣдствіи загибается къ сѣверо-западу и потому недоступна морскимъ волненіямъ. Но за то изъ близлежащаго ущелья, періодически, съ страшной силой вырываются ураганы, павѣстные подъ названіемъ «борры», и хотя они бывають рѣдко, но весьма опасны для судовъ. При первыхъ признакахъ, предшествующихъ урагану, всѣ суда слѣдуетъ оставить поскорѣе гавань и выйти въ открытое море.

На мѣстѣ лежащаго при бухтѣ, нынѣшняго Новороссійска существовала прежде турецкая крѣпость Суджукъ-Кале (¹). Во время войны, начатой съ турками въ 1807 году и оконченной въ 1812 году, русскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рудаевича, 20-го декабря 1810 года, занялъ эту крѣпость, но, по обстоятельствамъ, вскорѣ долженъ былъ ее оставить. По заключеніи мира, Суджукъ-Кале была снова занята турками, а послѣ адрианопольскаго трактата 1830 года, оставлена ими и возобновлена русскими въ 1837 году, при открытіи дѣлій черноморскихъ береговыхъ укрѣпленій. Такъ какъ при крѣпости существовало и торговое поселеніе, то Новороссійскъ былъ сдѣланъ заштатнымъ городомъ. Въ мартѣ 1854 года, послѣ трехдневнаго бомбардированія эскадрой англо-французскаго флота (съ 28-го февраля по 3-е марта), городъ и крѣпость были оставлены, а по окончаніи восточной войны, укрѣпленіе снова занято русскими войсками и названо Константиновскимъ; въ послѣдствіи мѣстечку было присвоено прежнее названіе г. Новороссійска.

Во время нашего посѣщенія, укрѣпленіе Константиновское считалось чѣмъ-то въ родѣ порто-франко; въ видахъ привлеченія сюда торговцевъ и промышленниковъ, а также съ цѣлью заселенія этой лучшей гавани на всемъ берегу, здѣсь былъ дозволенъ безошланный ввозъ сахару, табаку, вина и разныхъ бакалейныхъ товаровъ.

Послѣ остановки корвета на якорѣ противъ воротъ крѣпости, я съѣхалъ на барказѣ на берегъ. Побродивъ около часу по базару и мѣ-

(¹) Въ буквальной переводъ: «козбасная крѣпость».

стечку и встрѣтивъ знакомыхъ азовскихъ казаковъ, служившихъ при станціи, я возвратился на пароходъ.

Здѣсь на бакѣ шла оживленная бесѣда; въ тѣсной группѣ стрѣлковъ ораторствовалъ бывалый матросъ.

— А вотъ, еще до войны, былъ тутъ случай, говорилъ морякъ. — Началъ дуть вѣтеръ съ горъ. А въ бухтѣ, въ тѣ поры, стояло много купецкихъ судовъ и турецкихъ кочермъ, да два нашихъ военныхъ судна: шхуна, да тендеръ парусные. Видно было, что начинается «бора»; здѣшніе моряки, какъ только почували приближеніе ея, сейчасъ же давай уходить отъ Новороссійска, а кочермы вытаскивать на берегъ; остались въ бухтѣ лишь наши суда на мертвыхъ якоряхъ; якоря эти никогда не вытаскиваются; когда уходить суда, они отъ нихъ только отвязываются, а по приходѣ на мѣсто опять закрѣпляются. Поймевъ паруса и закрѣпивъ снасти, командиры понадѣялись на якоря и остались въ бухтѣ. Вотъ, братцы, поднялся и самый ураганъ, волны бросало выше бортовъ и выкатывало ихъ на берегъ со страшнымъ шумомъ; а дѣло-то было зимой. И хошъ тутъ зимы бывають самыя легкія, почти безъ снѣгу и безъ морозу, но когда только поднимается «бора», дѣлается лютой морозъ, отъ холоднаго вѣтра изъ горъ; такъ было и на этотъ разъ. Шхуну и тендеръ начало подбрасывать на всѣ стороны. Волны стали хлестать черезъ палубу; командиръ шхуны видитъ — бѣда: отрубилъ канаты и пустилъ судно на берегъ. Когда несло шхуну, капитанъ ея закричалъ въ рупоръ на тендеръ: «рубите канаты у якорей и спасайтесь». Но командиръ тендера отвѣтилъ, что у него канаты надежныя, выдержатъ и не такой штормъ. Шхуну выбросило на берегъ противъ укрѣпленія, и хотя сильно ее повредило, но людей всѣхъ успѣлъ спасти. На тендерѣ же позакрыли люки, потому на палубѣ уже не было моготы (') держаться, валы цѣлыми горами переваливались черезъ нее, чуть не до половины закрывали мачту; люди же были въ серединѣ. Подъ конецъ, командиръ видитъ, что нельзя держаться дальше, приказалъ было рубить якорные канаты, да ужъ поздно было: на всѣхъ канатахъ, реляхъ, на всякой веревкѣ понамерзало столько льду, что они стали толстыми бревнами; на палубѣ льду были цѣлыя горы. Стали было ледъ этотъ срубать, но онъ сейчасъ же намерзалъ опять; топоры покрывались льдомъ, люди также леденѣли и не могли дѣйствовать; рабочихъ смывало въ море. Около мачты, вверху, на канатахъ и парусахъ, отъ доходившихъ туда валовъ и брызговъ, также понамерзало много льду, который сталъ топить тен-

(') Мочи или возможности.

деръ... Бѣднякамъ-матросамъ больше ничего не оставалось дѣлать, какъ плотнѣе закупорить люки и ждать, что будетъ; такъ они и сдѣлали; но вода все-таки набралась въ середину, и тендеръ пошелъ ко дну. На другой день буря стихла, волненіе улеглось, отъ затопшаго судна виднѣлась лишь вершина мачты. Когда черезъ нѣсколько дней подняли тендеръ изъ воды, то нашли почти всю команду въ общей каютѣ, одѣтую въ чистыхъ рубашкахъ и сидѣвшую, прислонясь спицами къ бортовымъ стѣнамъ; видно было, что сердешные заранѣе догадались о своей участи и приготовились къ смерти...

Изъ Цемесской бухты мы вышли обратно къ Сухуму, часа въ четыре или пять по полудни.

Во время пути, морякамъ всегда производились ученія и тревоги. Матросы были заняты своимъ дѣломъ, а стрѣлки, дивясь быстротѣ, съ какой они поднимались на вершины гротъ и бизань-мачтъ, болтали между собою.

— Тебя, Ивановъ, нашъ ротный считаетъ лучшимъ гимнастеромъ, ну-ка, попробуй побѣгать по канатной лѣстницѣ, какъ вотъ матросы, говорилъ лѣхотный унтеръ-офицеръ одному изъ солдатъ, смотрѣвшихъ на ученіе.

— По лѣстницѣ-то пробѣжать ништо, небольшая важность, отвѣтилъ Ивановъ,—а вотъ по поперешнымъ брускамъ на мачтахъ бѣгаютъ они ловко. Смотри-ка, точно кошка цѣпокъ; на самый верхъ лѣзетъ; тамъ ужъ чай и лѣстницы нѣтъ.

Въ это время на суднѣ поднялась суета; убрали паруса, спускали шлюпки, качали воду. Заинтересованный стрѣлокъ подошелъ къ якорю, вышедшему подышать свѣжимъ воздухомъ.

— А что эвто, землячскъ, у васъ теперь дѣлается?

— Этто тревога на пожаръ, объясняетъ матросъ.

— А пожару-то еще нѣтуті? спрашиваетъ съ нѣкоторымъ испугомъ стрѣлокъ.

— Нѣтъ, это только ученіе, успокоиваетъ морякъ.

— Посмотрите, братцы, псѣ бѣгаютъ, а бѣдный-то юнкерокъ спидтъ на самой верхушкѣ мачты, слышится голосъ изъ другой группы.— Зачѣмъ это его, бѣднягу, такъ высоко посадили?

— Должно за наказаніе, отлѣтилъ горнистъ.

— Сказано за провинку, за что же больше туда посадятъ?

— Вишь онъ какъ ловко оскдлалъ верхнюю-то перекладину; и не страшно небось ему смотрѣть съ такой высоты внизъ...

Ученіе кончилось. Начали спускаться сумерки, сначала на море, а

затѣмъ на горы Кавказа. На корветѣ пробили зорю и скоро все смолкло. Судно пошло тихимъ ходомъ по сонному морю.

Съ разсвѣтомъ корветъ и шхуна медленно двигались, сближаясь съ берегами. Подойдя къ мѣстечку, при устьѣ Туапсе, на ближайшій штуцерный выстрѣлъ, мы замѣтили между постройками береговаго селенія оживленное движеніе и суету, которыя, однако, прекратились при нашемъ приближеніи, и городокъ, казалось, погрузился въ непробудный сонъ. На щепѣ, противъ базара, однако, стояли дѣлѣ кочерымы, другія двѣ мѣрно покачивались на водѣ.

Тогда суда, выстроившись въ линію, открыли бомбардированіе, продолжавшееся вплоть до 20. Стрѣляли ядрами, граватами и даже пушено было нѣсколько бравдсугелей. Снаряды эти, попадая въ дома, поднимали цѣлыя столбы пыли отъ глины и земли; камни сыпались въ разныя стороны, стѣны валялись, но въ мѣстечкѣ не было ничего видно и слышно, кромѣ взрывовъ допавшихся граватъ, разбитыхъ и раздавленныхъ стѣнъ, да срываемыхъ ядрами земляныхъ крышъ. Артиллеристамъ, какъ видно, хотѣлось зажечь мѣстечко, по земля, камни и глина не поддавались огню.

Затѣмъ, съ правой стороны селенія, въ кустарникахъ, слышались слабыя чики и открылась ружейная пальба; но пули до судовъ не долетали или ложились на палубу обезсиленные. Дальше началъ показываться дымокъ изъ ближайшихъ къ берегу домиковъ; нѣкоторые смѣльчаки выбѣгали подъ крайнія развалины стѣнъ и залегали въ неровностяхъ берега. Но и оттуда винтовки горцевъ не могли намъ наносить вреда.

Замѣтно было, что черкесы прибрежныхъ селеній, слышавъ выстрѣлы, сбѣгались къ мѣстечку со всѣхъ сторонъ; но они мало показывались и, во все время его погрома, съ ихъ стороны слышалась слабая пальба. Вѣроятно они ожидали, не вздумаемъ ли мы высадиться на берегъ, и потому, съ намѣреніемъ, выказывали свою явную малочисленность, чтобы, дождавшись удобнаго случая, броситься на насъ въ шашки. Пароходы продолжали стрѣлать по мѣстечку и его окрестностямъ, гдѣ только показывались горы.

Во все время орудіейной пальбы, продолжавшейся болѣе часу, въ мѣстечкѣ не загорѣлось ни одного зданія; гдѣ то далѣе, въ прилегавшемъ аулѣ, мѣстахъ въ двухъ показался дымъ и огонь. Роскошнымъ садамъ, видѣвшимся зади базара, вѣроятно досталось больше всего. Кочерымы, стоявшія на берегу и въ водѣ, были разбиты или получили важныя поврежденія. Окончательно побить ихъ въ щепы помѣшала

качка, поднявшаяся отъ свѣжѣшаго вѣтра. Затѣмъ, суда отошли отъ берега, прекративъ пальбу. Чѣмъ дальше мы удалялись отъ мѣстечка, тѣмъ больше появлялось народу на берегу, и пока мы отошли версты на полторы, весь берегъ былъ устѣянъ конными и пѣшими черкесами, съ гиками выбѣгавшими изъ-за кустовъ.

Оба судна продолжали идти впередъ, то медленно удаляясь отъ береговъ, то снова подходя къ нимъ. Прибрежье Джигетин растопилось передъ нами роскошнымъ ковромъ. Плодородіе почвы этой мѣстности замѣчательно и климатъ, способствующій пропаренію вѣтвистыхъ плодовъ жаркаго пояса, въ то же время благопріятенъ и для урожаа хлѣбныхъ растений. Спѣлыхъ жаровъ, каковы въ Мингрелии или Имеретин, здѣсь не бываетъ, такъ какъ воздухъ охлаждается теченіями вѣтровъ, днемъ—морского, а ночью—съ горъ.

Лѣса этого прибрежья, застилающіе скаты, ущелья и нижніе отроги, могутъ быть вывозимы въ безлѣсный Крымъ и Новороссійскій край. Не говоря уже о возможности скорого и успѣшнаго разведенія фруктовыхъ садовъ, здѣсь, въ запачтительномъ количествѣ, встрѣчаются *негмой* (по мѣстному красное дерево), кавказская пальма (самшитъ) и орѣхъ. Отпуска самшита и орѣха, изъ Абхазіи въ Турцію, составлялъ одну изъ значительнѣйшихъ торговыхъ операций края. Красное дерево, обильно растущее на берегу моря и на возвышенностяхъ горъ, въ особенности выгодно для края; оно вывозилось и въ Россію. Дубовые вѣковые лѣса на столько годны для кораблестроенія, что во многихъ мѣстахъ абхазскихъ береговыхъ пунктовъ турки занимались постройками своихъ кочермъ и фелукъ. Съ проведеніемъ дорогъ въ горы и заселеніемъ края, раскроются его минеральныя богатства, которые находятся въ нѣдрахъ земли и не могутъ быть эксплуатиремы по случаю дикости и ненаселенности края.

Въ гагринскій рейдъ мы вошли ночью, а съ разсвѣтомъ сгрузили на берегъ стрѣлковъ.

По выходѣ оттуда, суда держались далеко отъ береговъ. Часовъ въ 11 дня, на высотѣ Бомборскаго мыса показалась небольшая турецкая кочерма, державшая направленіе къ абхазскимъ берегамъ. Пароходъ, прибавивъ ходу, пошелъ на перерѣзъ ея пути, но послѣдняя, неизвестно почему, поворотила въ море. «Кречеть» также перемѣнилъ направленіе и, подойдя къ кочермѣ версты на двѣ, далъ сигнальный выстрѣлъ изъ передняго орудія, послѣ чего на суднѣ, съ мачты судна, слетѣлъ внизъ парусъ, и оно остановилось, выславъ къ пароходу гичку со шкиперомъ, предъявившимъ свои документы отъ трезизондскаго консула въ томъ, что онъ съ товарами слѣдуетъ къ Новороссійску. Посланные на кочерму

матросы ничего не нашли на ней подозрительнаго, почему она двинулась своей дорогой, а мы въ Сухумъ-Калѣ.

Тутъ корветъ пошелъ уже быстрее, дѣлая отъ 12 до 14 узловъ въ часъ. Берега Абхазіи пестрѣли зеленымъ ландшафтомъ, ополысывая приподнятые къ морю отроги горъ. Показалось и устье Псырты, съ высокой конусообразной горой, въ видѣ гигантской пирамиды, съ развалинами каменныхъ построекъ на остроковечной вершинѣ. Завидѣлся и Сухумъ съ своей набережной, устланный мачтами турецкихъ судовъ, стоявшихъ длинной шеренгой у берега.

Сухумъ со взморья очень красивъ; каменные, высокія стѣны старой турецкой крѣпости вдались почти въ самое море; за ними, по набережной, видѣется рядъ лавокъ, обращенныхъ лицевой стороной къ рейду, а затѣмъ рисуются казармы линейнаго баталіона. Вправо, карантинная слободка съ казармами № 35 и 36 баталіоновъ, а противъ пристани, на полугорѣ, разбросанныя постройки № 34 баталіона; отсюда зигзагами вьется дорога, ведущая на крутой отрогъ, увѣнчанный небольшимъ редутомъ и землянымъ валомъ.

Наконецъ, загремѣла тяжелая цѣпь якоря, засвистали пары, и «Кречетъ», медленно поворачиваясь, остановился на своемъ мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ продолженіе четырехтысячной кампаніи (') и обозначенномъ плавающимъ сверхъ воды гуськомъ мертваго якоря.

Черезъ годъ послѣ описанныхъ событій, именно въ концѣ апрѣля 1864 года, на мысѣ Адлеръ высадился Сухумскій отрядъ. Зимой 1863—1864 годовъ, войска праваго фланга (отъ рѣки Кубани) находились въ земляхъ непокорныхъ обществъ Западнаго Кавказа. Горцы напрягали послѣднія усилія для сопротивленія; всякій, способный носить оружіе, шелъ въ скопища, собранныя для отраженія нашихъ отрядовъ. Хотя горцы и видѣли невозможность сопротивленія, но рѣшились держаться, какъ говорится, до послѣдней крайности, терпѣливо переноса всѣ тяжести неравной для нихъ борьбы, въ которой погибали ихъ жилища, запасы хлѣба и скотъ. Но, съ началомъ весны, вопиющій жаръ ихъ началъ остывать; жители разоренныхъ ауловъ, сознавая невозможность сопротивленія, начали одинъ за другимъ появлять готовность къ примиренію.

Съ правой стороны горъ, т. е. со стороны Сухума, нашими войсками ничего не предпринималось въ теченіе этой зимы, по дѣлались дѣятельныя приготовленія къ предстоявшей веснѣ. Въ концѣ марта, вой-

(') Командировки судна пзъ Николаева на 4 мѣсяца, на завказскія станціи для крейсирства, назывались у нихъ кампаніями.

ска начали собираться въ Сухумъ, куда прибыли, кромѣ уже тамъ находившихся частей, стрѣлковыя роты всѣхъ линейныхъ баталіоновъ, расположенныхъ въ Грузіи и Дагестанѣ, изъ которыхъ сформированы сводные стрѣлковые баталіоны. Въ составъ отряда, кромѣ трехъ сухумскихъ линейныхъ баталіоновъ и пяти συνο-стрѣлковыхъ, поступили еще: Груанискій, Мингрельскій и лейбъ-Эриванскій гренадерскіе полки, горный ваводъ Сухумской крѣпостной артилеріи и одна батареинная батарея; всего, около 18,000 человекъ, съ десятью орудіями.

Для перевозки этихъ войскъ собрался почти весь транспортный и крейсерный флотъ Чернаго моря, состоявшій изъ 23-хъ судовъ: винтовыхъ корветовъ, шхунъ, паровыхъ и парусныхъ транспортовъ. Последніе, въ числѣ шести, по нагрузкѣ, были буксированы корветами. Эскадра, выйдя одновременно изъ сухумскаго рейда, остановилась противъ бывшаго укрѣпленія Св. Духа, занявъ линію вдоль берега.

Горцы, замѣтивъ приближеніе флота, собрались къ берегу громадною толпой; они выкатывали сюда изъ ближайшихъ ущелій и горныхъ поселеній, въ ожиданіи переселенія въ Турцію, по сдѣланному еще раньше предложенію. Въ то время наши отряды лѣвой стороны горъ прошли землю абадзеховъ, просившихъ уже мира и дозволенія переселиться въ Турцію, и почти безпрепятственно вступили въ терпторію, заселенную убыхами. Последніе мало сопротивлялись и приняли перемиріе на тѣхъ же условіяхъ.

Собравшіеся у мыса Адлеръ черкесы были съ женами и дѣтьми; тутъ же, въ ближайшихъ аулахъ, сложено было ихъ имущество, а стада скота, овецъ и лошадей, которыхъ никто не покупалъ, находились на пастбищахъ.

Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ съ кораблей, горцы, бывшіе на берегу, пали на колѣни, поднимая руки къ верху, въ знакъ того, что они просятъ пощады. Тогда кутаисскій генералъ-губернаторъ первый сошелъ на берегъ, а за нимъ и войска отряда. Часть судовъ была оставлена для перевозки горцевъ; впослѣдствіи сюда же прибыло нѣсколько турецкихъ коммерческихъ кочеръ и военныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ были два фрегата. Часть черкесовъ переселилась въ Азіатскую Турцію, но большинство отправилось въ Азіатскую Турцію. Скотъ и лошади продавались за безцѣнокъ; конь, стоявшій прежде 50 руб., отдавался за 8 руб.; корова—за 3 руб.; овца—за 30 и 50 коп.

Пока перевозили джигетовъ, сухумскій отрядъ двинулся въ обществу Ахчипсоу и Анбга, который, находясь въ самыхъ отдаленныхъ и мало доступныхъ мѣстахъ, куда еще не проникалъ ни одинъ русскій, кромѣ плѣнниковъ, не соглашался мириться на такихъ условіяхъ. Но

серьезныхъ военныхъ дѣйствій здѣсь не предстояло, такъ какъ между жителями оказалось разъединеніе: одни желали мира, другіе хотѣли отстаивать свою независимость до послѣдней крайности. Дѣло окончилось нѣсколькими незначительными перестрѣлками, послѣ чего общества эти смирились и стали приготовляться къ выселенію.

Эти событія были послѣднею агоніею закончившейся войны. Съ окончательнымъ примиреніемъ горцевъ, началась перевозка и остальныхъ племенъ: убыховъ, нутухайцевъ, шапсуговъ, абадзеховъ и медовѣвскихъ обществъ: псховцевъ, ахчипсховцевъ и апба. Надо замѣтить, что въ это время поспѣвавшіе фрукты и созрѣвшіе хлѣба требовали жатвы; больно было переселенцамъ разставаться съ своими горами; переѣзжая на суда, они горько плакали и цѣловали родную землю.

Дальнѣйшая судьба кавказскихъ переселенцевъ извѣстна. Берега, оставленные ими, понемногу заселяются мирными земледѣльцами изъ русскихъ внутреннихъ губерній и частію эмигрантами изъ Турціи: греками и славянами. Послѣ перевозки черкесскихъ племенъ, еще оставалась въ горахъ часть абрековъ, жившихъ тамъ и прежде разбоями, и людей, не хотѣвшихъ разстаться съ родиной, почему, по всему черноморскому побережью и въ ущельяхъ прилегающихъ къ нему горъ, по долинамъ рѣкъ, размѣщены части закавказскихъ линейныхъ баталіоновъ.

С. Смоленскій.